

Археологические вести

— 49 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

49
(2025)

Saint Petersburg
2025

Археологические вести

49
(2025)

Санкт-Петербург
2025

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. В. Хвоцинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

Н. В. Хвоцинская, М. Т. Кашуба, М. Ю. Вахтина, М. В. Медведева, А. А. Пескова, В. А. Лапшин

Издательская группа: Т. С. Дорофеева (редактор), Е. В. Новгородских (редактор), Е. О. Стоянов (переводы)

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. — **Вып. 49** / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. — СПб., 2025. — 224 с.: ил.

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В разделе «Новые открытия и исследования» представлены работы, в которых анализируются разнообразные древности по археологии, нумизматике, палеозоологии и антропологии в широких хронологических и культурных диапазонах. В рубрику «Актуальные проблемы археологии» включены две статьи: в одной рассматриваются результаты палеогенетических исследований на материалах раннеэнеолитических погребений могильника Голубая Криница на Среднем Дону, во второй на основе планировки захоронений в погребальных памятниках бронзового века реконструируются религиозно-обрядовые взгляды населения катакомбной культуры Нижнего Подонья. Отдельный раздел посвящен вопросам историографии и публикации архивных материалов. В выпуске также представлена рецензия на три тома серии «Монетные клады Новгородского музея», впервые вводящие в научный оборот депозиты денег Великого Новгорода XV в. Среди авторов журнала — ученые из различных центров России (Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Симферополя), а также из Чешской Республики (Прага).

The latest issue of Archaeological News includes articles devoted to the latest research in the fields of archaeology, history and culture. The section “New Discoveries and Research” presents works that analyze a variety of antiquities in archaeology, numismatics, paleozoology and anthropology in wide chronological and cultural ranges. The section “Current Problems of Archaeology” includes two articles: one examines the results of paleogenetic studies on the materials of the Early Eneolithic burials of the Golubaya Krinitsa burial ground on the Middle Don, the second, based on the layout of burials in Bronze Age funerary monuments, reconstructs the religious and ritual views of the population of the Catacomb culture of the Lower Don region. A separate section is devoted to issues of historiography and the publication of archival materials. The issue also features a review of three volumes from the “Coin Hoards of the Novgorod Museum” series, which for the first time introduce the 15th century money deposits of Veliky Novgorod into scholarly circulation. The journal’s authors include scholars from various Russian centers (Moscow, St. Petersburg, Yekaterinburg, Rostov-on-Don, Simferopol), as well as from the Czech Republic (Prague).

ISSN 1817-6976

Первая и четвертая страницы обложки — обломок мраморного надгробия, найденного в Таманской станице крестьянином Я. Трениным (КБН 1078), рисунок и эстамп (см. статью П. С. Дрёмовой, с. 212)
First and forth pages of cover — a fragment of the marble tombstone, found in the stanitsa Tamanskaya by the peasant Ya. Trenin (КБН 1078), drawing and estampage (see the article by P. S. Dremova, p. 212)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2025
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2025

Содержание

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>В. Е. Щелинский.</i> Ресурсы каменного сырья и распространение палеолитических каменных индустрий в Приазовье и на Нижнем Дону	7
<i>И. И. Шкрибляк.</i> Курган со вторичными погребениями конца IV — первой половины III в. до н. э. на Петровских высотах в Симферополе	21
<i>И. Ю. Шауб.</i> Граффито-посвящение из поселения Панское-1 и культ Сабазия в Северном Причерноморье	30
<i>В. П. Власов, С. В. Языков.</i> Лепная посуда кизил-кобинского поселения Стена 1 в Юго-Западном Крыму (классификация и типология)	43
<i>В. В. Вахонеев.</i> Терракотовый бюст с надписью из Южного пригорода Херсонеса Таврического	57
<i>А. А. Михеева.</i> Свидетельства археологических источников восточносирийского христианства в Средней Азии (IV — начало XIII в.)	62
<i>Е. Ю. Медникова.</i> Использование моллюсков в строительных технологиях средневековой Руси	75
<i>Е. А. Тянина, В. К. Сингх, О. С. Лебедева, И. А. Воронков, Н. Н. Спаская.</i> «Строительная жертва» середины XIII в. на усадьбе «Ц» Троицкого раскопа (новые данные об обрядах средневековых новгородцев)	82
<i>Е. К. Столярова, И. Н. Еришов, Н. А. Кренке, В. А. Раева, Д. Роганова.</i> Стеклоделательная мастерская XII — начала XIII в. в Смоленске	92
<i>К. В. Горлов, К. В. Хлуднев, К. А. Михайлов.</i> Нумизматические находки из раскопок Центра спасательной археологии ИИМК РАН в Твери на Односторонней улице в 2022 г.	107
<i>И. Г. Ширококов.</i> Невидимая смерть первых строителей Петербурга: результаты сопоставления антропологических, археологических и исторических источников	130

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>А. М. Скоробогатов.</i> Могильник мариупольского типа Голубая Криница — данные археологии и палеогенетики ...	142
<i>А. Ю. Чечина.</i> Типы подкурганной планировки в среднем бронзовом веке на Правобережье Нижнего Дона	148

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>К. В. Горлов.</i> Рецензия на тома IV, V, VI серии «Монетные клады Новгородского музея»	163
--	-----

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Н. А. Берсенева.</i> Подходы к изучению профессиональной специализации в обществе кочевников раннего железного века Южного Урала по данным погребального обряда: краткий историографический обзор	175
<i>К. В. Конончук, Д. С. Филимонова.</i> Регистраторы Академии истории материальной культуры: штат, обязанности и вклад в работу	185
<i>М. В. Медведева.</i> Непубликованная рукопись второго издания монографии Н. Я. Марра «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища»	203
<i>П. С. Дрёмова.</i> Податный инспектор А. С. Попов и его роль в судьбе нескольких случайных находок в Анапе в 1890-х гг.: штрихи к истории изучения античной эпиграфики	211
Список сокращений	222

Contents

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>V. E. Shchelinsky.</i> Resources of stone raw material and Paleolithic lithic industries' spreading in the Sea of Azov region and the Lower Don region	7
<i>I. I. Shkriblyak.</i> A burial mound with secondary burials of the late 4 th — 1 st half of the 3 rd cent. BC on Petrovskie heights in Simferopol	21
<i>I. Yu. Schaub.</i> Votive graffito from the settlement Panskoye-1 and the cult of Sabazios in the North Black Sea area	30
<i>V. P. Vlasov, S. V. Yazikov.</i> Molded pottery of the Kizil-Koba culture settlement Stena 1 in South-Western Crimea (classification and typology)	43
<i>V. V. Vakhoneev.</i> Terracotta Bust with an Inscription from the Southern Suburb of Tauric Chersonesos	57
<i>A. A. Mikheeva.</i> Testimony of the archaeological sources for the East Syriac Christianity in Central Asia (4 th — early 13 th cent.)	62
<i>E. Yu. Mednikova.</i> The use of molluscs in the building technologies of Old Rus	75
<i>E. A. Tyanina, V. K. Singh, O. S. Lebedeva, I. A. Voronkov, N. N. Spasskaya.</i> A "foundation sacrifice" of the middle 13 th cent. in the homestead "II" of the Troitsky excavation site (new data on the rites of medieval Novgorodians)	82
<i>E. K. Stolyarova, I. N. Ershov, N. A. Krenke, V. A. Raeva, D. Roganova.</i> Glass-making workshop of the 12 th — early 13 th cent. in Smolensk	92
<i>K. V. Gorlov, K. V. Khludnev, K. A. Mikhaylov.</i> Numismatic finds from the excavations of the Rescue Archaeology Center of the IHMC RAS in Tver in 2022 (Odnostoronnyaya ul.)	107
<i>I. G. Shirobokov.</i> The invisible death of St. Petersburg's first builders: a comparison of anthropological, archaeological, and historical sources	130

CURRENT ISSUES OF ARCHAEOLOGY

<i>A. M. Skorobogatov.</i> The burial ground of the Mariupol type Golubaya Krinita — archaeological and paleogenetic data	142
<i>A. Yu. Chechina.</i> The types of underground planning in the Middle Bronze Age on the Right Bank of the Lower Don	148

REVIEWS AND BOOK REVIEWS

<i>K. V. Gorlov.</i> Review of the Vols. IV, V, VI of the series "Coin Hoards of the Novgorod Museum"	163
---	-----

HISTORY OF SCIENCE

<i>N. A. Berseneva.</i> Approaches to the studying of the professional specialization in the society of the Southern Urals early nomads according to burial rite: a brief historiographical survey	175
<i>K. V. Kononchuk, D. S. Filimonova.</i> Registrators of the Academy for the History of Material Culture: staff, duties and contribution to the work	185
<i>M. V. Medvedeva.</i> The unpublished manuscript of the second edition of Nikolay Ya. Marr's monograph "Ani. Literary history of the city and excavations on its place"	203
<i>P. S. Dremova.</i> The assessor of taxes A. S. Popov and his role in the fate of several accidental finds from Anapa in 1890s: traits to the history of studying the classical epigraphy	211
List of abbreviations	222

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Ресурсы каменного сырья и распространение палеолитических каменных индустрий в Приазовье и на Нижнем Дону¹

В. Е. Щелинский²

Аннотация. В статье приведены данные о ресурсах каменного сырья в Приазовье и на Нижнем Дону и связанных с их зональной спецификой особенностях распространения на этих территориях разновременных и разнокультурных палеолитических каменных индустрий.

Ключевые слова: ресурсы каменного сырья, распространение каменных индустрий, палеолит, Приазовье, Нижний Дон.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-7-20

Введение

Каменное сырье для изготовления орудий имело исключительно важное значение в палеолите. Можно сказать, что его наличие, доступность и качество в большой степени предопределяли заселение людьми тех или иных регионов, равно как и формирование у них традиционных особенностей материальной культуры, включая технологии. Эти положения хорошо подтверждаются данными по Приазовью и Нижнему Дону. Эти территории отличаются высокой концентрацией разновременных памятников палеолита. Однако распространены эти памятники неравномерно, при этом возрастной диапазон и количество памятников в разных местах на этих территориях довольно четко коррелируется с наличием и доступностью каменного сырья. В статье приводятся некоторые

сведения о ресурсах каменного сырья в Приазовье и на Нижнем Дону и связанных с их зональной спецификой особенностях распространения на этих территориях разновременных и разнокультурных палеолитических каменных индустрий.

Северное Приазовье

Северное Приазовье (имеется в виду его восточная часть, прилегающая к Таганрогскому заливу) (рис. 1, 1) богато каменным сырьем в виде высококачественного мелового кремня. Это сырье представлено здесь двумя разновидностями. Особенно широко распространен галечный кремень, находящийся в плейстоценовых аллювиальных отложениях в основном бассейнов р. Миус и Миусского лимана. Легкодоступен и кремень, залегающий в коренных месторождениях мелоподобных мергелей, выходящих на поверхность во многих местах севернее Таганрога и Ростова-на-Дону.

Обилие в Северном Приазовье высококачественного каменного сырья, несомненно, способствовало тому, что эта территория была заселена людьми начиная с нижнего палеолита. Самым древним здесь является ашельское местонахождение Герасимовка, расположенное на Миусском берегу одноименного полуострова в пос. Герасимовка недалеко от Таганрога (Праслов, 1968; 2001). Геологический контекст и фауна тираспольского комплекса этого местонахождения ясно указывают на то, что оно имеет раннесреднеплейстоценовый

---

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания «Север Евразии в каменном веке: проблемы расселения человека, культурной адаптации и технологического развития» (FMZF-2025-0007) и индивидуальной плановой теме «Природные ресурсы и технологии как факторы распространения и развития культур в нижнем и среднем палеолите (по археологическим материалам Северо-Западного Кавказа, Приазовья и Нижнего Дона)».

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: shchelinsky@yandex.ru.

© Щелинский В. Е., 2025

возраст (кромерский этап) и предшествует мучкапскому межледниковью, главный оптимум которого (Величко и др., 2012) коррелируется с MIS 13 в интервале ~500–470 тыс. лет назад. При этом возможна предварительная уточняющая датировка его началом донского оледенения (MIS 16, ~ 650–600 тыс. лет назад).

Стоянки ранних людей, остатками которых является это местонахождение, располагались на пойме в дельте реки, возможно, пра-Дона или пра-Миуса. Для изготовления орудий обитатели стоянок использовали миусский галечный кремль и, реже, донской галечный кварцит. Имеющийся в настоящее время нижнепалеолитический комплекс каменных изделий из культуросодержащего слоя местонахождения довольно небольшой, что затрудняет его культурную атрибуцию. На данном этапе исследования можно лишь отметить, что технологические и типологические признаки этого комплекса не противоречат отнесению его к варианту ашеля.

Для среднего палеолита Северного Приазовья наиболее показательны две каменные индустрии: рожковская (многослойная стоянка Рожок 1 у пос. Рожок на берегу Таганрогского залива Азовского моря, в 3 км западнее устья Миусского лимана) и носовская (стоянка Носово 1 у пос. Носово на правом берегу Миусского лимана, примерно в 20–25 км от его устья). Эти индустрии, судя по геологическим и палинологическим данным, существовали в начале последней (валдайской) ледниковой эпохи и имеют довольно близкий возраст.

Все культурные слои стоянки Рожок 1 (шесть слоев), образующие рожковскую индустрию, как полагал Н. Д. Праслов (открыватель и первый исследователь стоянки), залегают в лессовидных суглинках непосредственно над межледниковой ископаемой почвой и заполняют древнюю балку. Сформировались они в сравнительно теплых условиях одного из ранневалдайских интерстадиалов — амерсфорта или брерупа (Праслов, 1984; 2001).

Однако, по мнению И. К. Ивановой (Иванова, 1969), вопрос о геологическом возрасте этой стоянки является очень сложным. По ее наблюдениям, «культурные слои стоянки связаны с нижней частью лессовидных суглинков небольшой мощности, заполняющих погребенную балку. Балка врезана в более древние бурые и красно-бурые суглинки, лежащие на сарматских известняках или на слое песков небольшой мощности. В основании лессовидных суглинков наблюдается изогнутый прослой, обогащенный гумусовым мате-

риалом (намывной гумус?), залегающий на неровной поверхности красно-бурых глин и падающий к западу, в сторону современной балки. Западное продолжение этих суглинков уничтожено. В восточном направлении, за небольшим погребенным врезом, они, по-видимому, поднимаются, срезая более высокие горизонты суглинка, и выклиниваются. Вложенный характер толщи суглинков с культурными слоями свидетельствует о том, что она представляет собой локальное образование, не связанное с подстилающими породами» (Там же. С. 28). Таким образом, время вреза балки, равно как и заполнения ее культуросодержащими суглинками, неизвестно. Обращает на себя внимание, что И. К. Иванова не интерпретирует возраст отложений (и палеопочв), в которые врезана балка с культурными слоями, поскольку они заведомо древнее стоянки.

Попытка датировать стоянку Рожок I по палинологическим данным была предпринята Е. А. Спиридоновой. В толще лессовидных суглинков с культурными слоями она выделила 11 спорово-пыльцевых комплексов, отражающих условия похолоданий и потеплений климата ранневалдайского времени. При этом были выявлены первое ранневалдайское похолодание и следующий за ним интерстадиал. По положению в разрезе этот интерстадиал, по мнению Е. А. Спиридоновой, соответствует амерсфорту, но имеет палинологические признаки брерупа. В итоге она приходит к выводу, что культурные слои стоянки могут быть отнесены ко времени похолодания между интерстадиалами амерсфорт и бреруп (Спиридонова, 1991. С. 127).

В настоящее время, как известно, амерсфорт не выделяется в качестве самостоятельного интерстадиала и рассматривается как ранняя фаза интерстадиала бреруп (см., например: Новенко, 2016. С. 17). Поэтому зафиксированное Е. А. Спиридоновой похолодание могло иметь место в начальную фазу интерстадиала бреруп или же относиться к первому ранневалдайскому стадиалу. При этом, если использовать современную терминологию для Восточной Европы и принятые хронологические определения подразделений позднего плейстоцена (см., например: Величко, 1991; Динамика..., 2002; Палеоклиматы..., 2009), то рожковская индустрия, по палинологическим данным Е. А. Спиридоновой, может быть датирована крутицким (верхневолжским) интерстадиалом, MIS 5c, ~95 тыс. лет назад. Однако не исключен и ее более ранний возраст, соответствующий курголовскому похолоданию (MIS 5d).

Надо сказать, что недавно полученные по костям и зубам из культурных слоев стоянки Рожок 1 серийные радиоуглеродные AMS-даты (от $> 50\,300\text{ BP}$ до $32\,480 \pm 250\text{ BP}$) не опровергают датировку этой стоянки Е. А. Спиридоновой, так как они оказались либо за пределами, либо омоложенными из-за загрязнения анализировавшихся костей и зубов более поздним углеродом (Otcherednoy et al., 2022).

Хроностратиграфическая позиция носовской индустрии более отчетливая. Содержащий ее культурный слой залегает в лессовидном суглинке стратиграфически выше межледниковой микулинской ископаемой почвы (Праслов, 1984; 2001; Щелинский, 1999). Палинологические исследования Е. А. Спиридоновой позволили уточнить его возраст. По ее наблюдениям, культурный слой связан со светло-бурым сильнокарбонатным суглинком, вероятно, гумусированным, расположенным в разрезе отложений выше лессовидных суглинков и лиманных глин, перекрывающих межледниковую микулинскую ископаемую почву, и непосредственно под хорошо выраженной ранневалдайской интерстадиальной ископаемой почвой. Эта ископаемая почва относится к брерупу, а залегающий под ней культурный слой — к концу амерсфорта (Спиридонова, 1991. С. 119, 123). Таким образом, носовская индустрия, по-видимому, также соотносится по времени с крутицким интерстадиалом, MIS 5c, и имеет возраст ~95 тыс. лет, но может быть и несколько древнее (MIS 5d).

Обе индустрии основывались на галечном кремне, происходящем из аллювиальных плейстоценовых отложений района нынешнего Миусского лимана. Однако по технологическим и типологическим признакам каменного инвентаря они заметно различаются, образуя, вероятно, варианты микока, характеризующегося наличием в тех или иных пропорциях двусторонне обработанных орудий, включая асимметричные обушковые ножи.

Галечный кремнь был не единственным видом сырья в среднем палеолите Северного Приазовья. Использовался также высококачественный кремнь из коренных месторождений, залегающий в мелоподобных мергелях мелового возраста. Об этом свидетельствуют местонахождения типа мастерских на выходах этих мергелей на поверхность, содержащие кремневое сырье в виде конкреций. Одним из таких крупных местонахождений является местонахождение Марьева гора, расположенное на р. Ясиновке (притоке Миуса) у с. Кульбаково (Ромащенко, 1997;

Данильченко и др., 2020). Это местонахождение геологически не датируется, и археологический материал его переотложен и неомогенен. Однако оно показывает, что люди, обитавшие в регионе в среднем палеолите, периодически приходили на выходы высококачественного кремня для изготовления и создания запасов каменных орудий.

В эпоху верхнего палеолита Северное Приазовье также было заселено первобытными общинами. В настоящее время здесь наиболее известны верхнепалеолитические мураловская индустрия и каменнобалковская культура.

Мураловская индустрия (стоянка Мураловка у одноименного села на правом берегу Миусского лимана) (Праслов, 1964; 1972; Праслов, Филиппов, 1967) относится к концу последнего ледникового периода. Имеются две радиоуглеродные даты, свидетельствующие о ее возрасте, — $19\,630 \pm 200$ (ЛЕ-1601) и $18\,780 \pm 300$ (ЛЕ-1438) BP (Станко, Свеженцев, 1988). Однако есть мнение, что они омоложены (Спиридонова, 1991; Демиденко, Нужный, 2003–2004). Каменные орудия этой культуры изготовлены из хорошего местного галечного кремня.

Каменнобалковская культура представлена несколькими крупными и соседствующими разновременными стоянками: Каменная Балка I, II и Третий Мыс (Каменная Балка III), расположенными на правобережье дельты Дона в устьевой части Каменной балки у пос. Недвиговка (Гвоздовер, 1964; 1967; Леонова, 2015; Леонова и др., 2015; Хайкунова, Виноградова, 2020; Leonova et al., 2015). Эта культура существовала на протяжении весьма длительного времени: с ~20–21 до 12–13 тыс. лет назад (калиброванные даты). Каменные индустрии составляющих ее стоянок созданы из высококачественного кремня, но не галечного, а из кремня коренных месторождений. Исследования показали, что он происходит из меловых отложений бассейнов рек Тузлов и Крынка, находящихся на расстоянии 80–150 км к северо-западу от стоянок (Леонова, 2015; Леонова и др., 2006). Этот кремнь, по-видимому, в основном в виде полуфабрикатов (пренуклеусов, сколов), регулярно доставлялся на стоянки для последующего использования.

Нижний Дон

Территория Нижнего Дона, примыкающая к Северному Приазовью с востока (рис. 1, 1), также богата каменным сырьем. При этом наряду с высококачественным кремнем на этой территории довольно много не менее качественного

Рис. 1. Географические территории Приазовья и Нижнего Дона (1) и расположение Глафиоровского среднепалеолитического местонахождения в Юго-Восточном Приазовье (2)

Fig. 1. Geographic territories of the Sea of Azov and the Lower Don regions (1) and the Middle Paleolithic site of Glaufirovka situated in the South-Eastern Sea of Azov Region (marked with red triangle) (2)

кварцита. Оба вида каменного сырья представлены в основном более-менее окатанными обломками и гальками разных размеров, залегающими в галечниках плейстоценовых террас Дона и его притока Северского Донца. Однако есть и коренные залежи кремня, связанные с меловыми отложениями, выходящими на поверхность.

Богатые ресурсы каменного сырья Нижнего Дона в немалой степени способствовали заселению ранними людьми этой территории, как и соседнего Северного Приазовья, уже в нижнем палеолите. Свидетельством тому являются ашельская стоянка Хрящи и Михайловское местонахождение. Эти памятники моложе ашельского местонахождения Герасимовка в Северном Приазовье.

Ашельская стоянка Хрящи расположена около одноименного поселка на левом берегу Северского Донца в 10–12 км от впадения его в Дон (Горецкий, 1952; Праслов, 1968). Культуросодержащим слоем стоянки является базальный слой аллювия 35-метровой террасы Северского Донца. Анализ остатков мелких млекопитающих, малакофауны и палинологических данных показывает, что стоянка существовала во время лихвинского климатического ритма, «большого лихвина», MIS 11-9, ~420–270 тыс. лет назад (Щелинский и др., 2020). В более конкретном плане она, по-видимому, синхронизируется с древнеэвксинской — палеоузунарской трансгрессией Черного моря (Понта) и лихвинским межледниковьем Русской равнины, MIS 11 (~474–364 тыс. лет назад — Янина, 2012) или концом окского оледенения. Уточнить возраст этой стоянки позволит изучение перекрывающей ее культуросодержащий слой мощной толщи субаэральных отложений, включающих три палеопочвы.

Местом расположения стоянки была пляжево-пойменная зона пра-Донца.

Каменные изделия хрящевской индустрии изготовлены в основном из местного галечного кварцита и кремня и относятся к варианту ашеля (Щелинский и др., 2020).

Михайловское местонахождение расположено ниже по течению Северского Донца у одноименного поселка, в 4 км от стоянки Хрящи (Горецкий, 1952; Праслов, 1968). Пока это не вполне локализованный памятник, поскольку немногочисленные, нередко единичные, каменные изделия были обнаружены на поверхности и в различных литологических слоях на большой площади, протянувшейся вдоль берегового обрыва Северского Донца.

Изделия Михайловского местонахождения связаны с толщей покровных отложений той же, что и в Хрящах, 35-метровой речной террасы. Поэтому они заведомо моложе хрящевской ашельской индустрии, залегающей в базальной части аллювия этой террасы. В покровных отложениях террасы, по мнению Н. Д. Праслова, наблюдаются три палеопочвы, разделенные суглинками и эоловыми супесями (Праслов, 2001). Однако А. Е. Матюхин в этих покровных отложениях выделил до пяти палеопочв (Матюхин, Праслов, 2008). Возраст их точно не определен. Однако можно предполагать, что среди них есть ископаемые почвы и среднего (вторая половина), и верхнего плейстоцена. Таким образом, каменные изделия Михайловского местонахождения могут иметь соответствующий возраст.

Сырьем для изготовления орудий Михайловского местонахождения служили окатанные конкреции кремня и обломки кварцита. Источниками этого сырья были плейстоценовые

аллювиальные галечники Северского Донца, расположенные поблизости (Матюхин, 2010).

Средний палеолит на Нижнем Дону больше известен по многослойной стоянке Бирючья Балка 2, расположенной на левом берегу Северского Донца в балке Бирючьей у хутора Кременской. К этому времени относятся ее нижние культурные слои — 3в, 4¹, 4, 5, 5б, 5в, 6 (Матюхин, 2007; 2012). Каменные индустрии этих слоев, по-видимому, единые в технологическом отношении, относятся к заключительной поре среднего палеолита и датируются временем средневалдайского мегаинтерстадиала (MIS 3, ~57–24 тыс. лет назад). Для слоя 4¹ имеется AMS-дата (по кости): $40\,750 \pm 970$ лет назад (Beta 183590) (Додонов и др., 2007; Матюхин, 2012). Вместе с тем недавно было высказано предположение, что два нижних гумусированных горизонта отложений на стоянке, с которыми связаны среднепалеолитические культурные слои 3в и 4, могут быть древнее MIS 3 (Очередной и др., 2025).

Сырьем каменных индустрий стоянки был кремь из коренных меловых отложений, имеющийся в большом количестве в непосредственной близости от нее.

О заселении людьми Нижнего Дона в верхнем палеолите свидетельствуют две индустрии этого времени — бирючьебалковская и золотовская.

Бирючьебалковскую индустрию представляют верхние культурные слои (2, 3а, 3б, 3) упоминавшейся выше стоянки Бирючья Балка 2 (Матюхин, 2007; 2012). Слой 2 залегает в нижней части современной почвы, слой 3а — в кровле светло-коричневой палеопочвы (AMS-дата по кости: $26\,630 \pm 230$ лет назад (Beta 183588)), слой 3 — в той же палеопочве несколько глубже (AMS-даты по кости: $26\,390 \pm 200$ лет назад (Beta 177776) и $31\,560 \pm 200$ лет назад (Beta 183589)), слой 3б приурочен к нижележащему суглинку. Светло-коричневая палеопочва, включающая слои 3 и 3а, по-видимому, является аналогом брянской палеопочвы, завершающей средневалдайский мегаинтерстадиал (MIS 3) (Додонов и др., 2007).

Сырьем этой индустрии был тот же легкодоступный меловый кремь из коренных залежей, что использовался обитателями стоянки в среднем палеолите.

Золотовскую верхнепалеолитическую индустрию образуют инвентарь стоянки Золотровка 1, расположенной на правом берегу Дона в Маркиной балке, в 1,5 км к северу от хутора Старозолотовский (Праслов и др., 1980; Праслов, Щелинский, 1996).

Возраст стоянки определяется расположением ее культурного слоя в разрезе. Культурный слой связан со светло-коричневым обывзвествленным суглинком, возможно, являющимся нижним горизонтом срезанной эрозией палеопочвы. На это указывает четкая линия размыва верхней части этого суглинка на контакте его с вышележащим слоем. Для культурного слоя стоянки имеется одна радиоуглеродная дата по костному углю: $17\,400 \pm 700$ лет назад (ГИН 1968). Однако она, скорее всего, сильно омоложена.

Сырьем каменной индустрии стоянки Золотровка 1 был кремь и кварцит. Обе разновидности сырья имелись в большом количестве в виде окатанных обломков и галек в аллювиальных галечниках плейстоценовых террас Дона в непосредственной близости от стоянки (Праслов, Щелинский, 1996).

Обратимся теперь к Южному и Юго-Восточному Приазовью. Географически они располагаются в пределах Западного Предкавказья (Кубано-Приазовская низменность и Таманский полуостров) (рис. 1, 1).

На этих территориях сырьевые ресурсы для изготовления каменных орудий принципиально отличаются от таковых Северного Приазовья и Нижнего Дона. Основное отличие — на них полностью отсутствует кремь и кварцит.

Южное Приазовье

В Южном Приазовье, на Таманском полуострове (рис. 1, 1), распространены два вида каменного сырья неплохого качества: окремненный (окварцованный) доломит и окремненный мергель миоценового возраста.

Окремненный доломит имеет форму угловатых обломков разных размеров, часто плитчатых, и происходит из плейстоценовых грязевулканических брекчий, выходящих на поверхность. Встречается он и в виде галек в субкавальных отложениях.

Это сырье активно использовалось в палеолите Южного Приазовья. Именно на нем были созданы выявленные на Таманском полуострове одни из древнейших на территории России кермекская и таманская раннеашельские каменные индустрии.

Кермекская раннеашельская индустрия (стоянка Кермек на азовском берегу Таманского полуострова у поселка За Родину) по совокупности структурно-геологических, биостратиграфических и палеомагнитных данных датируется ранним плейстоценом, концом гелазия, в интервале

2,1–2,0 млн лет назад (Тесаков, 2021; Тесаков и др., 2019; Щелинский, 2021; Shchelinsky et al., 2016).

Создатели этой индустрии имели береговую адаптацию и жили в пляжной зоне опресненного моря или эстуария впадавшей в него крупной реки. Для обработки и последующего изготовления каменных орудий они использовали доломит преимущественно в виде неокатанных обломков. Ранние люди собирали это сырье в местах размывов грязевулканических брекчий поблизости от стоянки. Галечный доломит применялся редко.

Таманская раннеашельская индустрия (стоянки Родники 1–4, Богатыри и Пересыпь, расположенные неподалеку от стоянки Кермек) примерно на 500 тыс. лет моложе кермекской индустрии. Биостратиграфические и палеомагнитные данные, а также общий геологический контекст относящихся к ней стоянок позволили датировать ее второй половиной раннего плейстоцена, калабрием, в интервале ~1,4–1,0 млн лет назад (Тесаков и др., 2019; Щелинский, 2014; 2021; 2025a; Trifonov et al., 2019). Создатели этой индустрии были охотниками на крупных млекопитающих, в основном на южных слонов (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) и кавказских эласмотериев (*Elasmotherium caucasicum*). Как и создатели кермекской индустрии, они устраивали свои стоянки в пляжевой зоне опресненного морского бассейна или эстуариев рек. При этом для первичного расщепления и изготовления каменных орудий ими традиционно применялось сырье главным образом в виде неокатанных обломков доломита, происходивших из поверхностных выходов грязевулканических брекчий.

Доломитовое сырье использовалось на территории Таманского полуострова и в среднем палеолите. Об этом свидетельствуют недавно открытые здесь у пос. За Родину среднепалеолитические местонахождения Протока 1 и Протока 2 (Щелинский, Титов, 2024; Щелинский, 2025б). Культуросодержащие слои обоих местонахождений связаны с аллювиально-дельтовыми отложениями и предварительно соотносятся по времени с максимальной стадией карангатской трансгрессии Черного моря и микулинским межледниковьем Русской равнины (MIS 5e, ~130–115 тыс. лет назад). Однако местонахождение Протока 1, судя по последним данным, может иметь более ранний возраст. Обращает на себя внимание, что источниками доломитового сырья каменных индустрий этих местонахождений были не грязевулканические брекчий, а галечниковые отложения. Для первич-

ного расщепления и изготовления каменных орудий преимущественно использовались более-менее окатанные обломки доломита, происходящие из этих отложений.

Другой вид каменного сырья — окремненный мергель — распространен в западной части Таманского полуострова. Представлен он гальками из отложений морской среднеплейстоценовой позднечаудинской террасы, а также неокатанными обломками. Коренные выходы его можно наблюдать в основании глинистой толщи (в цоколе) позднечаудинской террасы (Благоволин, 1962).

Из этого сырья была создана ашельская индустрия местонахождения Мыс Каменный, расположенного у поселка Приазовский, датируемая предположительно временем позднечаудинской трансгрессии Черного моря (Понта), коррелируемой с мучкапским межледниковьем Русской равнины (MIS 15–13, ~610–536 тыс. лет назад) (Щелинский, 2023). Каменные изделия местонахождения окатанные, поэтому не вполне ясно, какие первичные отдельности мергеля (гальки или обломки из коренных залежей) были использованы для их изготовления.

Таким образом, Южное Приазовье достаточно богато ресурсами каменного сырья, хотя оно имеет определенные петрографические особенности (окремненные доломит и мергель уступают по твердости и изотропности кремню и кварциту). Это, несомненно, явилось важным фактором раннего заселения этой территории древнейшими людьми, гораздо более раннего, чем территории Северного Приазовья и Нижнего Дона.

Юго-Восточное Приазовье

В Юго-Восточном Приазовье ситуация с каменным сырьем для изготовления орудий совершенно иная. Несмотря на территориальную близость к Северному Приазовью (рис. 1, 1), богатому кремнем (их разделяет лишь не очень широкий Таганрогский залив), какое-либо каменное сырье здесь полностью отсутствует. Довольно сложным является вопрос и о наличии на этой территории памятников палеолита.

Между тем эта территория весьма привлекательна для палеонтологов и палеогеографов. Здесь расположены известные местонахождения плейстоценовой фауны таманского и тираспольского комплексов (Байгушева, 2000; Байгушева, Титов, 2008; Байгушева и др., 2009; 2016). Имеются также полные разрезы средне- и позднеплейстоценовых отложений с серией палеопочв (Tesakov et al., 2007; Velichko et al., 2009; Konstantinov et al., 2018).

Отсутствие в Юго-Восточном Приазовье каменного сырья обусловлено тектоническими факторами. Эта часть Приазовья располагается в зоне погружения и перехода к Азово-Кубанской впадине (Путеводитель..., 2013). Поэтому на поверхность выходит и размывается морем лишь толща, состоящая из песков, глин и лессовидных суглинков с прослоями палеопочв.

Первые поиски палеолита в Юго-Восточном Приазовье были проведены И. С. Каменецким в 1958 г. Он внимательно осмотрел побережье Таганрогского залива на участке между поселками Семибалки и Порт-Катон (рис. 1, 2), но никаких каменных изделий не обнаружил (Казакова, 1991). Позже, в 1963–1964 гг., этот участок побережья был повторно специально обследован группой археологов под руководством Л. М. Казаковой (в 1963 г. в разведках принимал участие, будучи студентом университета, и автор данной статьи). Однако и эти разведки также не дали желаемого результата — палеолитические каменные изделия не были найдены (Там же). Таким образом, сложилось мнение об отсутствии палеолитических местонахождений на южном берегу Таганрогского залива. Правда, недавно появилось сообщение о находках палеолитических изделий в этом районе (Зоров и др., 2018).

С целью получить дополнительные сведения о каменном сырье и палеолитических памятниках в Юго-Восточном Приазовье мной в начале 2025 г. была проведена новая разведка на участке побережья Таганрогского залива между поселком Семибалки и устьем Ейского лимана (рис. 1, 2). Тщательный осмотр пляжа и естественных обнажений отложений в береговых обрывах показал и подтвердил ранее установленное отсутствие на этом участке побережья какого-либо каменного сырья. В пределах пляжа иногда встречались лишь очень редкие гальки песчаника, связанные, скорее всего, с современной антропогенной деятельностью. Весьма незначительными оказались и сборы археологического материала. Единственное местонахождение единичных каменных изделий среднепалеолитического облика было обнаружено у с. Глафировка в юго-западной части обследованного участка побережья.

Глафировское среднепалеолитическое местонахождение

Это местонахождение расположено на берегу Таганрогского залива Азовского моря на западной окраине с. Глафировка Щербиновского

района Краснодарского края в 250 м к северу от устья Ейского лимана (рис. 1, 2; 2, 1). На местонахождении найдено всего четыре каменных изделия. Они лежали на пляже на небольшом расстоянии одно от другого и под береговым обнажением интенсивно размываемой морем мощной толщи субаэральных отложений. Эти отложения представлены лессовидными суглинками с серией палеопочв, несомненно, средне- позднелесточенового возраста (рис. 2, 2). Слабая окатанность и компактное расположение изделий позволяют предполагать, что они выпали именно из этой толщи плейстоценовых отложений. Однако из какого конкретно слоя или слоев они могли происходить, неизвестно. Необходимы дополнительные исследования.

В составе изделий определены: рубило с неполной двусторонней обработкой, асимметричный обушковый двусторонне обработанный нож, зубчатое орудие и отщеп.

Рубило с неполной двусторонней обработкой (рис. 3) размерами 11,0 × 7,5 × 4,5 см, подовальной приостренной формы, с плоско-выпуклым поперечным сечением изготовлено из отщепы черного ливдита. На верхней выпуклой стороне четко выражено продольное ребро с негативами сколов в направлениях боковых краев. Эта сторона имеет частичную оббивку, нижняя сторона сплошь оббита и уплощена крупными сколами. Боковые края лезвийные, на большем протяжении почти прямые. Дистальный конец оформлен в виде широкого острия. Пятка массивная, угловато-выпуклая, подготовлена крупными и мелкими сколами. Изделие слабоокатанное.

Асимметричный обушковый двусторонне обработанный нож (рис. 4, 1а, 1б) размерами 6,0 × 5,8 × 2,2 см, полуторалезвийный, с плоско-выпуклым поперечным сечением изготовлен из отщепы (?) черного ливдита. На верхней выпуклой стороне имеется продольное ребро с негативом скола по направлению к правому боковому краю (к обушку). Эта сторона частично обработанная, нижняя сторона сплошь оббита и уплощена крупными и мелкими сколами. Оба лезвия (одно длинное, другое короткое на скосе обушка) выпуклые; острое, образованное сходимением лезвий, широкое, со слегка закругленным кончиком. Обушок прямой, оформлен сколами. Нож сломан в древности, сохранилась его верхняя половина. Изделие слабоокатанное.

Зубчатое орудие (рис. 4, 2) размерами 7,7 × 6,3 × 3,2 см изготовлено из толстого отщепы

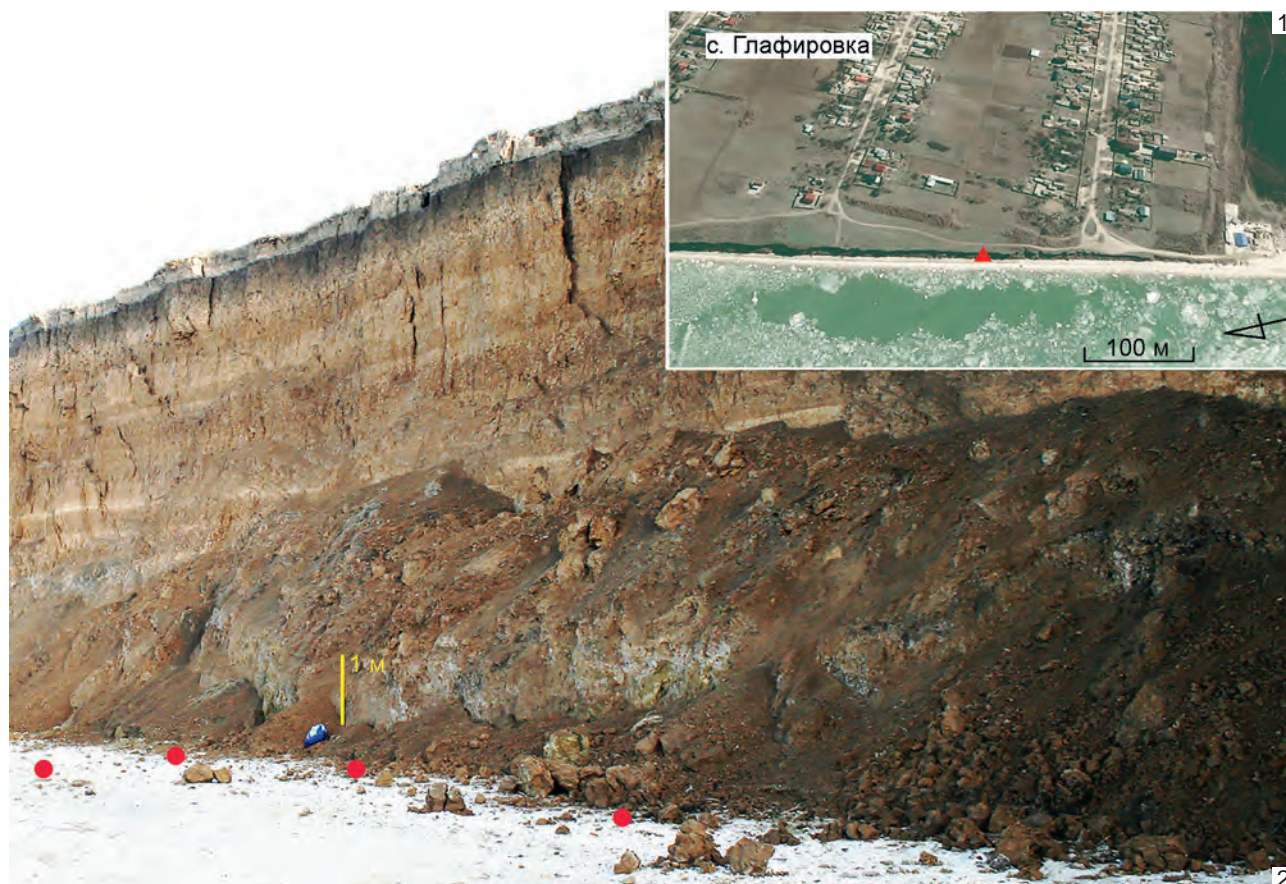

Рис. 2. Глафировское среднепалеолитическое местонахождение: 1 — расположение местонахождения на южном берегу Таганрогского залива Азовского моря у с. Глафировка (▲), вид с запада; 2 — расположение каменных изделий местонахождения (●) под толщей лессовидных суглинков и палеопочв средне- верхнеплейстоценового возраста, вид с юго-запада

Fig. 2. The Middle Paleolithic site of Glafirovka: 1 — situation of the site on the southern coast of the gulf of Taganrog near the village of Glafirovka (▲), view from the west; 2 — situation of the lithic artifacts of the site (●) under the rock-mass of loess-like loams and paleosols of the Middle — Late Pleistocene age, view from the south-west

серого окремненного мелкозернистого песчаника. Зубчатое лезвие оформлено противоположащими ретушированными выемками. Изделие покрыто буровой патиной и слабоокатанное.

Отщеп размерами $5,8 \times 6,8 \times 3,5$ см — первичный, бесформенный, изготовлен из темно-серого алевrolита, сколот с гальки. Изделие слабоокатанное.

Описанные изделия в технологическом отношении однородны, и их уверенно можно отнести к среднему палеолиту. При этом обращает на себя внимание, что два орудия (рубило и нож) изготовлены из лиддита. Это сырье, по-видимому, отсутствует в Северном Приазовье. Однако оно имеется на Северо-Западном Кавказе и часто использовалось в этом регионе в среднем палеолите (Щелинский, 2011).

Выводы

1. Приазовье и Нижний Дон являются регионами с богатыми ресурсами каменного сырья для изготовления орудий. Это в большой степени способствовало тому, что они были заселены ранними людьми уже в нижнем палеолите.

2. Вместе с тем заселение этих регионов было неодинаковым, что связано со многими факторами, оказывавшими влияние на пути миграций и длительность обитания людей в палеолите на тех или иных территориях. Например, заселение Северного Приазовья в позднем среднем палеолите происходило, как мне представляется, в основном со стороны Центральной Европы из-за плотности населения в этом регионе в то время (Bosinski, 2000–2001; Kozłowski, 2014; Jöris et al., 2022). Проникновению же на эту территорию

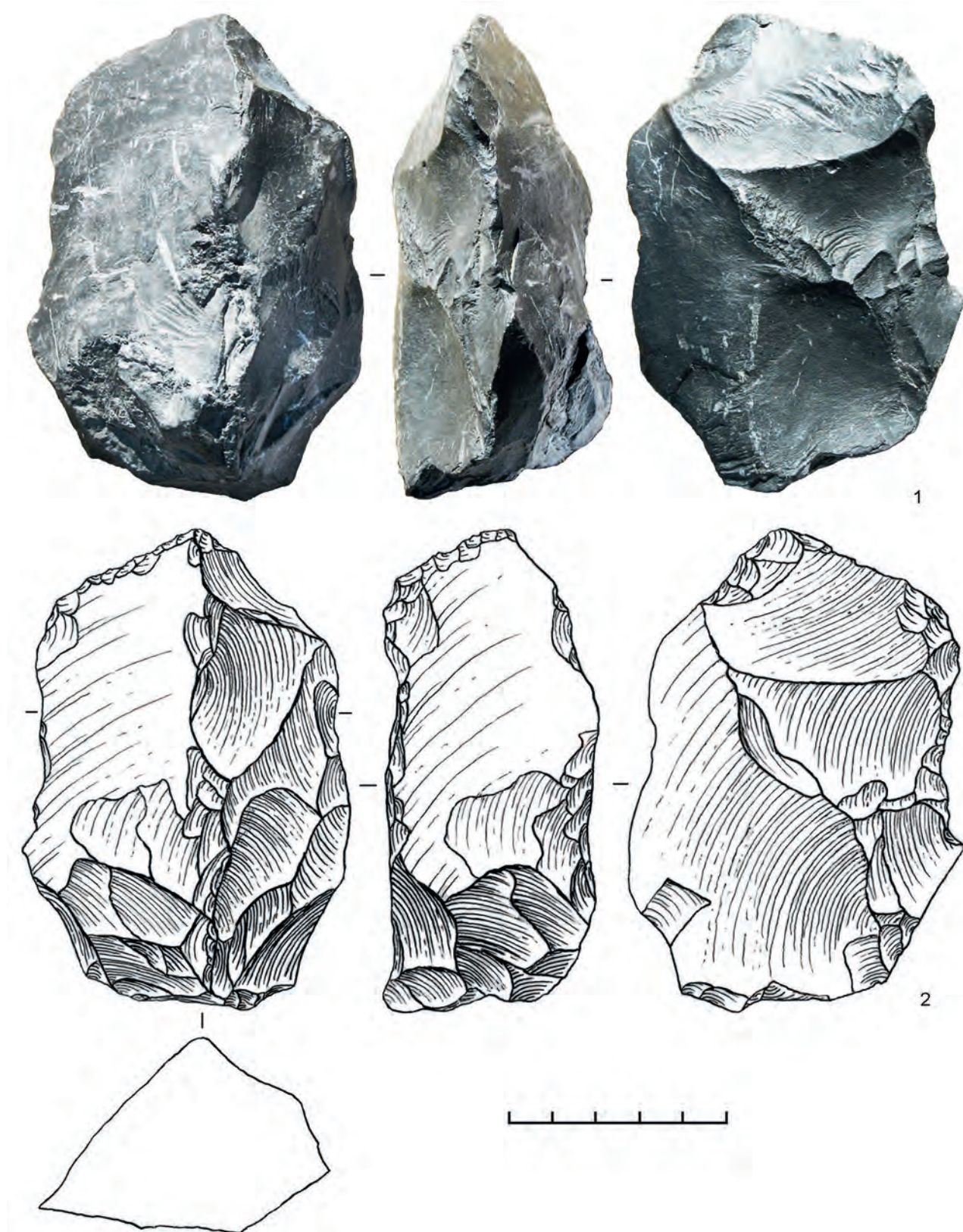

Рис. 3. Глафировское среднепалеолитическое местонахождение. Рубило, фото (1) и рисунок (2)
Fig. 3. The Middle Paleolithic site of Glafirovka. Handaxe, photo (1) and drawing (2)

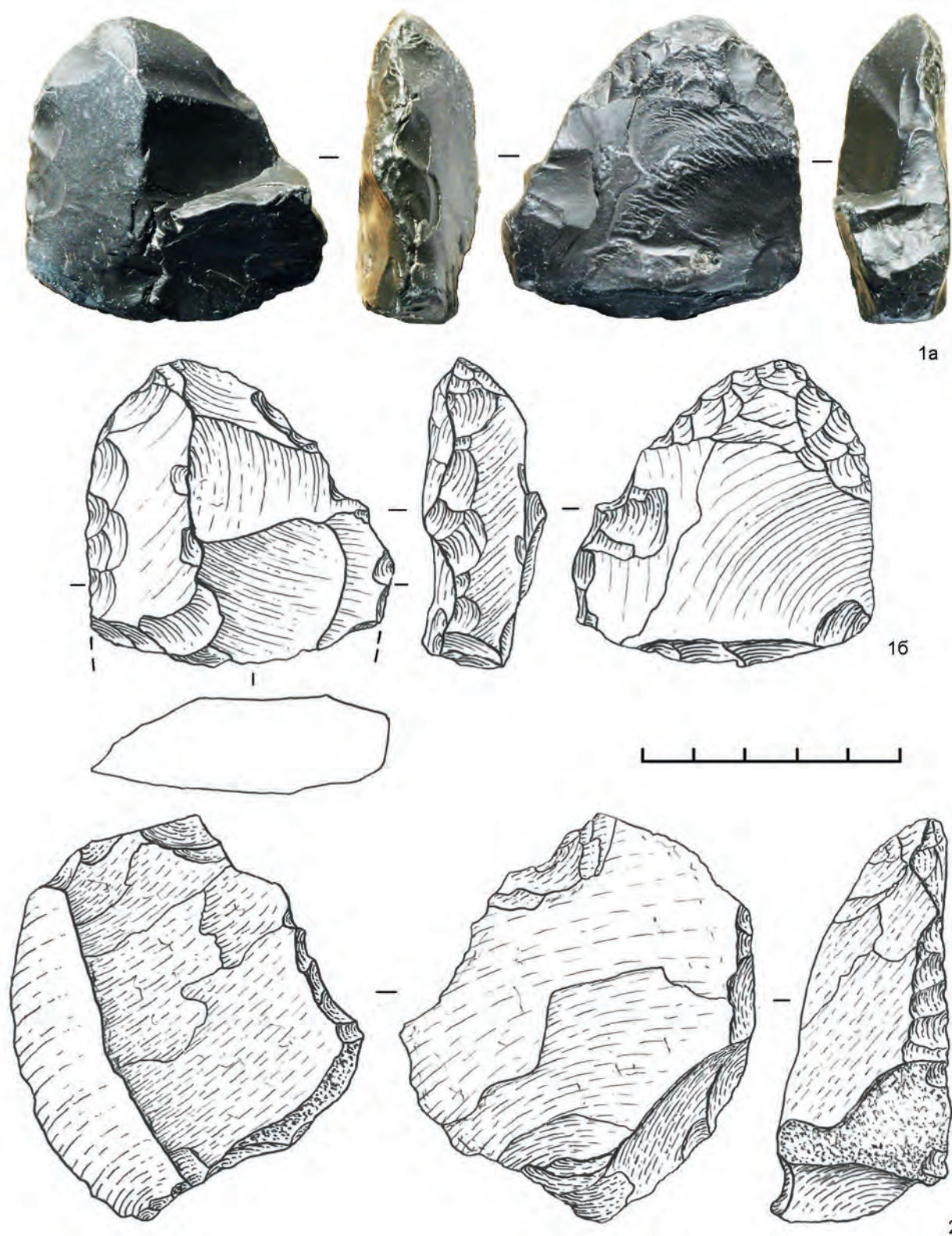

Рис. 4. Глафиrowsкое среднепалеолитическое местонахождение: 1а, 1б — обушковый двусторонне обработанный нож (фото и рисунок); 2 — зубчатое орудие из отщепы

Fig. 4. The Middle Paleolithic site of Glafirovka: 1а, 1б — backed bifacial knife (photo and drawing); 2 — denticulate

среднепалеолитических людей со стороны Кавказа, равно как и продвижению их из Северного Приазовья и Крыма в Предкавказье и на Кавказ, в течение MIS 5 препятствовала естественная преграда в виде раннеплейстоценовых трансгрессий Черного и Каспийского морей и действующего Манычского пролива (Щелинский, 2025б). Однако главенствующую роль в расселении людей в палеолите играло все же наличие каменного сырья для изготовления орудий.

3. Обилие в Северном Приазовье и на Нижнем Дону высококачественного кремня явилось важнейшим фактором заселения людьми этих территорий на протяжении большей части палеолита.

4. Южное и Юго-Восточное Приазовье по ресурсам каменного сырья существенно отличаются от Северного Приазовья и Нижнего Дона. На этих территориях нет высококачественного сырья в виде кремня. Это обстоятельство повлияло на распространение на этих территориях палеолитических каменных индустрий. В Южном Приазовье в настоящее время хорошо представлены каменные индустрии нижнего палеолита. Открыты также первые каменные индустрии среднего палеолита. Все эти индустрии основывались

на окремненных доломите и мергеле — сырье местном и легкодоступном, но менее качественном по сравнению с кремнем и кварцитом. Возможно, как раз по причине отсутствия кремня здесь не выявлены каменные индустрии верхнего палеолита, которые обычно создавались на высококачественном каменном сырье.

5. Юго-Восточное Приазовье из-за отсутствия на этой территории каменного сырья, по-видимому, было малопривлекательным для обитания людей в палеолите. Люди появлялись здесь, по крайней мере в среднем палеолите, лишь эпизодически и, судя по Глафиоровскому среднепалеолитическому местонахождению, приходили с юга, с сопредельной территории Северо-Западного Кавказа.

6. Достоверные данные о культурных связях в палеолите между Южным и Юго-Восточным Приазовьем с одной стороны и Северным Приазовьем — с другой в настоящее время отсутствуют. Вместе с тем миграции людей в палеолите из Северного Приазовья (с Русской равнины) в Предкавказье и на Северо-Западный Кавказ, а также с Кавказа на Русскую равнину и на территорию Крыма, несомненно, могли проходить разными путями. Однако они пока не изучены.

Байгушева, 2000 — Байгушева В. С. Новые данные о таманском фаунистическом комплексе из раскопа у села Семибалки (Приазовье) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов: Азовский музей, 2000. С. 27–57.

Байгушева, Титов, 2008 — Байгушева В. С., Титов В. В. Таманский фаунистический комплекс крупных позвоночных Приазовья и Нижнего Дона // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: Материалы Междунар. конф. (Краснодар, Темрюк, 1–6.09.2008). Ростов н/Д.: Изд-во Южного НЦ РАН, 2008. С. 38–39.

Байгушева и др., 2009 — Байгушева В. С., Тесаков А. С., Тимонина Г. И., Титов В. В. Порт-Катон — опорный разрез плейстоценовых отложений Восточного Приазовья: биостратиграфические данные // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: Материалы VI Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода (Новосибирск, 19–23.10.2009). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. С. 61–63.

Байгушева и др., 2016 — Байгушева В. С., Титов В. В., Тесаков А. С., Тимонина Г. И. Териофауна местонахождения Семибалки в Северо-Восточном Приазовье (таманский фаунистический комплекс, эоплейстоцен) // Териофауна России и сопредельных территорий: Сб. трудов конф. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2016. С. 30–31.

Благоволин, 1962 — Благоволин Н. С. Геоморфология Керченско-Таманской области. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 192 с.

Величко, 1991 — Величко А. А. Корреляция событий позднего плейстоцена в ледниковых областях Северного полушария // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1991. № 60. С. 14–28.

Величко и др., 2012 — Величко А. А., Морозова Т. Д., Борисова О. К., Тимирева С. Н., Семенов В. В., Кононов Ю. М., Титов В. В., Тесаков А. С., Константинов Е. А., Курбанов Р. Н. Становление зоны степей юга России (по материалам строения лессово-почвенной формации Доно-Азовского региона) // Доклады Академии наук. 2012. Т. 445, № 4. С. 464–467.

Гвоздовер, 1964 — Гвоздовер М. Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. М.; Л.: Наука, 1964 (САИ; Вып. А 1-5). С. 37–41.

Гвоздовер, 1967 — Гвоздовер М. Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // Вопросы антропологии. 1967. Вып. 27. С. 82–103.

Горецкий, 1952 — Горецкий Г. И. Следы палеолита и мезолита в Нижнем Подонье // СА. 1952. № XVI. С. 302–319.

Данильченко и др., 2020 — Данильченко А. В., Колесник А. В., Очередной А. К., Зоров Ю. Н. Марьева Гора — памятник среднего палеолита в Северо-

- Восточном Приазовье // *Stratum plus*. 2020. № 1: Первопроходцы каменного века. С. 201–224.
- Демиденко, Нужный, 2003–2004 — Демиденко Ю. Э., Нужный Д. Ю. Проблемы верхнего палеолита Северного Причерноморья и книга И. В. Сапожникова «Большая Аккаржа. Хозяйство и культура позднего палеолита степной Украины» // *Stratum plus*. 2003–2004. № 1: В эпоху мамонтов. С. 507–523.
- Динамика..., 2002 — Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130 000 лет. М.: ГЕОС, 2002. 232 с.
- Додонов и др., 2007 — Додонов А. Е., Матюхин А. Е., Симанова А. Н., Тесаков А. С., Титов В. В. Геоархеология и палеогеография палеолитической стоянки Бирючья Балка 2, долина р. Северский Донец // *Вестник Южного НЦ*. 2007. Т. 3, № 3. С. 71–80.
- Зоров и др., 2018 — Зоров Ю. Н., Колесник А. В., Очередной А. К. Следы палеолита на южном берегу Таганрогского залива и в дельте Дона // *Поволжская археология*. 2018. № 3 (25). С. 208–220.
- Иванова, 1969 — Иванова И. К. Геологический возраст палеолитических стоянок. Среднее Приднестровье, Приазовье и Крым // *Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР* / Ред. И. П. Герасимов и др. М.: Наука, 1969. С. 24–33.
- Казакова, 1991 — Казакова Л. М. Местонахождения каменного века в Азовском районе (по материалам археологического обследования 1961–1963 гг.) // *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. Азов: Азовский краеведческий музей*, 1991. С. 24–28.
- Леонова, 2015 — Леонова Н. Б. Каменнобалковская культура — один из опорных комплексов верхнего палеолита Северного Причерноморья // *Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований*. СПб.: МАЭ РАН, 2015 (Замятинский сборник; Вып. 4). С. 150–161.
- Леонова и др., 2006 — Леонова Н. Б., Несмеянов С. А., Виноградова О. А., Воейкова О. Е., Гвоздовер М. Д., Миньков Е. В., Спиридонова Е. А., Сычева С. А. Палеоэкология равнинного палеолита. М.: Научный мир, 2006. 342 с.
- Леонова и др., 2015 — Леонова Н. Б., Виноградова Е. А., Медведев С. П., Плохенко Б. Г. Многослойный памятник верхнего палеолита Северного Приазовья Каменная балка II — история изучения и результаты исследований // *Исторические исследования. Журнал Исторического фак-та МГУ*. 2015. № 3. С. 46–75.
- Матюхин, 2007 — Матюхин А. Е. Бирючья Балка 2. Многослойный палеолитический памятник на Северском Донце // *АВ*. 2007. № 14. С. 20–42.
- Матюхин, 2010 — Матюхин А. Е. О характере связи сырья, типологии и технологии домостроительских и мустьерских памятников Русской равнины // *Stratum plus*. 2010. № 1: Неандертальцы: альтернативное человечество. С. 201–225.
- Матюхин, 2012 — Матюхин А. Е. Бирючья Балка 2: Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона. СПб.: Нестор-История, 2012. 244 с.
- Матюхин, Праслов, 2008 — Матюхин А. Е., Праслов Н. Д. Особенности адаптации людей эпохи палеолита на территории Нижнего Дона // *Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1: Археология: Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки*. СПб.: Наука, 2008. С. 6–22.
- Новенко, 2016 — Новенко Е. Ю. Растительность и климат Центральной и Восточной Европы в позднем плейстоцене и голоцене: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.25 — геоморфология. М.: б. и., 2016. 50 с.
- Очередной и др., 2025 — Очередной А. К., Константинов Е. А., Данильченко А. Ю., Курбанова Ф. Г., Сычев Н. В., Захаров А. Л., Мазнева Е. А. К вопросу о хроностратиграфии среднепалеолитических индустрий многослойного палеолитического комплекса Бирючья Балка 2 на Нижнем Дону // *Stratum plus*. 2025. № 1: Человек, преодолевающий сопротивление материалов. С. 153–171.
- Палеоклиматы..., 2009 — Палеоклиматы и палеоландшафты внетропического пространства Северного полушария. Поздний плейстоцен — голоцен: Атлас-монография / Под ред. профессора А. А. Величко. М.: ГЕОС, 2009. 120 с.
- Праслов, 1964 — Праслов Н. Д. Работы по исследованию палеолитических памятников в Приазовье и на Кубани в 1963 г. // *КСИА*. 1964. Вып. 101: Памятники первобытного общества. С. 74–76.
- Праслов, 1968 — Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Л.: Наука, 1968 (МИА; № 157). 156 с.
- Праслов, 1972 — Праслов Н. Д. Некоторые специфические формы каменных орудий Мураловской палеолитической стоянки // *КСИА*. 1972. № 131: Каменный век. С. 70–77.
- Праслов, 1984 — Праслов Н. Д. Развитие природной среды на территории СССР в антропогене и проблема хронологии и периодизации палеолита // *Палеолит СССР* / Ред. П. И. Борисковский. М.: Наука, 1984 (Археология СССР). С. 23–40.
- Праслов, 2001 — Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Дона. Проблемы стратиграфии, хронологии и развития культуры: Дис. ... д-ра ист. наук. в форме науч. докл.: 07.00.06 — археология. СПб., 2001. 46 с.
- Праслов, Филиппов, 1967 — Праслов Н. Д., Филиппов А. К. Первая находка палеолитического искусства в южнорусских степях // *КСИА*. 1967. Вып. 111: Исследование памятников каменного века. С. 24–30.
- Праслов, Щелинский, 1996 — Праслов Н. Д., Щелинский В. Е. Верхнепалеолитическое поселение Золотойка I на Нижнем Дону. СПб.: ИИМК РАН, 1996. С. 5–66.

- Праслов и др., 1980 — Праслов Н. Д., Иванова М. А., Малясова Е. С. Золотовка I — поселение охотников на зубров на Нижнем Дону // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1980. № 50. С. 168–175.
- Путеводитель..., 2013 — Путеводитель полевых экскурсий (г. Ростов-на-Дону, Россия, 10–15.06.2013). Ростов н/Д.: Изд-во Южного НЦ РАН, 2013. 48 с.
- Ромащенко, 1997 — Ромащенко Н. И. Марьева Гора — новый мустьерский памятник в Северо-Восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 14. Азов: Азовский краеведческий музей, 1997. С. 11–13.
- Спиридонова, 1991 — Спиридонова Е. А. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене — голоцене. М.: Наука, 1991. 221 с.
- Станко, Свеженцев, 1988 — Станко В. Н., Свеженцев Ю. С. Хронология и периодизация позднего палеолита и мезолита Северного Причерноморья // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1988. № 57. С. 116–120.
- Тесаков, 2021 — Тесаков А. С. Эволюция фаун мелких млекопитающих и континентальная биостратиграфия позднего кайнозоя юга Восточной Европы и Западной Азии: Дис. ... д-ра геол.-минер. наук: 1.6.2 — палеонтология и стратиграфия. М.: ГИН РАН, 2021. 167 с.
- Тесаков и др., 2019 — Тесаков А. С., Гайдаленко О. В., Соколов С. А., Фролов П. Д., Трифонов В. Г., Симакова А. Н., Латышев А. В., Титов В. В., Щелинский В. Е. Тектоника плейстоценовых отложений северо-восточной части Таманского полуострова, Южное Приазовье // Геотектоника. 2019. Т. 5. С. 12–35.
- Хайкунова, Виноградова, 2020 — Хайкунова Н. А., Виноградова Е. А. Каменная индустрия каменнобалковской культуры — современное состояние исследования (по материалам 2-го культурного слоя стоянок Каменная Балка II и Третий Мыс) // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 5. С. 66–85.
- Щелинский, 1999 — Щелинский В. Е. Каменная индустрия Носово I в Приазовье: технологический аспект // Археологический альманах. № 8. Донецк: б. и., 1999. С. 109–128.
- Щелинский, 2011 — Щелинский В. Е. Особенности изготовления и использования каменных орудий из разных видов сырья на Ильской мустьерской стоянке (Северо-Западный Кавказ) // Записки ИИМК РАН. 2011. № 6. С. 46–84.
- Щелинский, 2014 — Щелинский В. Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН, 2014. 168 с.
- Щелинский, 2021 — Щелинский В. Е. Ранний ашель Западного Предкавказья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. 132 с.
- Щелинский, 2023 — Щелинский В. Е. Ашельское местонахождение Мыс Каменный на Таманском полуострове в контексте изучения нижнего палеолита Кавказского региона // Записки ИИМК РАН. 2023. № 28. С. 102–118.
- Щелинский, 2025a — Щелинский В. Е. Открытие первых местонахождений среднего палеолита в Западном Предкавказье // КСИА. 2025. Вып. 278. С. 43–60.
- Щелинский, 2025b — Щелинский В. Е. Раннеплейстоценовая нижнепалеолитическая стоянка Кермек в южном Приазовье: палеоэкологические условия и особенности культурной адаптации ранних людей // ПАЖМИ. 2025. № 1. С. 38–60.
- Щелинский, Титов, 2024 — Щелинский В. Е., Титов В. В. Местонахождения среднего палеолита Протока 1 и Протока 2 в Западном Предкавказье // АВ. 2024. Вып. 45. С. 11–20.
- Щелинский и др., 2020 — Щелинский В. Е., Очередной А. К., Тесаков А. С., Фролов П. Д., Симакова А. Н., Титов В. В. Новые данные об ашельской стоянке Хрящи в низовье Северского Донца (Нижний Дон) // КСИА. 2020. Вып. 259. С. 49–71.
- Янина, 2012 — Янина Т. А. Неоплейстоцен Понто-Каспия: биостратиграфия, палеогеография, корреляция. М.: Географический факультет МГУ, 2012. 264 с.
- Bosinski, 2000–2001 — Bosinski G. The Middle Palaeolithic in Central Europe // Zephyrus. 2000–2001. Vol. 53–54. P. 79–142.
- Jöris et al., 2022 — Jöris O., Neruda P., Wiśniewski A., Weiss M. The Late and Final Middle Palaeolithic of Central Europe and its contributions to the formation of the regional Upper Palaeolithic: a review and a synthesis // Journal of Paleolithic Archaeology. 2022. Vol. 5. P. 5–17.
- Konstantinov et al., 2018 — Konstantinov E. A., Velichko A. A., Kurbanov R. N., Zakharov A. L. Middle to Late Pleistocene topography evolution of the North-Eastern Azov region // Quaternary International. 2018. № 465. P. 72–84.
- Kozłowski, 2014 — Kozłowski J. K. Middle Palaeolithic Variability in Central Europe: Mousterian vs Micoquian // Quaternary International. 2014. Vol. 326–327. P. 344–363.
- Leonova et al., 2015 — Leonova N., Nesmeyanov S., Vиноградова Е., Voeykova O. Upper Paleolithic subsistence practices in the southern Russian Plain: paleolandscapes and settlement system of Kamennaya Balka sites // Quaternary International. 2015. Vol. 355. P. 175–187.
- Otcherednoy et al., 2022 — Otcherednoy A. K., Nehoroshchev P. E., Vishnyatsky L. B., Voskresenskaya E. V., Southon J. R., Hoffecker J. F. Radiocarbon dating Rozhok I, a Middle Paleolithic open-air site in southern Russia // Radiocarbon. 2022. Vol. 64, no. 1. P. 153–170.
- Shchelinsky et al., 2016 — Shchelinsky V. E., Gurova M., Tesakov A. S., Titov V. V., Frolov P. D., Simakova A. N. The Early Pleistocene site of Kermeck in western Ciscaucasia (southern Russia): Stratigraphy, biotic record and lithic industry (preliminary results) // Quaternary International. 2016. Vol. 393. P. 51–69.
- Tesakov et al., 2007 — Tesakov A. S., Dodonov A. E., Titov V. V., Trubikhin V. M. Plio-Pleistocene geological record and small mammal faunas, eastern shore of

- the Azov Sea, Southern European Russia // *Quaternary International*. 2007. Vol. 160. P. 57–69.
- Trifonov *et al.*, 2019 — Trifonov V. G., Tesakov A. S., Simakova A. N., Bachmanov D. M. Environmental and geodynamic settings of the earliest hominin migration to the Arabian-Caucasus region: A review // *Quaternary International*. 2019. Vol. 534. P. 116–137.
- Velichko *et al.*, 2009 — Velichko A. A., Catto N. R., Kono-
nov Yu. M., Morozova T. D., Novenko E. Yu., Panin P. G.,
Ryskov G. Ya., Semenov V. V., Timireva S. N., Titov V. V.,
Tesakov A. S. Progressively cooler, drier interglacials in
southern Russia through the Quaternary: evidence from
the Sea of Azov region // *Quaternary International*. 2009.
Vol. 198. P. 204–219.

Resources of stone raw material and Paleolithic lithic industries' spreading in the Sea of Azov region and the Lower Don region

V. E. Shchelinsky³

Keywords: resources of stone raw material, the spread of stone industries, Paleolithic, the Sea of Azov region, the Lower Don region

Stone raw materials for toolmaking were of exceptional importance in the Paleolithic. It can be argued that their availability, accessibility, and quality largely determined the settlement of certain regions by humans, as well as the development of traditional material culture features, including technologies. These propositions are well supported by data from the Sea of Azov and the Lower Don regions. These territories are distinguished by a high concentration of variously dated Paleolithic sites. However, these sites are unevenly distributed. Moreover, the age range and number of sites in different locations within these territories correlate quite clearly with the availability and accessibility of stone raw materials. The Sea of Azov and the Lower Don regions are generally rich in stone raw materials for toolmaking. This largely contributed to their settlement by early humans as early as the Lower Paleolithic. However, the peopling of these regions was uneven, due to many factors that influenced migration routes and the duration of human occupation in these areas during the Paleolithic. For example, the peopling of the North Sea of Azov region in the Late Middle Paleolithic occurred, in my opinion, primarily from the direction of Central Europe due to the population density in this region at the time (Bosinski, 2000–2001; Kozłowski, 2014; Jöris *et al.*, 2022). The penetration of Middle Paleolithic people into this territory from the Caucasus, as well as their advancement from the North Sea of Azov region and Crimea to the Ciscaucasia and the North-Western Caucasus, was for a long time (MIS 5) impeded by a natural barrier in the form of lower Late Pleistocene transgressions of the Black and Caspian Seas and the active Manych Strait (Shchelinsky, 2025a). However, the availability of stone raw materials for toolmaking still played a leading role in human dispersal in the Paleolithic. Thus, the abundance of high-quality flint in the North Sea of Azov region and the Lower Don region was a key factor in the peopling of these territories throughout most of the Paleolithic. In contrast, the South and South-Eastern Sea of Azov regions differ significantly from the North Sea of Azov region and the Lower Don region in terms of stone raw material resources and the distribution of Paleolithic lithic industries. These regions lack high-quality flint. Lower Paleolithic lithic industries are currently well represented in the South Sea of Azov region. The first Middle Paleolithic lithic industries have also been discovered. All of these industries were based on silicified dolomite and marl — raw materials that were local and readily available, but of lower quality than flint. Perhaps precisely because of the lack of flint, Upper Paleolithic lithic industries, which typically relied on high-quality stone raw materials, have not been identified here. The South-Eastern Sea of Azov region lacks stone raw materials for toolmaking, making this territory unsuitable for human habitation during the Paleolithic. Humans appeared in the South-Eastern Sea of Azov region, at least during the Middle Paleolithic, only sporadically, and judging by the Glafirovka Middle Paleolithic site discovered there, they came from the south, from the adjacent North-Western Caucasus. Thus, reliable data on cultural connections in the Paleolithic between the South and South-Eastern Sea of Azov regions, on the one hand, and the North Sea of Azov region, on the other, is currently lacking. However, human migrations during the Paleolithic from the North Sea of Azov region (from the Russian Plain) to the Ciscaucasia and the northwestern Caucasus, as well as from the Caucasus to the Russian Plain and Crimea, undoubtedly could have taken different routes. However, these routes have not yet been studied.

³ Vyacheslav E. Shchelinsky — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: shchelinsky@yandex.ru.

Курган со вторичными погребениями конца IV — первой половины III в. до н. э. на Петровских высотах в Симферополе

И. И. Шкрибляк¹

Аннотация. В статье публикуются результаты исследований кургана близ Симферополя, в центре которого обнаружена площадка с фрагментированными костями человеческого скелета. Сочетание конструктивных элементов кургана позволяет предположить, что в IV–III вв. до н. э. здесь мог практиковаться обряд выставления.

Ключевые слова: погребальный обряд, курган, тавроскифы, кромлех, каменная наброска, выставление, вторичное захоронение.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-21-29

Объект культурного наследия «Курган II», расположенный у восточного обрыва Петровских высот в г. Симферополе (Республика Крым) (рис. 1), был выявлен экспедицией ООО «Таврическое археологическое общество» в 2017 г. при проведении археологических разведок. GPS-координаты кургана в системе WGS-84 N44.913861° E34.129745°. Летом 2022 г. в связи с устройством в непосредственной близости от кургана инженерных коммуникаций жилого массива «Петровские высоты» памятник был исследован экспедицией Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь Скифский» в полном объеме².

До начала раскопок курган представлял собой слабо различимую в рельефе возвышенность, покрытую многолетней травянистой растительностью. Высота ее составила 0,3–0,4 м, диаметр — около 14,0–16,0 м. На поверхности кургана почти везде визуально фиксировался

мелкий бутовый известняк. Близ восточной полы кургана строителями была прокопана глубокая траншея для укладки коммуникаций, не задевшая конструктивные элементы насыпи. В центральной части кургана в рельефе была хорошо различима просадка с отвалом в восточной части. Впоследствии эта просадка была соотнесена с границами грабительской ямы, частично разрушившей погребальную площадку. В ходе разборки насыпи в ее центральной части обнаружено несколько современных погребений домашних животных.

До начала археологических исследований была выполнена подробная топографическая съемка памятника, разбит раскоп площадью 245 кв. м с крестообразной бровкой шириной 0,5 м в центре. Бровкой раскоп был разделен на четыре сектора: 1 — северо-западный, 2 — северо-восточный, 3 — юго-западный, 4 — юго-восточный. Нулевым репером кургана принято место пересечения стратиграфических бровок.

Удаление слоя дерна с поверхности кургана выявило компактную округлую в плане каменную наброску из мелкого и среднего бутового известняка. Диаметр ее составил 16–17 м. Наброска после фиксации и нивелировки разбиралась в каждом секторе раскопа отдельно с сохранением стратиграфии бровок.

¹ Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», Симферополь, Республика Крым; e-mail: vejde_v_l@mail.ru.

© Шкрибляк И. И., 2025

² Исследования велись по Открытому листу В. Ю. Кононова (Крымский региональный центр археологических исследований). Коллекционные находки сданы в фонды ИАМЗ «Неаполь Скифский».

Рис. 1. Расположение кургана II, исследованного в 2022 г. на южной окраине Симферополя на карте Крыма

Fig. 1. The location of the burial mound II (investigated in 2022 in the southern outskirts of Simferopol) on the map of Crimea

Описание стратиграфии курганный насыпи (южный борт секторов 1 и 2)

0,00–0,10 м — слой дерна.

–0,10/–0,55 м — слой темного гумуса с известняковой крошкой и камнем (тело курганный насыпи, зафиксировано в центральной части стратиграфии). Тело кургана с запада и востока ограничено крупными камнями кольцевого кромлеха (крепидами). Верхушки камней кромлеха были видны на современной дневной поверхности. Подшвами камни уложены на материковую светлую глину.

–0,45/–0,55 м — в западной части разреза прослежена прослойка мелкофрагментированных человеческих костей с известняковым камнем и темным гумусом (тут разрезана центральная погребальная площадка).

–0,10/–0,50 м — в восточной и западной частях разреза за пределами тела курганный насыпи был отмечен слой плотного темного гумуса с мелким камнем. Этот горизонт природного происхождения, естественно накопившийся на материковой поверхности.

–0,52/–0,63 м — в центральной части разреза выявлен небольшой участок погребенного чернозема. На большей части разреза он не обнаружен.

На отметке –0,50/–0,55 м на всей протяженности разреза зафиксированы выходы материковой глины с крупными камнями и примесью мелкой гальки и песка.

Погребальная площадка и ее конструктивные элементы

Разборка каменной наброски из известняка мелкой и средней фракций, обнаруженной непосредственно под слоем дерна, показала, что

ею был в древности перекрыт небольшой кольцевой каменный кромлех 11 × 10 м, составленный из крупных известняковых глыб на предварительно подготовленной ровной поверхности (рис. 2; 3, 1). Высота кромлеха варьирует от 0,4 до 0,5 м. Анализ стратиграфии и планиграфических зачинок выявил, что до устройства монументальной каменной конструкции с поверхности рабочей площадки был удален плодородный чернозем вплоть до желтой материковой глины. Монтаж камней кромлеха производился в неглубокие лунки с подсыпкой грунта и известнякового щебня, подкладкой под основание небольших камней. Кладка кромлеха однолицевая однорядная, в некоторых местах камни кладки выворочены, смещены либо вовсе отсутствуют. В южной части каменного кольца в кромлех вмонтирована своеобразная каменная платформа размерами 4,2 × 2,2 м, сформированная из двух рядов крупных каменных блоков (рис. 2). Пространство между блоками засыпано темным гумусом вперемешку с мелким камнем. В западном торце платформы обнаружен обработанный известняковый блок, уложенный плашмя (рис. 3, 2). Высота платформы не превышает высоты кромлеха.

После удаления с площади раскопа бровок в границах каменного кромлеха была зачищена необычная погребальная площадка (рис. 3, 1, 2), частично нарушенная в южной части грабительской ямой. На выровненной поверхности материка фиксировался слой разбитых на мелкие фрагменты человеческих костей вперемешку с темным гумусом, известняковым камнем мелкой и средней фракций (рис. 3, 3, 4). Все попытки в ходе зачинок обнаружить анатомический порядок костей были безуспешны, лишь в одном случае удалось зафиксировать кости кисти руки с железным браслетом на месте запястья.

Немногочисленный погребальный инвентарь был найден в разных местах площадки также в перемешанном состоянии с костным боем. Крупные предметы удалось зафиксировать на месте обнаружения, более мелкие (бусы, фрагменты бронзы и железа) нашлись после просева всего грунта с центральной части кромлеха. Находки среди перемешанного костного слоя следующие: две профильные части (донца) лепных лощеных сосудов (рис. 4, 19а, 19б); железная пряжка с неподвижным язычком (рис. 4, 12); два фрагментированных железных и два бронзовых браслета (рис. 4, 6, 7, 9); фрагменты железных браслетов; деформированный литой бронзовый перстень с изображением Эрота на Гиппокампе (?) (рис. 4, 4); железный

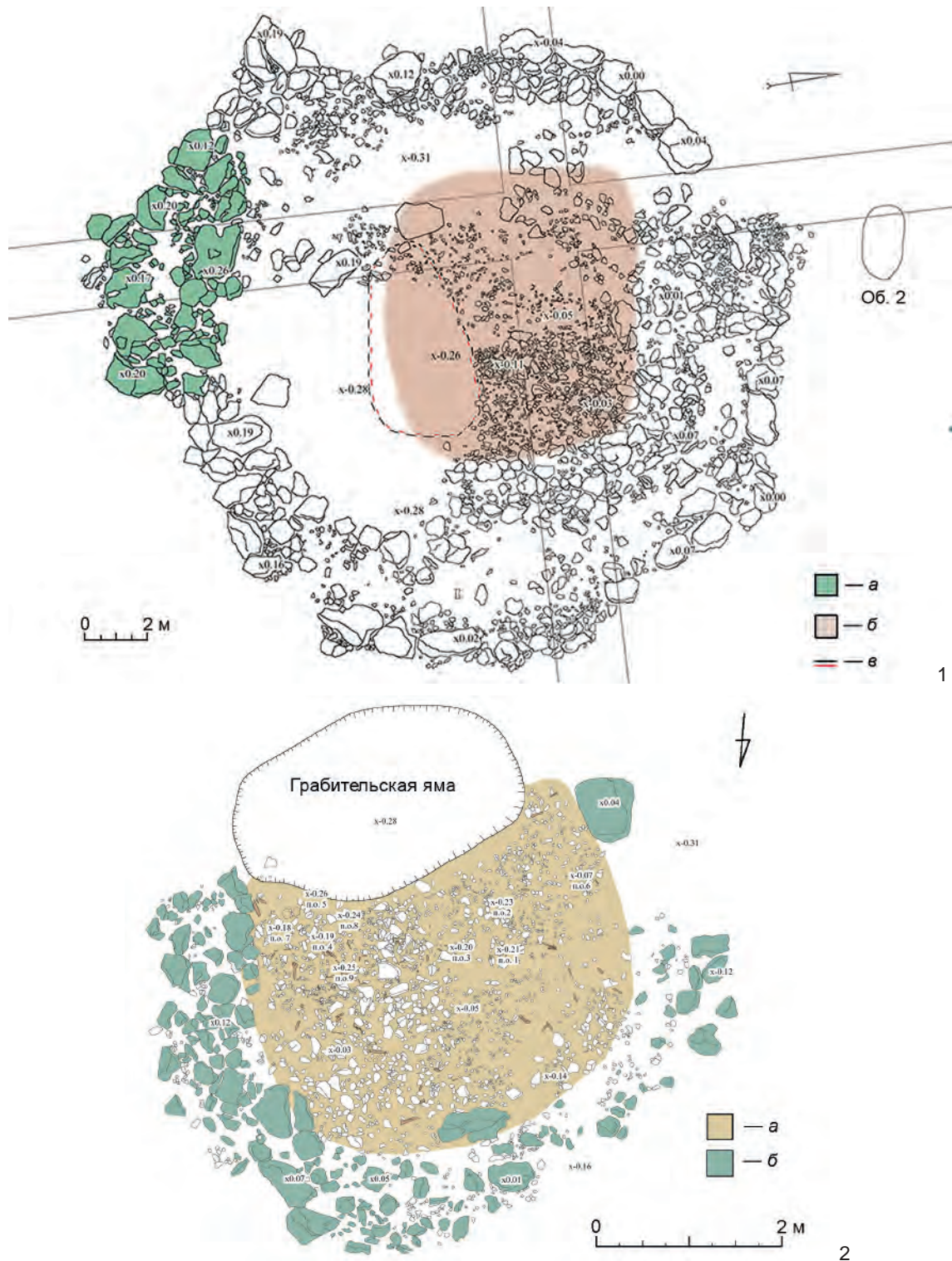

Рис. 2. Симферополь, Петровские высоты, курган II: 1 — план кольцевого каменного кромля и погребальной площади после разборки каменной наброски (а — каменная платформа; б — границы распространения слоя фрагментированных человеческих костей; в — границы грабительской ямы); 2 — план площадки с костными останками в центре (а — границы распространения костеносного горизонта; б — внутренняя каменная оградка)

Fig. 2. Simferopol, Petrovskie heights, burial mound II: 1 — layout of the ring-like stone cromlech and funeral ground after dismantling the stone gathering (а — stone platform; б — boundaries of spreading of the fragmented human bones' layer; в — boundaries of the robbers' pit); 2 — layout of the ground with bone remains in the center (а — boundaries of the bone-containing horizon's spreading; б — internal stone enclosure)

Рис. 3. Симферополь, Петровские высоты, курган II: 1 — кольцевой каменный кромлех, вид с северо-востока; 2 — каменная платформа в южной части каменного кромлеха, вид с запада; 3, 4 — центральная погребальная площадка кургана 2, состояния человеческих костей в зачистке

Fig. 3. Simferopol, Petrovskie heights, burial mound II: 1 — ring-like stone cromlech, view from the north-east; 2 — stone platform in the southern part of the stone cromlech, view from the west; 3, 4 — central funeral ground of the burial mound 2, human bones' condition in clearing

гвоздь (рис. 4, 5); стеклянные, фаянсовые, гагатовые бусы и пронизы (рис. 4, 13–15); пронизь из морской раковины; лепное лощеное пряслице пирамидальной формы (рис. 4, 18); каменная пронизь неправильной формы (рис. 4, 16); три бронзовые перстневидные подвески (рис. 4, 1–3), в том числе с пуансонным орнаментом; бронзовое проволочное кольцо в четыре оборота (рис. 4, 10). Предварительно, до проведения антропологического определения костного материала, по количеству фрагментов нижних челюстей можно судить о пяти-шести погребенных в границах ритуального пространства.

Погребальный инвентарь находит множество параллелей среди вещевого набора из каменных ящиков таврского населения горного и предгорного Крыма. Именно для них характерно обилие мелких бронзовых украшений, типичными находками являются проволочные пронизы и подвески, браслеты с несомкнутыми окончаниями, перстневидные подвески, пронизы и подвески из раковин. Диагностирующим с точки зрения хронологии является крупный бронзовый литой

перстень с резным изображением на щитке, который можно отнести к многочисленному классу эллинистических перстней, в том числе птолемеевского типа III в. до н. э. (Неверов, 1986. С. 22). Обнаруженный в погребальном сооружении могильника Батырский I в районе Новороссийска перстень подобного типа надежно датирован серединой — третьей четвертью III в. до н. э. благодаря найденному в погребении 8 синопскому клейму (Трейстер и др., 2024. С. 241).

Находки за пределами ритуальной площадки кургана

В каменной наброске при ее зачистке и разборке были обнаружены трудноопределимые фрагменты амфор, в том числе профильные части, фрагменты лепных сосудов. В секторе 2 у подошвы камней кромлеха найдена фрагментированная проволочная многовитковая подвеска. В секторе 4 при разборке забутовки каменного кромлеха найден бронзовый трехлопастной втульчатый наконечник стрелы. В слое дерна у западного подножия курганной насыпи обнаружена хорошо

Рис. 4. Симферополь, Петровские высоты, курган II. Находки из слоя фрагментированных костей с темным гумусом и камнем в центре площадки: 1–3 — перстневидные подвески; 4 — перстень с резным изображением; 5 — гвоздь; 6, 7, 9 — браслеты; 8 — наконечник стрелы; 10 — проволочное кольцо; 11 — подвеска; 12 — пряжка; 13–16 — стеклянные, гагатовые, каменные пронизы и подвески, подвеска-раковина; 17 — лучковая фибула; 18 — пряслице; 19а, 19б — профильные части лепных сосудов. 1–4, 7, 9, 10 — бронза; 5, 6, 12, 17 — железо

Fig. 4. Simferopol, Petrovskie heights, burial mound II. Finds from the layer of fragmented bones with dark humus and the stone in the middle of the ground: 1–3 — ring-like pendants; 4 — ring with a carved image; 5 — nail; 6, 7, 9 — bracelets; 8 — arrowhead; 10 — wire ring; 11 — pendant; 12 — buckle; 13–16 — glass, jet, stone beads and pendants, pendant-shell; 17 — bow-shaped fibula; 18 — spindle whorl; 19а, 19б — profile parts of molded vessels. 1–4, 7, 9, 10 — bronze; 5, 6, 12, 17 — iron

сохранившаяся железная лучковая фибула с завитком на конце приемника. В окрестностях кургана найдено кремневое орудие (скребок) с ретушированными краями.

При контрольной зачистке материка в 1,5 м к северу от каменного кромлеха обнаружены признаки захоронения в небольшой овальной яме размерами 0,95 × 0,65 м. Яма (объект 2) выкопана в глинистом материковом грунте, насыщенном известняковой крошкой. Глубина конструкции не превышает 0,20 м. Дно из-за обилия материкового камня неровное, борта ямы покатые. Яма ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. На дне зачищено погребение человека очень плохой сохранности. Сохранились лишь бедренные кости (со значительными утратами), остальные части скелета превратились в мелкую костную труху. Судя по отпечаткам скелета и бедренным костям, погребенный был уложен на левый бок головой на северо-запад. Ноги слегка согнуты в коленях, положение рук не установлено. У условного локтя левой руки обнаружены два пряслица, выточенных из крупных фрагментов гончарной посуды (возможно, амфор), на месте головы найдена литая фигурная бронзовая серьга с декоративными элементами. Аналогий этому украшению подобрать не удалось. Погребение можно предварительно датировать ранним железным веком, керамическое тесто пряслиц имеет признаки херсонесского и гераклейского центров амфорного производства.

Реконструкция погребального ритуала в границах кургана

Несмотря на значительную фрагментацию костей человеческого скелета, перемешанность и малочисленность погребального инвентаря, полевые наблюдения позволили исключить версию о тотальном ограблении центральной ритуальной площадки. Современная грабительская яма действительно разрушила южную часть площадки, уничтожив приблизительно треть ее часть, однако в северной части следов намеренного проникновения обнаружено не было. Площадка с человеческими останками была заложена в древности локальной каменной наброской, которая окончательно сформировала облик кургана. Следов нарушения либо разборки этой наброски в северной части площадки не выявлено.

Косвенным доказательством сохранения первоначального облика ритуальной площадки (в не затронутой ограблением части) служит отсутствие каких-либо внятных следов каменной или

грунтовой погребальной конструкции, типичной для таврских и скифских древностей центрального Крыма. Накопленные за прошедшие десятилетия данные археологических исследований показывают, что в V–IV вв. до н. э. тавроскифское население полуострова использовало четыре типа подкурганных погребальных конструкций: грунтовые яму и катакомбу, каменные ящик и склеп (Колтухов, Сенаторов, 2020. С. 125–127), причем каменные конструкции встречаются лишь там, где для их устройства в обилии имелся строительный материал, то есть в предгорном и горном Крыму. Погребальное пространство кургана II на Петровских высотах изначально задумывалось как открытая ритуальная площадка, отделенная от внешнего мира каменным кромлехом. Вход в это пространство находился либо в юго-восточной, либо в северной части каменного кольца, где крупные камни отсутствуют. Комплекс сразу был спроектирован как площадка с открытым доступом, над которой скорее всего не было ни временной, ни стационарной кровли, по крайней мере археологических следов ее в виде ямок и углублений не обнаружено. Нет и следов подземного строительства или ограниченного каменными стенками пространства, в которое можно было бы в последующем совершать подзахоронения. Костные останки погребенных были единовременно перекрыты наброской из каменного бута, когда строители ритуальной площадки посчитали, что ее использование необходимо завершить.

Не последнюю роль в выборе места для строительства погребального комплекса сыграли особенности топографии местности: курган расположен на краю Петровских высот, откуда открывается обширная пейзажная панорама на долину реки Салгир, главную гряду Крымских гор, равнинные пространства степного Крыма.

Зачистка примыкающего к погребальной площадке пространства с севера показала, что погребенные в центре кургана помимо кромлеха могли быть окружены еще одним каменным кольцом-наброской. Признаки небольшой внутренней каменной наброски, овалом огибающей костные останки, обнаружены в северной части площадки внутри каменного кромлеха. В южной части это внутреннее кольцо было сильно разрушено грабительской ямой.

Сочетание кольцевого кромлеха, каменной платформы и слоя мелко раскрошенных человеческих костей демонстрирует следы особого погребального культа в границах ритуального пространства кургана. Видимо, мы имеем дело

с проявлением многостадийной погребальной обрядности, на первом этапе которой тело покойника выставлялось на открытом воздухе для естественного освобождения костей скелета от мягких тканей. Для выставления тела была построена каменная платформа, в ее торцовой западной части был найден единственный в кургане обработанный блок, уложенный горизонтально. Его ровная поверхность могла использоваться для ритуальных возлияний и тризновых процедур, которые сопровождали первую стадию погребальной церемонии.

Очищение тела покойного от мягких тканей происходило как в силу естественных процессов разложения, так и в результате деятельности хищных птиц и зверей. По завершении этого этапа кости снимались с платформы, мелко дробились и помещались в центр ритуальной площадки. Сюда же попадал перемешанный и деформированный погребальный инвентарь, в основном личные вещи покойников, детали костюма и мелкие украшения.

В 1890 г. в 250 м к юго-западу от кургана II Таврической ученой архивной комиссией под руководством А. Х. Стевена и А. И. Маркевича была частично исследована еще одна насыпь высотой около 2 м (Маркевич, 1890. С. 107) (курган I). Раскопкам кургана предшествовали многочисленные ограбления, связанные с добычей камня для нужд окрестного строительства. Экспедиция обнаружила в насыпи полуразоренный каменный ящик с плитовым перекрытием, в котором содержались останки не менее чем 10 погребенных. В южной части ящика удалось зачистить нетронутый участок его заполнения, в котором череп одного из погребенных был уложен сверху на ребра и бедренные кости (Там же. С. 109). Исследователи предположили «сидячее, согнутое положение покойника», однако, учитывая компактность ящика (судя по опубликованным данным, 1,9 × 1,3 м) и значительное количество человеческих останков, есть все основания предположить, что ящик мог использоваться в качестве костницы на завершающей стадии погребальных манипуляций с телами умерших. Среди человеческих костей были обнаружены фрагменты лепной и гончарной посуды и более 200 фрагментов железного панциря (по предположению исследователей комплекса). Если идентификация железных пластин верна, то погребения в ящике по железному панцирю могут быть датированы в целом V–IV вв. до н. э.

Использование каменных ящиков в качестве погребального сооружения типично для кизил-

кобинской археологической культуры Крыма, часто они образуют небольшие родовые кладбища с единой оградкой и невысокой курганной насыпью овальной конфигурации (Кравченко, 2010. С. 32). В основном при раскопках в них фиксируется перемешанный и раздробленный костный материал с бессистемным залеганием на разных уровнях инвентаря: нательных украшений, лепной посуды, железного и бронзового оружия. Разбитые и перемешанные фрагменты человеческих скелетов часто трактовались как результат ограбления, однако зафиксированная в кургане II ритуальная площадка позволяет поставить вопрос о существовании в тавроскифской среде особых неингумационных погребальных обрядов с несколькими стадиями манипуляций с телами и останками покойных.

Этнографические и археологические данные показывают, что на Евразийском континенте еще с эпохи античности наряду с традиционными ингумацией и кремацией практиковалось выставление тела покойного с последующим погребением костных останков. Наиболее известным примером является зороастрийский ритуал в древнем Иране, запрещающий соприкосновение умершей плоти с земными стихиями: водой, землей, огнем. Для освобождения костей покойных от плоти на вершинах холмов выстраивались каменные «башни молчания» (дахмы), где останки отдавались на съедение хищным птицам, кости же впоследствии захоранивались в оссуариях либо в специальных склепах. В Средней Азии захоронения предварительно очищенных от плоти костей в специально построенных много- или однокамерных склепах-наусах встречаются повсеместно в широком хронологическом диапазоне — от рубежа IV–III вв. до н. э. до XIII в. н. э. (Ртвеладзе, 1978. С. 113).

Исследования погребальных памятников варварского населения центрального Крыма эллинистического и римского времени показывают, что с I в. до н. э. для перезахоронения фрагментированных костных останков уже выстраиваются специальные крупные каменные склепы с дромосом, количество погребенных в которых варьирует от 50 до 150 человек. На некрополе Кара-Тау такие склепы-костницы занимали обособленный участок к северо-западу от основной дороги, ведущей на террасированное поселение; на могильнике Опушки подобный склеп был вписан в традиционную планировочную схему грунтового некрополя (Храпунов, Стоянова, 2020), заняв на нем значительное пространство. Еще ранее, со II в. до н. э., в подкурганных каменных склепах

в предгорном Крыму фиксируются следы массовых перезахоронений. В кургане 10 могильника Сары-Кая у подножия Белой скалы были обнаружены останки 86 человек в фрагментированном состоянии (Зайцев, Мордвинцева, 2010), черепа и кости последних погребенных были оставлены между закладными плитами входного коридора. В кургане 9 группы Чигирник рядом с аристократическим скифским некрополем Беш-Оба/Ак-Кая в юго-западной части вырубленного в скале склепа обнаружены компактно сложенные останки не менее чем 30 человек, причем черепа были целенаправленно уложены поверх длинных костей скелета (Шкрибляк, в печати).

Курган на Петровских высотах к настоящему моменту является наиболее ранним проявлением присутствия в варварской среде Крыма многостадийного погребального обряда, истоки которого, несомненно, следует искать в ритуальной практике кизил-кобинского населения горного и предгорного Крыма, ставшего важным компонентом тавроскифской культурной общности.

Н. П. Сорокиной и Н. И. Сударевым рассмотрена целая серия погребений VI–IV вв. до н. э. на территории Европейского Боспора, которые могут трактоваться как вторичные, в том

числе после завершения этапа выставления тела. По версии исследователей, подобная практика могла быть признаком присутствия кочевого скифского элемента в греческой культурной среде, особенно сильна эта инфильтрация была в окрестностях Нимфея (Сорокина, Сударев, 2001. С. 381).

Кем бы ни были люди, практиковавшие на периферии античных городов и на исконно варварской территории центрального / горного Крыма обряд выставления, слабым местом всех подобных гипотез является полное отсутствие археологических признаков ритуальных площадок для размещения тела покойного на открытом воздухе. Достаточно очевидным представляется тот факт, что даже при всей скрупулезности и тщательности современной археологической методики подобные площадки просто невозможно найти по причине отсутствия в древности необходимости их консервации и сокрытия, а также расположения на открытых и часто посещаемых человеком местах. Каменная платформа в границах кургана II на Петровских высотах является первым подтверждением существования подобных площадок, хотя и здесь возможны разные варианты трактовки ее предназначения.

Зайцев, Мордвинцева, 2010 — Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Курган с коллективными погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика. Археологический альманах. 2010. № 22. С. 169–176.

Колтухов, Сенаторов, 2020 — Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Ч. II: Между долиной Салгира и междуречьем Карасу. Симферополь: Колорит, 2020. 307 с.

Кравченко, 2010 — Кравченко Е. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ: ІА НАН України, 2010. 276 с.

Маркевич, 1890 — Маркевич А. И. Расчистка кургана в окрестностях Симферополя // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1890. Вып. 10. С. 107–110.

Неверов, 1986 — Неверов О. Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная торевтика / Ред. Н. Л. Грач. Л.: Гос. Эрмитаж, 1986. С. 17–27.

Ртвеладзе, 1978 — Ртвеладзе Э. В. Дальверзинтепе — кушанский город на юге Узбекистана / Ред. Л. И. Ремпель. Ташкент: Фан, 1978. 240 с.

Сорокина, Сударев, 2001 — Сорокина Н. П., Сударев Н. И. К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI–V вв. до н. э. (постановка вопроса) // Древности Боспора. 2001. Т. 4. С. 377–384.

Трейстер и др., 2024 — Трейстер М. Ю., Рукавишников И. В., Бейлин Д. В. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из могильника «Батырский 1» в районе Новороссийска // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2024. Вып. 16. С. 234–288.

Храпунов, Стоянова, 2020 — Храпунов И. Н., Стоянова А. А. Каменный склеп Опушкинского могильника // Крым в сарматскую эпоху. Симферополь: Фирма «Салта» ЛТД, 2020. Вып. VI. С. 66–112.

Шкрибляк, в печати — Шкрибляк И. И. Сложные формы погребальной обрядности на варварских памятниках Предгорного Крыма в IV в. до н. э. — III в. н. э. // РА. В печати.

A burial mound with secondary burials of the late 4th — 1st half of the 3rd cent. BC on Petrovskie heights in Simferopol

I. I. Shkriblyak³

Keywords: burial rite, burial mound, Tauro-Scythians, cromlech, the stone gathering, exposure, secondary burial

In 2022, along with the exploration of the Kizil-Koba and Scythian settlements on Petrovskie heights in Simferopol, an expedition from the Historical and Archaeological Museum-Reserve “Neapolis Scythian” excavated a small burial mound near the plateau’s eastern cliff. Beneath a solid stone backfill, a ring-shaped stone cromlech was discovered, surrounding a peculiar burial platform constructed on the previously cleared and leveled natural surface. The platform yielded a layer of broken and crumbled human bones with a small amount of scattered grave goods dating from the late 4th to the 1st half of the 3rd cent. BC. The bones were interspersed and interbedded with dark humus and fine limestone rubble. The condition of the anthropological remains let to suggest that the Tauro-Scythian population in this region practiced the ritual of exposure of the deceased’s body and then interring the skeletal remains in the central part of the ritual space. This hypothesis is supported by the discovery of a double-faced oval stone platform in the southern part of the platform, which may have served as the first stage of the burial rite.

---

³ Irina I. Shkriblyak — Historical and Archaeological Museum-Reserve “Neapolis Scythian”, Simferopol, Republic of Crimea; e-mail: vejde_v_l@mail.ru.

Граффито-посвящение из поселения Панское-1 и культ Сабазия в Северном Причерноморье¹

И. Ю. Шауб²

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с культом фрако-фригийского бога Сабазия в Северном Причерноморье. Отправной точкой исследования послужила находка в 1971 г. на поселении Панское-1 на хоре Херсонеса граффито-посвящения Сабазию конца IV в. до н. э., которое до сих пор остается древнейшим эпиграфическим свидетельством культа этого бога (идентифицировавшегося с Дионисом, а в римское время также с Зевсом-Юпитером и рядом других божеств) не только в Причерноморье, но и во всем античном мире.

Ключевые слова: античная религия, Сабазий, Дионис, Великая богиня, граффити, Северное Причерноморье, поселение Панское-1, хора Херсонеса, Боспор Киммерийский, Фракия, Фригия.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-30-42

Поселение Панское-1 на хоре Херсонеса существовало относительно недолго и погибло в пожаре, вызванном внезапным набегом скифов в первой половине III в. до н. э., вероятно, ближе к началу столетия. В 1971 г., во время третьего полевого сезона работы Тарханкутской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством А. Н. Щеглова, при расчистке помещения 12 усадьбы 6 под раздавленными лепными сосудами был найден фрагментированный³ тонкостенный чернолаковый аттический скифоидный килик последней четверти IV в. до н. э. На верхней части внешней стороны этого сосуда крупными буквами (высотой от 10 до 17 мм) была выполнена надпись: $\epsilon\rho\alpha\ \Sigma\alpha\beta\acute{\alpha}\varsigma\iota\omicron\upsilon$

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: schaubigor@mail.ru.

© Шауб И. Ю., 2025

³ Сохранилась лишь его верхняя часть. Поскольку раскопки А. Н. Щеглова всегда отличались исключительной тщательностью, можно предположить, что к моменту гибели здания килик уже был разбит, а найденный фрагмент сохранился вследствие сакральности нанесенного на его поверхность посвящения.

(рис. 1). Это граффито можно понять и как «(килик), посвященный Сабазию», и как «священный (килик) Сабазия» (Скржинская, 2010. С. 117). Как бы то ни было, эта находка, которая неоднократно публиковалась (Щеглов, 1976; 2000; 2001; Гилевич, 1983; 1989; Stolba, 2002. С. 229), интересна как сама по себе, так и потому, что является древнейшим эпиграфическим свидетельством культа Сабазия не только в Причерноморье, но и во всем ареале почитания этого бога (Berndt, 2018. Р. 151, 152). Поскольку в том же помещении 12 было обнаружено несколько разнообразных терракотовых статуэток женского божества (Hannestad, 2002), А. Н. Щеглов пришел к выводу, что оно служило домашним святилищем, где вместе с Сабазием почиталась Деметра. Если интерпретация помещения, где найдено посвящение, совершенно логична, то второе заключение археолога вызывает сомнение.

Как и откуда культ этого бога попал на хору Херсонеса⁴, неясно; А. М. Гилевич считала, что непосредственно из Малой Азии (Гилевич, 1983;

⁴ В отличие от хоры Херсонеса, культ Сабазия в самом этом городе пока не засвидетельствован. Правда, некоторые исследователи хотят видеть в найденных здесь граффити $\Sigma\Lambda$ аббревиатуру имени Сабазия (Зубарь, 2005. С. 49), но это крайне маловероятно.

1989. С. 76)⁵. Исследовательница отнесла к культу Сабазия две стеклянные подвески в виде многоликой бородатой головы, найденные в том же комплексе, что и грффито-посвящение этому богу, а также обнаруженное во дворе усадьбы у входа в помещение 27 миниатюрное серебряное изображение свернувшейся змеи (Гилевич, 1989. С. 72 след.; Stolba, 2002. Р. 229). Допуская большую вероятность гипотезы Гилевич, А. Н. Щеглов справедливо заметил, что и изображение змеи, и подвески с личинами могли быть связаны и с другими хтоническими культами (Ščeglov, 2002. Р. 216, 217, 220). Действительно, аналогичное изображение змеи из серебряной проволоки было обнаружено в домашнем святилище на поселении Андреевка Южная (Кругликова, 1984. Табл. XXXVI, 12; 2001), где прочие находки весьма сильно отличаются от сделанных в святилище Панского-1⁶. Что касается стеклянных амулетов с личинами, то они довольно широко распространены как в Средиземноморье, так и в Северном Причерноморье (Ščeglov, 2002)⁷.

Сабазий (Σαβάζιος, Σαβάδιος, Σαβάσιος, Σαβάνδος, Σεβάζιος, Σεβάδιος) — это фрако-фригийский⁸ бог растительного плодородия, род-

Рис. 1. Граффито-посвящение Сабазию. Панское-1. Конец IV в. до н. э.

Fig. 1. Votive graffito to Sabazios. Panskoye-1. The end of the 4th cent. BC

[Stolba, 2002. Pl. 71, B 98]

ственный Дионису (Picard, 1961). Поскольку и в греческом культе Дионис — божество многоименное, Л. Р. Фарнелл предположил, что Сабазий — это просто племенной фракийский апеллатив того же самого бога (Farnell, 1909. Р. 94). Э. Доддс называет Сабазия «фракийско-фригийским» «диким, неэллинизированным Дионисом» (Доддс, 2000. С. 281). По мнению А. Б. Кука, «в доисторические времена почитание Диониса-Сабазия с его сатирами и Бендиды-Гекаты с ее менадами распространилось из Фракии на соседние острова Фасос, Самофракию, Имброс, Лемнос» (Cook, 1925. Р. 314)⁹. Естественно, мнения исследователей основываются на анализе античных источников, некоторые из которых прямо указывают на то, что Сабазий — это фракийский Дионис (Schol. Aristoph. Vesp. 9; Orph. h. 48 и др.)¹⁰. А Диодор пишет: «Некоторые сообщают миф, что был и другой, значительно более древний Дионис.

люю Азию со своей европейской родины (Kretschmer, 1896. S. 196 f.; Гиндин, 1981. С. 80).

⁹ В орфических гимнах Сабазий выступает в качестве отца Диониса (Orph. h. Sabaz. 48.1–6; 49.1–7). А. Б. Кук, отмечая, что, согласно орфическому гимну в честь Сабазия, Зевс-Сабазий принес младенца Диониса на гору Тмол (Orph. h. Sabaz. 48.1ff.), приводит попытки связать происхождение имени Сабазия с именем Зевса (Cook, 1925. Р. 957, 1217). Однако гораздо более правдоподобной, на наш взгляд, является ассоциация имени Сабазий (Сабадий) со славянским словом «свобода». В таком случае получает генетическое объяснение происхождения эпиклезы Диониса Элевтерий (Освободитель) (Fauth, 1968. Sp. 1478), которое обычно трактуется чисто метафизически как обретение свободы благодаря употреблению даров этого бога.

¹⁰ Однако, как отмечает Х. С. Верснел, тождество Сабазия и Диониса было размытым в том смысле, что, когда первый прибыл в Афины в V в. до н. э., его воспринимали как нового бога (Versnel, 1998. Р. 114).

⁵ Характерно, что, по словам В. К. Афанасьевой и Е. В. Мавлеева, «А. М. Гилевич в статье „О культе Сабазия в Херсонесе“ касается проблемы укоренения восточного культа в античной среде» (Афанасьева, Мавлеев, 1989. С. 5). Относительно пути, по которому культ Сабазия проник из Малой Азии на территории Северного Причерноморья, А. Фол допускает возможность того, что этот культ переместился из Европы (или через нее), с территории зарождения фракийского орфизма в зону этнокультурных контактов Фракии и Скифии (Фол, 1994. С. 48, 49). Ср.: Porova, 2009; 2021.

⁶ Оба эти святилища более или менее синхронны.

⁷ Среди находок, сделанных в святилищах, можно отметить ритуальную роль этих стеклянных амулетов у меотов; см.: Шауб, 2021а.

⁸ В работах последнего времени имеется ярко выраженная тенденция определять Сабазия как исключительно фригийского бога, что не только сужает, но и искажает реальную картину, поскольку таким образом предается забвению факт его фракийского происхождения. В частности, о переселении фригийцев в Малую Азию из Фракии уверенно говорит такой авторитетный источник, как Страбон. Правда, это не мешает ему здесь же причислить Сабазия к числу фригийских божеств (Strab. X, 3, 15). Еще П. Кречмер на основании свидетельств античных авторов и топонимики пришел к выводу об исконно балканском происхождении этого бога и его культа, который фригийцы принесли в Ма-

Этот Дионис, которого некоторые называют Сабазием, был сыном Зевса и Персефоны» (Diod. IV. 4, 1), причем и Зевс, и Персефона во время их брака имели змеиное обличье. Поэтому неудивительно, что и Дионис, и в еще большей степени Сабазий ассоциировались со змеями. Змея считалась воплощением Сабазия¹¹, потому ее не только изображали на памятниках его культа, но и носили в руках во время соответствующих ритуалов¹².

Кроме того, отличительной особенностью образа как Сабазия, так и Диониса является диморфность¹³, а для культа обоих этих богов характерна ритуальная травестия (Шауб, 2005). Диониса и Сабазия роднило и то обстоятельство, что их культ отличался не только экстатическим, но и мистериальным характером (Kloft, 1999). Черты обоих этих божеств также присутствуют в образе «Владыки зверей», о чем речь пойдет далее.

Относительно происхождения Сабазия в научной литературе уже давно ведутся бесконечные и бесплодные дискуссии. Одни считают его фракийцем; другие — фригийцем (словно забывшая весьма обоснованную гипотезу о фракийском происхождении фригийцев); третьи, учитывая несомненный малоазиатский компонент в его культе, считают его фрако-фригийским богом. Как бы то ни было, в V в. до н. э. Сабазий появился в Афинах (в дошедших до нас литературных произведениях первым его имя в ряде своих комедий упоминает Аристофан)¹⁴.

¹¹ Суеверный человек, по словам Теофраста, «если увидит в своем доме змею и если это будет красная змея, он призовет Сабазия, если священная — то тут же соорудит святилище» (Theophr. XIV).

¹² Что касается Диониса, то, по одной из версий, Дионис Загрей был сыном Зевса-змея и сам мог превращаться в эту рептилию (Gicheva, 1997. P. 1069; Ророва, 2009. P. 167); поэтому неудивительно, что менады на аттических вазах нередко изображались со змеями в руках.

¹³ Правда, у Сабазия она могла быть обусловлена воздействием культа Аттиса, характернейшей чертой которого было самооскопление как самого бога, так и подражавших ему жрецов и адептов его культа.

¹⁴ Сабазий упоминается в четырех комедиях Аристофана, датируемых между 422 и 411 гг. до н. э.: Ag. Nogaе fr. 566; Vesp. 8–10; Av. 876; Lys. 387 f. Во фрагменте комедии Baptaі («Погружающие») (датируемой, возможно, 416 или 415 г. до н. э.) современного ему комедиографа Эвполида (fr. 84, ed. Edmonds), вероятно, также речь идет о культе Сабазия, поскольку возглашается ритуальный клич «Euai saboi». Тот же клич так-

О смысле принятия афинянами культа этого бога очень глубоко рассуждает К. Кереньи: «Когда в V в. до н. э. культ Сабазия получил признание в Афинах со стороны городского населения (но не был официально принят государством), все выглядело так, словно вновь был введен культ Диониса в его архаической форме. Достаточно ясно говорится, что в качестве содержания своей религии Сабазий нес то же самое, что было и в мистериях Диониса¹⁵. В обращенном к Сабазию гимне его называют сыном Кроноса, следовательно, ставят его наравне с Зевсом. Из гимна мы узнаем, что он был тем, кто зашил в свое бедро Диониса. <...> Вопрос о том, действительно ли при таком рождении речь идет о ребенке, порожденном отцом, или о результате членовредительства и оскопления отца, не составляет труда решить, тем более если речь идет о Малой Азии. Мужское достоинство было принесено в дар малоазиатской Великой Матери ее возлюбленным Аттисом и приносилось ее жрецами. Из ее фригийских мистерий сохранилось также сообщение, что Зевс, после того как он совершил с ней, своей матерью, инцест, по видимому, оскопил себя. В действительности же он бросил в лоно богини яички барана¹⁶. Внутренняя логика мифа и соответствующего ритуала обнаруживается здесь достаточно четко. До нас не дошло в связи с этим никаких сведений о расчленении бога или замещающего его жертвенного животного. Был ли это бык, баран или мужская особь другого животного, все равно отделенное от него мужское начало должно было вернуться к Великой Матери, чтобы продолжился бесконечный цикл мужских рождений. В малоазиатской материнской религии это представление о женственности было преобладающим. <...>

Этот миф на жестокий манер подчеркивал вечное и необходимое самопожертвование мужской жизненной силы в пользу женского рода и, следовательно, в пользу всего человечества... Состояние оскопленного было для Диониса так же характерно, как и для Аттиса. Оно принадлежало к таинствам дионисийской религии» (Кереньи, 2007. С. 175, 176).

Что касается иконографии Сабазия, то она весьма богата (Lane, 1983), однако возникла очень поздно и является несомненным результатом синкретизма римской эпохи, когда этот бог, исконно

же засвидетельствован Демосфеном (De cor. 259–260) в 330 г. до н. э.

¹⁵ Strab. X.3, 15.

¹⁶ Clem. Protrept. 11. 15.2; Arnob. V. 21.

схожий с Дионисом и тесно связанный с Великой богиней (Матерью богов, Кибелой), стал ассоциироваться с Зевсом (Юпитером), Аполлоном, Гермесом (Меркурием), Асклепием, Диоскурами, Атисом, Митрой и другими божествами (*Gicheva*, 1997. Р. 1071)¹⁷. Древнейшим изображением Сабазия считается ритуальная сцена, представленная на роскошном аттическом краснофигурном кратере (ок. 440–430 гг. до н. э.) из этрусского города Спины (хранится в Национальном археологическом музее г. Феррары)¹⁸. Мастер изобразил здесь прелюдию к мистериям Сабазия и великой малоазийской богини, напоминавшим архаический культ Диониса. В присутствии обоих богов, сидящих на тронах, женщины и девушки исполняют экстатический танец со змеями, готовясь пройти посвящение в эти мистерии (*Кереньи*, 2007. Рис. 88, б–г). В головную повязку Сабазия — фигуры, напоминающей Плутона¹⁹ и лишенной выразительных черт подземного Диониса, известных по его маскам, — тоже вплетены змеи (*Там же*. Рис. 88, а). Кстати, дионисийский священный обряд питья из кратера не составлял никакой тайны и поэтому известен из многих вазовых изображений как подготовка к великим мистериям. В то же время само слово «пить из кратера» засвидетельствовано в Афинах в связи с мистериями Сабазия (*Demost. De cor.* 259; *Кереньи*, 2007. С. 230).

Примерно к тому же времени, что и вышеупомянутый кратер, относится и аттический лекиф с весьма вероятным изображением ночной церемонии в честь Сабазия: здесь вокруг этого

бога, сидящего на верблюде, представлены экстатические танцоры (см.: *Curtius*, 1928; *Шауб*, 2007а; 2011; 2023).

Диониса в мифе, несмотря на его бородатость в изобразительном искусстве, отличает женоподобность (женообразность) (*Дымишиц*, 1939. С. 244), поэтому неудивительно, что та же особенность характерна и для Сабазия. В связи с этим попытки доказать, что на ряде памятников, которые интерпретируются как изображения этого бога, представлена мужская бородатая ипостась Афродиты, несостоятельны (*Ustinova*, 1999; 2005)²⁰.

Еще одно свидетельство родственности обоих богов — это указание на употребление вина в мистическом посвящении, о котором упоминает Демосфен в нападках на своего оппонента Эсхина (*Demost. De cor.* 259, 260). Последний различными способами помогал посвящениям, которые проводила его мать: это и чтение книг, и выполнение различных действий: ночью — надевание на посвящаемых оленьих шкур, очищение мистов, обмазывание их грязью и отрубями, поение их из кратера (сосуда для смешивания вина с водой), обучение их фразе «Я избежал зла, я нашел лучшее», днем — вода по улицам фиасотов, увенчанных фенхелем и белым тополем, сжимая толстощеких змей и поднимая их над головой, крича «*Euoi Saboi*» и танцуя под крик «*Hyes Attes, Attes hyes*»²¹. Приветствуемый старухами как «лидер и наставник и носитель корзины (*kistophoros*), веяльщик (*liknophoros*)», он получал в качестве оплаты различные виды пирогов. С такими наградами, заключает Демосфен, «кто воистину не считал бы себя и свою судьбу благословенными?». Список подробностей впечатляет, но к нему следует относиться с осторожностью, не в последнюю очередь потому, что цель Демосфена — насмешка. Некоторые из деталей этого посвящения предполагают, что оно относилось к Сабазию, другие — что оно принадлежало Дионису. Возможно, полагает Р. Сиффорд, речь идет об их синтезе, который облегчался ассоциацией обоих богов с Фригией

¹⁷ В действительности далеко не все эти боги, упомянутые Р. Гичевой, начали ассоциироваться с Сабазием только в римскую эпоху. Так, по свидетельству Макробия, во Фракии Сабазием называют не только Диониса (Либеры), но и Сола (Гелиоса), то есть Сабазий выступает в качестве солнечного бога (*Лайзеганг*, 2020. С. 149). Вопрос, однако, заключается в том, присущ ли ему этот аспект изначально или приобретен со временем (и если так, то когда)? Однозначный ответ на этот вопрос едва ли возможен, но, судя по всему, речь здесь идет не о римском синкретизме, но об орфических представлениях; см.: *Там же*. С. 148 след.

¹⁸ С Сабазием этого персонажа рядом с Кибелой идентифицировала Э. Зимон (*Simon*, 1953. С. 79–87). Ее толкование было безоговорочно принято К. Кереньи (*Кереньи*, 2007. С. 300), а затем и рядом других исследователей, в числе которых автор статьи о Сабазии в LIMC Р. Гичева (*Gicheva*, 1997).

¹⁹ О сходстве Диониса и Плутона см.: *Schauenburg*, 1953.

²⁰ Трактровка Ю. Устиновой птицы, помещенной под бородатой фигурой на бронзовой пластине из Олинфа, как голубя (атрибута Афродиты) просто неверна: несомненно, это изображение хищной птицы, скорее всего, орла.

²¹ Если для Р. Сиффорда эти культовые возгласы — слова неопределенного значения (*Seaford*, 2006. Р. 56), то, по Г. Узенеру, они означают: «Слава тебе, Сабазий, владыка Сабазий, Сабазий, владыка» (*Usener*, 1896. С. 44; см. также: *Eisele*, 1915. Sp. 264, 265).

(*Seaford*, 2006. P. 56). В целом, замечает тот же исследователь, мистериальные культы различных божеств имеют тенденцию к взаимопроникновению, что обусловлено сходством их функций (обеспечение вечного блаженства) и общностью структуры (*Ibid.* P. 56, 57)²².

Мистерии Сабазия, одним из главных ритуалов которых было пропускание змеи сквозь одежду, были направлены на достижение единения его почитателей с самим богом. Эти мистерии были очень близки культу Аттиса, супруга Великой Матери Кибелы, которого часто отождествляли с Сабазием (*Кюмон*, 2002. С. 96, 97). По мысли Ф. Кюмона, «когда в очень отдаленное время фригийцы, выйдя из Фракии, вклинились между древними народами Анатолии, они усвоили расплывчатые местные божества, отождествив их со своими в соответствии с обычной языческой процедурой. В результате Аттис слился с Дионисом-Сабазием завоевателей или, по крайней мере, позаимствовал у него некоторые черты своего характера» (*Там же*. С. 80). Полагая, что «этот фракийский Дионис был богом растений», бельгийский ученый сочувственно цитирует своего французского коллегу Фукара, который замечательно обрисовал дикую природу рассматриваемого божества: «Во все времена высокие лесистые вершины, густые дубовые или сосновые леса, пещеры, увитые плющом, были ее излюбленными владениями. У смертных, стремящихся познать могущественное божество, которое царит в этих уединенных местах, был только один способ — наблюдать происходящее в его царстве, гадая по этим явлениям, в которых оно проявляло свое могущество. Видя ручьи, устремляющиеся вниз пенными и шумными каскадами, слыша мычание быков, проходящих по возвышенным плато, и странные шорохи волнуемого ветром леса, фракийцы воображали, что узнают голос и зов господина этого царства, они представляли себе бога, который, подумать только, любит беспорядочные прыжки и буйный бег по лесистой горе. Это представление дало пищу религии: самый верный способ добиться благосклонности божества для смертного заключается в том, чтобы ему подражать и в пределах возможного сообразоваться с ним в своей жизни. Фракийцы тоже силились достичь состояния божественного исступления, вне себя от которого был их Дионис, и они надеялись

перейти в него вслед за своим повелителем, незримо присутствующим при их беге по горам» (*Там же*). Эти верования и ритуалы, «едва ли подвергшиеся изменению, обнаруживаются во фригийском культе с той только разницей, что вместо того, чтобы обитать „в суровом уединении“, бог растений Аттис объединяется с богиней Земли» (*Там же*. С. 80, 81).

Другое имя Аттиса было Папас (*Там же*. С. 79). Нет сомнений в том, что оно идентично имени скифского бога Папай, которого Геродот сопоставляет с Зевсом (*Hdt.* IV, 59). Это позволяет предполагать наличие в культе скифского бога черт Сабазия, конкретно — полового диморфизма, который ярко воплотился в характерном для скифов феномене «женомужей» энареев (об этом явлении см.: *Шауб*, 2005).

Как фригийцы, так и фракийцы издревле верили в бессмертие души, надеясь после своей кончины возродиться для новой жизни²³. Опору этой веры они находили в мифах об умирающем и воскресающем Аттисе, которым очень близки были представления о Дионисе-Сабазии; в частности, упование на небесный пир, подготовкой к которому служили священные трапезы мистерий. Почитатели этих богов верили в то, что мистов принимает Гермес Психопомп (Душеводитель) (*Кюмон*, 2002. С. 92)²⁴. Изображение священной трапезы, а также Гермеса Психопомпа на стенах боспорских гробниц (*Ростовцев*, 1914. *Passim*) может служить еще одним аргументом в пользу существования культа Сабазия в Боспорском царстве.

Вдохновленная находкой на поселении Панское-1 граффито с упоминанием Сабазия М. В. Скржинская считает изображением этого бога целый ряд обнаруженных в Херсонесе мраморных скульптур и терракот, ссылаясь на которые, она делает вывод о том, что в эллинистический период в честь этого бога справляли праздники, причем как на других сельских поселениях

²³ О прочих фрако-фригийских параллелях в религиозной сфере см.: *Василева*, 1990.

²⁴ Ф. Кюмон также обратил внимание на то, что посвященные в мистерии Аттиса в одном из священных гимнов пели: «Верьте, о мисты, ибо бог спасен; и для вас тоже из ваших испытаний выйдет спасение», и отметил, что о живости этой веры говорят и погребальные обычаи, а именно тот факт, что в захоронениях римской эпохи от Македонии до Германии часто встречаются терракоты в виде Аттиса, а могильные камни нередко украшаются изображениями того же бога (*Кюмон*, 2002. С. 91, 92).

²² Р. Сиффорд не разъясняет, в чем эта общность состоит, но он явно подразумевает «страстной» характер всех мистериальных мужских божеств (см.: *Иванов*, 2014).

херсонесской хоры, так и в самом городе (*Скржинская*, 2010. С. 117, 118). Однако специалисты-искусствоведы видят во всех этих памятниках не Сабазия, а Диониса (*Иванова*, 1964; *Античная скульптура Херсонеса*, 1976. *Passim*; *Шевченко*, 2016. С. 13, 14). Та же Скржинская утверждает, что подобные праздники в честь Сабазия проходили также на Боспоре. Однако при этом киевская исследовательница опирается лишь на находку в Фанагории верхней части эллинистической терракотовой статуэтки бородатого персонажа во фригийском колпаке, которая, по предположению Л. А. Ельницкого, поддержанному М. М. Кобылиной, является изображением Диониса — Сабазия (*Ельницкий*, 1946. С. 97; *Кобылина*, 1978. С. 19). Несмотря на то что эта терракота сделана из местной глины, что говорит о спросе боспорян на подобные изделия (*Скржинская*, 2010. С. 118), для доказательства существования праздников в честь Сабазия этого слишком мало²⁵.

В то же время и кроме этой терракоты о существовании на Боспоре культа Сабазия могут говорить другие факты. Так, в пантикапейской посвяtitельной надписи Дионису, относящейся к IV в. до н. э. (КБН, 1965. № 15), этот бог имеет эпikleзу Арей, которая встречается только в орфических гимнах. По мнению Л. А. Ельницкого, употребление эпитета Арейос орфиками говорит в пользу связи Диониса этой надписи с фракийским культом Диониса-Сабазия (*Ельницкий*, 1946. С. 107). Это вполне вероятно.

Одна из расписных боспорских гробниц, главным элементом декора которой являются изображения виноградной лозы и кистей винограда, а также исполнителей экстатического танца, небезосновательно получила название склепа «сабазиастов», так как весьма вероятна связь этих символических ихображений с культом Диониса-Сабазия (*Ростовцев*, 1914. С. 429, 430). М. И. Ростовцев интерпретировал представленного здесь бородатого мужчину во фригийском колпаке как Сабазия, поскольку сочетание в одном образе бороды с фригийским колпаком было свойственно иконографии только этого бога. Исследователя

несколько смутило только наличие рядом с Сабазием изображения огромного орла — атрибута Зевса. Однако в чуть позднее появившемся фундаментальном исследовании А. Б. Кука о культе Зевса наглядно демонстрируется тот факт, что в римскую эпоху образы обоих богов весьма основательно синкретизировались (*Cook*, 1914. P. 390 ff.; ср.: *Cook*, 1925. *Passim*; 1940. P. 945); этот синкретизм, соответственно, приводил к смешению их атрибутов (ср.: *Picard*, 1961)²⁶.

Ростовцев также предположил, что в росписи и некоторых других боспорских гробниц присутствует символика мистерий Сабазия (*Ростовцев*, 1914. С. 428–432). А Е. М. Алексеева полагает, что синкретический культ этого бога, обогатившийся новыми верованиями, которые имели солярный характер, нашел отражение в росписи горгиппийского склепа, открытого в Анапе в 1975 г. Дионису-Сабазию, по мнению той же исследовательницы, был посвящен храм, который существовал в Горгиппии во II–III вв. н. э. (*Алексеева*, 2016).

М. М. Кобылина (со знаком вопроса) видит изображение Сабазия на мраморной плитке II–III вв. н. э., найденной в Пантикапее. На ней в низком рельефе представлен сидящий бородатый бог «в головном уборе типа калафа или фригийской шапки», который «в левой руке держит округлый предмет овальной формы (зеркало?), от левой ступни бога поднимается извивающаяся змея» (*Кобылина*, 1978. С. 49, 50, рис. 37, 38, 40).

Еще более вероятно, что Сабазий изображен на хранящемся в Эрмитаже известняковом акротерии III в. до н. э., который происходит, скорее всего, с территории Боспора (рис. 2, 1). На этом памятнике бог представлен крылатым и с растительными побегами вместо ног (что семантически является аналогом змеености), в варварском одеянии и с фригийским колпаком на голове; в обеих руках он держит за рога львиноголовых грифонов²⁷. Схожее с этой скульптурой мультиплицированное изображение Сабазия из слоновой кости с позолотой украшало ложе Александра IV, которое было найдено в его гробнице в Эгах (*Sabazios*) (рис. 2, 2)²⁸.

²⁵ По мнению С. Ю. Сапрыкина, «с синкретизмом Аттиса и Диониса-Сабазия как символов плодородия и возрождения» также связаны боспорские позднеэллинистические терракоты в виде стоящего со щитом обнаженного юноши во фригийской шапочке (*Сапрыкин*, 2009. С. 354, рис. 153). Теоретически это возможно, однако никаких доказательств исследователь не приводит.

²⁶ Как бы то ни было, символика винограда, широко представленная на надгробных стелах, рельефах саркофагов, росписи позднеантичных склепов, несомненно, имела сакральное значение.

²⁷ О различных трактовках этого образа см.: *Шауб*, 2007а; 2007б; 2023.

²⁸ Александр IV — сын Александра Великого от Роксаны — был убит в возрасте 12 лет в 311 г. до н. э.

Рис. 2. 1 — известняковый акротерий, III в. до н. э., Гос. Эрмитаж; 2 — украшение из слоновой кости с позолотой, гробница Александра IV, конец IV в. до н. э., Музей царских гробниц Эги (Вергина, Греция); 3 — золотая диадема, Куль-Оба, IV в. до н. э., Гос. Эрмитаж; 4 — золотое ожерелье, фрагмент, женское погребение, 1-й Мордвиновский курган, IV в. до н. э.

Fig. 2. 1 — limestone acroterion, 3rd cent. BC, State Hermitage Museum; 2 — ivory ornament with gilding, the tomb of Alexander IV, the end of the 4th cent. BC, Museum of the Royal Tombs of Aigai (Vergina, Greece); 3 — gold diadem, Kul-Oba, the 4th cent. BC, State Hermitage Museum; 4 — gold necklace, fragment, woman's grave, 1st Mordvinovsky burial mound, the 4th cent. BC

[1 — Бессонова, 1983. Рис. 10, 3; 2 — Sabazioс // Wikipedia.org; 3 — Уильямс, Огден, 1995. № 85; 4 — Шауб, 2021. Табл. 105]

Несомненно, черты этого бога присутствуют и в образе «Владыки зверей», изображения которого представлены на золотой диадеме из Куль-Обы (рис. 2, 3), а также ряде других сакральных украшений из курганов Боспора и Скифии (Шауб, 2007б; 2021б. С. 102 след.). Например, на золотом ожерелье из погребения жрицы в 1-м Мордвиновском кургане (рис. 2, 4).

Считается, что самое раннее изображение такого типа представлено на бронзовой пластине начала IV в. до н. э. из Олинфа (Robinson, 1941. P. 30 sq., fig. 6; Valeva, 1995. P. 340, fig. 4). Однако еще к VI в. до н. э. относится бронзовый канделябр, происходящий из «ориентализированного пограничья Восточной Ионии» (Hornbostel, 1980. S. 23, Abb. 17). У основания стержня этого канделябра, который служит постаментом для фигуры крылатой богини, в перекрестье подставки

из львиных лап в высоком рельефе представлена фигура бородатого божества с крыльями, выходящего из пышной пальметты. Эта композиция наглядно свидетельствует о том, что подобные бородатые персонажи еще с позднеархаической эпохи мыслились как божества, подчиненные малоазийской Великой богине (Шауб, 2008. С. 55).

Не менее важным, чем упомянутые ранее, свидетельством существования на Боспоре культа Сабазия были, на наш взгляд, памятники другого рода. Опираясь на сообщения античных авторов, отмечавших, что значительную роль в культе Сабазия играли танцы²⁹, Людвиг Курциус предположил, что этот бог является главным

²⁹ Правда, не меньшее значение имели танцы и в культе Диониса (Delavaud-Roux, 1995. P. 45). О культовых танцах на Боспоре см.: Шауб, 1988.

Рис. 3. Краснофигурный арибалл (прорисовка), конец V в. до н. э., Британский музей, Лондон

Fig. 3. Red-figure aryballos (drawing), the end of the 5th cent. BC, The British Museum, London

[Curtius, 1928. Abb.1]

персонажем ряда аттических вазовых рисунков конца V в. до н. э., среди которых выделяются танцоры в восточных одеждах (рис. 3). Кроме того, присутствие в этих сценах факелоносцев свидетельствует о том, что речь идет о ночных церемониях, которые были отличительной чертой культа именно Сабазия (Diod. IV. 4, 1) (Curtius, 1928. S. 281 ff.; Шауб, 2007а. С. 91). Опираясь на эту остроумную гипотезу, мы связываем изображения аналогичных танцоров на сакральных предметах, найденных в гробницах Боспора, с культом того же бога (Шауб, 2007а. С. 341 след.; 2023). Поскольку, как уже отмечалось, Сабазий в верованиях своих почитателей давал надежду на вечную загробную жизнь, неудивительно, что изображения танцоров его культа помещались в могилы. Речь идет об экстагическом восточном танце окласма, который отличался такими элементами, как хлопки в ладоши (или сцепленные руки) над головой (реже перед собой), а также припаданием на одно колено. Этот танец исполняют девушки, представленные на золотых бляшках из Большой Близницы (рис. 4, 1), а также миниатюрные скифы на золотых серьгах, найденных в том же кургане (рис. 4, 2). Кроме того, окласму пляшут

два варвара, изображенных на золотом с эмалью перстне из Павловского кургана (рис. 4, 3), а также амазонка, представленная на обнаруженном там же фигурном сосуде (рис. 4, 4). Наряду с этими вещами нужно вспомнить и найденную в кургане близ Тиритаки терракоту в виде пляшущего окласму юноши (рис. 4, 5). Следует подчеркнуть, что большинство памятников с изображением окласмы происходит из погребений жриц (Большая Близница, Павловский курган) (Шауб, 2017).

Нужно отметить, что если по мнению одних исследователей Сабазий принадлежал кругу Великой богини-матери Малой Азии (Буркерт, 2004. С. 311; Roller, 1999; 2002), то согласно А. Фолу этот бог считался спутником Великой богини-матери фракийцев (Фол, 1991; 1994; Fol, 1998). Пережитки этих древних представлений «фракийского орфизма» болгарский академик проследживает в сохранившихся до новейшего времени языческих ритуалах болгар; особенно наглядно это проявляется в ритуальных возгласах: «Сабо! Сабо!». Поэтому, особенно учитывая смешанный греко-варварский состав населения поселения Панское-1, можно уверенно предполагать, что

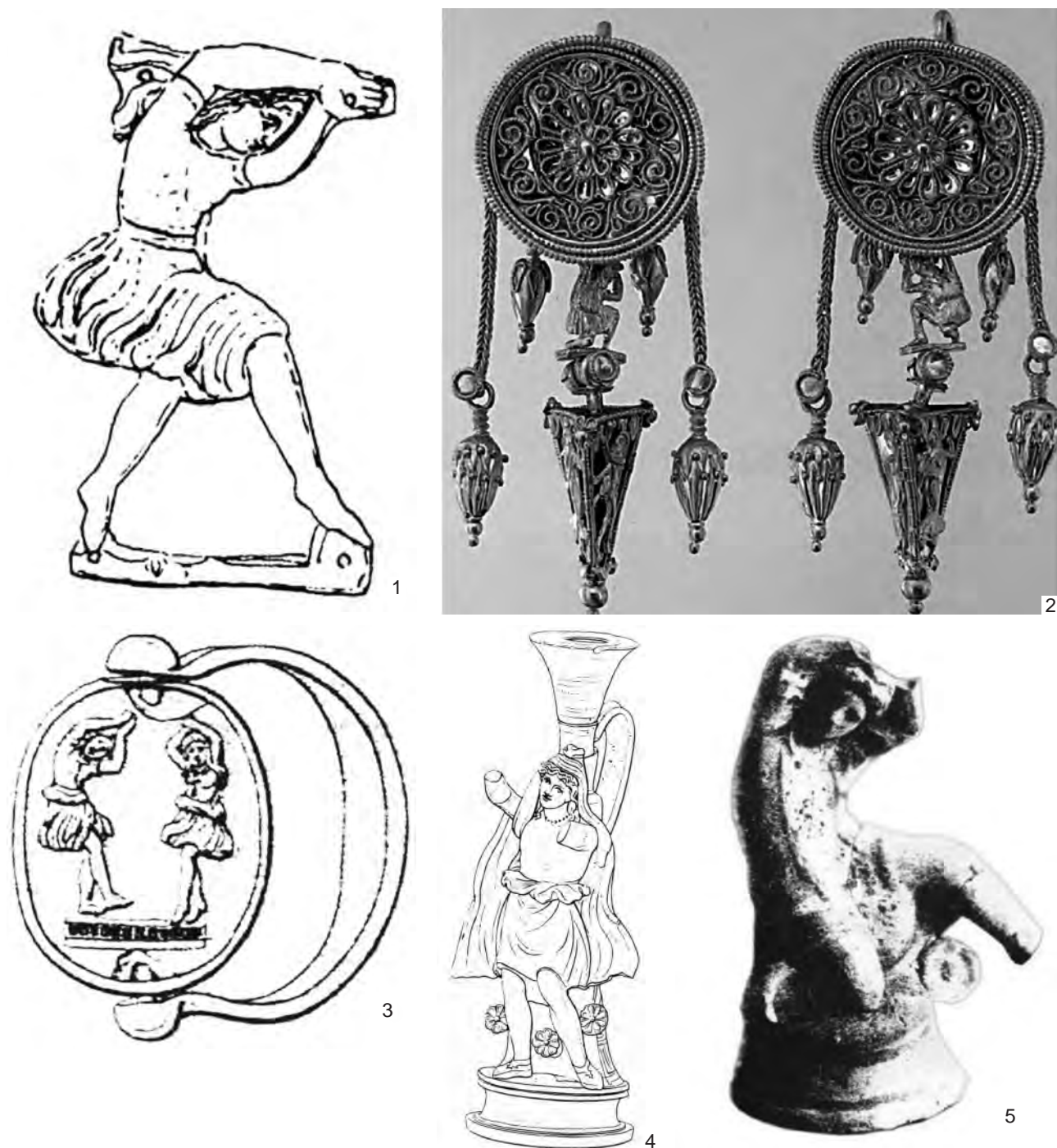

Рис. 4. 1 — золотая бляшка, курган Большая Близница, конец IV в. до н. э., Гос. Эрмитаж; 2 — золотые серьги, Павловский курган, IV в. до н. э., Гос. Эрмитаж; 3 — золотой с эмалью перстень, Павловский курган, IV в. до н. э., Гос. Эрмитаж; 4 — фигурный лекиф, Павловский курган, IV в. до н. э., Гос. Эрмитаж; 5 — терракота, детская могила близ Тиритаки, IV в. до н. э.

Fig. 4. 1 — gold badge, Bolshaya Bliznitsa burial mound, the end of the 4th cent. BC, State Hermitage Museum; 2 — gold earrings, Pavlovsky burial mound, 4th cent. BC, State Hermitage Museum; 3 — gold ring with enamel, Pavlovsky burial mound, 4th cent. BC, State Hermitage Museum; 4 — figured lekythos, Pavlovsky burial mound, 4th cent. BC, State Hermitage Museum; 5 — terracotta, child's grave near Tyritake, 4th cent. BC

[1 — Отчет ИАК, 1864. Табл. III, 1; 2 — Уильямс, Огден, 1995. № 116; 3, 4 — Отчет ИАК, 1859. Табл. III, 1; 5 — Марти, 1940. Рис. 5, 1]

паредрой Сабазия в домашнем святилище усадьбы 6 выступала отнюдь не классическая греческая Деметра, чьи ритуальные связи с Сабазием в Северном Причерноморье не зафиксированы, а в Греции крайне слабы и притом являются очень поздними (Schaefer, 1920). Скорее всего, это была повсеместно почитавшаяся в Северном Причерноморье Великая богиня, которая выступала в облике разных эллинских богинь, в основном Афины, Афродиты и Артемиды, реже — Деметры (Шауб, 1999; 2007а; 2011; и др.).

Что касается Скифии, то на территории бывшей Екатеринославской губернии при неизвестных обстоятельствах был найден один из самых типичных памятников культа Сабазия — бронзовая рука III в. н. э. со скульптурной пиниевой шишкой на большом пальце и рельефными атрибутами этого бога — змеей, кадуцеем и другими на тыльной стороне ладони (Фармаковский, 1902; Кобылина, 1978. Рис. 36).

Материальные свидетельства культа Сабазия вообще довольно скудны, если не считать аналогичных скульптурных бронзовых рук (иногда с посвящением этому богу), широко распространенных на территории Римской империи (Vermaseren, 1983). Рука всегда представлена в определенном положении, так называемом жесте *benedictio Latina*, и украшена изображениями различных предметов и сюжетов — атрибутов и символов Сабазия. Поскольку подобная рука украшала жезл этого бога на посвященных ему рельефных бронзовых пластинах (Cook, 1914. Pl. XXVII), весьма вероятно, что эти бронзовые руки прикрепляли к шестам и носили во время (мистерийных) процессов (Berndt, 2018. P. 151 sq.)³⁰.

Издавший «екатеринославскую» руку Б. В. Фармаковский полагал, что, поскольку среди представленных на ней изображений фигурируют мать и дитя, этот предмет был посвящен Сабазию в связи с рождением ребенка (Фармаковский, 1902. С. 120). Однако это предположение является чисто умозрительным и едва ли может приниматься в расчет. Отмеченный сюжет никак не акцентирован среди прочих представленных здесь изображений, которые, как обычно, связаны с загробными верованиями (Berndt, 2018). Кроме того, он часто встречается не только на подобных руках, но и на других памятниках культа Сабазия (Ibid. Fig. 2, 11). Скорее всего, этот сюжет символизирует исконную связь бога с Богиней-матерью. По мнению А. Н. Дзигов-

ского и А. С. Островерхова, «большое количество животных и их частей, изображенных на этом вотиве, а также присутствие змеи и весов — символа богини правосудия, ярко выраженная идея троичности свидетельствуют о шаманской принадлежности предмета». При этом одесские археологи полагают, что «по своей семантической нагрузке он близок к изображениям на бронзовых этрусских макетах печени с их разметкой зон для гадания и отражает представления древних о строении Вселенной» (Дзиговский, Островерхов, 2008. С. 168), ссылаясь при этом на работу А. И. Немировского (Немировский, 1983. С. 180 след.). Хотя «екатеринославская» рука весьма далека от упомянутых этрусских памятников, а весы как символ богини правосудия явно дисгармонируют с шаманской интерпретацией этого вотива, все же не исключено, что он мог быть переосмыслен варварами в подобном ключе.

Итак, кроме граффито-посвящения, найденного на поселении Панское-1, бесспорные письменные свидетельства почитания Сабазия в Северном Причерноморье отсутствуют. Типичным памятником культа этого бога первых веков нашей эры является бронзовая рука в жесте *benedictio Latina*, найденная в Екатеринославской губернии. Однако этот предмет рассматриваться в качестве объекта культа Сабазия в данном случае не может, поскольку и само это скульптурное изображение, и украшающие его символы явно были переосмыслены варварами (сарматами) в соответствии с их собственными религиозными представлениями. Боспорские памятники, которые ряд исследователей относит к культу Сабазия, разнообразны и разновременны, хотя необходимо признать, что их интерпретация в значительной степени гипотетична. Тем не менее, хотя здесь до сих пор не найдено ни одной надписи, посвященной Сабазию, косвенные свидетельства его культа столь разнообразны, что позволяют уверенно предполагать, что боспоряне почитали этого бога начиная с IV в. до н. э., то есть еще раньше, чем он появился на хоре Херсонеса.

В заключение нужно отметить, что, хотя культ Сабазия постоянно привлекает к себе пристальное внимание исследователей (в частности, достаточно подробно изучается проблема его происхождения, а также различные проявления его культа), до сих пор не найдено решение противоречий, содержащихся в сообщениях античных авторов об этом боге. Причину этого следует искать в невозможности выявить особенности культа Сабазия на всей территории его распространения (Фол, 1994; Fol, 1998).

³⁰ Значение как самих этих священных вещей, так и представленных на них изображений является предметом самых различных догадок и предположений.

- Алексеева, 2016 — Алексеева Е. М. Интерпретация комплекса Анапских склепов 1975 г. // Древности Боспора. 2016. Т. 20. С. 34–67.
- Античная скульптура Херсонеса, 1976 — Античная скульптура Херсонеса / Сост. А. П. Иванова, А. П. Чубова. Киев: Мистецтво, 1976. 342 с.
- Афанасьева, Мавлеев, 1989 — Афанасьева В. К., Мавлеев Е. В. Введение // Древний Восток и античная цивилизация / Науч. ред. В. К. Афанасьева, Е. В. Мавлеев. Л.: Гос. Эрмитаж, 1989. С. 3–5.
- Бессонова, 1983 — Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка. 1983. 140 с.
- Буркерт, 2004 — Буркерт В. Греческая религия. Архаика и классика / Пер. с нем. М. Витковской, В. Витковского. СПб.: Алетейя, 2004. 584 с.
- Василева, 1990 — Василева М. Гора, бог и имя: о некоторых фрако-фригийских параллелях // Вестник древней истории. 1990. № 3. С. 94–101.
- Гилевич, 1983 — Гилевич А. М. О культе Сабазия в Херсонесе // Краткие тезисы докл. науч. конф. «Древние культуры Евразии и античная цивилизация» (10–13.05.1983). Л.: Гос. Эрмитаж, 1983. С. 35–36.
- Гилевич, 1989 — Гилевич А. М. О культе Сабазия в Херсонесе // Древний Восток и античная цивилизация / Науч. ред. В. К. Афанасьева, Е. В. Мавлеев. Л.: Гос. Эрмитаж, 1989. С. 70–76.
- Гиндин, 1981 — Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). София: Изд-во Болгарской академии наук, 1981. 240 с.
- Дзиговский, Островерхов, 2008 — Дзиговский А. Н., Островерхов А. С. Культ руки у сарматов // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 2008. С. 167–169.
- Доддс, 2000 — Доддс Э. Р. Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя, 2000 (Античная библиотека). 507 с.
- Дымишиц, 1939 — Дымишиц З. Эпифания Диониса в мифе и обряде // Ученые записки Ленинградского университета. 1939. № 33. С. 230–249.
- Ельницкий, 1946 — Ельницкий Л. А. Из истории эллинистических культов // СА. 1946. № 8. С. 97–122.
- Зубарь, 2005 — Зубарь В. М. Боги и герои античного Херсонеса. Киев: Стило, 2005. 188 с.
- Иванов, 2014 — Иванов В. И. Эллинская религия страдающего Бога // Символ. 2014. № 64. С. 7–202.
- Иванова, 1964 — Иванова А. П. Скульптурные изображения Диониса из Херсонеса // СА. 1964. № 2. С. 134–139.
- КБН, 1965 — Корпус боспорских надписей / Отв. ред. акад. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, Лен. отд., 1965. 951 с.
- Кереньи, 2007 — Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни. М.: Ладомир, 2007. 319 с.
- Кобылина, 1978 — Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М.: Наука, 1978. 215 с.
- Кругликова, 1984 — Кругликова И. Т. Сельская территория // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 72–77.
- Кругликова, 2001 — Кругликова И. Т. Поселение Андреевка Южное // Древности Боспора. 2001. Т. 4. С. 182–226.
- Кюмон, 2002 — Кюмон Ф. Восточные религии в римском язычестве. СПб.: Евразия, 2002. 352 с.
- Лайзеганг, 2020 — Лайзеганг Г. Мистерия змеи // Мистерии. Избранные статьи из конференций «Эранос». М.: Академический проект, 2020. С. 143–237.
- Марти, 1940 — Марти А. Ю. Детское погребение IV в. до н. э. из кургана близ Тиритаки // СА. 1940. № 6. С. 120–129.
- Немировский, 1983 — Немировский А. И. Этруски. От мифа к истории. М.: Наука, 1983. 262 с.
- Отчет ИАК, 1859 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1859 г. Альбом. СПб.: Тип. Имп. АН, 1862. 156 с.
- Отчет ИАК, 1864 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1864 г. СПб.: Тип. Имп. АН, 1865. [1], XXIV, 256 с.: ил.
- Ростовцев, 1914 — Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. СПб.: ИАК, 1914. 537 с.
- Сапрыкин, 2009 — Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.
- Скржинская, 2010 — Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 464 с.
- Уильямс, Огден, 1995 — Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н. э. СПб.: Славия, 1995. 272 с.
- Фармаковский, 1902 — Фармаковский Б. В. Бронзовая votивная ручка из Екатеринославской губернии // Известия ИАК. 1902. Вып. 3. С. 118–121.
- Фол, 1991 — Фол А. Тракийский Дионис. Книга първа: Загрей. София: Св. Климент Охридски, 1991. 344 с.
- Фол, 1994 — Фол А. Тракийский Дионис. Книга втора: Сабазий. София: Св. Климент Охридски, 1994. 386 с.
- Шауб, 1988 — Шауб И. Ю. Культовые танцы на Боспоре // Проблемы античной культуры: Тез. докл. к конф. Ч. 3 / Ред. Л. В. Павленко. Симферополь: Симферопольский ГУ им. М. В. Фрунзе, 1988. С. 225–226.
- Шауб, 1999 — Шауб И. Ю. Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 207–224.
- Шауб, 2005 — Шауб И. Ю. Причерноморско-италийские этюды V. Ритуальное превращение в женщину у скифов и этрусков // Итальянский сборник. СПб., 2005. № 8. С. 11–15.

- Шауб, 2007а — Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: СПбГУ, 484 с.
- Шауб, 2007б — Шауб И. Ю. Образ «Владыки зверей» на Боспоре и в Скифии // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. I / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. С. 27–30.
- Шауб, 2008 — Шауб И. Ю. Италия-Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб.: Свято-Алексеевская пустынь, 2008. 155 с.
- Шауб, 2011 — Шауб И. Ю. Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.
- Шауб, 2017 — Шауб И. Ю. Боспорское жречество // Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. Симферополь; Керчь: Керченская городская типография, 2017 (Боспорские исследования; Т. XXXIV). С. 288–324.
- Шауб, 2021а — Шауб И. Ю. Горгона в религии меотов // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. Т. 13. С. 701–714.
- Шауб, 2021б — Шауб И. Ю. Золотое ожерелье // Первый Мордвиновский курган / Ред. Ю. А. Виноградов, М. В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 102–110.
- Шауб, 2023 — Шауб И. Ю. Некоторые особенности культа Диониса у эллинов и варваров Северного Причерноморья // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2023. Т. 15. С. 701–735.
- Шевченко, 2016 — Шевченко А. В. Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. 518 с.
- Щеглов, 1976 — Щеглов А. Н. Полис и хора. Симферополь: Таврия, 1976. 175 с.
- Щеглов, 2000 — Щеглов А. Н. О времени появления культа Сабазия на северных берегах Понта: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция // Святотелища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы тематич. науч. конф. (Санкт-Петербург, 14–17.10.2000) / Отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 2000. С. 67–73.
- Щеглов, 2001 — Щеглов А. Н. К изучению культа Сабазия в Херсонесе: состояние изученности, источники, интерпретация, реконструкция // Херсонес Таврический: у истоков мировых религий / Ред.-сост. Л. В. Марченко. Севастополь: НЗХТ, 2001. С. 52–61.
- Berndt, 2018 — Berndt S. The hand gesture and symbols of Sabazios // *Opuscula. Annual of the Swedish Institutes at Athens and Rome*. November 2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.researchgate.net/publication/328866948> (accessed: 10.06.2025).
- Cook, 1914 — Cook A. B. Zeus. A Study in Ancient Religion. Vol. I. Cambridge: University Press, 1914. 885 p.
- Cook, 1925 — Cook A. B. Zeus. Vol. II. Cambridge: University Press, 1925. 858 p.
- Cook, 1940 — Cook A. B. Zeus. Vol. III. Cambridge: University Press, 1940. 1330 p.
- Curtius, 1928 — Curtius L. Sardanapal // *Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*. 1928. Bd. 43. S. 179–202.
- Delavaud-Roux, 1995 — Delavaud-Roux M.-H. Les danses dionysaques en Grèce antique. Aix en Provence: l'Université de Provence, 1995. 256 p.
- Eisele, 1915 — Eisele Th. Sabazios // *Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie*. Bd. 4 / Hrsg. W. H. Roscher. Leipzig: B. G. Teubner, 1915. Sp. 231–264.
- Farnell, 1909 — Farnell L. R. The Cults of the Greek States. Vol. V. Oxford: Clarendon Press, 1909. 495 p.
- Fauth, 1968 — Fauth W. Sabazios // *Der Kleine Pauly*. Stuttgart, 1968. Bd. 5. Sp. 1478–1480.
- Fol, 1998 — Fol A. Pontic Interactions: The Cult of Sabazios // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area: Historical Interpretation of Archaeology* / Ed. G. Tsetskhladze. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. P. 79–84.
- Gicheva, 1997 — Gicheva R. Sabazios // *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Zürich und München, 1997. Bd. 8. Sp. 1068–1071.
- Hannestad, 2002 — Hannestad L. Terracottas // *Panskoye I*. Vol. 1. Aarhus: University Press, 2002. P. 203–212.
- Hornbostel, 1980 — Hornbostel W. Aus Gräbern und Heiligtümern: die Antikensammlung Walter Kropatscheck. Mainz: von Zabern, 1980. 279 S.
- Kloft, 1999 — Kloft H. “Dionysos — Sabazios” // *Mysterienkulte der Antike: Götter, Menschen, Rituale*. München: Verlag C. H. Beck, 1999. S. 27–42.
- Kretschmer, 1896 — Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen: Vandenhoeck, 1896. 440 S.
- Lane, 1983 — Lane E. N. Towards a definition of the iconography of Sabazius // *Numen*. 1980. Vol. 27. P. 9–33.
- Picard, 1961 — Picard Ch. Sabazios, dieu thraco-phrygien: expansion et aspects nouveaux de son culte // *Revue Archéologique*. 1961. № 2. P. 129–176.
- Popova, 2009 — Popova R. The road of Sabazios to the northern coasts of the Black Sea: The Bosporean Kingdom // *Thracia*. 2009. Vol. 18. P. 165–184.
- Popova, 2021 — Popova R. The Cult of Sabazios in the North Black Sea — Via Thrace? The Bosporean Kings and the Greek Features of their Culture in the Black Sea and the Mediterranean // *Ethnic Constructs, Royal Dynasties and Historical Geography around the Black Sea Littoral* / Ed. A. Coşkun. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2021 (Geographica Historica; Vol. 43). P. 141–160.

- Robinson, 1941 — Robinson D. M. Excavations at Olynthos. Vol. X. Baltimore: The Johns Hopkins Press; London: Humphrey Milford; Oxford: Oxford University Press, 1941. 593 p.
- Roller, 1999 — Roller L. E. In Search of God the Mother: the Cult of Anatolian Kybele. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1999. 408 p.
- Roller, 2002 — Roller L. E. The Anatolian Cult of Sabazios // Ancient Journeys: A Festschrift in Honor of Eugene Numa Lane / Eds. C. Callaway, P. A. Draper. STOA, 2002 // URL: <https://www.stoa.org/texts/2001/01/0008/> (accessed: 10.06.2025).
- Schaefer, 1920 — Schaefer H. Sabazios // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. 1920. Bd. I A2. Sp. 1540–1551.
- Seaford, 2006 — Seaford R. Dionysos. L.; NY: Routledge, 2006. 158 p.
- Ščeglov, 2002 — Ščeglov A. N. Cult Sculpture. Altars, Sacred Vessels and Votives // Panskoye I. Vol. 1. Aarhus: University Press, 2002. P. 213–227.
- Simon, 1953 — Simon E. Opfernde Götter. Berlin: Gebr. Mann, 1953. 139 S.
- Stolba, 2002 — Stolba V. Graffiti and dipinti // Panskoye I. Vol. 1. Aarhus: University Press, 2002. P. 228–244.
- Schauenburg, 1953 — Schauenburg K. Pluton und Dionysos // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1953. Bd. 68. S. 38–72.
- Usener, 1896 — Usener H. Götternamen: Versuch einer Lehre von der religiösen Begriffsbildung. Bonn: F. Cohen, 1896. 410 S.
- Ustinova, 1999 — Ustinova Yu. The Supreme Gods of the Bosporan Kingdom. Leiden: Brill, 1999. 372 p.
- Ustinova, 2005 — Ustinova Yu. Snake-Limbed and Tendril-Limbed Goddesses in the Art and Mythology of the Mediterranean and Black Sea // Scythians and Greeks. Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (sixth century BC — first century AD) / Ed. D. Braund. Exeter: University Press, 2005. P. 64–79.
- Valeva, 1995 — Valeva Ju. The Sveshtari Figurines (an Attempt to Specify Several Hypotheses) // Thracia. 1995. Vol. 11. P. 337–352.
- Vermaseren, 1983 — Vermaseren M. I. Corpus Cultus Iovis Sabazii (CCIS) I: The Hands. Leiden: Brill, 1983. 48 p.
- Versnel, 1998 — Versnel H. S. Inconsistencies in Greek and Roman Religion. Leiden: Brill, 1998 (Studies in Greek and Roman Religion; Vol. 6). 270 p.

Votive graffito from the settlement Panskoye-1 and the cult of Sabazios in the North Black Sea area

I. Yu. Schaub³¹

Keywords: classical religion, Sabazios, Dionysus, Great Goddess, graffiti, North Black Sea area, settlement Panskoye-1, chora of Chersonesus, Cimmerian Bosphorus, Thrace, Phrygia

Despite numerous publications devoted to the Thracian-Phrygian god Sabazios, he remains largely a mystery. While the interpretation of the room at the Panskoye-1 settlement (in the chora of Chersonesus), where the earliest epigraphic evidence of the cult of Sabazios was found, as a home shrine is entirely logical, A. N. Shcheglov's conclusion that Demeter was worshiped here alongside Sabazios is controversial. Most likely, she was the Great Goddess, widely venerated in the North Black Sea region, who appeared in the guise of various Hellenic goddesses. Despite the lack of indisputable evidence of the cult of Sabazios in Bosphorus, indirect evidence is sufficient to confidently assume the presence of worshipers of this god among the Bosphorans. As for Sabazios' route of entry into the North Black Sea region, this question must remain open: the god's worshippers could have arrived from both Thrace and Asia Minor (Phrygia); for Bosphorus, Athens, where the earliest literary evidence of Sabazios' veneration originates, is also a possibility.

³¹ Igor Yu. Schaub — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: schaubigor@mail.ru.

Лепная посуда кизил-кобинского поселения Стена 1 в Юго-Западном Крыму (классификация и типология)¹

В. П. Власов, С. В. Язиков²

Аннотация. В статье представлены классификация и типология лепной посуды кизил-кобинского поселения VII–IV вв. до н. э. Стена 1 (Юго-Западный Крым). Ее набор демонстрирует сходство с посудой из других таврских поселений, но в нем имеются и отличия. Общие признаки отмечены в технико-технологических характеристиках, составе и структуре комплекса, морфологии сосудов, а особенности — в стилях декора.

Ключевые слова: Крым, ранний железный век, кизил-кобинская культура, поселение, лепная посуда, классификация, типология.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-43-56

Поселение Стена 1 расположено в Юго-Западном Крыму, в Нахимовском районе Севастополя, на левом берегу р. Бельбек, в ее среднем течении (рис. 1). Оно выявлено при археологических разведках по трассе проектируемой автомобильной дороги «Таврида», а в 2018 г. сотрудники ИА РАН провели здесь спасательные раскопки. Благодаря большой площади раскопок (3081 кв. м) это поселение является наиболее полно изученным кизил-кобинским памятником региона. Выявлены 31 археологический объект и артефакты двух разных культурно-хронологических горизонтов, из которых к раннему относятся 29 хозяйственных ям (с детским погребением в одной из них) и материалы поселения кизил-кобинской культуры

раннего железного века, получившего название Стена 1³.

Результаты раскопок поселения Стена 1 были опубликованы в нескольких статьях (Язиков и др., 2019; Власов, Язиков, 2021; Власов и др., 2021) и монографии, где дана характеристика надматериковых напластований и археологических объектов с анализом всех групп обнаруженных артефактов (Язиков, Власов, 2024). Настоящая работа посвящена классификации, типологии и орнаментации лепной посуды кизил-кобинского поселения Стена 1. Эти материалы существенно расширяют представления об общем облике и локальной специфике керамического комплекса автохтонного населения Таврики.

Лепная посуда на поселении Стена 1 составляет самую многочисленную группу находок — 3216 (100 %) фрагментов (2885 стенок, 231 венчик, 90 доньев, 10 ручек) сосудов разных категорий, которые в основном были найдены в заполнении хозяйственных ям (2828 экз. / 88 %). Незначительное количество черепков (388 экз. / 12 %) с характерным декором из врезных линий с точечными вдавлениями и без орнамента встречено в надматериковых пластах (Там же. С. 28, рис. 19). Обнаружено 10 археологически целых сосудов.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00065-Продление, <https://rscf.ru/project/22-18-00065/> «Культурно-исторические процессы и палеосреда в позднем бронзовом — раннем железном веке Северо-Западного Причерноморья: междисциплинарный подход») в РГПУ им. А. И. Герцена.

² Власов В. П. — Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург; Институт археологии Крыма РАН, Симферополь; e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru. Язиков С. В. — Институт археологии РАН, Москва; e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru.

© Власов В. П., Язиков С. В., 2025

³ Поздний горизонт представлен объектом и находками позднего Средневековья — Нового времени.

Рис. 1. Фрагмент карты Крыма с указанием местоположения кизил-кобинского поселения Стена 1

Fig. 1. A map fragment of Crimea with location indication the Kizil-Koba culture settlement Stena 1

Техника и технология

Естественнонаучные анализы лепной керамики еще не проведены, но визуально в составе ее формовочной массы выделяются песок, дресва (обычно известняк), измельченные раковины моллюсков и шамот. Большие сосуды изготавливались в ленточной спирально-кольцевой технике. Округлодонные кубки и чаши могли быть сформованы лоскутным налепом, путем выбивания или обминки на модели-основе, а также выдавливанием из цельного куска глиняной массы.

Значительная часть фрагментов равномерно обожжена, их поверхность желтого, красного, коричневого, серого и черного с оттенками цветов, но много и пятнистых черепков. Очевидно, сосуды обжигали при невысокой температуре (650–800 °С) на открытом огне с неравномерным распределением тепла — в костре, очаге или яме.

По качеству обработки поверхности стенок сосудов выделены три технологические группы: 1-я — лощеная, с гладкой блестящей поверхностью (342 экз. / 10,6 %); 2-я — подлощенная, с гладкой поверхностью без блеска (322 экз. / 10 %); 3-я — с заглаженной поверхностью разной степени тщательности (2552 экз. / 79,4 %).

Классификация и типология

Археологически целые сосуды и фрагменты принадлежали к семи разным категориям посуды: горшкам, корчагам, мискам, чашам, кубкам, ковшам и дуршлагам. Горшки, корчаги и миски, как правило, имели плоское дно. Оно могло быть невыделенным, соединявшимся со стенками придонной части тулова сосуда под тупым углом, либо выделенным — на сплошном поддоне раз-

личной степени выраженности и высоты, нередко с так называемым рантом или закраиной (выступом края дна) (Шрамко, 1983. С. 41; Марченко, 1988. С. 61; Горб, 1987. С. 105). Округлые донья, иногда с вогнутой (вдавленной) в центре нижней частью, характерны для чаш, кубков и ковшей. Дуршлаг, как и все экземпляры из рассматриваемой коллекции, часто формировались без дна.

Горшки имели чаще средние и большие размеры, широкое горло и плоское дно. Максимальный диаметр тулова обычно превышает диаметр горла. Как и всю хозяйственную (кухонную и тарную) посуду, горшки не лощили.

Помимо двух археологически целых сосудов обнаружен 251 фрагмент профильных частей горшков (192 венчика и 59 доньев). Систематизировать эти обломки сложно из-за плохой сохранности. Вместе с тем, судя по археологически целым сосудам из хозяйственных ям 7 и 19 (рис. 2, 1, 2) (Язиков, Власов, 2024. С. 29, 30, рис. 101, ПО 100, КО 2; 148, ПО 293, КО 12⁴), а также верхним частям профилей (рис. 2, 3–6), можно полагать, что ведущей формой на поселении Стена 1 являлись горшки с расширенным в верхней части овоидным туловом разных пропорций и дуговидным или прямым расширяющимся кверху усеченно-коническим горлом.

Горшки такой формы преобладают и на других кизил-кобинских поселениях. Известны они также на памятниках других культур в широком хронологическом и географическом диапазоне, являясь одним из наиболее распространенных типов кухонной посуды у многих древних народов (см.: Власов, 19976. С. 218–221). Отметим верхнюю часть горшка с оформлением внутренней части горла в виде ребра-закраины с уступом, видимо, для крышки (Язиков, Власов, 2024. С. 30, рис. 68, ПО 548). Горшки из Стены 1 орнаментировались крайне редко (см. далее).

Корчаги — большие и средние по размеру сосуды, лощеные и орнаментированные, с узким и относительно высоким дуговидным горлом. Целые формы отсутствуют, из 46 фрагментов корчаг встречены: семь венчиков, три дна, 36 лощеных стенок с врезным, вдавленным и рельефным декором. Судя по сохранившим полную форму сосудам из других поселений кизил-кобинской культуры, корчаги из Стены 1 могли иметь расширенное

⁴ Нумерация на иллюстрациях в монографии С. В. Язикова и В. П. Власова дана по номерам описей: ПО (полевая опись) и КО (коллекционная опись) (Язиков, Власов, 2024).

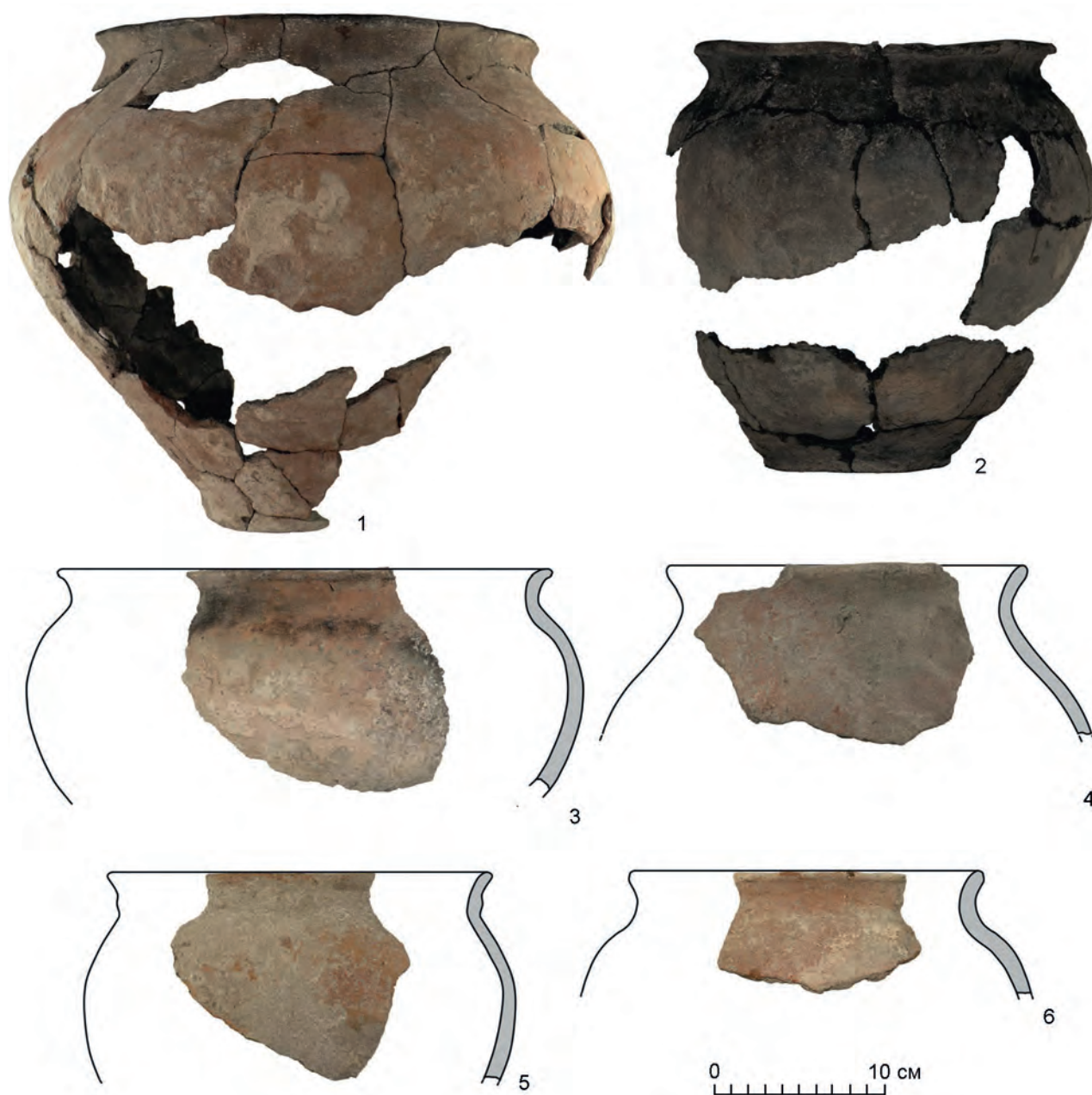

Рис. 2. Керамика кизил-кобинского поселения Стена 1. Горшки

Fig. 2. Pottery from the Kizil-Koba culture settlement Stena 1. Pots

в верхней части овоидное, сферическое и, возможно, биконическое тулово (рис. 3) (Там же. С. 30).

Чаши. К этой категории отнесены приземистые сосуды средних размеров (соотношение максимального диаметра к высоте 2:1). Можно согласиться с А. М. Лесковым, что чаши известны лишь в памятниках среднего этапа кизил-кобинской культуры (VI–V вв. до н. э.) (Лесков, 1965. С. 100, 121–127). Тулово чаш бывает овоидным или полусферическим с расширением в верхней

части, эллипсоидным или округло-биконическим, расширенным в середине высоты. Чаши имели отогнутые края и уплощенное или округлое, иногда вогнутое (с вдавлением в центре) дно. Внешняя поверхность сосудов обычно заглажена и орнаментирована врезными линиями в сочетании с точечными вдавлениями или насечками. На Стене 1 обнаружено 27 фрагментов чаш: шесть полных профилей и 21 фрагмент верхних частей. Выделено три типа чаш.

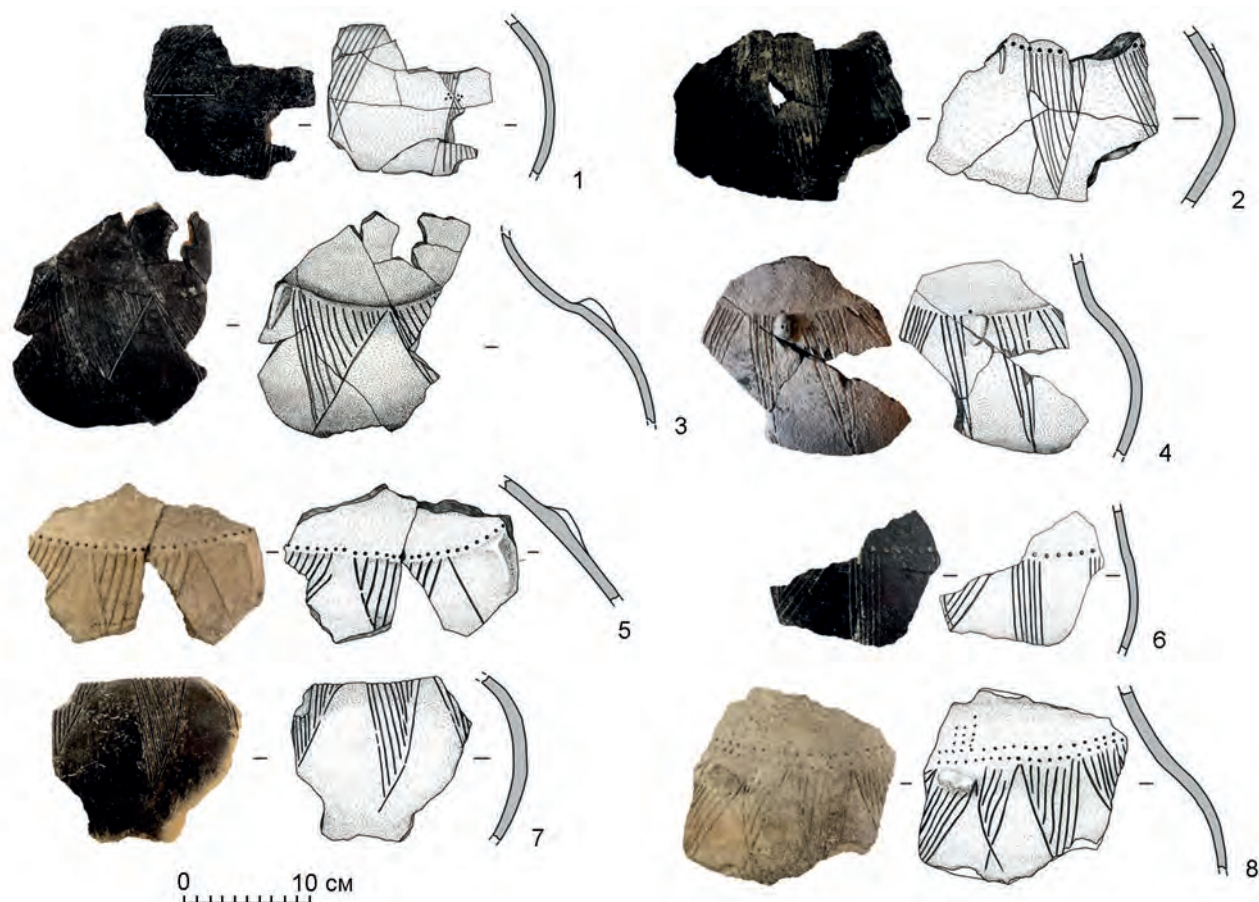

Рис. 3. Керамика кизил-кобинского поселения Стена 1. Корчаги

Fig. 3. Pottery from the Kizil-Koba culture settlement Stena 1. Pots with narrow and high neck

Тип 1 — с расширенным в верхней части оvoidным туловом. Представлен изделиями из хозяйственных ям 9 (с врезными линиями, образующими два горизонтальных ряда треугольников, направленных вершинами друг к другу), 20 (с заштрихованными врезными линиями треугольниками, направленными вершинами вниз, и двойными точечными вдавлениями у их вершин), 24 (с врезными линиями в виде треугольников, обращенных вершинами вниз, чередующихся с двойными вертикальными параллельными линиями) (Языков, Власов, 2024. С. 31, рис. 109, ПО 105, КО 32; 152, ПО 323, КО 58; 171, ПО 365, КО 66) и 25.

Чаши из хозяйственной ямы 25 отличает стилистика декора. Одна из них украшена заштрихованными врезными линиями треугольниками со смыкающимися вершинами, у которых расположены одинарные точечные вдавления, а у оснований — тройные (рис. 4, 4) (Там же. С. 31, рис. 176, ПО 453, КО 70). Одна чаша, представленная двумя большими фрагментами, орнаментирована врезным узором из чередующихся рядов заштрихо-

ванных треугольников со смыкающимися вершинами и линий в виде направленных вершинами вниз треугольников. Примечательно, что расположенные в верхней части сосуда треугольники разделены между собой насечками, оттиснутыми трех- и четырехзубчатым орнаментом. Важно, что при нанесении декора на стенки чаши использовались разные инструменты: с одним острием и мелкозубчатые гребенки, имеющие разное число зубьев (рис. 4, 1, 2) (Там же. С. 31, рис. 176, ПО 450, КО 38; ПО 452, КО 40). Благодаря находке этого сосуда ставится под сомнение вывод С. Н. Сенаторова, что на кизил-кобинской посуде врезной орнамент, нанесенный орудием с одним острием, во второй половине VI в. до н. э. сменился гребенчатым и в дальнейшем уже не использовался (см.: Сенаторов, 2002. С. 18).

Тип 2 — с расширенным в средней части эллипсоидным туловом. Представлен полным профилем из хозяйственных ям 20 (с образующими треугольники врезными линиями, горизонтальным рядом одинарных точечных вдавлений

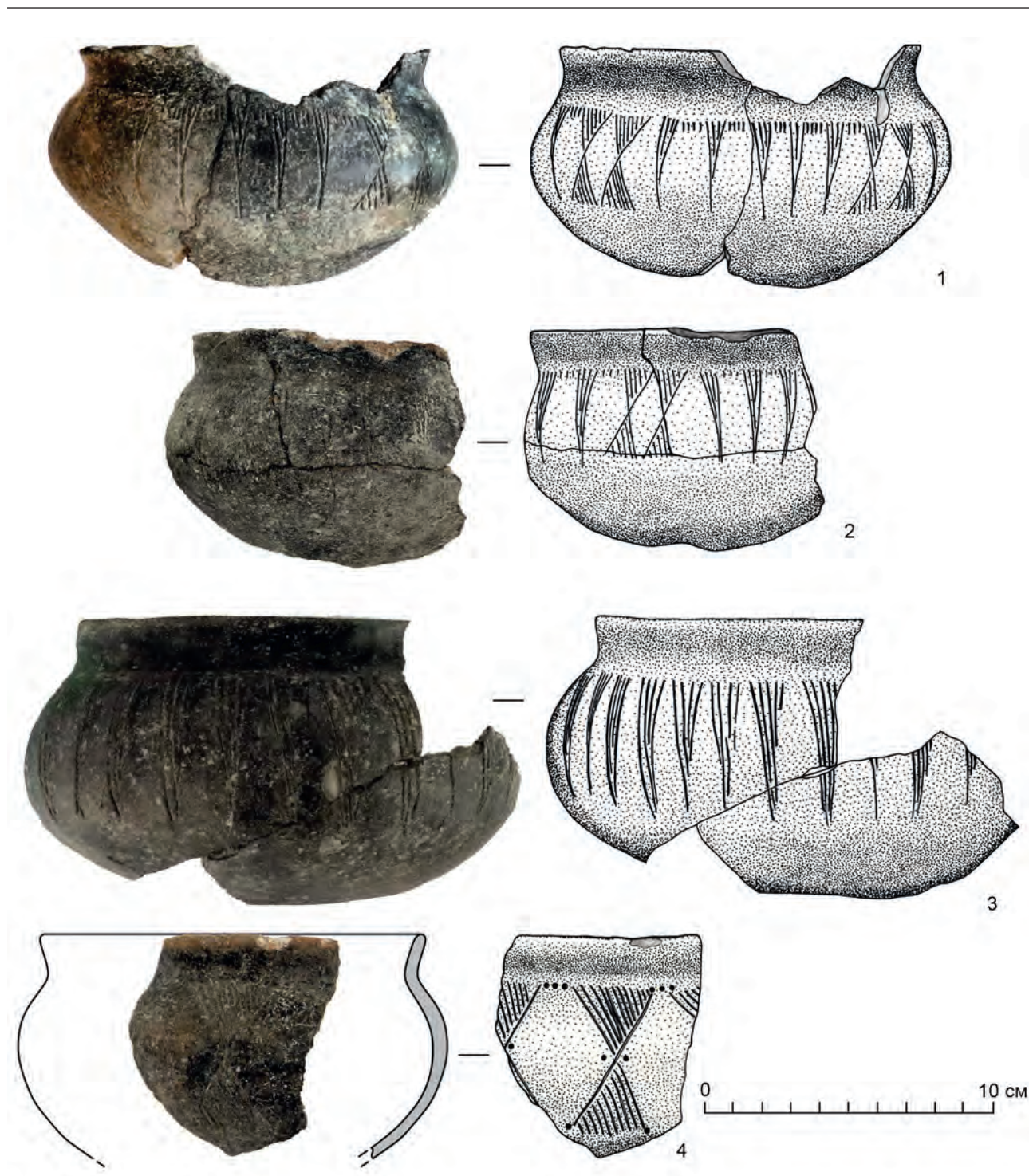

Рис. 4. Керамика кизил-кобинского поселения Стена 1. Чаша

Fig. 4. Pottery from the Kizil-Koba culture settlement Stena 1. Bowls

сверху, сдвоенными и строенными точечными вдавлениями у вершин треугольников снизу) и 25 (с врезными линиями, образующими направленные вершинами вниз треугольники) (рис. 4, 3) (Язиков, Власов, 2024. С. 31, рис. 152, ПО 327, КО 19; 176, ПО 451, КО 39).

Тип 3 — с полусферическим туловом. Представлен полным профилем сосуда с миниатюрной плоской вертикальной ручкой-налепом по краю и декором из врезных линий в виде чередующихся треугольников, направленных вершиной вниз, заштрихованных треугольников и заштрихованных

треугольников со смыкающимися вершинами из хозяйственных ям 28 и 29 (*Там же*. С. 31, рис. 187, ПО 495, КО 36; 191, ПО 525, КО 86).

Кубки по профилировке сходны с чашами, но отличаются от них меньшими размерами и иными пропорциями (соотношение максимального диаметра и высоты составляет около 1:1). Кубки бывают всех трех технологических групп, с орнаментацией и без нее. Это очень показательная для кизил-кобинской культуры категория посуды, однако на Стене 1 обнаружен единственный полный профиль кубка и два фрагмента венчиков с частью стенок тулова, которые все же позволяют выделить три типа сосудов.

Тип 1 — со сферическим туловом. Представлен полным профилем с округлым дном, украшенным врезными линиями, образующими направленные вершинами вниз треугольники, разделенные направленным вершиной вверх заштрихованным углом, а также композицией из пересекающихся по диагонали линий, образующих заштрихованный угол и «лесенку», из хозяйственной ямы 28 (рис. 5, 5) (*Там же*. С. 32, рис. 187, ПО 494, КО 41).

Тип 2 — с расширенным в верхней части сфероконическим туловом. Представлен фрагментом с направленными вершинами вниз врезными треугольниками и точечными вдавлениями из хозяйственной ямы 27 (*Там же*. С. 32, рис. 183, ПО 481, КО 78).

Тип 3 — с расширенным в нижней части овоидным туловом. Представлен обломком без орнамента из хозяйственной ямы 25 (*Там же*. С. 32, рис. 177, ПО 425).

Миски — малораспространенная категория посуды, причем не только на поселении Стена 1. Целые сосуды отсутствуют. Обнаружено 17 фрагментов верхних частей мисок с полусферическим и усеченноконическим туловом, главное отличие которых состояло в направленности краев. По этому показателю миски разделены на три типа. Обычно миски не орнаментировались, декорировано всего три экземпляра⁵.

Тип 1 — с расходящимися краями. Представлен обломками из хозяйственных ям 3, 24, 25 и 27 (*Язиков, Власов, 2024*. С. 30, рис. 80, ПО 8; 171, ПО 366; 176, ПО 379; 177, ПО 412; 183, ПО 465). Редкие аналогии встречены на кизил-кобинских поселениях Балаклавское и Дружное-2 (*Крис, 1981*. С. 26, табл. 24, 2; *Колотухин, 1996*. Рис. 15, 9).

⁵ Мнение С. Н. Сенаторова о том, что на мисках из кизил-кобинских памятников Горного и Предгорного Крыма орнаментация отсутствует (*Сенаторов, 2011*. С. 356), не соответствует действительности (также см.: *Крис, 1981*. С. 19, 27; *Колотухин, 1996*. С. 43).

Тип 2 — с вертикальными краями. Представлен неорнаментированными фрагментами из хозяйственных ям 4, 17 и 24, а также черепком с наклонными параллельными врезными линиями из хозяйственной ямы 28 (*Язиков, Власов, 2024*. С. 30, рис. 87, ПО 50; 139, ПО 211; 171, ПО 364; 187, ПО 482). У единственного экземпляра из хозяйственной ямы 6 край имеет Т-образную профилировку с внутренним и внешним горизонтальными ребрами (*Там же*. С. 30, рис. 97, ПО 58).

Тип 3 — с плавно загнутыми краями без орнамента. Обнаружены в хозяйственных ямах 7, 19 и 29 (*Там же*. С. 30, рис. 101, ПО 89, КО 26; 147, ПО 256, ПО 261, КО 52, ПО 262, КО 52; 191, ПО 519, КО 88). Фрагменты с врезными линиями, расположенными под наклоном друг к другу, с заштрихованными треугольниками со смыкающимися вершинами и одинарными точечными вдавлениями по бокам происходят из надматерикового пласта и хозяйственной ямы 28 (рис. 5, 1) (*Там же*. С. 30, рис. 68, ПО 532; 187, ПО 483, КО 80).

Отметим, что типы 2 и 3 мисок выделены условно, поскольку на одном сосуде могут сочетаться и вертикальные, и плавно загнутые края (см.: *Храпунов, Власов, 1995*. С. 9, рис. 5, 8). Подобные миски с рельефным и врезным орнаментом, а также без декора обнаружены на таврских поселениях Инкерманское, Ашлама-Дере, Фонтаны, Кизил-Коба, Уч-Баш, Шпиль и в пещере Ени-Сала (*Крис, 1981*. С. 26, 27, табл. 24, 1, 3, 4, 7; 26, 1, 3; *Колотухин, 1996*. С. 38, 42, рис. 17, 3; 19, 12; 26, 23, 25; *Храпунов, Власов, 1995*. С. 10, рис. 5, 6, 7; *Кравченко, 2007*. С. 291, рис. 7а, 5, 7).

А. М. Лесков полагал, что загнутые внутрь края являлись особенностью мисок раннего этапа кизил-кобинской культуры (*Лесков, 1965*. С. 98, 121), однако не только миски типа 3, но и миски других выделенных нами типов производились таврами на протяжении всей их истории. Аналогичная посуда известна на памятниках обширных территорий от позднего бронзового века до раннего Средневековья (*Власов, 1997б*. С. 236–239).

Ковши/черпаки по пропорциям и конфигурации близки кубкам, отличаясь от них наличием одной вертикальной ручки. Как правило, ковши были без орнамента. Представлены верхней частью сосуда с небольшой кольцевидной ручкой (рис. 5, 3) и стенкой с нижним прилепом ручки, украшенной врезными линиями (*Язиков, Власов, 2024*. С. 32, рис. 68, ПО 542; 131, ПО 197).

Дурилагы/цедилки — специализированная посуда с многочисленными сквозными отверстиями

Рис. 5. Керамика кизил-кобинского поселения Стена 1: 1 — миска; 2, 4, 6 — дуршлагы; 3 — черпак; 5 — кубок. Масштаб: а — для 1; б — для 2–6

Fig. 5. Pottery from the Kizil-Koba culture settlement Stena 1: 1 — dish; 2, 4, 6 — strainers; 3 — bailer; 5 — beaker. Scale: а — for 1; б — for 2–6

в стенках, предназначенная для производства творожного сыра. В рассматриваемой коллекции представлены полный профиль с цилиндрическим туловом и слабо отогнутым венчиком из хозяйственной ямы 11 (рис. 5, 2) (Там же. С. 32, 33, рис. 118, ПО 163, КО 1), а также обломки верхней и нижних частей баночного и горшковидных сосудов из хозяйственных ям 7, 20 и 25 (рис. 5, 4, 6) (Там же. С. 32, 33, рис. 101, ПО 91, КО 28; 152, ПО 316, КО 60; 178, ПО 455, КО 76). Для придания устойчивости дуршлагам делали закраины, выступающие внутрь от нижней части стенок тулова, или утолщали их торцы.

Дуршлагы без дна, среди которых больше всего горшковидных форм⁶, встречаются на крымских поселениях позднего бронзового века Дружное-2, Тау-Кипчак (Колотухин, 1996, рис. 14; 20, 2) и кизил-кобинской культуры — Уч-Баш (Кравченко, 2011. С. 48, рис. 19, 11; 23, 30; 29, 4; 33, 4), Кизил-Коба, Дружное-1, Карагач, Холодная балка (Колотухин, 1996. Рис. 26, 21; 31, 12; 35, 10; 39, 5; 45, 2), Шпиль (Храпунов, Власов, 1995. С. 9, рис. 6, 12), Алма-Кермен (Кравченко, 2007. С. 291, рис. 8, 6), под скальным навесом в долине р. Бельбек

⁶ Без дна изготавливали и дуршлагы иных форм (Жук, 1994. С. 106, 107).

(Щепинский, 1987. Рис. 17, 5). Дуршлаг подцилиндрической формы найден на Инкерманском поселении (Колотухин, 1996, рис. 45, 2).

Орнаментация

Сосуды декорировались рельефным, вдавленным и врезным узором, а также их сочетаниями.

Рельефный орнамент представлен валиками и разными по форме налестами (выступами). Сосуды из Стены 1 редко декорированы валиками: обнаружено пять фрагментов с гладкими подтреугольными в сечении горизонтальными валиками, слабо выраженный валик в основании горла имел обломок горшка из хозяйственной ямы 15 (рис. 2, 5) (Язиков, Власов, 2024. С. 33, рис. 131, ПО 182, КО 39). Валиками на плече украшены корчаги, которые дополнительно декорированы врезными линиями, точечными вдавлениями и налестами (рис. 5, 6, 10; 6, 3) (Там же. С. 33, рис. 97, ПО 77, КО 19; 101, ПО 95; 113, ПО 119, КО 36; 139, ПО 211, КО 44).

По мнению А. М. Лескова, валики для декора кизил-кобинской посуды применялись редко, и к VI–V вв. до н. э. практика их использования прервалась (Лесков, 1965. С. 93). В. А. Колотухин отмечал, что гладкий, а также расчлененный насечками или вдавлениями валик на плечах имели горшки наиболее ранних кизил-кобинских поселений, и после середины VII в. до н. э. такой декор исчез (Колотухин, 1996. С. 43). С. Н. Сенаторов пришел к выводу, что гладкий валик на кухонной посуде (группы 2, 3) преобладал на первом этапе кизил-кобинской культуры в XII–IX вв. до н. э. (Сенаторов, 2002. С. 14). Судя по нашим наблюдениям, традиция декорировать валиками горшки и корчаги широкого распространения не имела, но сохранялась в течение всего времени бытования кизил-кобинской культуры.

Разнообразными налестами на плечиках преимущественно декорированы корчаги (рис. 6, 9; 7, 9). Налесты на стенках из хозяйственных ям 3, 6, 9, 18, 20, 24, 25, 27, 29 часто сочетались с образующими треугольники врезными линиями, иногда с точечными вдавлениями (Язиков, Власов, 2024. Рис. 80, ПО 32, КО 9; 81, ПО 35, КО 12; 97, ПО 76; 109, ПО 103, КО 30; 143, ПО 246, КО 48, ПО 247, КО 49, ПО 249, КО 51; 152, ПО 326; 171, ПО 361; 177, ПО 445; 183, ПО 476, КО 79; 191, ПО 527, КО 87).

Отметим встреченные один раз на стенках сосудов П-образный и V- или Л-образный налесты (рис. 6, 7, 8) (Там же. С. 33, рис. 101, ПО 93; 118, ПО 152). Единственная прямая аналогия П-образному налесту известна на горшке из по-

селения Тууш 3 в Восточном Крыму⁷, а V- и/или Л-образные одинарные и двойные налесты имелись на сосудах из поселений позднего бронзового века Чуюнча и Фонтаны, а также раннего этапа кизил-кобинской культуры Дружное-1 (Колотухин, 1996, рис. 13, 15; 18, 10; 33, 22, 23).

Вдавленный орнамент представлен примерно на 40 фрагментах с одним или двумя, реже с двумя или тремя, горизонтальными рядами несквозных точечных отверстий, сделанных инструментом с тупым круглым рабочим концом, а также насечек, нанесенных гребенчатым штампом. Расположенными горизонтально в ряд точечными вдавлениями в основном украшались плечики столовых сосудов. Ниже ряда вдавлений часто наносился врезной орнамент и иногда — рельефные налесты (рис. 6, 2–4, 9, 10; 7, 1, 2) (Язиков, Власов, 2024. С. 34, рис. 80, ПО 16, КО 6, ПО 23, ПО 28, КО 7, ПО 32, КО 9; 97, ПО 68, КО 18, ПО 71, ПО 75, ПО 76, ПО 79, КО 22; 143, ПО 246, КО 48; 178, ПО 447, КО 71).

Исключительно редкий мотив точечных вдавлений в виде одного-трех горизонтальных и, возможно, располагавшихся полукругом рядов зафиксирован на обломках, скорее всего, одного сосуда из хозяйственных ям 6 и 7 (рис. 6, 5) (Там же. С. 34, рис. 97, ПО 78, КО 21, ПО 81, КО 24; 101, ПО 96). Ему близок точечный узор на тулове кубка из насыпи и заполнения каменного ящика 3 кизил-кобинского могильника Карлы-Кая в Восточном Крыму (Кравченко, 2007. С. 283, 290, рис. 6, 9). С. Н. Сенаторов считает, что такой орнамент (группа 7) был распространен на втором этапе кизил-кобинской культуры — в «киммерийский» и раннескифский периоды (VIII — первая половина VI в. до н. э.) (Сенаторов, 2002. С. 15).

На вышеупомянутых фрагментах из хозяйственных ям 7 и 17 (Язиков, Власов, 2024. С. 34, рис. 101, ПО 95; 139, ПО 221, КО 44) отмечено сочетание рядов горизонтальных точечных вдавлений с врезными линиями в виде треугольников, обращенных вершинами вниз, и разделяющего их валика. Редко вместо ряда круглых вдавлений плечики сосуда украшал горизонтальный ряд насечек, от которых вниз по тулову отходили врезные линии, образующие треугольники, расположенные вершинами вниз. Подобные насечки, нанесенные инструментом с одним острием,

⁷ Находка из раскопок Д. С. Кравченко не опубликована, а предложенное им отнесение материалов поселения Тууш 3 к кизил-кобинской культуре вызывает сомнения.

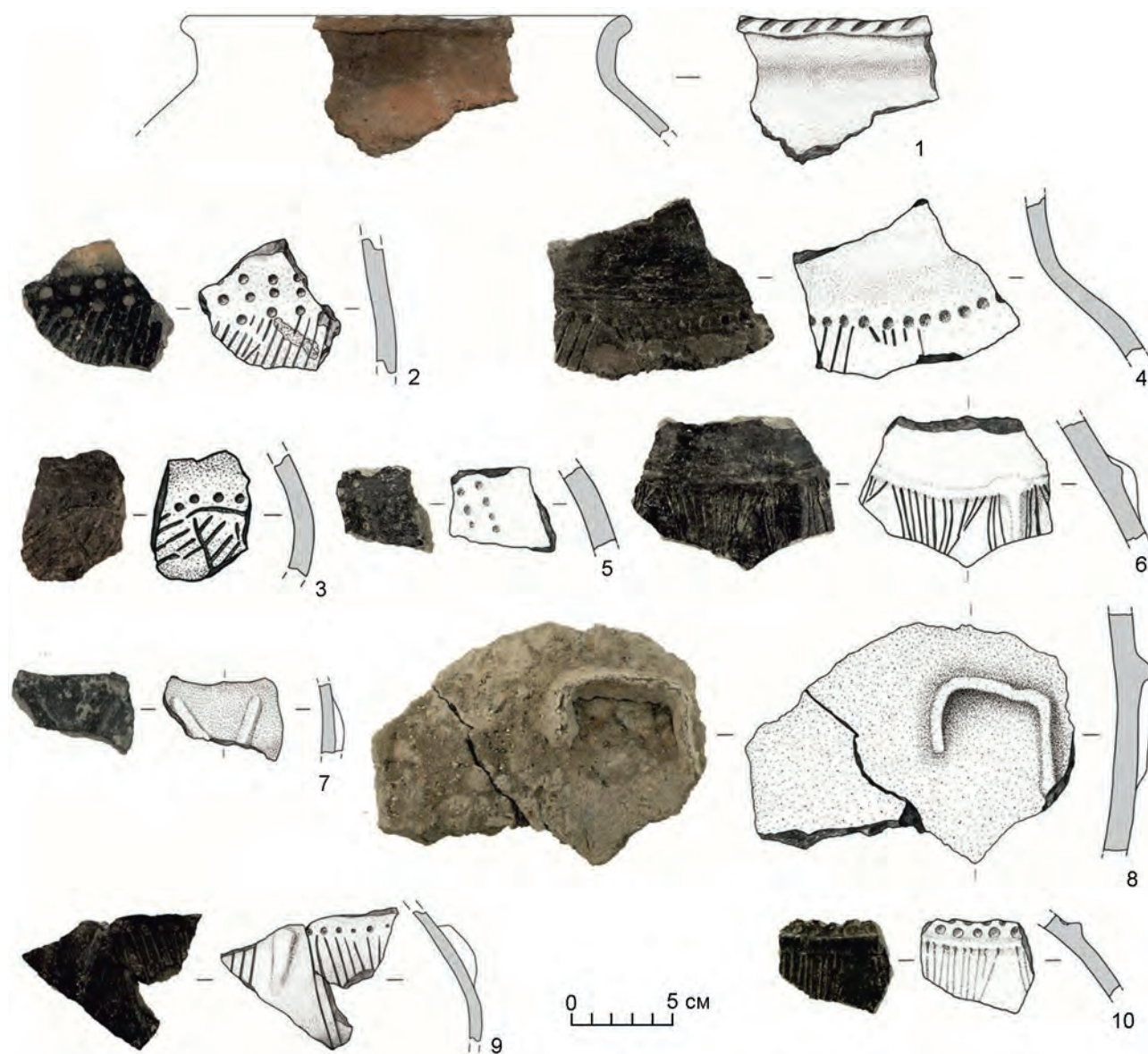

Рис. 6. Керамика кизил-кобинского поселения Стена 1. Виды декора: 1, 5 — вдавленный; 2–4 — вдавленный и врезной; 7, 8 — рельефный; 6, 9, 10 — врезной и рельефный

Fig. 6. Pottery from the Kizil-Koba culture settlement Stena 1. Forms of decoration: 1, 5 — indented; 2–4 — indented and inset; 7, 8 — relief; 6, 9, 10 — inset and relief

встречены на обломках, скорее всего, одного сосуда, из хозяйственных ям 19 и 20 (Там же. С. 34, рис. 148, ПО 289; 152, ПО 321). На обломках чаши с врезным орнаментом из хозяйственной ямы 25 насечки были сделаны трех- и четырехзубчатым орнаментом (рис. 4, 1, 2) (Там же. С. 34, рис. 176, ПО 450, КО 38, ПО 452, КО 40).

К вдавленному орнаменту мы отнесли и узкие наклонные «ногтевые» насечки на венчике горшка из хозяйственной ямы 18 (рис. 6, 1) (Там же. С. 34, рис. 143, ПО 227, КО 46). Такой способ декора венчиков кизил-кобинских горшков использовался

редко. Он отмечен на поселениях Симферопольское, Нейзацкое, Шпиль, Трактирный мост, «4-й сектор СОР-1», которые датируются VI — первой половиной / серединой IV в. до н. э. (Дашевская, 1951. С. 117; 1958. С. 195; Лесков, 1965. С. 33; Крис, 1981, табл. 10, 1, 2; Храпунов, Власов, 1995. С. 15, 27, 28, рис. 4, 8; Колотухин, 1996. С. 20, 57; Филиппенко и др., 2018. С. 359, 363, рис. 5, 3, 4; Тюрин, 2018. С. 322, 324, рис. 6, 3, 4).

Использование таврами «ногтевого» декора обычно связывается с влиянием скифов (Лесков, 1965. С. 33; Крис, 1981. С. 11, 12), у которых

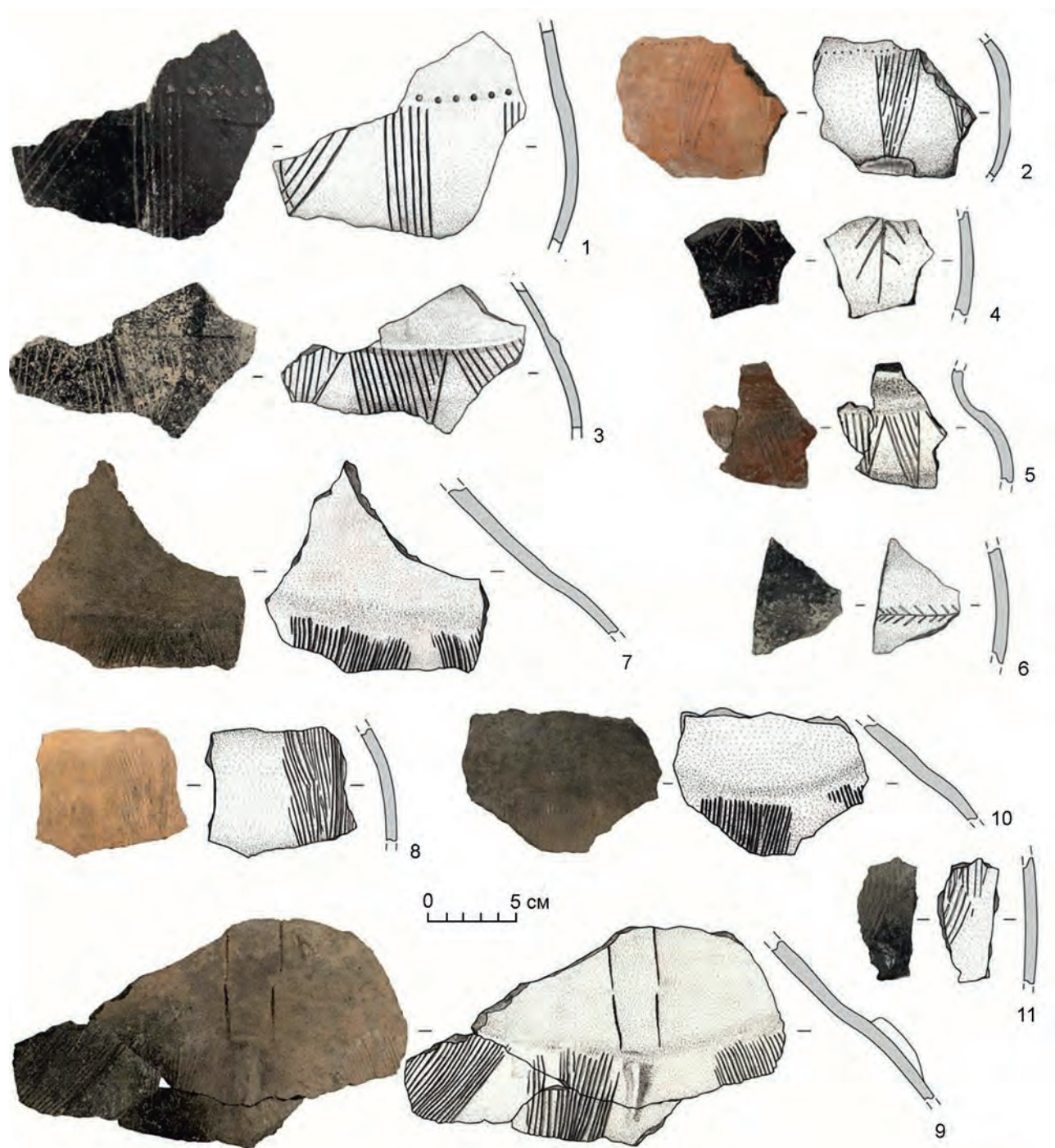

Рис. 7. Керамика кизил-кобинского поселения Стена 1. Виды декора: 1, 2 — вдавленный и врезной; 3, 9 — врезной и рельефный; 4-8, 10, 11 — врезной

Fig. 7. Pottery from the Kizil-Koba culture settlement Stena 1. Forms of decoration: 1, 2 — indented and inset; 3, 9 — inset and relief; 4-8, 10, 11 — inset

нанесение на венчики горшков разнообразных насечек и вдавлений являлось в IV в. до н. э. наиболее распространенным способом декорирования посуды (Гаврилюк, 1989. С. 49). С. Н. Сенаторов полагает, что этот декор характерен

для кизил-кобинских комплексов первой половины — середины IV в. до н. э. (Сенаторов, 1998. С. 11, рис. 4, 8), что не вызывает возражений.

Врезной геометрический орнамент представлен на 200 фрагментах (81,9 %) и археологически

целых сосудах разных категорий и типов. Долгое время считалось, что на таврской посуде он появился в VII в. до н. э. в связи с приходом в Крым скифов (Крис, 1981. С. 11; Колотухин, 1996. С. 43, 57). Однако на посуде из степных скифских памятников крайне редкая врезная орнаментация зафиксирована только в IV в. до н. э. (Гаврилюк, 1989. С. 49, 55, прил. 3, рис. 11, 2; 14, 17), отсутствует она и на сосудах из самых ранних скифских погребений Крыма (Ольховский, 1990. С. 34). Следовательно, скифы не могли привнести такой декор на полуостров. Вместе с тем посуда, украшенная врезными линиями, причем сходными и даже тождественными таврскими мотивами, обнаружена на крымских поселениях позднего бронзового века Кировское, Чуюнча, Дружное-2, Петровская балка, Фонтаны (Власов, 1997а. С. 20). Целые сосуды и черепки с врезным орнаментом известны на всех кизил-кобинских памятниках, включая самые ранние — Уч-Баш и Кизил-Коба (Крис, 1981. Табл. 5; 23, 3; 27, 3).

Подавляющее большинство мотивов и композиций врезного орнамента нанесено орудием с одним заостренным рабочим концом (188 экз. / 77 %).

Отметим наиболее распространенные, а также редко использовавшиеся мотивы.

Чаще всего встречаются врезные линии, образующие треугольники, направленные вершинами вниз. Такой орнамент занимает почти всю высоту чаш, кубков и некоторых корчаг (рис. 3, 4; 4, 3; 6, 6, 9, 10; 7, 7–11). В Крыму аналогии ему известны на посуде кизил-кобинских поселений всех этапов, а за пределами полуострова — в Нижнем Побужье, на отдельных лепных сосудах VII в. до н. э. Березани (Капошина, 1956. С. 159, рис. 5, 4). Распространены были расположенные в один или в два ряда «заштрихованные» треугольники, вершины которых направлены вниз и вверх, иногда смыкаясь (рис. 3, 1–3, 5–8; 4, 1, 2, 4; 5, 1; 7, 1–3, 5). На некоторых сосудах эти мотивы чередовались вертикальными и наклонными параллельными, а также пересекающимися по диагонали прямыми линиями («лесенка», «плетенка», «сетка»).

Редко представлен врезной мотив, схематично изображающий ветвь растения («елочку»). Он зафиксирован всего на двух фрагментах из хозяйственных ям 11 и 12 (рис. 6, 4, 6) (Язиков, Власов, 2024. С. 35, рис. 118, ПО 153; 122, ПО 171, КО 38) и в целом мало характерен для лепной посуды кизил-кобинской культуры. В Крыму аналогии ему известны среди подъемного материала поселений эпохи бронзы в окрестностях Симферополя (Щепинский, 1957. С. 186, рис. 6, 6), а также из кизил-

кобинского поселения Шпиль (Храпунов, Власов, 1995. С. 18, рис. 21; 21а). С. Н. Сенаторов оценивает мотив врезной «елочки» (группа 19) как характерный узор памятников степного региона (Сенаторов, 2002. С. 22). С этим можно согласиться, поскольку изображения прочерченной «елочки» встречены на сосудах VII в. до н. э. Березани (Капошина, 1956. С. 159, рис. 5, 6) и поселения ольвийской округи Закисова балка (Штителъман, 1956. С. 265, рис. 2). Добавим, что ареал такого декора шире, так как синхронные параллели ему известны и в Поднепровской лесостепи (Ковпаненко и др., 1989. Рис. 33, 3).

Орнамент, нанесенный мелкозубчатой гребенкой с тремя, четырьмя и пятью зубцами, зафиксирован на 12 фрагментах (4,9 % всех орнаментированных экземпляров) (Язиков, Власов, 2024. С. 35, рис. 68, ПО 531, КО 89, ПО 579; 73, ПО 5; 80, ПО 28, КО 7, ПО 30; 109, ПО 109; 191, ПО 523). Важно, что это первый (ранний) по классификации С. Н. Сенаторова тип гребенчатого орнамента (группа 15), использовавшийся во второй половине VI — первой половине IV в. до н. э. (Сенаторов, 2002. С. 15, 18). Он характеризуется врезными полосами, которые образуют различные геометрические фигуры (треугольники, углы, вертикальные и наклонные линии), а также заполняют их внутреннее и внешнее пространство. Отметим, что на фрагментах кубка, чаши (рис. 4, 1, 2) и на стенке из хозяйственных ям 1, 25, 29 (Язиков, Власов, 2024. С. 36, рис. 73, ПО 5; 176, ПО 450, КО 38, ПО 452, КО 40; 191, ПО 523) сочетался врезной декор, нанесенный как орнаментиром с одним острием, так и разными мелкозубчатыми гребенками.

Результаты

Благодаря проделанному сравнительно-типологическому анализу установлено, что керамика поселения Стена 1, с одной стороны, демонстрирует единство с лепной посудой других поселений кизил-кобинской культуры, а с другой — имеет определенные отличия.

Общие признаки проявляются в технике и технологии производства, в их морфологии, ассортименте лепной посуды и отчасти в применявшейся орнаментации. Как отмечают многие исследователи кизил-кобинской культуры, начиная с Г. А. Бонч-Осмоловского, вся лепная керамика делится на две группы: столовую с гладкой лощеной и подлощенной поверхностью, а также простую хозяйственную (кухонную и тарную) грубой шероховатой фактуры. В связи с этим обратим внимание на заметное несоответствие

в соотношении этих групп лепной посуды из Стены 1. Так, удельный вес фрагментов лощеных и подлощенных сосудов, даже с учетом доверительных интервалов при подсчетах (Каменецкий, 1969. С. 142–144), показывает в пять раз меньше нелощеных черепков. Поскольку подобные статистические выкладки приводятся в публикациях крайне редко, неясно, является ли это отражением конкретного случая на поселении Стена 1 или же общей для кизил-кобинского керамического комплекса ситуации с реальной пропорцией сосудов двух групп⁸.

Для лепной посуды Стены 1 примерно одинаковы и использовавшиеся для приготовления формовочной массы кизил-кобинской посуды примеси — песок, дресва, толченые раковины, шамот, а также редко выделяемые растительные добавки (Крис, 1981. С. 21, 23; Лесков, 1965. С. 91, 93, 94). Отметим, что попытка объективно подтвердить эти сведения естественнонаучными методами, особенно в части выяснения процентного соотношения разных видов отощителей в глиняной смеси, впервые предпринята лишь недавно (речь идет о публикации результатов петрографического анализа керамики кизил-кобинского поселения Долгий Бугор, см.: Кулькова, 2024).

Спектр лепной посуды Стены 1 представлен почти полным набором основных категорий сосудов кизил-кобинской культуры: горшками, корчагами, мисками, чашами, кубками, черпаками, дуршлагами, — но с некоторым дисбалансом, выраженным в единичности кубков и черпаков, которые являлись самой многочисленной категорией таврской столовой посуды (Колотухин, 1996. С. 42).

Наиболее заметны локальные отличия лепной посуды Стены 1 в стилях и сочетаниях применявшихся видов декора. Именно рассмотрение орнаментации позволило определить наиболее ве-

роятное время формирования комплекса лепной посуды, а при условии отсутствия надежно датированных артефактов (греческих или скифских) — и хронологические рамки поселения.

Предварительно поселение Стена 1 по лепной керамике было датировано VIII — первой половиной VI в. до н. э. (Язиков и др., 2019. С. 340). Однако при такой датировке вызывало сомнения совместное нахождение в одних хозяйственных ямах фрагментов сосудов с рельефным орнаментом, характерным для белозерской культуры позднего бронзового века, и экземпляров, присущих позднему периоду кизил-кобинской культуры (подробно см.: Язиков, Власов, 2024. С. 52–54).

При определении нижней хронологической границы решающее значение имеет то обстоятельство, что среди лепной керамики Стены 1 отсутствуют сковороды, а также горшки с валиком в основании горла, имеющим разомкнутые и направленные вниз концы, которые свойственны белозерской культуре и раннему этапу кизил-кобинской культуры. Верхняя хронологическая граница надежно маркируется отсутствием в лепной посуде Стены 1 экземпляров с гребенчатым орнаментом второго (позднего) типа, который использовался во второй половине IV — первой трети III в. до н. э. Он отличается тем, что орнаментальное поле внутри (нередко и между геометрическими фигурами) заполнено нанесенными гребенкой наколами и насечками (группа 16) (Сенаторов, 2002. С. 15).

Таким образом, керамический комплекс Стены 1, который определяет и хронологические рамки памятника в целом, можно датировать широко в пределах середины VII — середины IV в. до н. э. Не противоречат этому и такие признаки поселения Стена 1, общие для памятников позднего этапа кизил-кобинской культуры (VII–V вв. до н. э., по хронологии и периодизации В. А. Колотухина — см.: Колотухин, 1996. С. 25), как его расположение на склоне холма (не на мысу или скальном обрыве), отсутствие культурного слоя, следов оборонительных сооружений и остатков стационарных построек.

⁸ В пользу второго предположения могут свидетельствовать данные раскопок нового поселения кизил-кобинской культуры Строгоновка, в хозяйственных ямах которого обломки лощеных сосудов составляли 30 % (Колтухов, 2024. С. 43).

Власов, 1997а — Власов В. П. О хронологических рамках кизил-кобинской (таврской) культуры // Древности. 1996: Сб. / Гл. ред. В. И. Кадеев. Харьков: Бизнес Информ, 1997. С. 15–22.

Власов, 1997б — Власов В. П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь: Таврия, 1997. С. 204–303.

Власов, Язиков, 2021 — Власов В. П., Язиков С. В. Следы земельного межевания XIX в. на ОАН «Поселение Стена 1» в Юго-Западном Крыму // XXII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Новые открытия, новые проекты: Материалы междунар. науч. конф. (Керчь, 24–27 мая 2021 г.). Симферополь: Керчь: ИП Кифниди Г. И., 2021. С. 70–75.

- Власов и др., 2021 — Власов В. П., Язиков С. В., Тяпухина А. В., Тихомиров В. А. Поздний культурно-хронологический горизонт объекта археологического наследия «Поселение Стена 1» // История и археология Крыма. 2021. Вып. XIV. С. 219–236.
- Гаврилюк, 1989 — Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степных скифов. Киев: Наукова думка, 1989. 112 с.
- Горб, 1987 — Горб Д. А. Методика описания и атрибуции керамики // Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников / Отв. ред. И. И. Шангина. Л.: Гос. музей этнографии народов СССР, 1987. С. 101–110.
- Дашевская, 1951 — Дашевская О. Д. Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. XXXIX. С. 110–119.
- Дашевская, 1958 — Дашевская О. Д. Симферопольское раннетаврское поселение // СА. 1958. № 3. С. 193–197.
- Жук, 1994 — Жук С. М. Археологические разведки и охранные раскопки в окрестностях Ялты // Археологические исследования в Крыму. 1993 год / Отв. ред. В. А. Кутайсов. Симферополь: Таврия, 1994. С. 102–111.
- Каменецкий, 1969 — Каменецкий И. С. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса // Античные древности Подонья — Приазовья / Отв. ред. Д. Б. Шелов. М.: Наука, 1969 (МИА; № 154). С. 136–172.
- Капошина, 1956 — Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 50). С. 154–189.
- Ковпаненко и др., 1989 — Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. И., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев: Наукова думка, 1989. 331 с.
- Колотухин, 1996 — Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — раннем железном веке (этнокультурные процессы). Киев: Южногородские ведомости, 1996. 158 с.
- Колтухов, 2024 — Колтухов С. Г. Строгоновка — поселение раннего железного века // История и археология Крыма. 2024. Вып. XXI. С. 40–55.
- Кравченко, 2007 — Кравченко Э. А. К вопросу об изменениях в материальной культуре населения горного Крыма в предскифское время // Revista arheologică. SN. 2007. Vol. III, nr. 1–2. P. 282–294.
- Кравченко, 2011 — Кравченко Е. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк: ІА НАН України, 2011. 272 с.
- Крис, 1981 — Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981 (САИ; Вып. Д1-7). 128 с.
- Кулькова, 2024 — Кулькова М. А. Результаты петрографического исследования керамики поселений Долгий Бугор и Бай-Кият I в Центральном и Северо-Западном Крыму // Палеосреда и культурно-исторические процессы в Северо-Западном Причерноморье в эпоху бронзы — раннем железном веке: первые результаты исследований / Отв. ред. М. А. Кулькова, М. Т. Кашуба. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. С. 236–271.
- Лесков, 1965 — Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев: Наукова думка, 1965. 199 с.
- Марченко, 1988 — Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. (по материалам лепной керамики). Л.: Наука, 1988. 144 с.
- Ольховський, 1990 — Ольховський В. С. До етнічної історії давнього Криму // Археологія. 1990. № 1. С. 27–38.
- Сенаторов, 1998 — Сенаторов С. Н. Поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Карань-2 // Херсонесский сборник. 1998. Вып. IX. С. 8–24.
- Сенаторов, 2002 — Сенаторов С. Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Археология. СПб.: ИИМК РАН, 2002. 22 с.
- Сенаторов, 2011 — Сенаторов С. Н. Керамика кизил-кобинской культуры второй половины VI — первой половины IV в. до н. э. // Боспорский феномен: население, языки, культуры: Материалы междунар. науч. конф. (СПб., 22–25 ноября 2011 г.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 354–362.
- Тюрин, 2018 — Тюрин М. И. Античное поселение «4-й сектор СОР» в нижнем течении р. Бельбек (по материалам разведок 2014–2015 гг.) // Херсонесский сборник. 2018. Вып. XIX. С. 319–336.
- Филиппенко и др., 2018 — Филиппенко А. А., Кравченко Э. А., Ушаков С. В. Поселение кизил-кобинской культуры Трактирный Мост // Херсонесский сборник. 2018. Вып. XIX. С. 357–374.
- Храпунов, Власов, 1995 — Храпунов И. Н., Власов В. П. Кизил-кобинское поселение Шпиль // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Сост. И. Н. Могаричев, И. Н. Храпунов. Симферополь: Таврия, 1995. С. 3–31.
- Шрамко, 1983 — Шрамко Б. А. Археология раннего железного века Восточной Европы. Харьков: Ред.-изд. группа Харьковского гос. ун-та, 1983. 133 с.
- Штительман, 1956 — Штительман Ф. М. Поселения античного периода на левобережье Бугского лимана // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху / Под ред. В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА; № 50). С. 256–272.
- Щепинский, 1957 — Щепинский А. А. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя // СА. 1957. Вып. XXVII. С. 178–192.
- Щепинский, 1987 — Щепинский А. А. Красные пещеры: Долгоруковская яйла. Симферополь: б. и., 1987. 112 с.
- Язиков, Власов, 2024 — Язиков С. В., Власов В. П. Поселение Стена 1 в Юго-Западном Крыму. М.: ИА РАН,

2024 (Материалы спасательных археологических исследований; Т. 31). 168 с.

Языков и др., 2019 — Языков С. В., Свиридов А. Н., Алейников С. В., Сивожелезова А. В. Археологические

раскопки поселения Стена 1 // Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. В 2 т. Т. II / Отв. ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. С. 327–341.

Molded pottery of the Kizil-Koba culture settlement Stena 1 in South-Western Crimea (classification and typology)

V. P. Vlasov, S. V. Yazikov⁹

Keywords: Crimea, Early Iron Age, Kizil-Koba culture, settlement, molded pottery, classification, typology

This article is devoted to the classification and typology of molded ceramics from the Kizil-Koba settlement Stena 1 in South-Western Crimea. A characteristic feature of the Kizil-Koba culture of Crimea is molded polished pottery with inset geometric ornamentation. However, crude molded unpolished vessels with other types of decoration, as well as unornamented ones, are also present. The analyzed ceramic assemblage from the Stena 1 settlement demonstrates its general cultural unity with pottery from other Kizil-Koba sites on the peninsula, although certain differences are present. These common features are manifested in the techniques and technology of production, the composition and structure of the pottery assemblage, and morphology, while differences are found in the styles of the decorative methods used. The coexistence of fragments of vessels with archaic relief ornamentation, characteristic of the Belozersk culture of the Late Bronze Age, and specimens characteristic of the late period of the Kizil-Koba culture is noteworthy. The time of existence of the set of molded ceramic dishes from the settlement of Stena 1, which also determines the chronological framework of the site as a whole, should be attributed to the mid-7th to mid-4th cent. BC.

---

⁹ Vladimir P. Vlasov — A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Institute of Crimean Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol; e-mail: vlasov_vladimir@mail.ru. Sergey V. Yazikov — Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: sergei.yazikov2012@yandex.ru.

Терракотовый бюст с надписью из Южного пригорода Херсонеса Таврического¹

В. В. Вахонеев²

Аннотация. В статье вводится в научный оборот редкая находка — терракотовый бюст с надписью Ἀντίπατρον, обнаруженный в Южном пригороде Херсонеса Таврического. Изделие, выполненное в технике оттиска в матрице, представляет собой мужскую полуфигуру в драпировке на профилированном постаменте. Надпись в родительном падеже, нанесенная по сырой глине до обжига, вероятно, была подписью мастера, что сближает находку с серией «подписанных» терракот из Мирины и других малоазийских центров эллинистического времени. Это позволяет отнести находку к привозным изделиям и датировать ее II–I вв. до н. э.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Южный пригород, терракотовый бюст, эпиграфика, Антипатр, малая пластика.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-57-61

Масштабные исследования Южного пригорода Херсонеса Таврического в последние годы дали множество интереснейших находок, важных не только для понимания истории древнего города, но и для изучения религиозной и социальной жизни античного общества (Соловьева и др., 2024). Среди разнообразного археологического материала, обнаруженного в культурных напластованиях того времени, особого внимания заслуживают изделия малой пластики.

В ходе исследований квадрата 115/172 в пределах раскопа 2.1 в смешанном слое позднеантичной свалки на уровне пласта б³ был обнаружен фрагментированный терракотовый бюст (рис. 1). Изделие,

выполненное в технике оттиска в матрице, полное, размерами 5,4 × 6,4 × 4,5 см. Материал — плотная, хорошо отмученная светло-оранжевая глина с мелкими включениями слюды. Ядро серого оттенка указывает на обжиг в недостаточно окислительной среде или нарушение температурного режима. Характер сглаженности поверхности и сколов, включая верхний излом, свидетельствует о вторичном воздействии воды, вероятно, связанном с временным пребыванием статуэтки в прибрежной зоне или влажной среде после ее повреждения.

Бюст представляет собой мужскую полуфигуру на небольшом постаменте с двойным профилированием. Драпировка образует рельефные складки на груди и плечах. Голова и фрагмент передней части постамента утрачены. Иконографически изображение близко распространенным в греко-римском мире типам философов, ораторов или состоятельных граждан.

Особое значение имеет надпись Ἀντίπατρον, нанесенная на оборотной стороне плеч в две строки. Она аккуратно прочерчена по сырой глине острым инструментом до обжига. Высота букв составляет 0,6–0,8 см, ширина 0,3–0,6 см.

Греческое имя Антипатр (Ἀντίπατρος) было чрезвычайно распространено⁴. Его носили

¹ Работа выполнена по теме государственного задания «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий» (FMZF-2025-0012).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: vvkerch@mail.ru.

© Вахонеев В. В., 2025

³ Автор благодарит начальника Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН С. Л. Соловьеву за возможность публикации материалов экспедиции. Работы на раскопе 2.1 выполнялись ООО «ИТЦ» под руководством В. Г. Беджаняна. Терракотовый бюст передан на постоянное хранение в фонды ФГБУК ГИАМЗ «Херсонес Таврический», № к. о. ХТ-21-Р2-1/139-1.

⁴ База данных LGPN The Lexicon of Greek Personal Names содержит упоминание не менее 692 человек

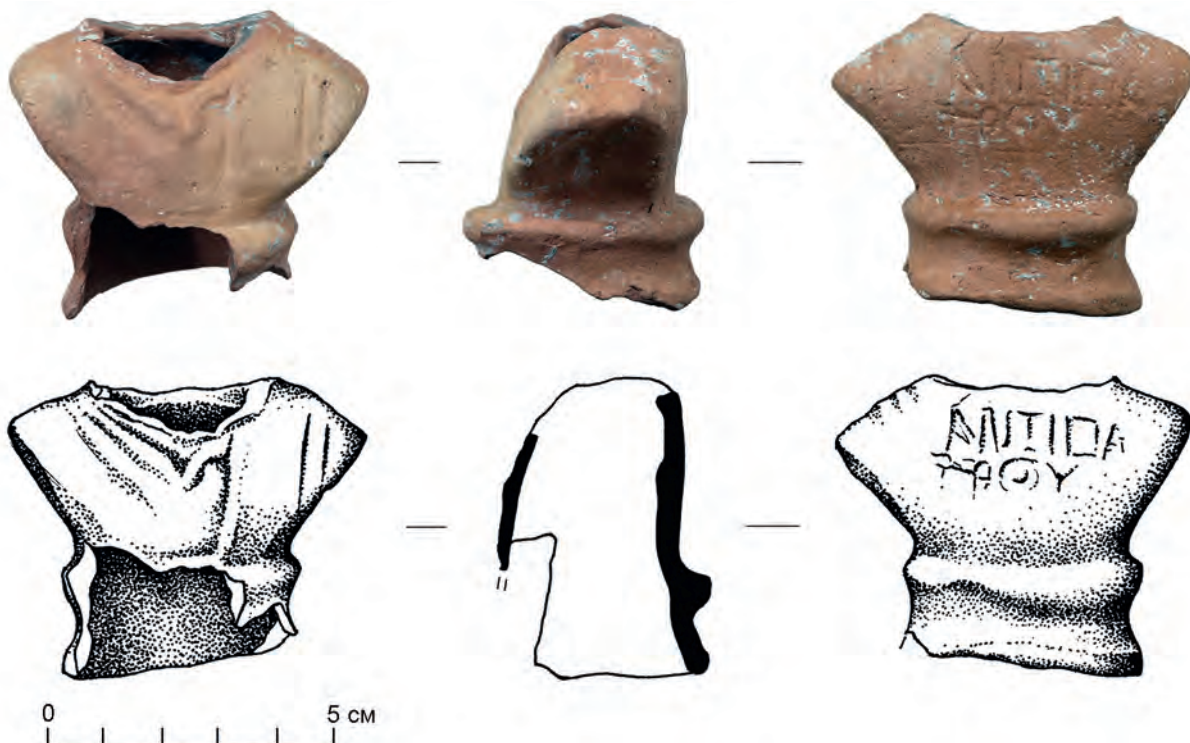

Рис. 1. Терракотовый бюст из Южного пригорода Херсонеса, фото и прорисовка

Fig. 1. Terracotta Bust from the Southern Suburb of Tauric Chersonesos

многочисленные исторические фигуры: македонский полководец Антипатр (ок. 400–319 гг. до н. э.), поэты Антипатр Солунский и Антипатр Сидонский (II–I вв. до н. э.), а также многие люди в эллинистическом и римском мире. Это имя часто встречается на эпиграфических памятниках Северного Причерноморья, в том числе в Херсонесе. Так, известны по крайней мере два херсонесских эпиграфических документа с его упоминанием. Первый — надгробие Антипатра III в. до н. э., обнаруженное в 1989 г. на некрополе в районе Загородного храма (IOSPE³, III 219⁵). Второй — декрет в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлонида и его супруги Аврелии Паулины, 173/174 г. н. э. из раскопок цитадели в юго-

восточном районе городища (Антонова, Яйленко, 1995; IOSPE³, III 39).

В римскую эпоху нередко создавались небольшие портретные изображения в память об ушедших родственниках или почитаемых предках. Подлинный индивидуальный портрет, как правило, отличался детальной проработкой черт лица и сопровождался подписью с формулами «ἀνέθηκε» (посвятил) или «ἐποίησε» (сделал). Херсонесский бюст, несмотря на свои скромные размеры, мог выполнять как функцию настольной статуэтки, так и культового образа.

При этом терракотовые статуэтки с надписями крайне редки. Так, на некрополе Газы была найдена терракотовая статуэтка с подписью мастера Σεραπίων ἐποίησεν («Серапион сделал [это]»). Там же обнаружен терракотовый бюст с латинской надписью ULPANI S(IGILLARI) — вероятно, штамп с именем Ульпиан и указанием его профессии — sigillarius, то есть ремесленник, изготавливавший фигурки и мелкую пластику (Reinach, Pottier, 1883. P. 204).

Другой пример — терракотовый бюст из Ольвии, на подставке которого написано Διονύσου (*Ibid.* P. 204). Такая надпись может интерпретироваться как указание на то, что фигурка посвящена Дионису (буквально «[в честь] Диониса»).

с именем Антипатр // URL: <https://search.lgpn.ox.ac.uk/browse.html?field=names&sort=nymRef&query=Ἀντίπατρος&collection=&start=1>.

⁵ IOSPE³ — электронная база данных эпиграфических источников, запущенная в 2013 г. под названием *Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae*, подчеркивающим преемственность с двумя изданиями корпуса начала XX в. С 2021 г. данный корпус и база данных публикуются под новым названием «Надписи Северного Причерноморья / Inscriptions of the Northern Black Sea» (INBS).

Возможно, статуэтка изображала самого Диониса, однако не следует исключать и версию, что она являлась даром божеству от лица, имя которого содержала надпись. Примечательно, что родительный падеж имени на вотивных предметах в греческой традиции часто указывает именно на посвящающего или владельца, а не на изображенный персонаж. По аналогии с ольвийским бюстом надпись Ἀντίπατρον на херсонесской находке тоже может означать «[дар] Антипатра», то есть содержать имя жертвователя или заказчика, оплатившего создание статуэтки, например, для посвящения божеству.

В Олинфе (Халкидика) в одном из домов позднеклассического времени был обнаружен глиняный бюст богини, подвешивавшийся на стене. На его обратной стороне нацарапаны буквы ΔΕ — вероятно, сокращение имени богини (Δημήτηρ или Δέσποινα) (Sharpe, 2015). Это единственный известный случай подписанной терракоты в Олинфе, и исследователи склоняются к тому, что надпись указывает именно на личность изображенной (именуемой богини), поскольку подписи мастеров в V–IV вв. до н. э. крайне редки. Таким образом, олинфский бюст служил домашнему культу — его подвешивали на стене жилища как образ богини-покровительницы.

Особое место занимает коллекция эллинистических и римских терракотовых статуэток из Мирины (Эолида). В процессе раскопок в конце XIX в. там было зафиксировано несколько десятков различных имен на более чем 150 терракотах — как мужских, так и женских, греческих и римских. Изначально подобные надписи считались редкими (*véritables raretés*), но в Мирине их оказалось так много, что было даже предложено рассматривать это как новый феномен в истории керамики (Reinach, Pottier, 1883. Р. 204). Обнаруженные терракоты поступили в основном в музеи Стамбула, Афин и Парижа, но некоторые попали и в другие собрания. Особенно значительную коллекцию, в том числе статуэток с надписями, приобрел Музей изящных искусств в Бостоне (Burr, 1934).

Большинство надписей из Мирины нанесены на обратной стороне статуэток или на основании по сырой глине еще до обжига. Это следует из того, что отверстия для вентиляции на некоторых предметах, сделанные в момент обжига, повредили сами буквы надписи. Предполагается, что их наносил ремесленник, отвечавший за лепку и окончательную обработку изделия. Он нередко также использовал заранее подготовленную печать с вырезанным именем мастера.

Подписанные терракоты зафиксированы в Мирине начиная с конца III — начала II в. до н. э., в дальнейшем их количество заметно увеличилось. В настоящее время известно более 40 различных имен, указанных подобным образом (Kassab, 1988; Kassab Tezgör, 2016. Р. 286).

Наиболее распространенной подписью является имя Дифил (Δίφιλος), нанесенное с помощью штампа. Известно около 50 подписанных им статуэток (Burr, 1934. Р. 9). Это имя следует понимать не как обозначение конкретного мастера, а как название мастерской, функционировавшей на протяжении длительного времени (Higgins, 1967. Р. 113). Другие же надписи были сделаны вручную, часто небрежно. Исследователи склонны видеть в этих подписях некие фабричные марки, обозначавшие имя мастера или мастерскую, где была создана фигурка. На первый взгляд большое число различных мастерских в небольшом городке удивляет, но это можно объяснить как широким распространением гончарного производства в греческих центрах, так и длительным периодом их функционирования.

Примечательно, что одинаковые по форме фигурки могли иметь разные подписи. Это может свидетельствовать либо о передаче форм от одного мастера другому, либо о работе нескольких коропластов в одной и той же мастерской, где каждый ставил собственную подпись.

Наличие римских имен (Ouaros, Gaios, Maicyos) предполагает поздний (римский) период производства статуэток, когда гончары, возможно, стремились поддерживать спрос на свои изделия, используя известные имена как форму своеобразной рекламы.

В своей рецензии на каталог Д. Кассаба Симона Беск отмечает наличие подписей и монограмм также на терракотах из раскопок Приены, Пергама, Балыкесири, Коринфа и Тарента (Besques, 1991. Р. 385). Эти примеры свидетельствуют о том, что практика нанесения имен на терракотовые статуэтки присутствовала в различных регионах греко-римского мира, хотя и не получила широкого распространения.

К таким подписанным терракотам, вероятно, принадлежит и рассматриваемый бюст из Херсонеса. Можно выдвинуть несколько гипотез его назначения. Смысл надписей на малых терракотовых формах может быть различным. Как показывают приведенные примеры, надпись могла указывать на автора или мастерскую, изображенного персонажа либо божество, наконец, на дарителя, владельца или посвящающего.

Если бюст — портрет конкретного человека (например, местного сановника или философа), то он мог быть создан в память о нем. Тогда надпись Ἀντίπατρου могла бы означать имя умершего или почитаемого. Такая небольшая статуэтка вполне могла стоять в домашнем мемориале предков (лары) как знак рода, ее можно поставить на стол или полку. В таком случае бюст мог носить символический сакральный характер, сочетая элементы культа и памяти.

Однако в греческих надписях родительный падеж часто указывал на посвящающего, аналогично Διονύσου на ольвийском бюсте. Тогда Антипатр — это не сам изображенный человек, а заказавший или оплативший создание статуэтки, к примеру, в честь какого-либо божества или для своего дома. В эпиграфике известны формулы вида «[имя] ἀνέθηκεν» («[такой-то] посвятил») на подножиях статуй и в дарственных надписях. В случае малых форм запись часто сокращалась до одного имени. При таком допущении имя на херсонесском бюсте может означать «Антипатра [дар/посвящение]» — то есть данный предмет пожертвован неким Антипатром в контексте частного или храмового культа. Предложенная трактовка хорошо согласуется с тем, что имя стоит в родительном падеже (без глагола). Но стоит оговориться, что обычно такая надпись наносилась в виде граффито уже после изготовления предмета, как это бывало с посвящениями на мелких приношениях.

Поэтому следует отметить, что каждый конкретный случай надписи требует учета контекста находки и способа ее нанесения. Если имя нанесено до обжига, да еще и повторяется на серии однотипных изделий, то почти наверняка это подпись производителя, как в Мирине. Если же надпись единична, выполнена от руки на готовом изделии или носит характер сокращенного имени, она скорее связана с функцией фигурки (культовой или мемориальной).

В связи с этим наиболее вероятно, что Антипатр — это имя мастера-коропласта. Формула имени в родительном падеже часто означала «работа такого-то». Например, упомянутые надписи Διφίλου («[работа/произведение] Дифила») на миринских фигурках однозначно трактуются как метка мастерской Дифила. Подобная практи-

ка известна и в вазописи: вазописцы нередко ставили свои имена на изделиях.

Примесь слюды в составе глины терракоты из Южного пригорода Херсонеса указывает на ее импортное происхождение. Примечательно, что по описаниям глина миринских статуэток имеет сходные характеристики (Higgins, 1967. Р. 114). Кроме того, на одной из терракот Мирины, изображающей стоящего в драпировке эфеба с колчаном за спиной, на лицевой стороне квадратного постамента было вырезано имя Ἀντίπατρος в именительном падеже (Reinach, Pottier, 1883. Р. 224).

Обстоятельства находки херсонесского бюста, обнаруженного в смешанном слое, сформированном в результате заполнения пригородной свалки во второй половине II — III в. н. э., затрудняют его датировку. Сопутствующие находки позволяют определить лишь *terminus ante quem*. В то же время указанные особенности бюста сближают его с серией подписанных терракот из Мирины и других малоазийских центров. Подобные мастерские подписи получили наибольшее распространение в эллинистический период, особенно во II–I вв. до н. э.

Таким образом, терракотовый бюст с надписью Ἀντίπατρου, происходящий из Южного пригорода Херсонеса, представляет собой уникальный для местного археологического контекста предмет. Сопоставление с известными аналогиями показывает, что практика нанесения имен на малые терракотовые формы имела широкое, хотя и не массовое, распространение в греко-римском мире. Для херсонесской находки решающим фактором является характер надписи: она выполнена по сырой глине, а также передана в родительном падеже, что типично для подписей мастеров. Вероятнее всего, надпись Антипатр обозначает имя мастера, изготовившего эту терракоту, а не жертвователя или изображенного персонажа.

Находка не только расширяет корпус подписанных терракот, редких для античной ойкумены, но и демонстрирует важный аспект культурного обмена — проникновение в Херсонес импортных изделий, несущих подписи своих создателей. Это отражает вовлеченность населения древнего города в широкие культурные контакты эллинистического и римского мира.

Антонова, Яйленко, 1995 — Антонова И. А., Яйленко В. И. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н. э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана

Аполлониды // Вестник древней истории. 1995. № 4. С. 58–86.

Соловьева и др., 2024 — Соловьева Н. Ф., Виноградов Ю. А., Мыц В. Л., Соловьев С. Л., Вахонеев В. В.

- Краткие итоги археологических раскопок Южного пригорода Херсонеса // Бюллетень ИИМК РАН. Охранная археология. 2024. Вып. 15. С. 17–28.
- Besques*, 1991 — *Besques S.* Review of Dominique Kassab, *Statuettes en terre cuite de Myrina. Corpus des signatures, monogrammes, lettres et signes* // *Revue archéologique*. 1991. Vol. 2. P. 385–386.
- Burr*, 1934 — *Burr D.* Terra-cottas from Myrina in the Museum of Fine Arts. Boston, 1934. 86 p.
- Higgins*, 1967 — *Higgins R.* Greek Terracottas. London: Methuen, 1967. 262 p.
- IOSPE³ — IOSPE³ (Inscriptions of the Northern Black Sea Project) // URL: <https://www.iospe.kcl.ac.uk/> (accessed 21.08.2025).
- Kassab*, 1988 — *Kassab D.* *Statuettes en terre cuite de Myrina, Corpus des signatures, monogrammes, lettres et signes*. Paris, 1988 (Bibliothèque de l'Institut français d'Etudes anatoliennes; XXIX). 132 p.
- Kassab Tezgör*, 2016 — *Kassab Tezgör D.* L'atelier pergamenien de Myrina // *Topoi. Orient-Occident*. 2016. Vol. 14, no. 1. P. 173–194.
- Reinach*, *Pottier*, 1883 — *Reinach S., Pottier E.* Inscriptions sur les figurines en terre cuite // *Bulletin de correspondance hellénique*. 1883. Vol. 7. P. 204–230.
- Sharpe*, 2015 — *Sharpe H. F.* Terracotta Figurines from Houses at Olynthus. Findspot and Function // *Figurines de terre cuite en Méditerranée grecque et romaine* / Eds. A. Muller, E. Lali. Vol. 2: Iconographie et contextes, actes du colloque (Izmir, 02–06.06.2007). Villeneuve d'Ascq, 2015. P. 221–236.

Terracotta Bust with an Inscription from the Southern Suburb of Tauric Chersonesos

V. V. Vakhoneev⁶

Keywords: Tauric Chersonesos, Southern Suburb, terracotta bust, epigraphy, Ἀντιπάτρου, fine plastic arts

The article introduces into scholarly circulation a rare find — a terracotta bust inscribed with the name Ἀντιπάτρου, discovered in the Southern Suburb of Tauric Chersonesos. The object, produced in a mold, represents a male half-figure draped on a profiled pedestal. The inscription in the genitive case, applied to the clay before firing, indicates a workshop signature, which brings the bust into close parallel with the series of “signed” terracottas from Myrina and other Asia Minor centers of the Hellenistic period. The composition of the clay (dense fabric with mica inclusions) suggests an imported origin of the piece. Taken together, these data allow the bust to be dated as an imported product of the Hellenistic period (2nd–1st cen. BC), which was subsequently redeposited in a Late Antique layer. Thus, the Chersonesos bust not only expands the rare corpus of signed terracottas of the ancient oikoumene, but also demonstrates an important aspect of cultural exchange — the arrival in the city of imported items bearing the names of their makers, reflecting the integration of Chersonesos into the broader artistic and craft traditions of the Hellenistic and Roman world.

⁶ Viktor V. Vakhoneev — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: vvvkerch@mail.ru.

Свидетельства археологических источников восточносирийского христианства в Средней Азии (IV — начало XIII в.)¹

А. А. Михеева²

Аннотация. В статье представлены результаты научной работы по изучению и анализу всего корпуса археологических источников, свидетельствующих о проникновении и распространении восточносирийского христианства на обширной территории Средней Азии в IV — начале XIII в.

Ключевые слова: восточносирийское христианство, Великая Церковь Востока, монастыри и церкви, погребальный обряд, предметы храмового культа и личного благочестия, Средняя Азия.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-62-74

Попытки решения вопросов, связанных с распространением христианства на территории Средней Азии, предпринимались с конца XIX в. — с момента открытия первых средневековых христианских кладбищ в Семиречье. В настоящее время науке известны церкви и монастырские комплексы, единичные погребения христиан и целые кладбища, изучены предметы церковно-храмового и личного пользования, а также данные нумизматических коллекций (рис. 1). Исследованию данной темы посвящены многочисленные труды историков и археологов³. Анализ всего корпуса археологических источников, свидетельствующих о появлении христианства у восточных границ Северного Хорасана (Мервский оазис) и со временем распространившегося далеко на Восток, за пределы Китая, позволяет в полной мере проследить историю этого вероучения (Михеева, 2023б; 2023в. С. 2–341).

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания по теме «Особенности смены археологических культур у скотоводов Евразии и земледельцев Кавказа и Центральной Азии в неолите — раннем Средневековье» (FMZF-2025-0008).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: hmunter666@mail.ru.

© Михеева А. А., 2025

³ Подробную историографию и библиографию вопроса см.: Михеева, 2023в. Т.1. С. 16–54.

Появление сирийских христиан в пределах восточных границ Сасанидского Ирана, в Хорасане (современной Туркмении), согласно письменным источникам, отмечается с III в. (Бадер и др., 1996. С. 85, 86). В начале V в. на территории византийских провинций Сирии, Палестины и Египта появляются христиане различных толков: монофизиты, мелькиты и несториане — последователи константинопольского патриарха Нестория (428 г.) (Залеская, 1998. С. 13–18). В 431 г. третий Вселенский собор в Эфесе осудил несторианство как ересь, вследствие чего приверженцы Нестория были вынуждены найти убежище в Сасанидском Иране. Со временем христиане-несториане Ирана постепенно превратились в независимую от Антиохийского престола церковь и официально стали именоваться Великой Церковью Востока (Кошеленко и др., 2001). Великая Церковь Востока распространяла свое вероучение в Индии и странах Юго-Восточной Азии и на северо-востоке — в Средней Азии, Восточном Туркестане и Китае (Никитин, 1984. С. 122). На территории Средней Азии последователи Церкви Востока оставили заметный след в истории и культуре народов, среди которых они проживали (Залеская, 1998. С. 20).

Церкви и монастыри Средней Азии

Строительство христианских церквей и монастырей на территории Средней Азии происходило по определенным правилам и канонам.

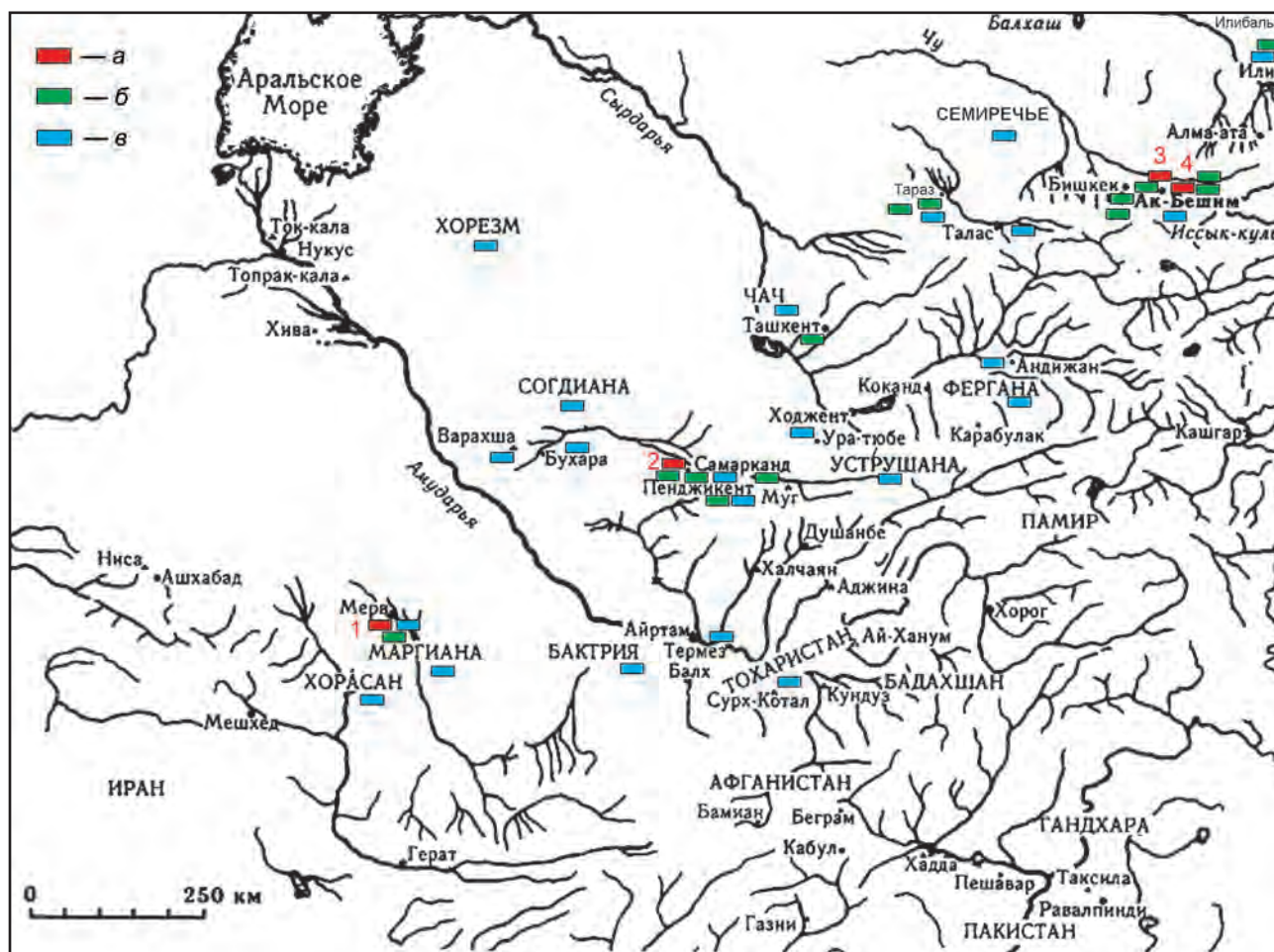

Рис. 1. Карта Средней Азии: 1 — Хароба-Кошук (V–VI вв.); 2 — Ургутский монастырь (IX — начало XIII в.); 3 — Ак-Бешим, церковь (VIII в.); 4 — комплекс церквей (X–XI вв.) (а — церкви и монастырские комплексы, б — христианские погребения (кладбища или единичные), в — предметы христианского культа)

Fig. 1. Map of Central Asia: 1 — Kharoba-Koshuk (5th–6th cent.); 2 — Urgut monastery (9th — early 13th cent.); 3 — Ak-Beshim, church (8th cent.); 4 — complex of churches (10th–11th cent.) (a — churches and monastic complexes, б — Christian burials (cemeteries or individual ones), в — предметы of the Christian cult)

[Семенов, 2002. С. 5, рис. 1 (с дополнениями)]

Согласно этим правилам, к настоящему времени известно о четырех археологических памятниках, достоверно интерпретируемых как христианские культовые сооружения: Хароба-Кошук V–VI вв. (Мервский оазис, Туркмения), Ургутский монастырь с некрополем IX — начала XIII в. (около с. Ургут, Узбекистан), церковь с кладбищем VIII в. и монастырский комплекс церквей X–XI вв. на городище Ак-Бешим (около г. Токмок, Киргизия). Эти памятники располагаются в тех областях, где в определенные исторические периоды существовали крупные христианские общины с организованными церковными институтами⁴.

⁴ Подробнее см.: Михеева, 2023в. Т. 1. С. 55–132.

Памятники погребального обряда

Помимо церковных сооружений на территории Средней Азии открыты и изучены памятники погребального обряда христиан, совершенные по оссуарному обряду (захоронение очищенных костей в глиняных урнах или сосудах) и по обряду труположения. Хронологический диапазон памятников — от III–V до конца XIV в.

Оссуарные захоронения встречаются на всей территории Средней Азии и свидетельствуют, скорее, о зороастрийском обряде погребения (Мейтарчиян, 2001. С. 65–95). Наличие креста или крестообразного знака на стенке оссуария позволило ученым отнести эти захоронения к христианским. Примеры оссуариев с крестами известны в древнем Пенджикенте (Ставиский и

др., 1953), Афрасиабе (*Pavchinskaja*, 1994), Хорезме, на некрополе древнего Миздахкана (*Ягодин, Ходжайов*, 1970. С. 146–152), на территории Южного Казахстана — в Таразе (*Ремпель*, 1957. С. 110) и на некрополе в Костобе (*Байпаков, Терновская*, 2018. С. 12). Помимо крестов на сосудах могли изображаться различные сцены религиозной тематики (*Распопова*, 2014). Отметим, что наличие крестов не определяет религиозную принадлежность приверженцев зороастрийского погребального обряда (*Иваницкий*, 1994. С. 69), тем не менее совместное существование на территории Средней Азии различных религий способствовало их взаимному влиянию и воздействию друг на друга, поэтому практика захоронения иноверца, в данном случае христианина, на зороастрийском некрополе допускалась.

Что касается погребальных практик по обряду ингумации, то на территории Средней Азии отдельные захоронения христиан обнаружены на зороастрийских и мусульманских кладбищах. Автономные христианские кладбища расположены в Согде (монастырское кладбище при Ургутском монастыре)⁵ и Семиречье (захоронения при церкви на Ак-Бешиме), известны также христианские кладбища XIII–XIV вв. — Кара-Джигачское, Бурагинское и Илибалык⁶.

Отдельные христианские захоронения встречаются на общегородских зороастрийских некрополях на всей территории Средней Азии. Самым ранним считается Байрам-Алинский некрополь (начало III — VII в., Туркмения), на котором помимо захоронений по оссуарному обряду найдены погребения в могильных ямах, большая часть из которых — это впускные захоронения, выполненные в процессе или после разрушения наусов⁷ некрополя. Общеисторическая картина Мервского оазиса показывает, что христиане проживали на этой территории, и, очевидно, какая-то часть некрополя им принадлежала (*Михеева (Китаева)*, 2017; *Михеева*, 2021. С. 328–336).

Следующий памятник, на котором были встречены христианские захоронения — это могильник Дашти-Урдакон (VIII в., Таджикистан),

расположенный около древнего Пенджикента. Исследовалась небольшая часть могильника. На некрополе преобладали захоронения в грунтовых могилах с подбоем, в которых располагались скелеты, ориентированные по линии запад–восток. В одной из могил (19) на умершей в области шеи был найден металлический крест (*Распопова*, 2014. С. 155–158). Погребений с аналогичными характеристиками в 1976 г. было найдено 11, в 1981 г. — шесть, но только в одном погребении был найден крест (*Беленицкий и др.*, 1976. Л. 26, 27; *Беленицкий и др.*, 1982). Вероятно, эти захоронения тоже христианские, только без сопроводительного инвентаря в могилах, что является одной из характерных черт христианского захоронения.

Захоронение по обряду трупоположения было обнаружено при исследовании одного из холмов («Погребальный комплекс») на городище Ак-Бешим, изучением которого в 1954 г. занимался Чуйский отряд Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) АН СССР (*Кызласов*, 1955. Л. 47, 48). Холм представлял собой небольшую площадку прямоугольной формы, сооруженную из сырцовых кирпичей, с ямой посередине. В северо-западной части и по краям площадки фиксировались погребения в хумах и погребение кучи костей в яме. С юго-западной стороны находились погребения по обряду трупоположения (*Кызласов*, 1959. С. 230, 231, рис. 55). Одно из погребений (3) находилось в своеобразном коридоре в восточной части площадки. При погребении был обнаружен кувшин с процарапанным после обжига равносторонним христианским крестом (*Кызласов*, 2008. Рис. 3, II). Скелет человека располагался на левом боку, головой на юг. Лицо обращено на запад. Кости конечностей лежали почти беспорядочно. Сохранившиеся кости верхней части скелета — черепа и позвоночника — практически не изменили свое анатомическое положение. Расположение костей таза, бедренных и берцовых костей позволяет предположить, что ноги были согнуты в коленях. Одно из погребений (18) сделано в могильной яме, обложенной кирпичами. Ориентация погребенного (запад–восток) и устройство могилы дают возможность считать это захоронение христианским (*Кызласов*, 1955. Л. 47, 48). «Погребальный комплекс» — это зороастрийское кладбище, на котором помимо захоронений по оссуарному обряду были совершены захоронения по обряду трупоположения. Находка фрагментов кувшина с процарапанным крестом в погребении 3 может говорить о христианском вероисповедании умершего.

⁵ URL: https://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_2022.html (accessed: 18.06.2025).

⁶ URL: https://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_aC.html (accessed: 18.06.2025).

⁷ Наус — древний или средневековый склеп из глины, камня или кирпича для хранения оссуариев у зороастрийцев Средней и Передней Азии (*Мейтартчян*, 2001. С. 208).

В этом же году под руководством Л. Р. Кызласова на городище начались раскопки другого памятника, расположенного за пределами стен Шахристана I, — христианской церкви с кладбищем VIII в. (объект IV) (Кызласов, 1959. С. 231–233). Это важнейший памятник, позволяющий проследить погребальную практику христиан Семиречья VIII в. Начальником раскопа была студентка 5-го курса исторического факультета МГУ В. И. Козенкова (Козенкова, 1954. Л. 1–32 (99–123)). Археологические работы на памятнике показали, что это монументальное сооружение, состоящее из большого двора, в западной части обнесенного пахсовыми стенами, и двух помещений в восточной части — центрального (алтарного) и бокового. Вокруг здания, за стенами и внутри здания были найдены погребения как периода существования здания, так и более поздние (Козенкова, 1954. Л. 2 (93)). Захоронения здесь проводились длительное время, вплоть до начала XX в. Погребения ориентированы либо на запад (в большинстве случаев), либо на север.

Изучение акбешимских погребений позволяет выделить следующие характеристики христианского захоронения.

1. Захоронение совершалось по обряду трупоположения.

2. Устройство могил, перекрытия и надмогильные конструкции были различными. Например, два погребения были оформлены в виде прямоугольной гробницы с земляной забутовкой внутри (15, 24), а в могиле 1 сырцовые кирпичи укладывались под углом друг к другу, их верхние края подтесывались и представляли собой надмогильное сооружение.

3. В изголовье могилы мог устанавливаться обработанный камень. Эту традицию можно проследить на христианских кладбищах более позднего времени (XIII–XIV вв.): Кара-Джигачском и Буранинском и на некрополе Илибалык. Надмогильные эпитафии на камнях могли быть привнесены в область Семиречья позже, после XII в. Можно утверждать, что в христианских захоронениях на территории Средней Азии традиция установки надмогильного камня в VIII–IX вв. уже известна.

4. Ориентация погребенного — головой на запад, ногами к востоку.

5. Усопший укладывался на спину в вытянутом положении.

6. Расположение рук вдоль тела или на груди преобладает.

7. Под голову укладывался какой-то предмет, ассоциируемый с «подушкой». В акбешимском

погребении 5 — это керамический фрагмент от дастархана⁸. На других памятниках в погребениях встречается кирпич или возвышение из глины (Михеева, 2021. С. 361, 362)⁹.

8. Захоронения, как правило, безынвентарные, исключение составляют детские погребения, в которых встречаются бусы и пронизки, серьги, ракушки каури, браслеты, иногда зубы взрослых людей и довольно редко нательные кресты.

Значительная по численности христианская община проживала не только в Суябе (Ак-Бешим), но и в средневековом Невакете (городище Красная речка) (Горячева, 1988. С. 67–75; 2010. С. 188, 189). Помимо отдельных христианских кладбищ VIII в. на территории Семиречья известны единичные погребения христиан. На общегородском некрополе с длительным периодом функционирования с VI по XII в. (Горячева, 1989) кроме зороастрийских и мусульманских погребений было найдено несколько христианских захоронений. В одной из этих могил на погребенной обнаружен крест, под головой — подушка (Горячева, 1988. С. 67; 2010. С. 188). Подобных захоронений, но без крестов, на некрополе было зафиксировано несколько. Помимо христианских захоронений в разных частях городища были найдены надмогильные камни-кайраки. Примечательно, что одно из надгробий из Красной речки является самым ранним на территории Чуйской долины — 1188/89 г. (Диккенс, Кольченко, 2023).

В Юго-Западном Семиречье, в Таласской долине, в одном из ее древнейших городов — Таразе, в 1927 г. на городском зороастрийском некрополе (территория Мучного базара) М. Е. Массоном были изучены погребения в надмогильных ямах, обложенные изнутри жженным кирпичом (Ремпель, 1957. С. 110). В одном из погребений перекрытие могилы было выложено из кирпичей, на поверхностях которых были созданы композиции из волнистых и прямых линий, нанесенные до обжига по сырой глине, напоминающие монограммы Христа (Дресвянская, 1968. С. 10). Было

⁸ Дастархан (достархан) — в Средней Азии это низкие столики из керамики или дерева, украшенные различными узорами на поверхности.

⁹ Считается, что поднятая голова, обращенная лицом к востоку, олицетворяет идею пришествия Иисуса Христа, приходящего с Востока. Как сказано в Евангелии от Матфея 24:27: «Ибо, как молния исходит от востока и видна бывает даже с запада, так будет пришествие Сына Человеческого». Умершие христиане станут свидетелями этого пришествия (Стюарт, 2020. С. 70).

высказано предположение о принадлежности данных погребений христианскому населению Тараза VIII–IX вв. (*Там же*. С. 102).

На другом зороастрийском некрополе Тараза — Тик-Турмаса, также в предполагаемых христианских захоронениях VIII в., были обнаружены деревянные ящики, скрепленные железными коваными гвоздями, или просто грунтовые ямы, сверху перекрытые деревянными досками. В этих гробах и грунтовых ямах находились кости погребенных. Все погребенные ориентированы головой на запад. Усопшие укладывались на спину, руки располагались на груди. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (*Сенигова*, 1968. С. 66, 67; *Байпаков, Терновая*, 2018. С. 11, 12).

На территории Согда предполагаемые христианские захоронения, датируемые не ранее IX в., были встречены при обследовании площадки под застройку на площади Регистан в Самарканде. Погребенные лежали на спине, головой на запад, в узких длинных ящиках из жженого кирпича. В одном из погребений был обнаружен железный наконечник стрелы с истлевшей деревянной втулкой, в другом были найдены металлические бляшки типа несторианских крестов (*Бурякова, Буряков*, 1973).

Захоронения в деревянных гробах, датируемые второй половиной XI — первой половиной XII в., обнаружены при изучении могильника на городище Дурмон-тепе в 19 км к западу от Самарканда. Два некрополя были обнаружены за пределами средневекового города: один к востоку — обособленный холм раннесредневековой усадьбы — это раскоп 12, или Восточный некрополь, второй — на юго-западном углу городища, на холме Турт-тепе — это раскопы 1, 1«Б», или Западный некрополь (*Шишкина*, 1994. С. 56). Результаты работ на памятнике показали, что часть могил некрополя принадлежала населению тюркского происхождения. В некрополях были прослежены погребения в грунтовых могилах и могильных ямах с подбоем, иногда в деревянных гробах. Инвентарь, обнаруженный в могилах, показывает, что погребенные, скорее всего, были воинами-кочевниками или скотоводами (*Там же*. С. 62, 63). На Восточном некрополе (раскоп 12), в одном из погребений (1) голова умершего покоилась на кирпиче-«подушке», погребальный инвентарь был представлен предметами вооружения, а в области живота умершего обнаружен нашивной крест из тонкого золотого листа. Этот крест позволил Г. В. Шишкиной отнести погребенного к священническому сану и, принимая во внима-

ние погребальный инвентарь, — к разряду воинов (*Там же*. С. 56, 57). Кирпич-«подушка», укладываемый в области головы, был встречен также в других погребениях (2, 3) (*Михеева*, 2023в. Т. 1. С. 172–199).

На Западном некрополе (холм Турт-тепе, раскопы 1, 1«Б») было изучено девять впускных погребений. Захоронения сделаны в могилах с узкой прямоугольной или овальной ямой и заглубленным относительно ее дна продольным подбоем. Между дном и впускной ямой была очень узкая щель, которая позволяла только втиснуть тело или гроб. Подбой перекрывался наклонно уложенными кирпичами (*Шишкина*, 1994. С. 59). Предметов христианского культа в изученных погребениях не обнаружено, но конструкция части могил и их ориентация аналогичны погребениям Восточного некрополя (*Михеева*, 2023в. Т. 1. С. 172–199).

Таким образом, на существовавших долгое время Восточном и Западном некрополях были как мусульманские захоронения, так и христианские, совершаемые в течение непродолжительного периода. Вероятно, ориентация погребений и тот факт, что христианские захоронения совершены рядом с мусульманскими, свидетельствуют о том, что христиане-тюрки не придерживались строгих канонических правил погребения.

Погребения с подобными характеристиками были изучены при раскопках могильника, расположенного рядом с Ургутским монастырем (на холме Сулайман-тепа)¹⁰. Конструктивно могилы состояли из входной ямы с востока, вырытой на глубине около 1,5 м, и погребальной камеры, прокопанной в западном направлении на всю длину тела погребенного. Проход между входной ямой и погребальной камерой перекрывался сырцовыми кирпичами¹¹. Погребения схожей конструкции встречены на кладбище при церкви на городище Ак-Бешим и средневековых христианских кладбищах Семиречья (*Михеева*, 2021; 2023в. Т. 1. С. 133–219). Погребенные лежали на спине в вытянутом положении, руки скрещены в области тазовых костей, ориентация скелета по линии запад–восток. В части захоронений фиксировалась земляная «подушка», слегка поднимавшая голову умершего. Погребальный

¹⁰ Результаты раскопок: URL: https://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_2022.html (accessed: 12.07.2025).

¹¹ URL: https://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_2022.html (accessed: 12.07.2025).

инвентарь не обнаружен. Все захоронения мужские, в одном из погребений был найден небольшой керамический светильник. Предварительная датировка могильника — IX–X вв.¹² Прослеженный на могильнике христианский обряд захоронения со всеми ключевыми характеристиками был выявлен ранее на других памятниках Средней Азии и подробно представлен в научных работах (Михеева, 2021; 2023в. Т. 1. С. 133–219).

Если обратиться к более поздним памятникам — Пишпекскому (Кара-Джигачскому) и Токмакскому (Бураинскому) кладбищам (XIII–XIV вв., Киргизия), а также к погребениям, обнаруженным на городище Илибалык (XIII–XIV вв., Казахстан), мы увидим, что погребальная традиция христианского захоронения в основе своей практически не меняется (Михеева, 2023в. Т. 1. С. 133–219).

Обобщив изученные памятники погребального обряда христиан Средней Азии, можно отметить, что они не создали каких-то новых погребальных обрядов. Как и в раннехристианское время, в могиле усопший лежал на спине головой на запад, руки, как правило, укладывались на груди или вдоль тела. Захоронения совершались в грунтовых могилах. Существовала практика погребения в деревянных гробах или в отдельных гробницах. Под головой умершего устраивались каменные «подушки», а под ногами — ниши для ног. В бедных погребениях обходились обкладкой из камней вокруг головы (Введение..., 2012. С. 583, 584). Предметы с христианскими символами в могилах встречаются редко, особенно нательные кресты. Высказывалось мнение, что отсутствие нательных крестов в средневековых погребениях связано с прямым запретом на погребение христианских святынь и реликвий вместе с усопшим (Мусин, 1997. С. 21).

При изучении здания несторианской церкви IX–XIV вв. на острове Сокотра вдоль внутренних северной и южной стен археологами были обнаружены могилы, обложенные изнутри каменными плитами (Наумкин, 1989). Костных останков в них не обнаружено, но заполнение могилы состояло из грунта, сильно насыщенного известью. По мнению Ю. А. Виноградова, кости не сохранились из-за воздействия на них этой извести (Виноградов, 2022. С. 429). Возможно, добавление извести в могилу умершего было намеренным, и речь идет об определенном обряде, отмеченном только у сокотрийских христиан-несториан.

¹² URL: https://www.exploration-eurasia.com/inhalt_english/frameset_projekt_2022.html (accessed: 12.07.2025).

Материальная культура христиан Средней Азии

Помимо церковных зданий и погребальных памятников на территории Средней Азии материальная культура христиан представлена предметами церковной утвари и личного благочестия, а также нумизматическими находками.

К церковной утвари относятся вещи, задействованные в ритуальных церковно-обрядовых действиях: богослужебные сосуды, кадила, масляные светильники. К настоящему времени известны две находки, обнаруженные в Самаркандской области, — это бронзовое кадило из Ургута (Дресвянская, 1995; Залеская, 1972) и бронзовая крышка от кадила Х–XI вв. (Грицина, 2018. С. 144, рис. 26). К христианским культовым предметам также можно отнести детали светильников с изображением крестов. Фрагменты лампад были найдены при раскопках городской мечети Тараза, первоначально в VIII в. функционировавшей как церковь, но в конце IX — начале X в. перестроенной в мечеть (Железняков, 2022. С. 147, рис. 5). Речь идет об орнаментированной части бронзового светильника с изображением креста, «вырастающего» из цветов лотоса. Иконография предмета восходит к несторианскому христианству Китая, откуда в результате гонений в 845 г. христиане-несториане переселяются в Тараз (Там же. С. 147). Вторым предметом, связанным с христианством Тараза, можно считать фрагмент ажурной бронзовой решетки с равноконечным крестом в круге — деталь светильника (Там же. С. 142, 143, рис. 6).

Керамические светильники в виде плоских найдены в Семиречье при раскопках в алтарном и боковом помещениях церкви на городище Ак-Бешим (Михеева, 2019. С. 254, 255). Аналогичные чашечки были обнаружены в нижних слоях (1-й ярус) буддийского храма (Кызласов, 2006. С. 296, 297, рис. 93; 94, 3, 4) и в помещении 23 комплекса церковей на том же городище (Семенов, 2002. С. 79, рис. 109). При исследовании внешней южной стены Церкви «А» в этом же комплексе церковей в 2021 г. в помещении 10 наряду с другими предметами был найден керамический ладьевидный светильник без ручки. Близкую аналогию удалось найти в публикации предметов, обнаруженных в пределах Семиречья и находящихся сейчас в частных коллекциях в Мюнхене (Arts from the Land of Timur, 2012. Р. 109, 210). По форме светильник из частной коллекции похож на найденный в помещении 10. Он красноглиняный, ладьевидный, с небольшой ручкой на боку, на нем

еще до обжига прорисован крестообразный знак; отнесен к VIII–IX вв. Аналогичные светильники, имевшие вид плошечки с вогнутым краем и коротким носиком для фитиля, активно использовались в середине VIII в., в так называемый мусульманский период, в Согде и Чаче. Уже с X в. мастера начали изготавливать изящные глазурованные светильники (Тереножкин, 1950. С. 167).

Исключительно редки находки книг или фрагментов декоративного покрытия переплета книг в виде металлических окладов и застежек. К настоящему времени на территории Средней Азии фрагменты сохранившейся книги обнаружены при раскопках комплекса церквей Ак-Бешим в 1996–1998 гг. (Семенов, 2002. С. 80). В. А. Лившиц, осмотрев сохранившиеся части книги, предположил, что текст был написан по-согдийски (Семенов, 2002. С. 80, 81).

Редки находки керамических плакеток с изображением креста и форм для отливки этих плакеток и нательных крестов (Михеева, 2023а). Нам известны два фрагмента матриц для изготовления керамических плакеток с изображением рельефного креста: на городище Рабинджан (Savchenko, Dickens, 2009. P. 299, pl. 10) и в комплексе церквей (Михеева, 2023а). Помимо матриц было найдено шесть плакеток: две — на городище Гяур-кала (Древний Мерв) (Пилипко, 1968; Массон, 1978. С. 51, рис. 1, а), остальные — в пределах Юго-Западного Семиречья (Михеева, 2023а). Композиционно и иконографически эти плакетки удивительно схожи: в центре каждой изображен рельефный крест с удлиненной нижней ветвью и с расширенными концами. Символический смысл изображений при всем многообразии деталей выражает главную идею — триумф Креста и победу жизни над смертью (Михеева, 2022). Керамическая форма для отливки нательного креста и привески была найдена в 1993 г. при обследовании цитадели Старого Мерва — Эрк-калы в слое VII в. (Никитин, 2015). Такая форма креста была широко распространена среди христиан Церкви Востока (несториан) на всей территории Средней Азии с конца IV до конца XIV в.

Помимо предметов литургического характера в процессе раскопок встречены фрагменты различной керамической посуды с крестами, прочерченными до или после обжига или нарисованными черной краской. Стилистика крестов довольно разнообразна. Также на керамике встречаются изображения голубей и рыб. Одно из блюд X в. происходит из Самарканда, на нем изображены две рыбы, повернутые головами в разные сто-

роны (Вишневская, 2009. С. XXII, рис. 1). Рыба и ее образ имели важнейшее значение в искусстве раннего христианства. Изображение рыбы использовалось как знак Христа, символ таинства Крещения и Причащения (Там же. С. 336).

В средневековом Ходженте, в свое время одном из крупных центров Мавераннахра, в слоях IX–XI вв. была найдена целая глазурованная чаша, покрытая белым ангобом, на дне которой коричневой краской нанесена стилизованным арабским письмом надпись, прочитанная востоковедом Н. П. Кухаренко как «Иса и Марьям» (Беляева, 1994. С. 80). Предполагается, что изображение креста на блюде символизировало Распятие, где место средокрестия неполного креста (без верхней ветви) выполнено в виде поникшей головы, а вязь букв передает окончания ног. Надпись и оформление блюда, по мнению Т. В. Беляевой, говорит о его принадлежности христианам (Там же). Возможно, завуалированный крест был намеренно прорисован в стилизованной форме, учитывая, что основной религией в государстве был ислам.

Отметим, что изображение креста как символа христианства часто встречается на разных предметах и памятниках материальной культуры народов Средней Азии вплоть до начала XX в. (Кухаренко, Мальцев, 1988. С. 26). По наблюдениям этнографов, в Бухаре над изголовьем постели матери и новорожденного ребенка краской красного цвета наносился крест — как считалось, для отпугивания злых духов и от сглаза. Предполагалось, что крест, прорисованный на дне керамических чаш еще в раннее Средневековье, приносил тот же смысл — ограждение пищи от порчи и злых чар (Там же). Очевидно, значение креста как оберега в Среднюю Азию было привнесено именно сирийскими христианами.

Помимо керамических сосудов с крестами на территории Средней Азии в разное время была обнаружена металлическая посуда, на которой различными способами были изображены кресты (Городецкий, 1926. С. 80, рис. 6), а также целые металлические блюда-дискосы с евангельскими сценами и сирийскими надписями (Хвольсон и др., 1899; Даркевич, Маршак, 1974; Залеская, 1998. С. 195).

Отдельно среди находок следует выделить предметы личного благочестия и вещи votivного характера, приносимые в дар церкви или образу, связанные с поклонением, почитанием или символизирующие чудо. Часто это вещи из погребений: нательные кресты, сосуды с христианскими

изображениями, пряжки, кольца, браслеты с христианской символикой, нагрудные подвески, медальоны, амулеты (Введение..., 2012. С. 632). К настоящему времени на территории Средней Азии обнаружено значительное количество нательных крестов, изготовленных из камня и металла. Находки процессионных крестов, использовавшихся в литургической практике, единичны. Известно мало находок крестовключенных подвесок, крестов, выпиленных из монет, и медальонов-подвесок в виде рыб (Терновая, 2004; Ротт, 2005; Кольченко, 2018; Михеева, 2024).

На данный момент собрано 112 крестов и 43 крестовключенные подвески, найденные в разное время на территории Средней Азии. Кресты и подвески из камня встречены в пределах двух территорий — Согда и Чуйской и Таласской долин Семиречья. При раскопках средневекового Пайкенда был обнаружен крест из камня VIII–IX вв. (Сапаров, Омельченко, 2017. С. 287, рис. 7, 1). В Самаркандской области найдена подвеска с изображением креста с удлиненной нижней ветвью (Savchenko, Dickens, 2009. Р. 297, fig. 6). В Южном Узбекистане на Балалык-тепа найден кулон, сделанный из стекла в серебряной оправе, с изображением матери и дитя — Богоматери с Младенцем (Ibid. Р. 297, fig. 7). Подвески из камня и нефрита с изображениями крестов найдены на городищах Канка (Богомолов, 1994. С. 73, табл. 6, 4) и Ак-Тобе Степнинское (Железняков, 2005. С. 54). В пределах Чуйской долины на городищах Ак-Бешим и Красная речка были найдены нефритовые кресты (Аманбаева и др., 2022. Рис. 2; 3). Уникальный медальон из черного камня с изображением монаха был обнаружен в районе городища Ново-Покровское-V (Кольченко, 2018. С. 87, рис. 39, 3). Отметим, что нефритовые кресты и подвески в настоящее время встречены только на территории Семиречья. Хронологический период бытования найденных предметов — с VIII в. до конца XI в. (Аманбаева и др., 2022. С. 204, рис. 2; 3).

Кресты металлические обнаружены на территории Средней Азии повсеместно. В большинстве своем это случайные находки. Металлические кресты представлены следующими группами: нательные, нашивные, процессионные; кресты, выпиленные из монет; кресты-энколпионы; крестовключенные подвески; медальоны в виде рыб (Михеева, 2023в. Т. 1. С. 262–277).

Все нательные металлические кресты литые, они делятся на объемные и плоские, те и другие изготавливались на месте. Кресты объемные — это кресты с удлиненной нижней ветвью или рав-

носторонние, с валикообразной или бочкообразной формой ветвей, на некоторых экземплярах в центре помещен косой крест. Они представлены пятью типами. Кресты плоские стилистически более разнообразны: к ним относятся кресты равнобедренные или с незначительно удлиненной вертикальной ветвью, концы ветвей расширены от центра к краям, имеют подтреугольную форму, чаще с перлами на углах; в центре помещается круг или косой крест. Они представлены восемью типами. К типу VIII отнесены экземпляры крестов, довольно редких для территории Средней Азии. Отметим, что при некоторой стилистической и типологической схожести нательных крестов, как плоских, так и объемных, практически каждый крест уникален и представлен единственным экземпляром (Михеева, 2024. Рис. 1).

Наряду с крестами привычной нам формы в Семиречье обнаружены крестовключенные подвески, у которых крест располагается внутри (Там же. С. 330–339, рис. 2); одна такая подвеска встречена и в Согде (Грицина, 2018. С. 143, рис. 22). При этом семиреченские и согдийские подвески удивительно схожи как по стилистике, так и по оформлению креста. Помимо крестовключенных подвесок в Чуйской долине найдены подвески в виде рыб, где рыба, вероятно, символизирует образ Иисуса Христа (Михеева, 2024. Рис. 2).

Нашивные кресты обнаружены на городище Канка (Богомолов, 1994. С. 73, табл. 8, 3) и на могильнике Дурмон-тепе (Savchenko, Dickens, 2009. Р. 297, fig. 5). Кресты процессионные или их фрагменты, а также выпиленные из тюркешских и караханидских монет, крестовключенные подвески и медальоны в виде рыб в основном обнаружены на территории Юго-Западного Семиречья (Кольченко, 2018. С. 130, фото 5, 5; с. 131, фото 8, 1–5), в других регионах они представлены единичными экземплярами. Кресты-энколпионы встречены в Иссык-Кульской котловине (Михеева, 2024. Рис. 1, 58, 59).

Находки нательных крестов и подвесок в значительном количестве встречаются в пределах Юго-Западного Семиречья (Чуйская долина и Верхний Талас). Датировка находок широкая — с VIII по XIV в. Они весьма разнообразны по конфигурации, однако следует признать, что преобладающими для территории Средней Азии являются формы равнобедренного креста с расширяющимися от центра к краям ветвями и с перлами на оконечностях, а также с удлиненной вертикальной ветвью, с расширяющимися от центра к краям ветвями и также чаще

с перлами на концах. Объемные кресты со сложнопрофилированными ветвями также преимущественно встречаются в пределах Юго-Западного Семиречья. Лишь один такой крест был найден в Ташкентском оазисе на городище Каршаул-тепа (*Поторочина, Шейко, 2015. С. 488, рис. 1, 1*), вероятно, он попал туда именно из Семиречья.

Отметим, что традиция ношения нательных крестов, крестов из нефрита, крестовключенных подвесок и медальонов-рыбок ярко прослеживается именно на территории Юго-Западного Семиречья (в Чуйской долине). Возможно, это связано с определенной культурной традицией, популярность которой возрастает начиная с VIII в. и сохраняется до XII в., постепенно снижаясь с XII по XIV в. Нательные кресты на территории Мерва, Согда, Пенджикента, Чача, Ферганской долины все же единичны.

Этнографические исследования в Самарканде и Ташкенте показали, что местные жительницы издавна носили крупные нагрудные медальоны крестовидной формы, которые на таджикско-персидском назывались «хайкал», что означает храм, капище, фигура или скульптура. Предполагалось, что это могла быть фигура распятого Иисуса Христа, распространяемая на территории Средней Азии христианами-несторианами, но в мусульманской традиции уже игравшая роль оберега (*Кухаренко, Мальцев, 1988*). Специалистами приводится отрывок из стихотворения апологета суфизма Джалалиддина Руми: «Кафиран ра хайкали буд йадгар ...» — «Помнится, у кафилов была некая фигура ...», свидетельствующий, что термин «хайкал» в XIII в. имел прямое отношение к немусульманам, то есть «кафирам» — «неверным» (*Там же. С. 27*).

Среди находок христианского культа встречаются такие предметы, как ампулы Святого Мины (*Ставиский, 1960; Берзина, 2008. С. 352, рис. 1*), керамические печати или штампы (*Сенигова, 1968. С. 53, рис. 1, 6*), нашивные бляшки (*Массон, 1956. Рис. 1–4*) с изображением креста. Одним из важнейших вещественных свидетельств и памятников искусства восточного христианства на территории Средней Азии следует считать находки печатей иранских христиан — сасанидские резные камни, или геммы, и печати купцов — буллы с христианской символикой VI–VII вв. (*Борисов, 1939; Никитин, 1998*). На части булл встречаются изображения сцен ветхозаветного содержания, евангельские сюжеты и христианские символы, свидетельствующие о распространении христианства в пределах сасанидских провинций.

Важным археологическим источником можно считать находки монет с христианскими символами — с крестом на лицевой или оборотной стороне. В настоящее время такие монеты отмечены в основном на памятниках Западного и Восточного Согда, в Бактрии, Тохаристане, Уструшане и Чаче. Меньшее количество монет с крестом обнаружено на территории Северного Хорасана и в Хорезме. Единичные находки монет — подражаний византийским эмиссиям — известны в Семиречье. На восточных границах Сасанидской империи монетный двор Мерва при царе Йездигерде I (399–420) чеканил бронзовую монету с изображением равноконечного креста в обрамлении типичных сасанидских развивающихся лент на оборотной стороне (*Loginov, Nikitin, 1993. № 10–30, fig. 11*). Высокая доля монет с крестами отмечается на территории Согда и в его провинциях, в городах Варахша, Афрасиаб, Пайкент, Пенджикент, также Уструшане и Чаче. Судя по топографии находок, их обращение было ограничено регионами, в которых они выпускались. Следовательно, они считались местной разменной монетой, используемой в торговых отношениях. Дизайн и типология этих монет показывают, что они были выпущены не позднее VIII в. (*Ashurov, 2013. Р. 61–63*). В Ташкентской области кроме монет местного производства найдены подражания византийскому чекану (*Массон, 1972*). Отмечалось, что в VII–VIII вв. усилился рост проникновения в Среднюю Азию монет византийского чекана (*Грицина, 2018. С. 140*). После VIII в. монеты с изображением равностороннего креста в этих областях перестают фиксироваться, встречаются лишь подражания византийским солидам. Возможно, это связано с постепенной исламизацией региона, несмотря на то что арабы были терпимы и относительно лояльны к христианскому населению.

Заключение

Изучение всего корпуса археологических источников позволило обрисовать общую картину истории христианских общин на всей территории Средней Азии. Согласно археологическим источникам, христианство появляется в пределах Северного Хорасана не ранее IV — начала V в. С начала V до VII в. следы материальной культуры христиан на этой территории вполне убедительны. Этот период можно назвать первым этапом появления и распространения христианства. Интересно, что в соседнем историко-культурном регионе — Северном Тохаристане — следы столь

раннего присутствия христиан также прослеживаются. Раскопки Айваджского монастыря (V–VIII вв.) (Атаханов, Хмельницкий, 1973), находки брактеата Анастасия (начало VI в.) (Грицина, 2018. С. 153, 154) и ампулы-евлогии из Дальверзин-тепа (VI–VIII вв.) (Берзина, 2008. С. 352–356) подтверждают это. Отметим, что в пределах Северного Хорасана в этот же временной промежуток также сосуществовали различные религии: зороастризм, манихейство, буддизм и христианство, что допускает возможность взаимного влияния между общинами как в обычной, так и в религиозной жизни.

В VII–VIII вв. по мере своего продвижения и расширения в восточном и северо-восточном направлениях христианство начинает появляться и прочно укрепляться, прежде всего, в пределах Согда, постепенно распространяясь в сторону Уструшаны и Чача. Необходимо выделить Хорезм, так как находки предметов христианского культа фиксируются здесь не ранее первой половины VIII в., и они единичны. В это же время, очевидно, через Согд, происходит проникновение христианства в пределы Семиречья, в Чуйскую и Таласскую долины. Это второй этап дальнейшего продвижения христиан на Восток. Следы материальной культуры христиан Согда, Устру-

шаны, Чача — монеты, нательные кресты, посуда с христианской символикой, предметы церковной утвари — фиксируются в пределах VIII — начала XII в., на территории Семиречья — в пределах VIII–XI вв.

Третий этап распространения христианства на территории Средней Азии в большей степени связан с регионом Юго-Западного и Северо-Восточного Семиречья, где с XII–XIII вв. среди тюркского населения Семиречья вновь появляются восточносирийские христианские общины и продолжают существовать до конца XIV в.: средневековые кладбища Припишпекское (Кара-Джигачское), Притокмакское (Буранинское), Покровское, Илибалык.

Постепенный процесс затухания христианства, согласно археологическим источникам, предположительно фиксируется на территории Северного Хорасана и Согда с XII — начала XIII в., в Юго-Западном и Северо-Восточном Семиречье — с конца XIV в. Необходимо отметить, что вся история появления, распространения и затухания восточносирийского христианства в Средней Азии носила волнообразный характер, зависящий, вероятно, от различных экономических и политических факторов в отдельно взятом историко-культурном регионе.

Аманбаева и др., 2022 — Аманбаева Б. Э., Михеева А. А., Ямаучи К. Нательные кресты из монастырского комплекса церквей на городище Ак-Бешим // АВ. 2022. Вып. 37. С. 201–213.

Атаханов, Хмельницкий, 1973 — Атаханов Т. М., Хмельницкий С. Г. О работе Шаартузского археологического отряда в 1968–1970 гг. // Археологические работы в Таджикистане / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1973. Вып. X (1970 г.). С. 187–204.

Бадер и др., 1996 — Бадер А. Н., Гаиров В. А., Кошеленко Г. А. Мервская митрополия // Традиции и наследие христианского Востока: Материалы междунар. науч. конф. М.: Индрик, 1996. С. 85–94.

Байпаков, Терновская, 2018 — Байпаков К. М., Терновская Г. А. Христианство в Южном Казахстане и Семиречье (VI–XIV вв.) // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. V: Иудаизм и христианство. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 8–47.

Беленицкий и др., 1976 — Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. Отчет А. М. Беленицкого и В. И. Распоповой о работах в 1976 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. I. 1976 г. Д. 90. 22 л.

Беленицкий и др., 1982 — Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А. И. Раскопки

Древнего Пенджикента в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1982. Вып. 16. С. 197–221.

Беляева, 1994 — Беляева Т. В. Христианский памятник из Ходжента // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство / Сост. Л. И. Жукова. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1994. С. 79–81.

Берзина, 2008 — Берзина С. Я. Пилигримы из Средней Азии на Ближнем Востоке в V–VI веках. По археологическим материалам // Византизм в контексте мировой культуры. К 100-летию А. В. Банк: Материалы конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. XLII). С. 351–360.

Богомолов, 1994 — Богомолов Г. И. О Христианстве в Чаче // Там же. С. 72–74.

Борисов, 1939 — Борисов А. Я. Эпиграфические заметки. III: Об одной группе сасанидских резных камней // Труды отдела истории и искусства Востока [Эрмитажа]. Т. I. Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 235–242.

Бурякова, Буряков, 1973 — Бурякова Э. Ю., Буряков Ю. Ф. Новые археологические материалы к стратиграфии средневекового Самарканда (по раскопкам на площади Регистан в 1969–1971 гг.) // Афрасиаб. Ташкент, 1973. Вып. II. С. 209–210.

- Введение..., 2012 — Введение в историю церкви. Ч. 1: Обзор источников по общей истории Церкви: Учебное пособие / Под ред. В. В. Симонова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2012. 747 с.
- Виноградов, 2022 — Виноградов Ю. А. Об открытии несторианской церкви на острове Сокотра (Йемен) // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы междунар. науч. конф / Отв. ред. М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 429–432.
- Вишневская, 2009 — Вишневская Н. Ю. Глазурованное блюдо X в. из Самарканда с изображением рыб // ARCHEOLOGIA ABRAHAMICA: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Ред. Л. А. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 333–341.
- Городецкий, 1926 — Городецкий В. Д. Серебряные сосуды села Покровского Пишпекского уезда // Известия Средазкомстариса. Ташкент, 1926. Вып. 1. С. 77–81.
- Горячева, 1988 — Горячева В. Д. Город золотого верблюда (Краснореченское городище). Фрунзе: Илим, 1988. 115 с.
- Горячева, 1989 — Горячева В. Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная речка и Бурана: Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе: Илим, 1989. С. 85–96.
- Горячева, 2010 — Горячева В. Д. Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.). Бишкек, 2010. 303 с.
- Грицина, 2018 — Грицина А. А. Трансоксиана-Мавераннахр: христианство и манихейство // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV: Иудаизм и христианство / Отв. ред. А. Искандерова. Самарканд: МИЦАИ, 2018. С. 104–156.
- Даркевич, Маршак, 1974 — Даркевич В. П., Маршак Б. И. О так называемом сирийском блюде из Пермской области // СА. 1974. № 2. С. 213–222.
- Диккенс, Кольченко, 2023 — Диккенс М., Кольченко В. А. Средневековые христианские надгробные камни из Красной речки // Вестник Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ). Самарканд, 2023. Вып. 35. С. 42–50.
- Дресвянская, 1968 — Дресвянская Г. Я. Раннехристианские археологические памятники Мерва до арабского завоевания: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ташкентский гос. ун-т им. В. И. Ленина. Ташкент: б. и., 1968. 21 с.
- Дресвянская, 1995 — Дресвянская Г. Я. Бронзовое кадило из Ургута // Общественные науки Узбекистана. Ташкент, 1995. № 6. С. 342–358.
- Железняков, 2005 — Железняков Б. А. Под знаком креста // Nomad-Kazakhstan. 2005. № 4. С. 48–55.
- Железняков, 2022 — Железняков Б. А. Предметы христианского культа VIII–IX вв. из первой мечети Тараза X–XIII вв. // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах / Гл. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2022. С. 127–158.
- Залеская, 1972 — Залеская В. Н. Сирийское бронзовое кадило из Ургута // Средняя Азия и Иран: Сб. ст. Л.: Аврора, 1972. С. 58–60.
- Залеская, 1998 — Залеская В. Н. Христиане на Востоке. Мелькиты. Монофиситы. Несториане // Христиане на Востоке: искусство мелькитов и инославных христиан. СПб.: Славия, 1998 (Византийское культурное наследие). С. 12–21, 195.
- Иваницкий, 1994 — Иваницкий И. Д. Христианская символика в Согде // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство / Сост. Л. И. Жукова. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1994. С. 64–70.
- Козенкова, 1954 — Козенкова В. И. Отчет о раскопках объекта 4 (несторианская церковь и кладбище) на городище Ак-Бешим в 1954 г. Личный фонд Л. Р. Кызласова // НОА ИА РАН. Ф. 37. Папка № 38. 1954 г. Л. 1–32 (карандашом Л. 99–123). 123 л.
- Кольченко, 2018 — Кольченко В. А. Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Самарканд: МИЦАИ, 2018. Т. IV: Иудаизм и христианство. С. 48–103.
- Кошеленко и др., 2001 — Кошеленко Г. А., Гаилов В. А. Великая Церковь Востока // Наука в России. 2001. № 4 (июль — август). С. 92–100.
- Кухаренко, Мальцев, 1988 — Кухаренко Н. П., Мальцев Ю. С. К символике изображения креста в Средней Азии // III Всесоюзная конф. востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций культур на Востоке»: Тезисы докл. и сообщ. Т. II. М.: Наука, 1988. С. 26–27.
- Кызласов, 1955 — Кызласов Л. Р. Отчет об археологических исследованиях на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. (работы Чуйского отряда Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР) // НОА ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1018. 1955 г. 78 л.; №1018а. 1955 г. Альбом иллюстраций к отчету. 30 л. 159 ил.
- Кызласов, 1959 — Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. II / Под ред. Г. Ф. Дебеца. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 230–233.
- Кызласов, 2006 — Кызласов Л. Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии: исторические и археологические исследования. М.: Восточная литература, 2006. 360 с.
- Кызласов, 2008 — Кызласов Л. Р. Два ак-бешимских сюжета // РА. 2008. № 2. С. 40–48.

- Массон, 1956 — Массон М. Е. Клад раннехристианских золотых бляшек и медальонов из Геок-тепе // Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад, 1956. № 5. С. 45–48.
- Массон, 1972 — Массон М. Е. Золотой медальон византийского облика из Ахангарана (еще к вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии) // Общественные науки Узбекистана. Ташкент, 1972. № 7. С. 29–38.
- Массон, 1978 — Массон М. Е. Происхождение двух несторианских намогильных галек в Средней Азии // Общественные науки Узбекистана. Ташкент, 1978. № 10. С. 50–55.
- Мейтарциян, 2001 — Мейтарциян М. Б. Погребальные обряды зороастрийцев. М.; СПб.: Летний сад, 2001. 248 с., ил. вкл.
- Михеева (Китаева), 2017 — Михеева (Китаева) А. А. К вопросу об интерпретации захоронений некрополя Древнего Мерва: история взглядов и комплексный подход к изучению памятника // КСИА. 2017. Вып. 247. С. 296–314.
- Михеева, 2019 — Михеева А. А. Христианская церковь на городище Ак-Бешим (объект IV): новые архивные данные и их интерпретация // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск: Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2019. Вып. 3. С. 246–266.
- Михеева, 2021 — Михеева А. А. Погребальный обряд христиан Средней Азии и Южного Казахстана по археологическим источникам (IV — начало XIII в.) // Христианский Восток. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021 (Серия, посв. изучению христианской культуры народов Азии и Африки; Т. 9 (XV)). С. 317–366.
- Михеева, 2022 — Михеева А. А. Изображения креста на среднеазиатских терракотовых плакетках: общий обзор и иконография // Евразия в энеолите — раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий): Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. М. Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 373–376.
- Михеева, 2023а — Михеева А. А. Терракотовые плакетки с изображением креста из Средней Азии // «От Мерва до Суяба, 1500 лет Христианства в Средней Азии»: Сб. науч. ст. междунар. конф. (Бишкек, 15.12.2022). Бишкек: KIRLand, 2023. С. 58–73.
- Михеева, 2023б — Михеева А. А. Христианство на территории Средней Азии по археологическим источникам (IV в. — начало XIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. — археология. СПб.: б. и., 2023. 25 с.
- Михеева, 2023в — Михеева А. А. Христианство на территории Средней Азии по археологическим источникам (IV в. — начало XIII в.): Дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3 — археология. В 3 т. СПб.: б. и., 2023. Т. 1 — 384 с.; Т. 2 — 336 с.; Т. 3 — 126 с.
- Михеева, 2024 — Михеева А. А. Кресты и кресто-включенные подвески VIII–XIV вв. в Средней Азии: общий обзор и первичная типология // Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья: Материалы междунар. науч. конф. (СПб., 5–8.11.2024) / Отв. ред. В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 330–339.
- Мусин, 1997 — Мусин А. Е. Погребальный обряд Древней Руси как археологическая и литургическая проблема // «Сих же память пребывает во веки». Материальный аспект в культуре русского православия: Материалы науч. конф. СПб.: АKB «Петровский», 1997. С. 11–38.
- Наумкин, 1989 — Наумкин В. В. Полевые исследования на острове Сокотра // Вестник древней истории. 1989. № 2. С. 158–161.
- Никитин, 1984 — Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи: Сб. ст. / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1984. С. 121–137.
- Никитин, 1998 — Никитин А. Б. Сасанидские христианские геммы // Христиане на Востоке... СПб.: Славия, 1998. С. 180–188.
- Никитин, 2015 — Никитин А. Б. К истории христианства в Мерве // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск; Новосибирск: Изд-во Магнитогорского гос. ун-та, 2015. № 1 (47). С. 164–170.
- Пилипко, 1968 — Пилипко В. Н. Плитка, подтверждающая предания // Памятники Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 1968. № 1 (5). С. 25.
- Поторочина, Шейко, 2015 — Поторочина Е. В., Шейко К. А. К находке христианского креста на городище Каршаултепа в Ташкентской области // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 2015 (Новая серия; Т. III [XXVIII]. Труды ИИМК РАН; Т. XLV). С. 487–491.
- Распопова, 2014 — Распопова В. И. Христиане в Пенджикенте в VIII в. // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти В. М. Массона / Ред. В. А. Алёшин и др. СПб.: Арт-Экспресс, 2014 (Труды ИИМК РАН; Т. XLII). С. 154–160.
- Ремпель, 1957 — Ремпель Л. И. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 102–110.
- Ротт, 2005 — Ротт Ф. Г. Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2005. Вып. 1. С. 44–51.
- Сапаров, Омельченко, 2017 — Сапаров Н. Ж., Омельченко А. В. Гостилицы Пайкенда // История и археология Турана. Самарканд, 2017. № 3. С. 281–293.
- Семенов, 2002 — Семенов Г. Л. Раскопки 1996–1998 гг. // Суяб Ак-Бешим: Сб. ст. СПб., 2002 (Археологические экспедиции Гос. Эрмитажа). С. 11–114.

- Сенигова, 1968 — Сенигова Т. Н. Вопросы идеологии и культов Семиречья (VI–VIII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-ата: Гылым, 1968. С. 51–67.
- Ставиский, 1960 — Ставиский Б. Я. «Ампула святого Мины» из Самарканда // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 101–102.
- Ставиский и др., 1953 — Ставиский Б. Я., Большаков О. Г., Мончадская Е. А. Пянджикентский некрополь // Труды Таджикской археологической экспедиции. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953 (МИА; № 37). Т. II. С. 71–81.
- Стюарт, 2020 — Стюарт Ч. Э. Четырехлепестковая миндалевидная розетка в Центральной Азии // Вестник МИЦАИ. Самарканд, 2020. Вып. 30. С. 71–88.
- Тереножкин, 1950 — Тереножкин А. И. Согд и Чач (автореферат канд. дис.) // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII. С. 152–167.
- Терновая, 2004 — Терновая Г. А. Предметы христианского культа из коллекции средневекового города Невакет // Хабарлары. Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. Алматы: НИЦ «Гылым», 2004 (Серия общественных наук). № 1. С. 176–193.
- Хвольсон и др., 1899 — Хвольсон Д. А., Покровский Н. В., Смирнов Я. И. Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае // Материалы по археологии России. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1899. № 22. С. 1–44.
- Шишкина, 1994 — Шишкина Г. В. Несторианское погребение в Согде Самаркандском // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство / Сост. Л. И. Жукова. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1994. С. 56–70.
- Ягодин, Ходжайов, 1970 — Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана / Под ред. С. К. Камалова. Ташкент: Фан, 1970. 253 с.
- Arts from the Land of Timur, 2012 — Arts from the Land of Timur. An Exhibition from a Scottish Private Collection, 2012. Published by SogdianaBooks, 2012. 330 p.
- Ashurov, 2013 — Ashurov B. Tarsākyā: an analysis of Sogdian Christianity based on Archaeological, Numismatic, Epigraphic and Textual Sources: PhD Thesis. SOAS, University of London, 2013. 229 p.
- Loginov, Nikitin, 1993 — Loginov S. D., Nikitin A. B. Sasanian coins of the late 4th–7th centuries from Merv // Mesopotamia. 1993. Vol. 28. P. 271–272, 277–278.
- Pavchinskaia, 1994 — Pavchinskaia L. V. Sogdian ossuaries // The Archaeology and Art of Central Asia Studies from the Former Soviet Union. Bulletin of the Asia Institute. New Series. Vol. 8. U. S. A., 1994. P. 209–225.
- Savchenko, Dickens, 2009 — Savchenko A., Dickens M. Prester John's Realm: New Light on Christianity between Merv and Turfan // The Christian Heritage of Iraq. Collected papers from the Christianity of Iraq I–V Seminar Days. Gorgias press, 2009. P. 121–135, 295–302.

Testimony of the archaeological sources for the East Syriac Christianity in Central Asia (4th — early 13th cent.)

A. A. Mikheeva¹³

Keywords: East Syriac Christianity, Great Church of the East, monasteries and churches, funeral rite, objects of temple cult and personal piety, Central Asia

This article examines the results of research of the entire corpus of archaeological sources attesting to the emergence and spread of East Syriac Christianity in Central Asia from the 4th to the early 13th cent. Church buildings and entire monastic complexes were examined, individual Christian burials and cemeteries were studied, objects of church and temple worship and personal piety numismatic collections were analyzed. The study of these archaeological sources allowed us to identify the key and most important stages in the emergence of the first Christian communities within Northern Khorasan (the Merv Oasis) and the subsequent spread of this faith to the East.

¹³ Anna A. Mikheeva — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: hmunter666@mail.ru.

Использование моллюсков в строительных технологиях средневековой Руси¹

Е. Ю. Медникова²

Аннотация. В статье описывается методика анализа строительных материалов и рассматриваются результаты анализов штукатурок под живопись средневековой Руси, проведенных на оптико-электронной полиполяризационной системе, разработанной в ИИМК РАН. Проведен гранулометрический анализ штукатурок Черниговских памятников.

Ключевые слова: оптико-электронная полиполяризационная система, методика анализа, анализ штукатурок и строительных растворов Южной Руси, раздробленные моллюски.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-75-81

В лаборатории археологической технологии ИИМК РАН продолжаются работы по изучению строительных материалов средневековой Руси, которые проводятся с помощью оптико-электронной полиполяризационной системы (ОЭПС), созданной для бесконтактного исследования минералов и органических структур методом полиполяризации, разработанным в ИИМК РАН (Куликов и др., 2010; 2012).

Методика полиполяризационного анализа

Принцип работы ОЭПС был описан ранее (Медникова, Шаров, 2019. С. 353). Анализ строительных материалов на ОЭПС проводится в несколько этапов: сначала исследуется фрагмент образца, переведенный в порошкообразное состояние, затем в порошок примешивается вода, а в дальнейшем к водному раствору добавляется 5%-ный раствор соляной кислоты и анализируются компоненты образца, сохранившиеся как в водном растворе, так и в растворе кислоты. Следует отметить, что увеличение ОЭПС составляет

500 раз, что позволяет рассматривать мельчайшие частицы исследуемых компонентов.

Чтобы исключить ошибку в определении состава штукатурок и строительных растворов, обусловленную возможностью попадания с известью каких-либо фрагментов ракушек, был проведен обжиг трех кусков ракушечника весом 90–100 г в муфельной печи при температуре около 1000 °С в течение одного часа. Известно, что температура обжига известняка составляет 1100–1300 °С (Волженский и др., 1966. С. 406), а ракушки сгорают при температуре 650–750 °С (Бобринский, 1978. С. 81). Пробы после обжига представляли собой порошки белого цвета. Проведенный полиполяризационный анализ показал присутствие от одного до двух фрагментов прозрачных бесцветных панцирей моллюсков размером 0,1–0,3 мм, не более 1–2 волокон (отдельные нити черного, коричневого, голубого цветов или разноцветные нити с перемежающимися по длине оттенками голубого, розового, красного, зеленого и желтого цветов) длиной до 2 мм. При проведении полиполяризационного анализа стандартной современной извести в ней также были обнаружены многоцветные волокна.

Далее был проведен полиполяризационный анализ растертых моллюсков с панцирями. При этом фрагменты растертых панцирей представляли собой мелкую смесь пластинок темно-коричневого и темно-зеленого цветов, иногда прозрачных, похожих на кусочки стекла или смальту

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания «Южная Россия и сопредельные территории в древности: развитие культуры, общества и хозяйства по археологическим и естественнонаучным данным» (FMZF-2025-0010).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: vad.cul@yandex.ru.

© Медникова Е. Ю., 2025

размером не более 1–5 мм, а также крошек преимущественно черного, темно-коричневого и темно-зеленого цветов размером не более 0,1–2,0 мм. В смеси также присутствовали бесцветные полупрозрачные тонкие пластинки, напоминающие фрагменты стекла, и плотные пластинки белого и светло-серого цвета. Растертые моллюски представляли собой гелеобразную полупрозрачную массу светлого желтовато-коричневого или светлого коричневатого-серого цветов. В исследуемой смеси также обнаружены красноватые, голубые, желтые, коричневые, черные и многоцветные волокна. Следует отметить, что цветные и многоцветные волокна определялись только с помощью ОЭПС, в бинокулярном микроскопе по цвету и внешнему виду они напоминали сечку соломы. Подобные волокна во множестве присутствуют в мускулатуре моллюсков (Жадин, 1952. С. 22). Неизменными по цвету в бинокулярном микроскопе оставались волокна черного цвета и смесь тонких скрепленных и одиночных волокон светло-коричневого или коричневого цвета, похожие на паклю, обнаруженные в растертых моллюсках. Эти волокна, видимо, являются биссусом — тонкими нитями секрета, выделяемого из подошвы ноги моллюска и затвердевающим в воде, с помощью которых моллюск прочно прикрепляется к разным субстанциям (Там же. С. 24).

Следующим этапом работы было приготовление проб, состоящих из смеси извести и мелко растертых моллюсков с панцирями. Приготовленные пробы выдерживались в помещении в течение месяца, после чего проводился их полиполяризационный анализ, а также анализ нерастворимого остатка, полученного в результате растворения приготовленных проб в 5%-ной соляной кислоте. Нерастворимый остаток представлял собой, как показал полиполяризационный анализ, порошкообразную серовато-бежевую смесь, состоявшую в основном из пластинок и панцирей раздробленных моллюсков. В нерастворимом остатке отмечены 2–3 волокна (многоцветных, а также черного, коричневого, розового и голубого цветов), фрагменты «пакли» и прозрачная гелеобразная масса светлого серовато-бежевого цвета. На основании полученных результатов можно сделать вывод, что доказательством присутствия моллюсков в строительных растворах и штукатурках помимо раздробленных панцирей могут служить разнообразные волокна и просматриваемая с помощью ОЭПС гелеобразная масса.

Первыми по описанной методике были проанализированы плинфы церкви Благовещения

на Городище (1103 г.) в Новгороде (Медникова, Шаров, 2021), строительные растворы из Староладожской крепости, плинфы и штукатурки из церквей Старой Ладogi (Васильев, Медникова, 2022), штукатурки под фресковую живопись Георгиевского собора Юрьева монастыря (1119 г.), церкви Спаса на Нередице (1198 г.), Николо-Дворищенского собора (1113 г.) (Медникова, 2024). Во всех перечисленных образцах строительных растворов, штукатурок и плинф были обнаружены фрагменты панцирей и органика, характерная для моллюсков. Проведенные исследования дали повод вновь обратиться к анализу фресковых штукатурок, присутствие моллюсков в составе которых ранее определялось с помощью гранулометрического анализа.

Следует отметить, что попытки определения органических соединений во фресковых штукатурках предпринимались и ранее методами тонкослойной хроматографии, но идентифицировать органические соединения не всегда удавалось, поэтому основное внимание было уделено гранулометрическому анализу, который давал возможность определить состав и количество наполнителей. Одним из первых был проведен гранулометрический анализ штукатурок памятников древнего Киева. Проведенный анализ выявил три типа штукатурок, отличавшихся составом и количеством наполнителей (Медникова и др., 1999. С. 130; Медникова, Егорьев, 1999. С. 136). Методика гранулометрического анализа штукатурок аналогична методике анализа строительных растворов (Медникова, Стеценко, 1992. С. 164). В нерастворимых остатках всех проанализированных с помощью бинокулярного микроскопа штукатурок отмечено присутствие волокон, похожих на солому, черных нитей, а в некоторых обнаружены фрагменты так называемой пакли (биссус). В группе штукатурок, отличающихся большим содержанием глинистых частиц, выявлены черные блестящие кусочки размером не более 1 мм, блестящие пластинки темно-зеленого или темно-коричневого цвета, иногда прозрачные, похожие на стекло или смальту. Наличие в нерастворимом остатке вышеперечисленных компонентов уже могло свидетельствовать о присутствии моллюсков и их растертых панцирей в штукатурках.

Результаты анализа ряда образцов из памятников зодчества

Для полиполяризационного анализа были отобраны штукатурки памятников Киева, состав которых ранее был определен с помощью гранулометрического анализа (Медникова и др., 1999.

С. 130). Были исследованы штукатурки под фресковую живопись из Десятинной церкви (989 г.), Михайловского Златоверхого собора (1108 г.), церкви Бориса и Глеба в Вышгороде (1076, 1115 гг.), нерастворимый остаток которых состоял на 80–90 % из так называемых глинистых частиц светло-серого или светло-серого с бежевым оттенком цвета. Полюполяризационный анализ показал, что глинистые частицы в основном представляют собой плотные пластинки белого, светло-серого, почти белого цветов, похожие на перламутровую часть панцирей моллюсков, а также единичные бесцветные прозрачные пластинки.

В небольших количествах присутствовали черные блестящие мелкие кусочки, похожие на уголь, а также раздробленные кусочки в виде пластинок коричневого, черного и зеленоватого цвета. Были обнаружены многоцветные и одноцветные волокна, гелеобразная масса и так называемая пакля, представляющая собой смесь волокон светло-коричневого или желто-коричневого цветов длиной до 3,0–5,0 мм и толщиной около 0,1 мм. Полученные результаты свидетельствовали о наличии в штукатурках раздробленных моллюсков. Ранее киевские ученые также подтвердили присутствие большого количества органического связующего во фресковых штукатурках Десятинной церкви, назвав его животным клеем, и отметили, что «в штукатурках (карбонатной массе) произошло замещение органического материала минеральным» (Стриленко и др., 2012. С. 88). Поскольку в карбонатной массе присутствуют мелко растертые панцири моллюсков, а их основа состоит из карбоната кальция, пропитанного разнообразной органикой, в том числе белком конхиолином (придающим устойчивость панцирю в кислой и щелочной средах), можно считать, что киевские исследователи косвенно подтвердили присутствие моллюсков в штукатурках.

Следующими для анализа были отобраны штукатурки с невысоким содержанием глинистых частиц и довольно высоким содержанием песка (из церквей: на усадьбе Художественного института (вторая половина XII в.), Успения Богородицы Пирогощи (Пирогощей) (1131–1136 гг.), на Вознесенском спуске (конец XII — начало XII в.), здания на пересечении Ирининской и Владимирской улиц (XI в.), ворот Города Владимира, а также с равным содержанием цемянки, песка и глинистых частиц (из трапезной Киево-Печерской лавры и Киевской ротонды). В некоторых памятниках встречаются штукатурки двух разных типов, например, в Пирогощей и Ротонде (с высоким, до 90 %, содержа-

нием песка или с равным количеством цемянки и песка и незначительным — глинистых частиц). Несмотря на разное количество наполнителей штукатурки (цемянки, песка), в образцах со всех памятников обнаружено присутствие моллюсков в виде гелеобразной массы, волокон, фрагментов панцирей. При этом следует отметить, что панцири моллюсков были представлены не только серыми, бесцветными, но и блестящими темно-коричневыми или темно-зелеными пластинками, иногда прозрачными, похожими на стекло. В незначительном количестве присутствовали черные блестящие крошки размером не более 0,5–1,5 мм. Вероятно, черная крошка, полученная в результате растирания моллюсков вместе с панцирем, аналогична той, которая, как предполагал Ю. А. Коренюк (Коренюк, 1996), является «пылеобразной фракцией сплавленного до стеклообразного кремнеземистого материала», который использовался в качестве отошителя. Однако эта версия не является убедительной «по причине нерациональности выбора в качестве отошителя кремнеземистого материала и переработки больших его количеств при высоких температурах» (Медникова, Егорьков, 1999. С. 138).

Проведенный полюполяризационный анализ штукатурок под фресковую живопись показал, что фрагменты панцирей моллюсков, условно называемые глинистыми частицами, присутствуют во всех образцах, но в разном количестве. На основании полученных результатов можно предположить, что существовали многочисленные рецептуры приготовления штукатурок, разнящиеся не только по составу наполнителей (цемянки, песка), но и количеству добавленных моллюсков и их раздробленных панцирей. Так, в штукатурках Десятинной церкви, Михайловского Златоверхого собора глинистые частицы, основная часть которых состояла из фрагментов панцирей, составляли примерно 60–75 % нерастворимого остатка, а церкви на Вознесенском спуске — 10–20 %, Пирогощей — 10 %. При этом кроме раздробленных панцирей в штукатурки добавлялись растертые моллюски. В Михайловском Златоверхом соборе большое количество так называемой пакли присутствовало в штукатурках под мозаику, а в строительном растворе преобладали фрагменты панцирей.

Из памятников Переяслав-Хмельницкого были проанализированы фрагменты штукатурок церкви Михаила (1089 г.) и Воскресенской церкви (вторая половина XII в.), а также штукатурки Малого храма (более точного названия в описи не указано). Все фрагменты штукатурок были

Таблица. Гранулометрический анализ штукатурок памятников Чернигова
Table. Granulometric analysis of plasters on Chernigov monuments

Памятник	Дата строительства	Нерастворимый остаток, %	Доля в составе		
			Песок	Цемянка	Глинистые частицы
Спасский собор	1033–1038 гг.	2,1	0,30	+	0,70
		11,4	0,90	+	0,10
	XVII в.	55,6	1,00	–	+
Храм-усыпальница	1080–1084 гг.	5,6	0,60	+	0,40
Борисоглебский собор	1086–1089 гг.	5,4	0,40	+	0,60
Успенский собор Елецкого монастыря	1115–1119 гг.	6,9	0,85	+	0,15
Там же, Северная галерея		3,4	0,20	+	0,80
Там же, ниша		5,7	0,80	+	0,20
Пятницкая церковь	1211–1214 гг.	5,4	–	–	1,00

отобраны из сохранившейся коллекции М. К. Каргера. Во всех вышеперечисленных образцах обнаружены фрагменты ракушек и органики, характерной для моллюсков. В двухслойных штукатурках в верхнем слое присутствует большое количество органики и волокон, характерных для моллюсков, и практически отсутствуют фрагменты панцирей; в нижнем слое уменьшается органическая составляющая и увеличивается количество мелко раздробленных фрагментов панцирей.

Чернигов. Гранулометрический анализ штукатурок памятников XI–XIII вв. Чернигова (табл.) показал применение большого количества извести (89,0–96,5 %) и, как следствие этого, небольшое количество нерастворимого остатка и практически полное отсутствие цемянки. Нерастворимый остаток состоит из глинистых частиц белого или слегка бежеватого цвета, основу которых представляют фрагменты светлых перламутровых пластинок; волокон, характерных для моллюсков; «пакли» (биссуса) (с длиной нитей до 10–15 мм и диаметром 0,014 мм); песка с основным размером 0,35–0,50 мм; мелких черных кусочков и единичных фрагментов цемянки. В штукатурках, где процент нерастворимого остатка составляет 2,1–3,4 %, песок присутствует в незначительном количестве, а основную массу представляют глинистые частицы, включающие в себя главным образом светлые фрагменты панцирей моллюсков. В штукатурках с большим количеством нерастворимого остатка (5,6–11,4 %) присутствует и большее количество песка. Исключением является лишь штукатурка из Пятницкой церкви, где нерастворимый остаток полностью состоит из глинистых частиц, представляющих собой мелкие фрагменты перламутра. В нерастворимый

остаток штукатурки Спасского собора XVII в. входит только песок. При полиполяризационном анализе штукатурок XVII в. из Спасского собора раздробленные панцири и органика, характерная для моллюсков, обнаружены не были, в отличие от образцов штукатурок из Епископских ворот и Двухкамерного терема, где они присутствовали.

Полоцк. Одними из первых были проанализированы фрагменты штукатурок под живопись Софии Полоцкой, археологические раскопки которой проводились В. А. Булкиным. Для всех типов штукатурок этого памятника были проведены гранулометрический и газохроматографический анализы с целью определения органических добавок и жирных кислот (Егорьков, Медникова, 1998. С. 191). В рукописи статьи, подготовленной к печати, указывалось, что при проведении газохроматографического анализа штукатурок «обнаружено устойчивое количество следов пальмитиновой и стеариновой кислот, как в красочном слое, так и штукатурке», и высказывалось предположение о «введении в известковое тесто органических гидрофобных добавок — эффективных пластификаторов штукатурки». Однако эта часть статьи не была опубликована.

С появлением полиполяризационной системы появилась возможность вновь обратиться к штукатуркам Софии Полоцкой. Как и ожидалось, в штукатурках обнаружены мелкие кусочки панцирей, которые ранее (до полиполяризационного анализа) воспринимались как мелко раздробленное стекло, и волокна и органика (гелеобразная масса), характерные для моллюсков. Наличие пальмитиновой и стеариновой кислот, которые были обнаружены ранее, но не включены в опубликованную статью (Там же. С. 191),

как уже упоминалось, объяснялось присутствием в штукатурках органики, характерной для двусторчатых моллюсков, в составе фосфолипидов, в которых «доминировали насыщенные жирные кислоты, особенно пальмитиновая и стеариновая» (Фокина и др., 2024. С. 691).

Владими́ро-Сузда́льская земля. Фрагменты штукатурок памятников Владимиро-Суздальской земли были получены от сотрудников Эрмитажа, проводивших архитектурно-археологические раскопки на данной территории. Это образцы фресок собора Рождества Богородицы в Суздале, Успенского собора и церкви Бориса и Глеба в Ростове Великом, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Дмитриевского собора во Владимире. Во всех без исключения штукатурках обнаружено присутствие фрагментов панцирей, органики и нитей, характерных для моллюсков. Разница заключалась лишь в количестве наполнителей. Из суздальского собора Рождества Богородицы для анализа были представлены только два фрагмента штукатурок, отличающихся по составу и, возможно, по времени создания. Так, в составе одного фрагмента присутствует большое количество кусочков панцирей, органики и волокон. Во втором — наблюдается в небольшом количестве мелкий песок (размер песчинок 1–3 мм), немного раздробленных панцирей при практически полном отсутствии органики. Во фресковых штукатурках Успенского собора Ростова Великого, отобранных из отвала строительного мусора, содержится много органики (геля), волокон и очень мало кусочков панцирей, а во фрагментах фресок из алтарной преграды присутствует одно волокно, два-три фрагмента панциря и практически нет органики. Во фресках как XII, так и XIX в. Дмитриевского собора во Владимире содержится органика, характерная для моллюсков, немного кусочков панцирей и песок, который в значительно большем количестве зафиксирован во фресках XII в.

Полиполяризационный анализ штукатурок из Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, полученных в результате археологических раскопок 2001 г. (Глазов и др., 2002), показал присутствие органики, характерной для моллюсков, волокон и в незначительном количестве мелко истолченных панцирей раковин. В двухслойных штукатурках Георгиевского собора XV в. в нижнем слое в незначительном количестве присутствует песок размером не более 1–2 мм, фрагменты панциря, органика и волокна. В свою очередь в верхнем слое песок отсутствует, зато представлена органика, характерная для моллюсков, и в очень не-

значительном количестве мельчайшие по размеру (менее 1 мм) фрагменты панцирей.

Подтверждением добавления моллюсков в штукатурки Георгиевского собора в Юрьеве-Польском являются исследования, проведенные московскими учеными, которые при изучении остатков связующего материала красочного слоя обнаружили миристиновую кислоту, а также идентифицировали насыщенные кислоты с нечетным числом атомов углерода (C_{15} , C_{17}). Эти кислоты, как они указывают, характерны для жиров жвачных животных (Зубавичус и др., 2021). Однако указанные кислоты также содержатся в моллюсках (Капранова и др., 2019. С. 400).

Заключение

Анализ строительных растворов в основном производился, когда еще не существовало оптико-электронной полиполяризационной системы, поэтому основное внимание уделялось гранулометрическому анализу и описанию состава нерастворимого остатка образца. Помимо цемьянки и песка в строительных растворах отмечалось присутствие мелких черных включений, «стекла» бесцветного, зеленого или коричневого цветов, наличие «пакли», отдельных бесцветных или черных нитей, тонких светло-серых пластинок. Все это считалось добавками, внесенными в известковый раствор. Только с появлением оптико-электронной системы и проведением анализа не только строительных растворов, но и раздробленных моллюсков, удалось выяснить, что все вышеперечисленные добавки являются компонентами раздробленных моллюсков. В настоящее время на ОЭПС проанализированы строительные растворы из Михайловского Златоверхого собора в Киеве, церкви Бориса и Глеба в Вышгороде, Софийского собора в Полоцке, Успенского собора в Ростове Великом. Следует отметить, что раздробленные моллюски обнаружены в строительных растворах не только из Староладожской крепости, но и из крепости Ивангорода и Новгородского кремля.

Полученные с помощью ОЭПС результаты анализов штукатурок, строительных растворов и плинф свидетельствуют о широком использовании моллюсков в строительных технологиях средневековой Руси. Раздробленные и растертые моллюски уменьшают усадку, придают пластичность, способствуют уменьшению трещин, тем самым улучшая качество растворов, штукатурок. Вероятно, мастерам были известны эти свойства моллюсков, способствующие созданию прочных строительных материалов.

Полученные результаты анализов свидетельствуют об использовании моллюсков в приготовлении фресковых штукатурок не только в Средневековье, но и в XIX в. Если учесть, что ранее присут-

ствие моллюсков было обнаружено во фресковых штукатурках Старой Ладogi, Новгорода, то можно предположить, что такая технология широко применялась на Руси в течение длительного времени.

Бобринский, 1978 — Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 274 с.

Васильев, Медникова, 2022 — Васильев Б. Г., Медникова Е. Ю. Исследование строительных материалов Старой Ладogi (или Новгородской земли) методом полиполяризации // АВ. 2022. Вып. 37. С. 129–133.

Волженский и др., 1966 — Волженский А. В., Буров Ю. С., Колокольников В. С. Минеральные вяжущие вещества. М.: Стройиздат, 1966. 406 с.

Глазов и др., 2002 — Глазов В. П., Зыков П. Л., Иоаннисян О. М. Архитектурно-археологические исследования во Владимирской области // Археологические открытия. 2001 г. М.: Наука, 2002. С. 129–131.

Егорьков, Медникова, 1998 — Егорьков А., Медникова Е. Технологические аспекты росписи Полоцкой Софии // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы III Міжнароднага канф. Полацк: Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік, ПДУ, 1998. С. 191–197.

Жадин, 1952 — Жадин В. И. Моллюски пресных и солоноватых вод СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 376 с.

Зубавичус и др., 2021 — Зубавичус М. В., Вдовиченко Е. Я., Седов Вл. В., Трунькин И. Н., Светогоров Р. Д., Пожидаев В. М., Терещенко Е. Ю. Фрагменты стеного письма из раскопок в Юрьеве-Польском. Первые выводы естественнонаучных исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2021. Вып. 11. С. 98–111.

Капанова и др., 2019 — Капанова Л. Л., Нехорошев М. В., Малахова Т. В., Рябушко В. И., Капанов С. В., Кузнецова Л. В. Жирнокислотный состав гонад и половых продуктов двусторчатого моллюска *Mytilus galloprovincialis* LAM (1819) из Черного моря на разных стадиях половой зрелости // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2019. Т. 55, № 6. С. 398–406.

Кореньюк, 1996 — Кореньюк Ю. А. Изучение технологической традиции изготовления штукатурных растворов в древнерусской монументальной живописи на ранних этапах ее развития // Проблемы изучения древнерусского зодчества: Сб. ст. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 15–21.

Куликов и др., 2010 — Куликов В. Е., Кидалов В. Н., Медникова Е. Ю., Носов Е. Н., Шумкин В. Я. Устройство для оптико-электронного бесконтактного исследования минералов и органических структур. Патент № 2402753, 2010 г.

Куликов и др., 2012 — Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Миняев С. С., Носов Е. Н. Способ бесконтактного

полиполяризационного исследования минералов и органических структур с различными коэффициентами пропускания. Патент № 2466379, 2012 г.

Медникова, 2024 — Медникова Е. Ю. Исследование методом полиполяризации некоторых штукатурок и строительных растворов Великого Новгорода // АВ. 2024. Вып. 42. С. 133–135.

Медникова, Егорьков, 1999 — Медникова Е. Ю., Егорьков А. Н. К технологии росписи Десятиной церкви (по материалам коллекции М. К. Каргера 1948 г.) // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения: Тезисы докладов / Науч. ред. О. М. Иоаннисян. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. С. 136–139.

Медникова, Стеценко, 1992 — Медникова Е. Ю., Стеценко Н. К. Изучение строительных растворов архитектурных памятников в Старой Ладогe // Архитектурное наследие и реставрация (реставрация памятников истории и культуры России). М.: Объединение «Росреставрация», 1992. Вып. 3. С. 164–169.

Медникова, Шаров, 2019 — Медникова Е. Ю., Шаров О. В. Технологические особенности строительных растворов винодельческих комплексов поселения Ильич Темрюкского района Краснодарского края // Stratum plus. 2019. № 4: Меч Марса. С. 343–358.

Медникова, Шаров, 2021 — Медникова Е. Ю., Шаров О. В. Раковины моллюсков в строительных материалах церкви Благовещения на Городище в Новгороде // АВ. 2021. Вып. 31. С. 63–67.

Медникова и др., 1999 — Медникова Е. Ю., Ганзенко А. Ф., Загрянская М. Ф. О методике анализа фрагментов настенной живописи // Средневековая архитектура и монументальное искусство... СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1999. С. 130–136.

Стриленко и др., 2012 — Стриленко Ю. Н., Ивакин Г. Ю., Козюба В. К. Технологические особенности состава фресковых штукатурок Десятиной церкви в Киеве // Первые каменные храмы Древней Руси: Материалы архитектурно-археологического семинара (С.-Петербург, 22–24.10.2010) / Под ред. Д. Д. Ёлшина. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012 (Труды Гос. Эрмитажа; Вып. 65). С. 86–95.

Фокина и др., 2024 — Фокина Н. Н., Суховская И. В., Сухотин А. А. Влияние размера тела на состав липидов и жирных кислот митохондрий у мидий *Mytilus edulis* Linnaeus // Труды Зоологического института РАН. 2024. № 328 (4). С. 691–706. doi.org/10.31610/trudyzin/2024.328.4.691.

The use of molluscs in the building technologies of Old Rus

Е. Yu. Mednikova³

Keywords: electrooptical polypolarization system, methods of analysis, analysis of stuccos and mortars of southern Rus, fractured molluscs

This article describes methods for analyzing building materials and examines the results of analyses of stuccos used for medieval Rus paintings using an electrooptical polypolarization system developed at the Institute for the History of the Material Culture of the RAS. A granulometric analysis of the stuccos from Chernigov monuments was also conducted.

---

³ Elena Yu. Mednikova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: vad.cul@yandex.ru.

«Строительная жертва» середины XIII в. на усадьбе «Ц» Троицкого раскопа (новые данные об обрядах средневековых новгородцев)¹

Е. А. Тянина, В. К. Сингх, О. С. Лебедева, И. А. Воронков, Н. Н. Спасская²

Аннотация. В статье впервые публикуется комплекс строительной жертвы — череп козы, заложенный под хозяйственную постройку. Он был обнаружен в 2021 г. на Троицком XVI раскопе, в слое середины XIII в. Проведен комплексный анализ культового объекта, включающий топографический и стратиграфический обзор, а также остеологическое исследование. Использование в строительном прикладе черепа козы в средневековом Новгороде зафиксировано впервые, семантика жертвы предполагает ее благожелательный характер, а стратиграфическая ситуация показывает, что жертвоприношение было совершено при смене владельцев усадьбы и являлось частью магии новоселов.

Ключевые слова: средневековый Новгород, Людин конец, Троицкий раскоп, строительная жертва, языческий обряд, комплексный анализ.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-82-91

Среди археологических материалов, свидетельствующих о духовной жизни средневековых новгородцев, значительный интерес представляют культовые объекты, позволяющие реконструировать древнюю языческую обрядность. К таковым относятся находимые в культурном слое свидетельства ритуальных действий, связанных с различными аспектами бытовой магии. Именно таким свидетельством являются остатки строительных жертв, находимые под стенами сооружений на новгородских усадьбах. Одна из последних подобных находок и является предметом данного исследования. Авторами статьи был впервые проведен комплексный анализ выявленного культо-

вого объекта, включающий обзор топографической и стратиграфической ситуации в отношении постройки, под которой обнаружена строительная жертва, а также остеологическое исследование самого жертвенного черепа.

Строительная жертва (строительный приклад) является одним из древнейших и самых распространенных на Земле языческим ритуалом. В его семантическом значении тесно переплетены анимистические представления о духах-хранителях, охранительная магия и магия освоения пространства. Такая жертва служила платой духам природы за взятую территорию или срубленные для постройки дерева. Но более значимым являлось восходящее к анимизму представление о духе-хранителе сооружения, который возникает из души принесенной жертвы. В Западной Европе существует множество преданий и легенд о принесении в жертву людей при возведении монументальных каменных сооружений (городских укреплений, замков, мостов, соборов). Такая жертва должна была обеспечить прочность и неприступность возводимого сооружения, а душа жертвы становилась своеобразным стражем, охраняющим его от природной стихии и нападения врага (Зеленин, 1937. С. 5). Схожие представления

¹ Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-20 «Христианские и языческие древности средневекового Новгорода в свете междисциплинарных исследований».

² Тянина Е. А., Сингх В. К., Лебедева О. С., Воронков И. А., Спасская Н. Н. — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва; e-mail: vyla@yandex.ru, arxeolog@gmail.com, lebols@mail.ru, ilvoatar@gmail.com, equusnns@mail.ru.

© Тянина Е. А., Сингх В. К., Лебедева О. С., Воронков И. А., Спасская Н. Н., 2025

о семантике строительной жертвы сохранились и в восточнославянской традиции. Считалось, что любой дом построен «на чью-то голову» и, если при его возведении не совершить строительную жертву, то он сам возьмет свое и кто-то из обитателей нового дома непременно умрет (Машкин, 1862. С. 84). Однако в практике строительных жертв человеческие жертвоприношения были довольно редким явлением и относились исключительно к возведению общественно значимых построек. В обычной ритуальной практике в качестве жертвы, как правило, выступали животные, а также части их тела или кости (в основном черепа).

Впервые остатки жертвоприношений под постройками на новгородских усадьбах выявлены в 50-е гг. XX в. на Неревском раскопе и подробно описаны В. В. Седовым (Седов, 1957. С. 20–28). Автором был зафиксирован один тип строительной жертвы — закладывание под угол (или под стену) возводимого сруба черепа коня или нескольких черепов под разные углы постройки. На Ильинском раскопе череп коня обнаружен под фундаментом каменного терема, возведенного на рубеже XIV–XV вв. (Миронова, 1967. С. 227, рис. 5). Строительные жертвы того же типа с использованием конских черепов встречены на Троицком раскопе (Усадьба X–XI вв..., 2020. С. 73, 74). Аналогичные жертвоприношения черепов животных под постройками были обнаружены и в других средневековых русских городах — Старой Руссе (Торопова и др., 2001. С. 17; Медведев, 1978), Суздале (Седова, 1997. С. 207–209), Ярополче Залеском (Седова, 1978. С. 25), Старой Ладогге (Рябинин, 1985. С. 39, 46; Рябинин, 1994. С. 59), а также на сопредельных территориях Восточной Европы (Смирнов, 1951. С. 203, 204; Сапе, 1995. С. 32–38).

О том, что для жертвоприношения всегда использовался череп, а не голова животного, говорит отсутствие *in situ* нижних челюстей. Когда же конский череп закладывался вместе с челюстями, они не находились в анатомическом порядке с верхней частью черепа, а были уложены под другие участки постройки (Седов, 1957. С. 22, 23, рис. 6, 1). Кроме того, в одном из случаев в качестве жертвы использована одна челюсть (Там же. С. 23, рис. 6, 3). Такой тип строительной жертвы, когда в ее качестве используется не животное, а его кости и черепа, связан с проявлениями симпатической магии (заменой целого частью) и одновременно символизирует смерть и возрождение, что соответствует семантике строительной жертвы как приобретению духа-хранителя. «Канонической позой» для жертвенных черепов была установка

Рис. 1. Череп козы *in situ* под юго-восточным углом сооружения XVI-37 (Н-2021, Троицкий-XVI, пласт 8, квадрат 2016, полевой № 666)

Fig. 1. A goat skull *in situ* under south-eastern edge of the structure XVI-37 (H-2021, Troitsky-XVI, layer 8, square 2016, field No. 666)

их под сруб на шейное основание, и, по свидетельству В. В. Седова, приклады обычно закапывались вблизи входа в постройку (Там же. С. 26). Строительные жертвы встречаются как под жилыми срубами, так и под постройками без следов отопительных сооружений, имевших хозяйственное назначение. Датировка строительных прикладов в Новгороде широкая, они фиксируются с X по начало XV в. При этом сам ритуал на протяжении столетий не претерпевал существенных изменений. Единственным отличием, по наблюдению В. В. Седова, было то, что в XII–XIV вв. жертвенные черепа клали непосредственно под нижний венец, а в раннее время (X–XI вв.) их закапывали на некоторой глубине (Там же. С. 26).

Таким образом, изучение культовых объектов, связанных со строительной жертвой у средневековых новгородцев, позволяет предполагать некую единую и неизменную во времени и пространстве традицию. Использование в качестве жертвы именно конского черепа, безусловно, связано с культом коня в славянском язычестве, где он одновременно считался солярным символом и служил оберегом дома (Усадьба X–XI вв..., 2020. С. 75–77). Однако находка, сделанная на Троицком раскопе, показала, что в Новгороде существовали и другие варианты строительных прикладов.

В 2021 г. на Троицком XVI раскопе в слое первой половины — середины XIII в. при зачистке сооружения XVI-37 усадьбы «Ц» под юго-восточным углом сруба был обнаружен череп

Рис. 2. Раскоп Троицкий XVI. Усадьба «Ц», сооружение XVI-37: 1 — фото, вид сверху с юга; 2 — чертёж
Fig. 2. Troitsky XVI excavation site. Homestead “Ц”, structure XVI-37: 1 — photo, top view from the south; 2 — draft

козы (рис. 1). Он лежал на шейном основании, повернутым к венцу сруба передней частью и наклоненным под него. Носовая часть, уходившая непосредственно под венец, не сохранилась, вероятно, была раздавлена самим сооружением и постройками более поздних ярусов, располагавшимися сверху. Находка имела все признаки строительного приклада, совершенного традиционным для Новгорода способом. Это и укладка черепа на шейное основание, и расположение его рядом с углом сруба и вблизи от входа в него. Также следует отметить, что приклад был сделан непосредственно под нижний венец сооружения, что характерно как раз для строительной жертвы XIII–XIV вв. Единственным существенным отличием от всех выявленных прежде строительных прикладов в Новгороде было то, что в качестве жертвенного животного выступает коза, а не конь.

Топография и стратиграфия

Сооружение XVI-37 представляло собой четырехстенный сруб размерами 6×6 м с большой ($2,3 \times 1,8$ м) срубной печью в центре помещения (рис. 2). В заполнении опечка — развал камней. Вероятно, при разрушении сооружения камни

печи рассыпались и образовали скопление в северной части сруба. Вдоль восточной границы опечка проходила переводина пола, ориентированная по линии север–юг. Под нее подведены небольшие поперечные подкладки. Под южную стену и юго-восточный угол сруба были уложены три продольные длинные подкладки из обрубков бревен. Дерево использовалось вторично, поскольку имеет чашеобразные и прямоугольные вырубки, напрямую не связанные с фундаментной конструкцией. Вход в сооружение располагался с восточной стороны. Сруб занимал центральное положение в ряду построек, расположенных вдоль западной границы усадьбы ярусов 9 и 10.

Сооружение XVI-37 со строительной жертвой вместе с примыкающим к нему с севера сооружением XVI-27 переживает обновление застройки на усадьбе в середине 1260-х гг., когда на месте старых срубов возводятся новые, практически на том же месте (рис. 3, 1, 2). В целом застройка вдоль западной границы усадьбы с середины XIII и вплоть до конца XIV в. достаточно стабильна: на месте сооружения XVI-37 в конце XIII в. возводится аналогичный четырехстенный сруб с центральным расположением печи (сооружение XVI-28),

который позже сменяется сооружением XVI-22. Самый поздний четырехстенный сруб с печью в центре строится на этом месте в последней четверти XIV в. и погибает в пожаре 1391 г. Вместе с тем застройка ярусов 9 и 10 разительно отличается от застройки предшествующих строительных периодов. Мощные слои щепы, истончаясь к западной границе усадьбы, перекрывают межусадный часток яруса 11, поверх которого возводится сооружение XVI-27, синхронное срубом со строительной жертвой.

Постройки яруса 11 сохранились достаточно плохо, однако уверенно выделяются северный и южный усадебные комплексы с неплотной застройкой вдоль северных границ обеих усадеб (рис. 3, 3). Для культурных напластований яруса 11 характерна плохая сохранность дерева и деградация щепы до состояния древесного тлена, что особенно хорошо прослеживается на территории северного усадебного комплекса. На северной усадьбе выделяется жилой сруб размерами 5 × 5 м с печью и четырехстенная постройка размерами 4 × 4 м. На южной — два небольших четырехстенных сруба размерами 4 × 4 м каждый, возведенные вдоль северной границы усадьбы и отстоящие друг от друга на 4 м. К западному срубам (сооружение XVI-45) с востока примыкало небольшое крыльцо, восточный (сооружение XVI-43) полностью заполнен печным развалом. Эта застройка ярко контрастирует как с комплексом ярусов 9 и 10, так и с комплексами предыдущего яруса 12, где на северной и южной усадьбах фиксируются большие пятистенные срубы и сопутствующие им хозяйственные постройки, предварительно датированные второй половиной XII в. (рис. 3, 4).

Таким образом, прослеживается угасание двух усадеб и вероятное запустение занимаемой ими территории в первой половине XIII в. Возобновление хозяйственной деятельности на участке после некоторого перерыва сопровождалось полной сменой планировки и, предположительно, владельцев.

Говоря о назначении самого сруба XVI-37, следует отметить, что для жилых сооружений центральное расположение отопительного устройства крайне нехарактерно. Обычно печь помещалась в одном из углов жилища. Конструкция с центральным положением печи чаще всего применяется в сооружениях производственного назначения (кузницах, ювелирных мастерских) (Засурицев, 1963. С. 31). Однако здесь не отмечено никаких следов ремесленной деятельности, а наоборот, присутствует бытовой инвентарь: несколько ножей, скобы, кресало для разведения

огня, крюк для подвешивания (возможно, котла), многочисленные фрагменты глиняной посуды. Скорее всего, в этой постройке располагалась поварня или другое хозяйственное помещение, связанное с приготовлением пищи (например, с выпечкой хлеба).

Остеологический анализ

Кости мелкого рогатого скота (коза/овца) многочисленны в большинстве остеологических коллекций, но среди них редко встречаются целые кости черепа и посткраниального скелета, и в основном кости сильно фрагментированы (Цалкин, 1956; 1970; Зиновьев, 2009; 2015; Лебедева, 2020; Яворская, 2017). Поэтому исследуемый череп козы домашней (*Capra hircus*) представляет интерес не только как археологический объект, связанный с языческим ритуалом, но и как источник дополнительной морфологической информации о домашних животных эпохи Средневековья.

В остеологических коллекциях чаще встречаются костные стержни рогов коз и овец, иногда с прилегающими фрагментами лобных костей. У исследованного экземпляра утрачен лицевой отдел черепа, а мозговая коробка с правым костным стержнем рога сохранилась практически полностью (рис. 4).

Череп принадлежит взрослому, но не старому животному. Об этом свидетельствует полная сформированность покровных костей черепа, а также степень срастания швов черепа, которые хоть и уплотнились, но хорошо прослеживаются. Все эти признаки указывают на то, что животному на момент смерти было около 2–3 лет. В предроговой части лобных костей имеются небольшие вздутия, что вместе с общей изящностью формы строения костных стержней рогов позволяет предположить, что череп принадлежит самке.

Костный стержень правого рога сохранился не полностью (приблизительно на 2/3). В его основании и в области поврежденной терминальной части имеются небольшие отверстия, характерные для следов, оставляемых клыками хищников (вероятнее всего, собаками). В связи с этим невозможно измерить полную длину костного стержня. Левый костный стержень не сохранился, но следов целенаправленного удаления (пиления или отрубания) нет (рис. 4).

Произведены следующие возможные измерения костных стержней рогов козы: обхват у основания — 72 мм; передне-задний диаметр у основания — 28 мм; латеральный диаметр у основания — 20 мм.

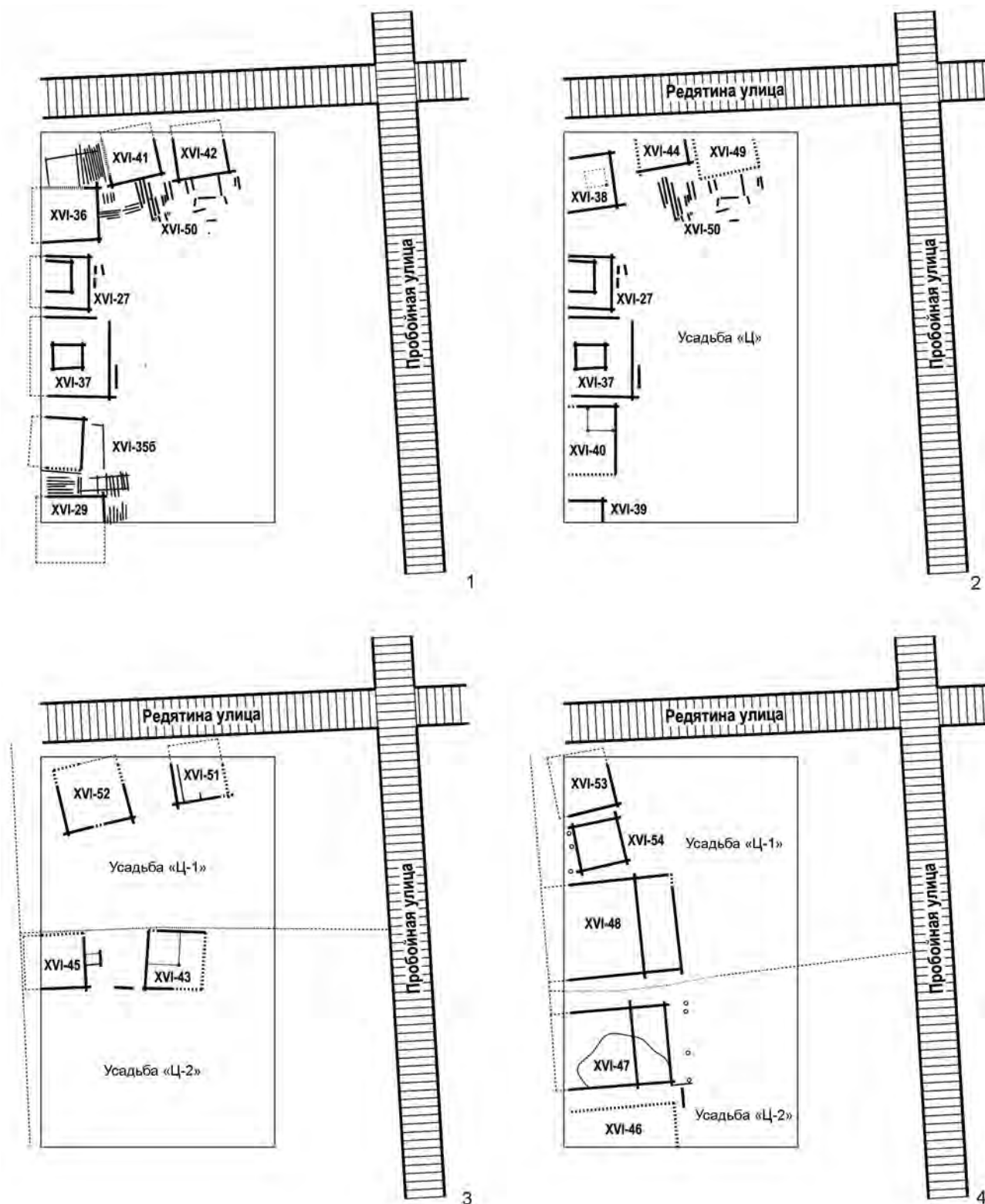

Рис. 3. Ярусы застройки усадьбы «Ц» на Троицком XVI раскопе: 1 — ярус 9 (вторая половина XIII в.); 2 — ярус 10 (середина XIII в.); 3 — ярус 11 (первая половина XIII в.); 4 — ярус 12 (вторая половина XII в.)

Fig. 3. Building layers of the homestead "Ц" in Troitsky XVI excavation site: 1 — layer 9 (2nd half of the 13th cent.); 2 — layer 10 (середина XIII в.); 3 — layer 11 (1st half of the 13th cent.); 4 — layer 12 (2nd half of the 12th cent.)

Рис. 4. Череп козы — строительная жертва из-под сруба XVI-37

Fig. 4. A goat skull — foundation sacrifice under the log XVI-37

В поперечном разрезе стержень имеет овальную форму. Переднее и заднее ребра скругленные. Показатель сплюснутости у основания рога слабый, соответствующий индекс равен 71,4. Загиб рога вертикальный небольшой, наблюдается слабо заметное положительное скручивание.

Сопоставляя полученный результат с опубликованными данными по измерениям костных стержней рогов мелкого рогатого скота средневекового Новгорода (Цалкин, 1956. С. 169), можно

убедиться в том, что значения признаков ниже минимальных для самок.

Отсутствие лицевого отдела черепа и небольшие повреждения костей мозгового отдела не позволяют применить полную морфометрическую программу. Однако для наиболее хорошо сохранившейся затылочной области черепа был сделан ряд измерений: высота большого затылочного отверстия — 19,6 мм; ширина большого затылочного отверстия — 22,4 мм; индекс

большого затылочного отверстия — 87,5 %; высота затылочного треугольника — 48,8 мм; высота затылочного треугольника (без большого затылочного отверстия) — 29,2 мм; межмышцелковая ширина — 51,7 мм; толщина затылочного мышцелка — 17,1 мм. Полученные данные будут полезны при дальнейших исследованиях в области сравнительной морфологии средневековых и современных пород домашних животных.

Интерпретация

Находка с Троицкого XVI раскопа позволяет существенно расширить представления об обряде строительного приклада в средневековом Новгороде. Использование в этом качестве черепа козы в местной традиции встречается впервые. Однако при рассмотрении более широкой географии находок можно отметить, что коза в качестве строительного приклада фиксируется в обрядовой практике других европейских народов. Так, археологические исследования в Риге показывают, что череп козы фигурирует в качестве строительной жертвы примерно в 7 % случаев фиксации этого обряда (Сапе, 1995. S. 34, 35). При этом сам средневековый ритуал строительной жертвы в целом идентичен новгородскому, где основным типом жертвенного приклада являлся череп коня. Согласно этнографическим свидетельствам, использование козы в качестве строительной жертвы фиксируется у северогерманских народов (Зеленин, 1937. С. 25). Византийский номоканон (свод церковных правил) предписывает при возведении здания заменять человеческую жертву закладкой под фундамент кабана, быка или козла (Там же. С. 12). Это указывает на то, что, с одной стороны, церковь смирилась с самим существованием языческого обряда, запрещая лишь человеческие жертвоприношения, а с другой — что перечисленные животные, которыми она призывает их заменить, вероятно, также традиционно использовались для строительных прикладов.

Использование в качестве жертвы черепа козы хорошо согласуется и со значением этого животного в восточнославянской языческой традиции, выводя на первый план благопожелательное значение жертвы. В календарной обрядности различных славянских народов коза связана с аграрной магией, направленной на богатый урожай. Наиболее ярко эта семантика проявляется в восточнославянском рождественском обряде «вождения козы», когда колядующие водили по дворам ряженую козу или носили изображающую ее куклу. Центральной частью обряда являлась песня

со словами «где коза ходит, там жито родит», «где коза рогом, там жито стогом», а в ритуальном танце основным моментом было умирание и воскрешение козы. С тем же мотивом урожая связан и образ козы в жатвенной обрядности, где так называли венок из колосьев, свитый после окончания жатвы, или колосья, оставленные в поле при дожинках (Славянские древности, 1999. С. 522, 523). С приходом христианства семантика козы (козла) принимает негативный оттенок, коза выступает как животное, связанное с дьяволом, созданное им и даже выступающее его ипостасью. Но благопожелательное значение этого животного, безусловно, превалирует и в христианское время, приобретая новые черты. Животное, связанное с нечистой силой, как и части его тела, мясо или молоко выступают оберегом для других домашних животных от той же нечистой силы, ведьм, порчи и сглаза. Так, по украинскому поверью коза в хлеву или на выгоне не позволяла ведьме приблизиться к скоту, а в Костромской губернии голову козы вешали во дворе при эпизоотии (Там же. С. 524). Такая семантика козы, сочетающая элементы благопожелательной и отгонной магии, определяла возможность использования ее в качестве строительного приклада, хотя и намного менее популярного, чем конь. Это семантическое единство подтверждается и тем, что и в аграрной магии, и в строительном прикладе фигурирует именно женская особь (коза), а не козел, символика которого носила скорее эротический и репродуцирующий характер.

Следует отметить и возможную связь выбора жертвенного животного с назначением постройки XVI-37, под которую оно было заложено. Как упоминалось, сруб занимал центральное положение в ряду хозяйственных построек усадьбы, а расположение печи в центре и ее размеры при отсутствии следов производства указывают на то, что сооружение предназначалось для приготовления пищи, в том числе, вероятно, для выпечки хлеба. Связь козы с благопожелательной аграрной магией, призванной обеспечить богатый урожай зерна, и ее семантика как оберега других сельскохозяйственных животных, несомненно, отвечали назначению строительной жертвы под сооружением, где выпекался хлеб и готовилась пища. А мотив умирания/воскрешения в рождественском обряде «вождения козы» также семантически связан с одним из значений строительной жертвы, где душа жертвенного животного возрождалась в качестве духа-хранителя сооружения.

Интересен контекст, связанный с владельцами усадеб Людина конца к югу от перекрестка Пробойной и Редятиной улиц в первой половине — середине XIII в., в момент возведения сруба XVI-37 и закладки под него строительной жертвы. Стратиграфическая ситуация показывает, что сруб XVI-37 является самым ранним из аналогичных сооружений, возводимых в течение почти двух столетий на одном и том же месте и имевших одно и то же хозяйственное назначение. Постройка первоначального сооружения происходит на месте, бывшем короткое время в запустении, и сопровождается изменением границ усадеб и полной перепланировкой территории. Иными словами, мы имеем дело не просто со сменой владельцев, но с приходом их на усадьбы, которые некоторое время стояли в запустении и, возможно, были выморочными. Застройка яруса, к которому относится сооружение XVI-37, была для новых хозяев первоначальной, а позже их потомки остаются на данной территории почти два столетия, о чем говорит неизменность планировки усадьбы в более поздних ярусах.

В археологически зафиксированных языческих обрядах средневековых новгородцев существует целый комплекс ритуалов, связанных с первопоселенцами (Седов, 1956; Тянина, 2012). Однако здесь мы имеем дело не с первоначальным освоением пространства, а с новыми хозяевами усадьбы, существовавшей прежде, но опустевшей на некоторое время. Обрядность, связанная с переселением на новое место, в целом сходна с обрядами первопоселенцев, хотя и имеет некоторые семантические отличия. Любая смена места жительства, даже если люди приходили на уже освоенное другими людьми пространство, означала разрушение сакральных границ жилища, которые необходимо было восстановить на новом месте. Строительная жертва являлась одним из таких необходимых ритуалов в магии новоселов, наряду с символическим перенесением сакральных изображений, углей и золы из старого очага и других значимых культовых предметов, освяще-

нием нового жилища, охранительными обрядами границы территории.

Остеологическое исследование черепа козы, использованного в качестве строительного приклада, позволяет сделать некоторые предположения о деталях ритуала. Использование именно черепа, а не головы животного предполагает, что жертвоприношение делалось спустя некоторое время после смерти животного, когда от его останков сохранились только кости. Как уже упоминалось, череп в какой-то момент подвергся воздействию собачьих зубов, то есть находился в месте, где был доступен хищникам, а лишь потом использован в качестве строительного приклада. Кроме того, для тех, кто совершал ритуал с черепом козы, имеющиеся на нем утраты, вероятно, не играли существенной роли и не снижали его значения как объекта симпатической магии. Возможно также, что речь шла о животном, прежде убитом и съеденном на ритуальной трапезе, также являвшейся частью магии новоселов.

Находка с Троицкого XVI раскопа указывает, с одной стороны, на существование большего разнообразия животных, использовавшихся для жертвоприношения при закладке постройки, с другой — подтверждает устойчивость самой ритуальной практики. Строительный приклад с черепом козы по способу совершения обряда ничем не отличается от зафиксированных ранее случаев с черепами коней: это и использование черепа, а не головы, и установка на шейное основание, и характерная для данного периода закладка непосредственно под венец. Но следует отметить, что использование козы как жертвенного животного указывает на более сложную семантику строительной жертвы у новгородцев. Если жертвенный конь при возведении жилого сруба становился духом-хранителем дома, то жертвенная коза под стеной хозяйственного сооружения, связанного с приготовлением пищи (особенно если оно использовалось для выпечки хлеба), предполагала еще и благопожелательное и, возможно, отгонное семантическое значение строительного приклада.

Засурцев, 1963 — Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Жилища древнего Новгорода / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (Труды Новгородской археологической экспедиции; Т. 4. МИА; № 123). С. 5–165.

Зеленин, 1937 — Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 78 с.

Зиновьев, 2009 — Зиновьев А. В. Обзор археозоологического материала, полученного из раскопа «Десятинный-1» в Великом Новгороде в 2008 году // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2009. Вып. 23. С. 189–207.

Зиновьев, 2015 — Зиновьев А. В. Обзор остеологического материала из раскопа Рогатицкий-II 2014 г. (ул. Б. Московская, 30) // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2015. Вып. 29. С. 304–312.

- Лебедева, 2020 — Лебедева О. С. Новые археозоологические данные о Новгороде X–XI вв. // Усадьба X–XI веков в Людином конце средневекового Новгорода (по материалам усадьбы «Ж» Троицкого раскопа). М.: Наука, 2020. С. 32–43.
- Машкин, 1862 — Машкин А. С. Быт крестьян Курской губ. Обоянского уезда // Этнографический сборник. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1862. Вып. V. С. 1–119.
- Медведев, 1978 — Медведев А. Ф. Усадьбы ростовщика и ювелира в Старой Руссе // Археологические открытия 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 23.
- Миронова, 1967 — Миронова В. Г. Языческое жертвоприношение в Новгороде // СА. 1967. № 1. С. 215–227.
- Рябинин, 1985 — Рябинин Е. А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.: Наука, 1985. С. 27–75.
- Рябинин, 1994 — Рябинин Е. А. У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общепольских связей в предкингсскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада: Сб. ст. / Под ред. В. М. Массона, Е. Н. Носова. СПб.: ИИМК РАН, 1994. С. 50–59.
- Седов, 1956 — Седов В. В. Языческая братчина в средневековом Новгороде // КСИИМК. 1956. Вып. 65. С. 138–141.
- Седов, 1957 — Седов В. В. К вопросу о жертвоприношениях в Древнем Новгороде // КСИИМК. 1957. Вып. 68. С. 20–30.
- Седова, 1978 — Седова М. В. Ярополч Залесский. М.: Наука, 1978. 158 с.
- Седова, 1997 — Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир, 1997. 286 с.
- Славянские древности, 1999 — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. II. М.: Международные отношения, 1999. 680 с.
- Смирнов, 1951 — Смирнов А. П. Волжские булгары. М.: ГИМ, 1951. 277 с.
- Торопова и др., 2001 — Торопова Е. В., Антропова Я. В., Журинов И. Г., Торопов С. Е. Старая Русса: археологические исследования на Борисоглебском раскопе в 2000 г. (результаты и перспективы) // ННЗИА. Великий Новгород: НМЗ, 2001. Вып. 15. С. 16–19.
- Тянина, 2012 — Тянина Е. А. Магия освоения пространства. Обряды первопоселенцев в Новгороде // Родина. 2012. № 12. С. 73–75.
- Усадьба X–XI вв..., 2020 — Усадьба X–XI вв. в Людином конце средневекового Новгорода (по материалам усадьбы «Ж» Троицкого раскопа) / Отв. ред. В. К. Сингх, В. В. Новиков. М.: Наука, 2020. 112 с.
- Цалкин, 1956 — Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. По данным изучения костных остатков из раскопок археологических памятников лесной полосы Европейской части СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА СССР; № 51). 185 с.
- Цалкин, 1970 — Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.: Наука, 1970 (МИА; № 161). 280 с.
- Яворская, 2017 — Яворская Л. В. Археозоологические материалы Кремлёвского раскопа-I // Новгородский детинец и Владычный двор в XI–XV вв. / Отв. ред.-сост. М. А. Родионова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 215–218.
- Caune, 1995 — Caune A. Archäologische Zeugnisse von den heidnischen Volksglauben in Riga während des 12–13 Jahrhunderts // Światowit. 1995. Vol. XL. S. 26–42.

A “foundation sacrifice” of the middle 13th cent. in the homestead “Ц” of the Troitsky excavation site (new data on the rites of medieval Novgorodians)

E. A. Tyanina, V. K. Singh, O. S. Lebedeva, I. A. Voronkov, N. N. Spasskaya³

Keywords: medieval Novgorod, Lyudin End, Troitsky excavation site, foundation sacrifice, pagan rite, complex analysis

In 2021, a goat skull, lying on its neck, was discovered in a mid-13th cent. layer at the Troitsky XVI excavation site in the “Ц” homestead, beneath the southeastern corner of structure XVI-37, tiers 9 and 10. The find was identified as a foundation offering or *prikklad* — one of the remnants of pagan rites repeatedly recorded in Novgorod.

³ Elena A. Tyanina, Victor K. Singh, Olga S. Lebedeva, Ilya A. Voronkov, Natalia N. Spasskaya — Lomonosov Moscow State University, Moscow; e-mail: vyla@yandex.ru, arxeolog@gmail.com, lebols@mail.ru, ilvoatar@gmail.com, equusnns@mail.ru.

Structure XVI-37 is a four-walled log building with a large rectangular stove in the center. This placement of the stove is unusual for residential buildings, and no traces of industrial activity were found here. Most likely, the log was an outbuilding, like a cookhouse, with an oven for cooking or baking bread. Construction offerings placed beneath outbuildings have been found in Novgorod before. As the stratigraphic situation shows, the development of levels 9–10 contrasts sharply with the complexes of the preceding development period (level 11), which is characterized by poorly preserved wood and the degradation of wood chips to the level of decay, indicating a period of abandonment in the first half of the 13th cen. The construction of levels 9–10, including log structure XVI-37, under which the sacrifice was made, occurred after a brief hiatus and was accompanied by a complete change in layout and, most likely, ownership. Thus, the foundation sacrifice under the log structure was likely part of the new settlers' magic.

As osteological research has shown, the sacrifice was a young animal (approximately 2–3 years old), whose skull had been exposed to predators for some time before being sacrificed.

Before this discovery only one type of foundation sacrifice had been recorded in Novgorod: the placement of horse skulls under the walls and corners of log buildings. The use of goat skulls as construction implements is the first recorded example in medieval Novgorod, although similar cases have been documented by archaeologists and ethnographers among other European peoples. However, the sacrifice of goat skulls during construction is consistent with the significance of this animal in East Slavic pagan tradition, highlighting the auspicious significance of the sacrifice. In the calendar rituals of various Slavic peoples, the goat symbolizes a bountiful harvest.

The find from the Troitsky XVI excavation site indicates not only a greater variety of animal choices for the foundation sacrificial but also a more complex semantics of this rite among Novgorodians.

Стеклоделательная мастерская XII — начала XIII в. в Смоленске¹

Е. К. Столярова, И. Н. Ершов, Н. А. Кренке, В. А. Раева, Д. Роганова²

Аннотация. Статья посвящена обнаруженной в 2018 г. в ходе работ экспедиции ИА РАН в Смоленске стеклоделательной мастерской древнерусского времени. Значение данного открытия обусловлено тем, что география известных к настоящему времени стекольных мастерских на Руси ограничена южнорусскими землями.

Ключевые слова: Древняя Русь, Смоленск; домонгольский период; стеклоделие; стекольные мастерские.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-92-106

В 2018 г. в Смоленске экспедицией Института археологии РАН были проведены раскопки на площади 570 кв. м на участке, расположенном на правом берегу р. Днепр, в 250 м от берега реки (рис. 1, 1). С запада участок практически вплотную примыкает к ручью Городянка, ныне заключенному в трубу. В 250 м к северу от раскопа находится церковь Петра и Павла середины XII в. Участок находится в той части города, которая до XV в. называлась Городенским концом или Заднепровским посадом.

Наиболее значимым научным результатом этих раскопок явилось обнаружение следов деятельности стеклоделательной мастерской древнерусского времени. Это особенно важно, так как ранее ни в Смоленске, ни в других городах Север-

ной Руси подобных находок не было. Предварительные результаты публиковались ранее (Кренке и др., 2019), в настоящей статье предлагается подробный разбор находок, связанных со стеклоделием, приведены результаты химических анализов.

Отложения культурного слоя на исследованном участке оказались маломощными — не более 0,5 м. В верхней части находился слой XVIII–XX вв. Под ним сохранился местами нарушенный слой XII–XIII вв. Основная масса древних находок концентрировалась в материковых ямах хозяйственного назначения и подпольях жилых построек. Датировка этих ям XII — началом XIII в. не вызывает сомнения. В них было найдено более 6000 фрагментов типичной древнерусской керамики, а также другие предметы обихода того времени.

Среди изученных ям и подполий особо выделяются два объекта. Первый — это огромный по своим габаритам погреб (яма 53) размером 5,5 × 5,5 м и глубиной около 2,5 м (рис. 1, 2). Погреб был укреплен по углам мощными столбами-опорами, а вдоль стен находились ряды менее толстых бревен, стоявших вертикально вплотную друг к другу. На полу был обнаружен глиняный светильник киевского типа. Судя по находкам керамики и вещей, погреб был выкопан примерно в середине — второй половине XII в. и просуществовал недолго, затем его деревянная конструкция была разобрана, а сама яма засыпана культурным слоем этого же времени.

Среди многочисленных находок в этой засыпке особое внимание привлекали: множественные обломки кирпичей без следов строительного раствора, частью с толстым слоем прикипевшей

¹ Кренке Н. А. работа выполнена по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0011).

² Столярова Е. К. — МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; e-mail: kath.stoliarova@gmail.com. Ершов И. Н. — Институт археологии РАН, Москва; e-mail: ershovin@yandex.ru. Кренке Н. А. — Институт географии РАН, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: nkrenke@mail.ru. Раева В. А. — независимый исследователь; e-mail: veragaeva@mail.ru. Роганова Д. (Rohanova Dana) — Химико-технологический университет, Прага, Чешская Республика; e-mail: Dana.Rohanova@vscht.cz.

© Столярова Е. К., Ершов И. Н., Кренке Н. А., Раева В. А., Роганова Д., 2025

стекловидной массы, частью закопченные с одной стороны; куски прокаленной глиняной обмазки с прикипевшей к ним стекловидной массой, некоторые с отпечатками досок и прутьев с тыльной стороны; многочисленные камни, большей частью горелые; обломки керамических сосудов со слоями стекла на их поверхностях; фрагменты стеклянных сосудов, оконниц, браслетов, бусин.

Наибольшая концентрация находок в виде фрагментов прокаленной глиняной обмазки и ошлакованных кирпичей с прикипевшей к ним стекловидной массой, керамических сосудов со слоями стекла на их поверхности, кусков стекла и обломков стеклянных изделий была обнаружена при исследовании другого, но уже небольшого погребка (яма 61; рис. 1, 3–5). Верх заполнения этой ямы был перекрыт развалом большого древнерусского горшка, что не позволяет сомневаться в датировке находок из нижней части заполнения ямы XII — началом XIII в.

Единичные фрагменты стеклянных изделий, стенок горшков с прикипевшей стекловидной массой были встречены также в ямах 4, 18, 27, 52, 58 (рис. 1, 2).

Все эти артефакты свидетельствуют о существовании вблизи исследованного участка уникальной для домонгольского периода Смоленска и всей Северной Руси мастерской по производству стекла. Комплекс предметов, связанных с мастерской, несомненно, хронологически един и может быть отнесен к XII — первой трети XIII в. Находки можно разделить на несколько групп, среди которых остатки огнеупоров, отходы стекловарения и стеклоделательного производства, бракованные изделия.

Остатки огнеупоров

Фрагменты печных конструкций (рис. 2, 2, 3, 7)

Обнаружены фрагменты кирпичей (плинфы) и плиток со стекловидным покрытием серо-голубого (рис. 2, 3), оливкового, красно-коричневого (рис. 2, 2), черного цветов. В некоторых случаях цвет неоднороден, например, наблюдаются разные оттенки коричневого. Толщина покрытий — меньше 0,10 см (от 0,05 до 0,08 см), что указывает на ошлакованность поверхности при нахождении в высокой температурной среде. Кроме того, зафиксированы куски прокаленной глины также с ошлакованной поверхностью, закопченные или с прикипевшим толстым слоем стекла, и горелые камни. Вероятно, все это являлось конструктивными элементами каких-то печных сооружений, возможно, кирпичной печи для варки стекла.

Стекловаренные горшки (рис. 2, 1, 4–6; 3; 4)

Обнаружено 18 фрагментов горшков. Большинство представлено обломками стенок сосудов (12 экз.; рис. 2, 5; 3, 2–6; 4, 1–3), есть фрагменты нижних частей сосудов (тулова и донца) — 4 экз. (рис. 2, 4, 6; 4, 4), одного донца (рис. 2, 1) и одного венчика (рис. 3, 1). На них имеется стекловидное покрытие, в основном зафиксированное и снаружи, и внутри сосуда (9 экз.; рис. 4), для шести фрагментов — только внутри (рис. 3), для трех — только снаружи (рис. 2, 5, 6).

Внутренний покров чаще всего сине-зеленого цвета (4 экз.) толщиной от 0,09 до 0,25 см (рис. 2, 4; 3, 1, 4, 5). По два раза встречены слои фиолетового (толщиной 0,14 и 0,32 см; рис. 2, 1; 3, 6) и оливкового (толщиной 0,04 и 0,05 см; рис. 3, 2; 4, 3) цветов. По одному — коричневого (0,03 см), серого (0,06 см; рис. 4, 2) и черного (0,09–0,24 см). Один фрагмент имеет двухслойное покрытие — верхний слой оливковый, под ним красно-коричневый, толщина 0,04–0,28 см (рис. 3, 3). Для трех фрагментов цвет стекловидной массы не определен, толщина составляет от 0,10 до 0,27 см (рис. 4, 1, 4). Эти слои стекла не могут являться глазурью, так как они довольно толстые, что нехарактерно для керамических глазурей, и имеют цвета, в основном отличные от цветов глазурей, которыми обычно покрывали керамические изделия на Руси. Предположительно это остатки стекломассы, которая варилась в этих горшках.

Наружное покрытие чаще всего оливкового цвета (5 экз.), его толщина 0,04–0,08 см (рис. 2, 5; 4, 1, 3), у двух фрагментов — сине-зеленого (толщиной 0,05–0,08 см; рис. 2, 4, 6), у одного — коричневого (толщиной 0,05 см). У трех фрагментов цвет обливки неоднородный: коричневый и черный (толщиной 0,06 см), коричневый и сине-зеленый (толщиной 0,01 см; рис. 4, 4), красно-коричневый и оливковый (толщиной 0,06 см; рис. 2, 1). У одного фрагмента фиксируется двухслойное покрытие — под сине-зеленым желтое (толщина 0,09–0,25 см; рис. 4, 2). Небольшая толщина наружной стекловидной массы (менее 0,1 см) указывает на то, что она является результатом ошлакованности керамических поверхностей под воздействием высокой температуры.

Отходы стекловарения

Эрклёз (рис. 5; 6)

Находки в виде бесформенных кусков стекла разных размера и цвета, мы полагаем, являлись отходами стекловарения. Это так называемое невыработанное стекло, или эрклёз, — стекло,

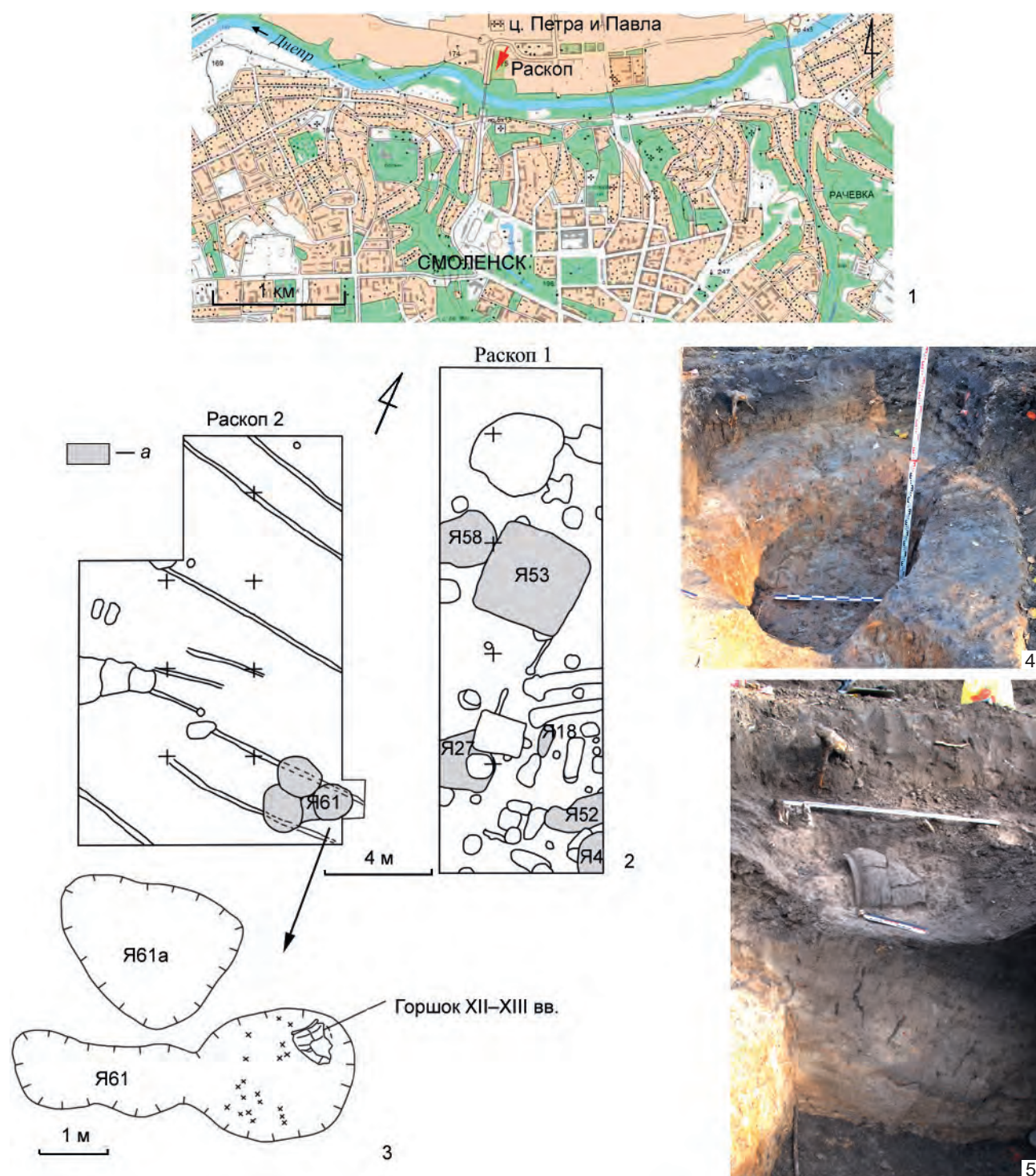

Рис. 1. Смоленск. Раскоп 2018 г., где была найдена стекольная мастерская XII–XIII вв.: 1 — место раскопа; 2 — планы раскопов 1 и 2 с контурами ям и канавок (а — ямы с отходами стекольного производства); 3 — план ямы 61 с наибольшим количеством отходов стекольного производства (х); 4, 5 — фото ямы 61 на разных стадиях разборки ее заполнения

Fig. 1. Smolensk. Excavation area of the year 2018, where the glass-making workshop of the 12th–13th cent. was found: 1 — excavation area's place; 2 — layouts of the excavation areas 1 and 2 with pits' and grooves' outlines (a — pits with the waste of glass melting); 3 — layout of the pit 61 with the biggest amount of the waste of glass melting (x); 4, 5 — photo of the pit 61 in different stages of its infilling's stripping

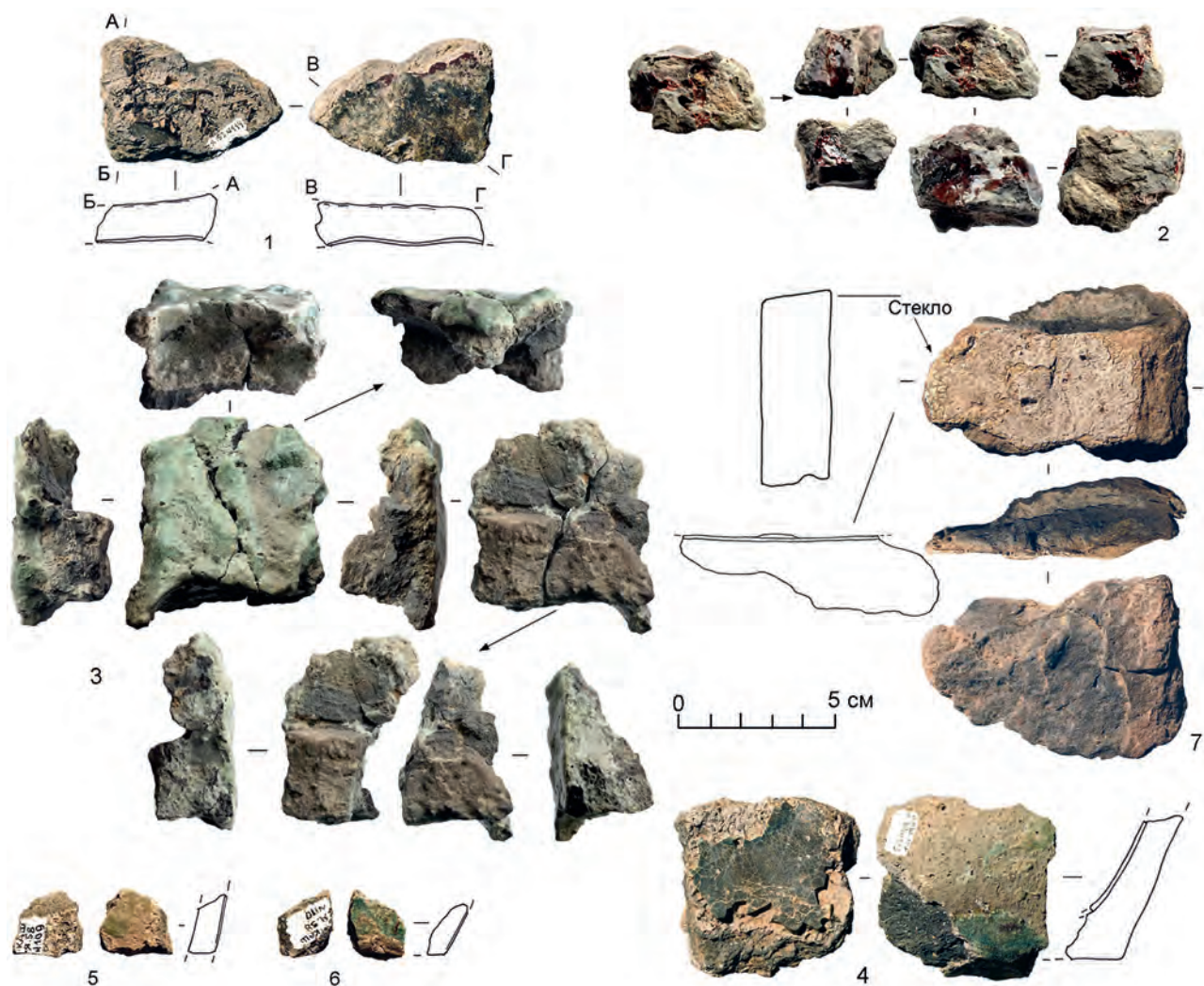

Рис. 2. Фрагменты печных конструкций (2, 3, 7) и стекловаренных горшков (1, 4-6): 1 — Р-1, яма 53, № 114; 2 — Р-2, яма 616, № 240; 3 — Р-2, яма 616, № 239; 4 — Р-1, яма 53, № 113; 5 — Р-1, яма 58, № 109; 6 — Р-1, яма 58, № 110; 7 — Р-1, яма 53, № 146

Fig. 2. Fragments of kiln constructions (2, 3, 7) and glass-melting pots (1, 4-6): 1 — Р-1, pit 53, No. 114; 2 — Р-2, pit 616, No. 240; 3 — Р-2, pit 616, No. 239; 4 — Р-1, pit 53, No. 113; 5 — Р-1, pit 58, No. 109; 6 — Р-1, pit 58, No. 110; 7 — Р-1, pit 53, No. 146

застывшее в горшке, печи или на трубке, из которого мастер не успел выработать изделия. Застывшую стекломассу разбивали механическим способом, в результате чего получались куски неправильной формы.

Обнаружено 17 таких находок. Чаще всего они имеют неправильную форму. Однако в некоторых случаях зафиксированы образцы с совершенно плоскими (рис. 5, 1, 2) или выпуклыми (рис. 6, 5) поверхностями, а также в виде полукруглых выступов (рис. 5, 4, 6). На одном (рис. 5, 4) видны следы накладных и сбитых нитей стекла.

Большая часть находок — желтого цвета (8 экз.; рис. 5, 1, 5, 8, 10, 11; 6, 2, 3, 7), кроме того, есть кусочки фиолетового (3 экз.; рис. 5, 4, 7; 6, 4), сине-зеленого (2 экз.; рис. 5, 6, 9), синего (1 экз.; рис. 5, 3), бирюзового (1 экз.; рис. 6, 5), коричневого (1 экз.; рис. 5, 2) и бежевого (1 экз.; рис. 6, 6) цветов. Одна находка состоит из двух слоев стекла — бирюзового и желтого (рис. 6, 5). Пять имеют неоднородную окраску, у них присутствуют вкрапления белого цвета пузырчатой структуры, что, возможно, указывает на то, что они являются так называемой хальмозой — пеной, образующейся при варке стекла (рис. 5, 2, 5, 8; 6, 2, 3). На одной

Рис. 3. Фрагменты стекловаренных горшков: 1 — Р-2, яма 61, № 172; 2 — Р-2, яма 61, № 204; 3 — Р-2, яма 61, № 200; 4 — Р-1, яма 53, № 112; 5 — Р-1, яма 18, № 111; 6 — Р-2, яма 616, № 241

Fig. 3. Fragments of glass-melting pots: 1 — Р-2, pit 61, No. 172; 2 — Р-2, pit 61, No. 204; 3 — Р-2, pit 61, No. 200; 4 — Р-1, pit 53, No. 112; 5 — Р-1, pit 18, No. 111; 6 — Р-2, pit 616, No. 241

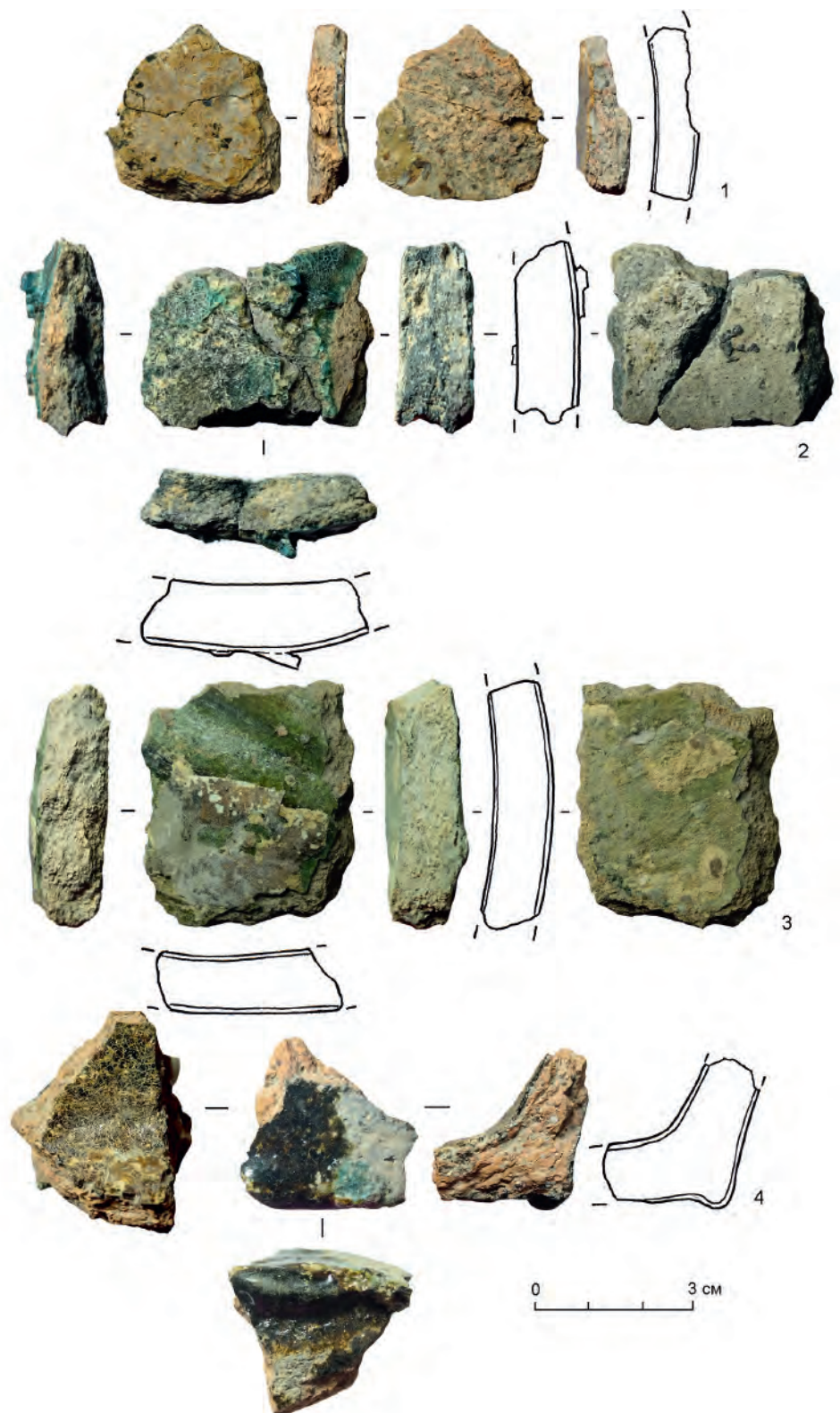

Рис. 4. Фрагменты горшков для варки стекла: 1 — Р-2, яма 61, № 203; 2 — Р-2, яма 61, № 199; 3 — Р-2, яма 61, № 202; 4 — Р-2, яма 61, № 189

Fig. 4. Fragments of pots for glass melting: 1 — Р-2, pit 61, No. 203; 2 — Р-2, pit 61, No. 199; 3 — Р-2, pit 61, No. 202; 4 — Р-2, pit 61, No. 189

зафиксирован еще и слой глиняной обмазки (рис. 6, 2). Пять имеют следы прилипших огнеупоров — горшков или пода печи (рис. 5, 1, 6, 10; 6, 4, 5). Еще у одного куса стекло синего цвета перемежается с черными слоями нестекловидной структуры (рис. 5, 3).

Проба стекломассы (рис. 6, 1)

Находка в виде длинной капли — это так называемая слезка, проба стекла, вытянутая из горшка для определения степени проварки стекломассы. Она из бледно-желтого стекла, имеет изогнутую сходящуюся форму, в поперечном сечении — ребристый овал неправильной формы. Длина образца 4 см, ширина — 0,25–0,80 см, толщина — 0,17–0,46 см.

Отходы стеклоделательного производства и брак

По нашему мнению, среди находок мастерской нет готовой продукции, а присутствуют лишь отходы производства и брак. Мы предполагаем, что основной специализацией мастерской было изготовление оконных/витражных стекол. Это подтверждается совпадением цветовой гаммы отходов производства и брака (см. далее), стекломассы на фрагментах кирпичей и стекловаренных горшков. Найденные в ходе раскопок в большом количестве фрагменты браслетов и сосудов, а также бусы не связаны с работой мастерской. Возможно, из остатков производившейся в мастерской стекломассы и могли изготавливаться какие-то изделия, но это, скорее всего, может касаться только бус. А браслеты всегда в большом количестве содержатся в домонгольских слоях городов Руси.

Отходы производства (рис. 7; 8)

К отходам мы отнесли фрагменты плоских круглых стекол, выполненных лунным способом, из которых были вырезаны оконные/витражные стекла геометрических форм. Для этого использовалась средняя часть круга, а края с кромкой шли в отходы. Таких фрагментов обнаружено 11 (рис. 7, 2, 4–6; 8, 7, 9–11). Диаметры оконниц определены у восьми экземпляров, они составляют 14 см (3 экз.), 14,5 см (2 экз.), 18 см (1 экз.), 21 см (1 экз.) и 22,5 см (1 экз.). Толщина плоскостей варьирует от 0,08 до 0,32 см, чаще всего встречены размеры 0,15–0,32 см. Длина кромки колеблется от 0,65 до 1,30 см; можно выделить фрагменты с кромкой до 1 см (4 экз.) и более 1 см (5 экз.) (у двух этот параметр не определен). Толщина кромки варьирует от 0,20 до 0,42 см, чаще всего — 0,30–0,40 см. Среди находок имеются стекла синезеленого (4 экз.; рис. 7, 6; 8, 10), бледно-желтого

(3 экз.; рис. 7, 2, 4, 5), коричневого (3 экз.; рис. 8, 9, 11) и фиолетового (1 экз.; рис. 8, 7) цветов.

Брак (рис. 7; 8)

Десять находок (рис. 7, 1, 3, 7; 8, 1–6, 8) можно отнести к бракованным изделиям. Это вырезанные из круглых стекол витражи, которые были забракованы, вероятно, в связи с тем, что их форма была неправильной или не соответствовала задуманной. На краях некоторых из них (4 экз.; рис. 8, 1, 3–5) зафиксированы следы вырезания в виде ретуши, что указывает на то, что эти стекла были не разбиты, а именно вырезаны. Среди них отмечены геометрические (9 экз.; рис. 7, 1, 3; 8, 1–6, 8) и фигурные (1 экз.; рис. 7, 7) формы. В числе геометрических большинство — прямоугольные (6 экз.; рис. 7, 1; 8, 1–3, 6, 8), из них два фрагмента неправильной формы коричневого цвета (рис. 8, 1, 3), три — со срезанными углами желтого (рис. 7, 1), коричневого (рис. 8, 2) и зеленого (рис. 8, 8) цветов, один — с закругленным углом синезеленого цвета (рис. 8, 6); два — ромбические (рис. 7, 3; 8, 4), один синезеленого цвета (рис. 8, 4), другой с закругленным углом желтого цвета (рис. 7, 3); один — треугольный с выпуклыми и вогнутой сторонами желтого цвета (рис. 8, 5).

Химический состав стекол

Изучение химического состава обнаруженных стекол было проведено Д. Рогановой на кафедре стекла и керамики факультета химической технологии Химико-технологического университета в Праге методом энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии на растровом электронном микроскопе (табл.). Было изучено 17 образцов, среди которых эрклёз (7 образцов, табл., A1, A3, A4, A6, A7, A13, A14; рис. 5, 4, 7–9; 6, 2, 5, 7); проба стекломассы (1 образец, табл., A15; рис. 6, 1); натеки на керамике (3 образца, табл., A9, A10, A12; рис. 2, 1; 3, 4, 5); фрагменты стеклянного сосуда (1 образец, табл., A8), браслета (1 образец, табл., A20), отходов производства (3 образца, табл., A16, A17, A18; рис. 7, 5; 8, 9, 11) и брака (1 образец, табл., A19; рис. 7, 7) бледно-желтого, синезеленого/бирюзового, фиолетового и коричневого цветов. По результатам анализа все образцы могут быть отнесены к классу стекла $K_2O-PbO-SiO_2$. Важно отметить, что количественные показатели основных стеклообразующих элементов (Si, K, Pb) у отходов стекловаренного производства (эрклёза — так называемого невыработанного стекла), производственных отходов и брака одинаковых цветов в большинстве случаев совпадают.

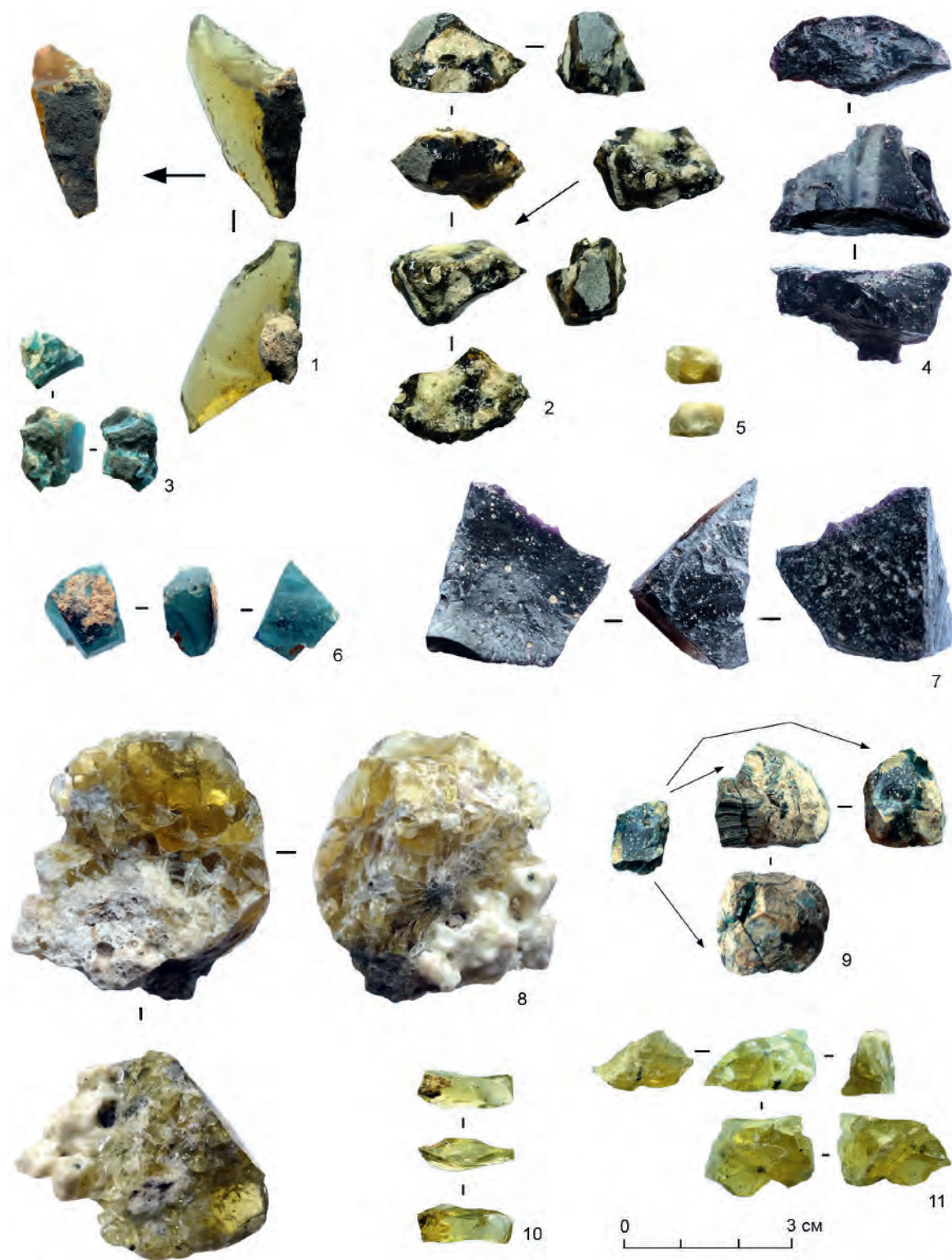

Рис. 5. Отходы стекловарения: 1 — Р-2, яма 61в, № 163; 2 — Р-2, яма 61в, № 222; 3 — Р-2, яма 61, № 181; 4 — Р-2, яма 61в, № 226; 5 — Р-2, яма 61в, № 215; 6 — Р-2, яма 61в, № 219; 7 — Р-2, яма 61, № 173; 8 — Р-2, яма 61в, № 218; 9 — Р-2, яма 61, № 164; 10 — Р-2, яма 61в, № 217; 11 — Р-2, яма 61в, № 233

Fig. 5. Waste of glass melting: 1 — Р-2, pit 61в, No. 163; 2 — Р-2, pit 61в, No. 222; 3 — Р-2, pit 61, No. 181; 4 — Р-2, pit 61в, No. 226; 5 — Р-2, pit 61в, No. 215; 6 — Р-2, pit 61в, No. 219; 7 — Р-2, pit 61, No. 173; 8 — Р-2, pit 61в, No. 218; 9 — Р-2, pit 61, No. 164; 10 — Р-2, pit 61в, No. 217; 11 — Р-2, pit 61в, No. 233

Рис. 6. Отходы стекловарения (2–7) и «слезка» (1): 1 — P-2, яма 61в, № 223; 2 — P-2, яма 61, № 190; 3 — P-2, яма 61, № 180; 4 — P-2, яма 61в, № 212; 5 — P-1, яма 58, № 59; 6 — P-1, яма 52, № 54; 7 — P-1, яма 58, № 64

Fig. 6. Waste of glass melting (2–7) and “tear” — glass test (1): 1 — P-2, pit 61в, No. 223; 2 — P-2, pit 61, No. 190; 3 — P-2, pit 61, No. 180; 4 — P-2, pit 61в, No. 212; 5 — P-1, pit 58, No. 59; 6 — P-1, pit 52, No. 54; 7 — P-1, pit 58, No. 64

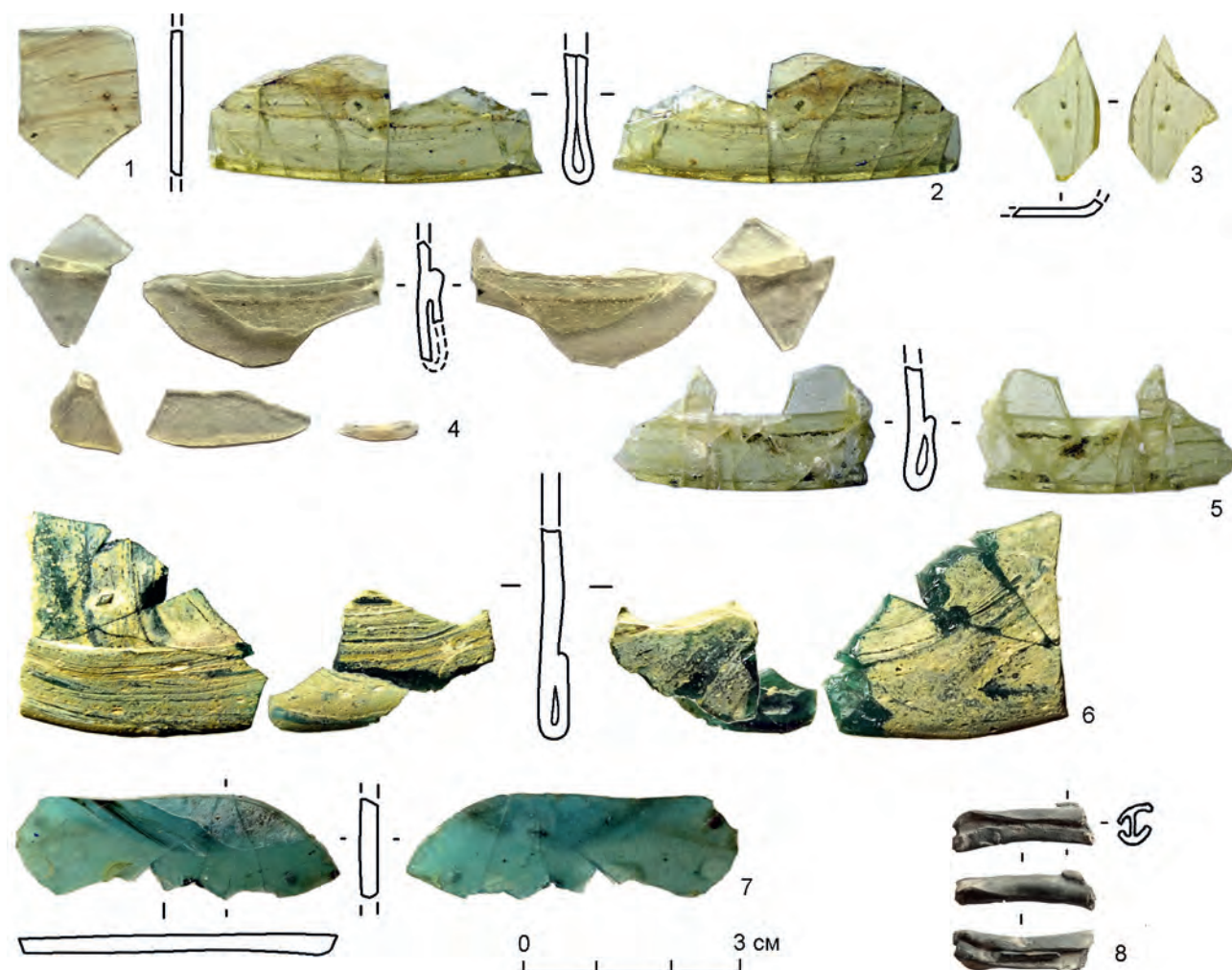

Рис. 7. Отходы и брак от производства оконных и витражных стекол (1–7) и свинцовая рама (8):
1 — Р-2, яма 61, № 166; 2 — Р-2, яма 61в, № 232; 3 — Р-2, яма 61, № 182; 4 — Р-2, яма 61в, № 221;
5 — Р-2, яма 61в, № 225; 6 — Р-2, яма 61в, № 208; 7 — Р-2, яма 61в, № 209; 8 — Р-2, яма 67, № 244

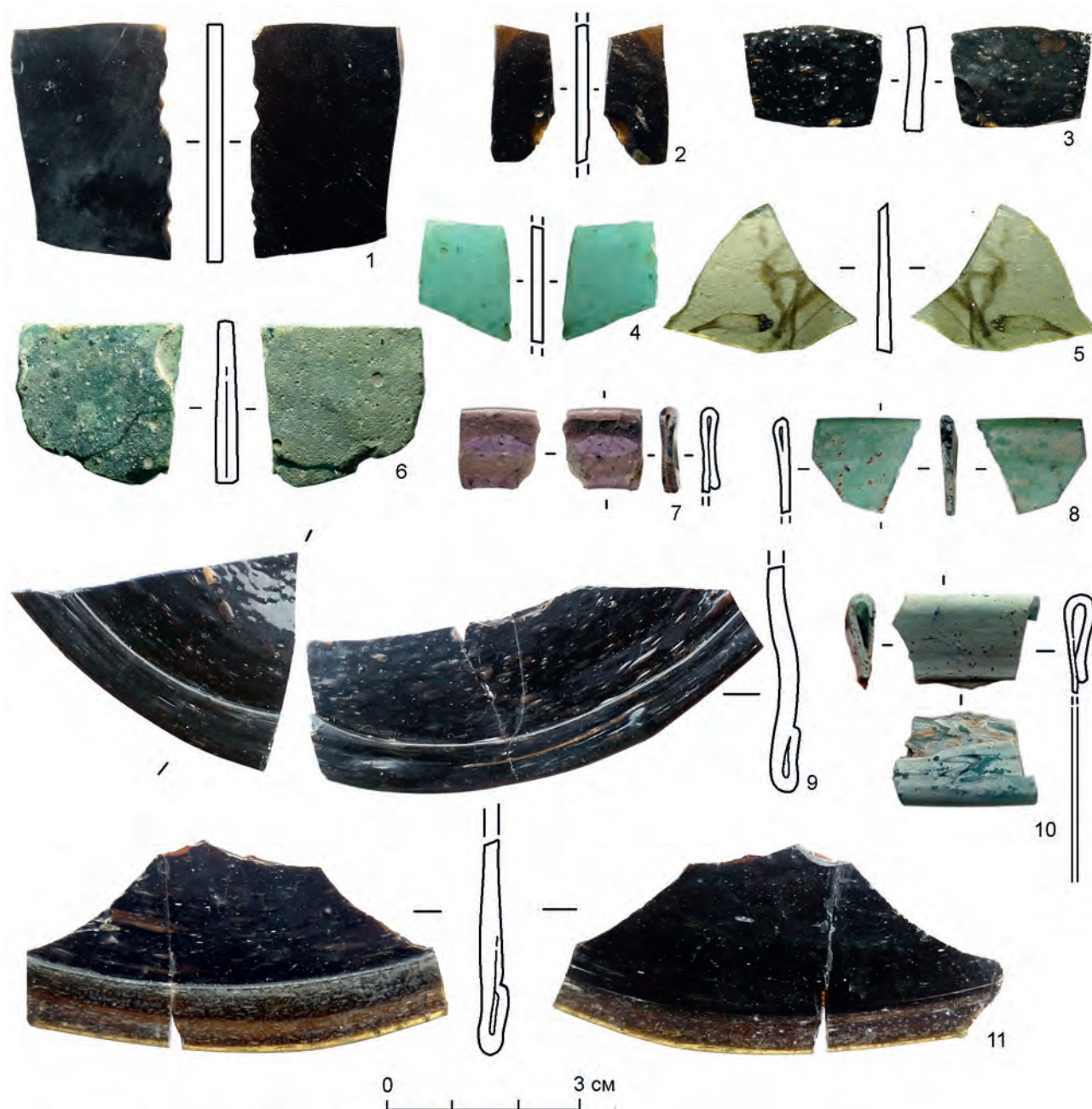
Fig. 7. Waste and spoilage in window-panes and stained glass production (1–7) and lead frame (8):
1 — Р-2, pit 61, No. 166; 2 — Р-2, pit 61в, No. 232; 3 — Р-2, pit 61, No. 182; 4 — Р-2, pit 61в, No. 221;
5 — Р-2, pit 61в, No. 225; 6 — Р-2, pit 61в, No. 208; 7 — Р-2, pit 61в, No. 209; 8 — Р-2, pit 67, No. 244

Состав $K_2O-PbO-SiO_2$ исследователи обычно относят к древнерусскому производству XI–XIII вв. Первым, кто определил этот класс стекла как локальную особенность древнерусских стекол, был М. А. Безбородов (Безбородов, 1956. С. 189, 264). Основанием для этого, по его мнению, послужило множество находок стекол такого состава на территории Древней Руси, в то время как на других территориях, кроме Польши, где они не имели преобладающего значения, такие стекла не были известны (Безбородов, 1969. С. 161). Считалось, что основная масса изделий данного состава производилась в Киеве. Предположительно изготовление калиево-свинцового стекла существовало также в Новгороде, Рязани и Серенске (Щапова, 1972.

С. 119–132, 155–157; Равдина, 1978. С. 79; Журухина, Храмченкова, 2012). В литературе эта школа получила название киевской, или столичной.

Однако в начале XXI в. стекла такого же состава были выявлены в Центральной Европе: Восточной Германии (Mecking, 2013) и Чехии (Занлеталова, Седлачкова, 2015. С. 274, табл. 2). Увеличилось количество находок стекол калиево-свинцового состава и в Западной Польше (Siemianowska et al., 2018). Изучив результаты анализов стекол из Германии, выполненных рентгенофлуоресцентным методом, масс-спектрометрией с индуктивно-связанной плазмой, электронно-микронным анализом, и сравнив их с результатами, полученными М. А. Безбородовым для древнерусских

Рис. 8. Отходы от производства оконных и витражных стекол и брак: 1 — Р-2, яма 61, № 159; 2 — Р-2, яма 61, № 160; 3 — Р-2, яма 61в, № 231; 4 — Р-2, яма 61, № 162; 5 — Р-2, яма 61а, № 183; 6 — Р-2, яма 61, № 161; 7 — Р-1, яма 4, № 77; 8 — Р-1, яма 53, № 87; 9 — Р-2, яма 61в, № 207; 10 — Р-1, яма 52, № 53; 11 — Р-2, яма 61в, № 224

Fig. 8. Waste and spoilage in window-panes and stained glass production: 1 — Р-2, pit 61, No. 159; 2 — Р-2, pit 61, No. 160; 3 — Р-2, pit 61в, No. 231; 4 — Р-2, pit 61, No. 162; 5 — Р-2, pit 61а, No. 183; 6 — Р-2, pit 61, No. 161; 7 — Р-1, pit 4, No. 77; 8 — Р-1, pit 53, No. 87; 9 — Р-2, pit 61в, No. 207; 10 — Р-1, pit 52, No. 53; 11 — Р-2, pit 61в, No. 224

Таблица. Результаты анализа химического состава стекол и стекловидных покрытий
Table. The chemical composition of the analysed glasses and glass-like coatings

№ анализа	Предмет	№ по описи	Цвет	SiO ₂	Al ₂ O ₃	CaO	K ₂ O	Na ₂ O	MnO	FeO	PbO	TiO ₂	CuO
A1	Эрклёз	190	Бледно-желтый	64,08	0,35	–	12,15	–	–	0,20	23,21	–	–
A4	Эрклёз	218	Бледно-желтый	61,13	0,35	–	15,13	–	–	0,30	24,24	–	–
A13	Эрклёз	64	Бледно-желтый	60,39	0,34	0,17	14,59	–	–	0,18	24,32	–	–
A15	Проба	223	Бледно-желтый	46,95	0,39	–	10,72	0,17	–	–	41,83	–	–
A8	Сосуд	78	Бледно-желтый	54,52	0,35	0,93	17,66	–	–	–	26,54	–	–
A18	Отход	225	Бледно-желтый	60,32	0,49	–	15,89	–	–	–	23,24	–	–
A20	Браслет	43	Бледно-желтый	56,47	0,44	0,92	18,28	–	–	–	23,44	–	–
A3	Эрклёз	226	Фиолетовый	48,23	0,45	0,22	11,39	0,18	2,03	–	37,47	–	–
A6	Эрклёз	173	Фиолетовый	48,15	0,50	–	11,22	–	2,20	–	37,75	–	–
A10	Стекл. натек	114	Фиолетовый	45,88	0,53	0,19	9,42	0,27	0,77	0,18	42,90	–	–
A7	Эрклёз	59	Бирюзовый	57,23	–	–	15,32	–	–	0,24	26,63	0,21	0,22
A14	Эрклёз	164	Сине-зеленый	44,21	–	0,27	12,48	–	–	–	40,20	–	2,61
A9	Стекл. натек	111	Сине-зеленый	56,77	0,31	0,36	16,31	0,21	–	–	25,01	–	0,91
A12	Стекл. натек	112	Сине-зеленый	54,99	0,35	0,18	14,94	–	–	–	27,87	–	1,41
A19	Брак	209	Сине-зеленый	55,25	0,42	0,20	14,97	–	–	–	27,65	–	–
A16	Отход	224	Коричневый	44,77	0,40	0,18	9,49	–	–	0,27	44,83	–	0,25
A17	Отход	207	Коричневый	48,87	0,45	0,18	10,93	–	–	–	39,52	–	–

стекла (использовался химико-аналитический метод), О. Мекинг разделил стекла состава K₂O-PbO-SiO₂ на два типа: центральноевропейский и славянский. Согласно О. Мекингу, содержание свинца в первом колеблется от 43,0 до 67,0 % (среднее 52,4 %), содержание калия — от 7,0 до 19,0 % (среднее 9,5 %), во втором содержание оксида свинца варьирует от 5,0 до 37,0 % (среднее 24,9 %), оксида калия — от 3,0 до 15,5 % (среднее 14,4 %) (Mecking, 2013. Р. 652, 654, fig. 4, 6).

Результаты анализов стекол из Смоленска в целом укладываются в границы, указанные для славянского типа, за небольшим исключением: один образец (отход производства витражей коричневого цвета, табл., A16, рис. 8, 11) показал содержание свинца, характерное для центральноевропейского типа, а также еще три пробы (сосуд (табл., A8), браслет из бледно-желтого стекла (табл., A20) и слой сине-зеленого стекла внутри горшка (табл., A9, рис. 3, 5)) могут быть отнесены к этому же типу по содержанию оксида калия. Однако подсчет средних показателей содержания свинца и калия у всех смоленских стекол показал результаты, сравнимые с данными, приведенными О. Мекингом (PbO — 31,6 %; K₂O — 13,6 %). Кроме того, следует иметь в виду, что метод энергодисперсионной рентгеновской спектроскопии, использованный в данном случае, относится к полуквантитативным исследованиям.

Вероятнее всего, устройство мастерской было приурочено к строительству уже упомянутой церкви Петра и Павла, находящейся поблизости. Необходимым этапом возведения храма было остекление оконных проемов, что и была призвана обеспечивать мастерская. Это был княжеский храм, построенный, по одной из версий, по заказу смоленского князя Ростислава Мстиславича (1100/1110–1167), внука Владимира Мономаха. Предположительно здесь, за Днепром, у церкви Петра и Павла находился второй (загородный) княжий двор. Церковь соединялась со вторым этажом княжеского дворца хорами и первоначально была предназначена для обслуживания нужд княжеской семьи. Исследования территорий под храмом и в ближней округе церкви показали, что здесь имеются довольно мощные культурные напластования середины XI — XIII в. с характерными городскими находками.

Понятно, что княжеская церковь украшалась на высочайшем для того времени уровне. Кроме витражей при раскопках в 2018 г. обнаружены фрагменты поливных плиток для пола; фрагменты плинф для возведения стен церкви; обрезки свинцовых пластин с отверстиями от гвоздей, вероятно, являвшихся отходами производства свинцовых листов для покрытия крыши. Возможно, помимо стеклоделательной здесь находились и другие

мастерские, связанные со всем строительным циклом церкви Петра и Павла: изготовлением плинф, плиток для пола и других материалов, используемых при строительстве древнерусских церквей.

Сами по себе находки витражных стекол, пусть и в виде отходов и брака, чрезвычайно важны в связи с вопросом о существовании витражных композиций в Древней Руси. Традиционно считается, что в древнерусском культовом зодчестве витражей не было (Арицховский, 1958. С. 231). Однако только по опубликованным данным одним из авторов была собрана довольно представительная коллекция витражных стекол, основная масса которых относится к периоду XII — первой половины XIII в. (Столярова, Энговатова, 2014). Большинство находок обнаружено при исследовании культовых построек. Оказалось, что витражные стекла украшали архитектурные сооружения 11 городов Руси, большинство которых являлись столицами земель, княжеств или уделов: они встречены в Южной, Западной, Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. На момент публикации в 2014 г. указанной статьи не были известны находки витражных стекол в центральной части Древнерусского государства — в Смоленском княжестве. И вот теперь эта лакуна оказалась заполненной!

Каким образом витражные стекла крепились в оконных проемах? Известно несколько способов соединения стекол. Наиболее ранним был, по-видимому, вариант фиксации в каменных или деревянных досках, вставлявшихся в оконные проемы (Качалов, 1959. С. 174). В них вырезались отверстия разных геометрических форм: круглые, треугольные, ромбические, крестовидные, в которые вставлялись стекла и крепились с помощью замазки. Известно некоторое количество таких рам в виде тесаных досок, дубовых или сосновых, цельных или составных, толщиной около 3 см из новгородских церквей Спаса на Нередице и Петропавловской, собора Рождества Богородицы Антониева монастыря и Георгиевского собора Юрьева монастыря, церкви Св. Георгия в Старой Ладоге и Пятницкой церкви в Чернигове (Гуревич, 1981. С. 123; Раппопорт, 1994. С. 94, 95, рис. 57). Современная реконструкция оконных рам храма Петра и Павла в Смоленске предлагает именно такой вариант. Напомним, что обнаруженные в Смоленске бракованные витражные стекла имели такие же геометрические формы. Рама иной конструкции была обнаружена в соборе Св. Софии в Киеве. Она составлена из дубовых брусков, образующих квадратные ячейки 20 × 20 см в виде трех вертикальных рядов. В брусках рамы были

сделаны специальные выемки, куда вставлялись круглые стекла, закреплявшиеся в них специальным раствором (Висоцкий, 1972. С. 54, рис. 3; Раппопорт, 1994. С. 95).

Другой способ крепления стекол с использованием свинцовых рам приводит Теофил в главах 27 и 29 второй книги своего «Трактата о различных искусствах» (Манускрипт Теофила..., 1963. С. 113, 114). Предварительно в главах 24–26 он описывает способ изготовления самих рам (Там же. С. 111–113). Для этого в железных или деревянных формах отливали небольшие свинцовые стержни, которые затем расплющивали в полосы. Ими обертывали края заранее вырезанных кусков цветных стекол, которые должны были составить задуманный рисунок. Затем стекла выкладывались на ровную поверхность в соответствии с эскизом и плотно прижимались один к другому. Соприкасающиеся свинцовые перемычки спаивались друг с другом с помощью железного паяльника и припоя — сплава олова со свинцом. Швы пропаивались сначала с одной стороны, потом — с другой. Этот способ соединения витражных стекол, называемый в современной литературе свинцово-паечным, появился, по мнению Н. Н. Качалова, не ранее X в. в христианских готических постройках Европы (Качалов, 1959. С. 175) и продолжал использоваться вплоть до начала XX в.³ Похожие обломки свинцовых рамок были найдены при раскопках Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. Они образовывали прямоугольные и треугольные ячейки, куда вставлялись стекла соответствующих форм (Журухина, 2018. С. 148, рис. 13).

В ходе рассматриваемых работ был обнаружен фрагмент деформированной свинцовой рамы, однако он отличается от описанных Теофилом перемычек, состоявших из спаянных свинцовых полосок. Наша находка представляет собой цельный свинцовый профиль, изготовленный из прута, прокатанного через вальцы, в результате чего он приобретал n-образную форму (рис. 7, 8). Стекла вставляли в профиль с двух сторон, плотно подгоняя друг к другу. Стыки соединялись пайкой. Сборка витража на такую раму является более сложной, чем обертывание полосками, так как требует точной подгонки стекол в отверстия

³ Сайт «Витражи в России» [Электронный ресурс] // URL: <https://vitroart.ru/articles/210/>. В настоящее время свинцовые рамы заменяют на латунные, алюминиевые. Этот же принцип соединения стекол в композицию лежит в основе так называемой техники Тиффани, заключающейся в использовании вместо свинцовой полосы медной.

профиля и соответствия толщины стекол размерам выемок профиля. Такой способ соединения применяется и при современном изготовлении витражей (Сергеев, 1984. С. 217–220).

По-видимому, после выполнения всех работ, направленных на обеспечение стекольной продукцией заказчика, мастерская была уничтожена. По археологическим данным сразу после этого на участке появились неординарные по размеру и находкам жилые постройки, вероятно, принадлежавшие зажиточным и влиятельным горожанам — городской знати или княжеским служащим. О неодновременности мастерской и жилых построек говорят, в частности, находки фрагментов кирпичей, попавших в заполнение столбовых ямок на дне погребов ямы 53. Затем, после разбора этих построек, их подполья были засыпаны культурным слоем, содержащим остатки мастерской.

Подобные примеры сознательного уничтожения мастерских в истории стекла известны. К примеру, такая же участь постигла мастерскую VII в. на острове Торчелло, где она была возведена в связи со строительством с 639 г. баптистерия и базилики Санта Мария Ассунта, а возможно, и других культовых сооружений Венецианской лагуны (Щапова, 1998. С. 56, 57, 59). Такой разбор мастерских иногда приводил к тому, что в ходе раскопок вскрывались не сами производственные комплексы, а места, куда сбрасывали их остатки. Например, в Риге в слоях конца XIII в. при отсутствии печей на изготовление стекла указывали фрагменты кирпичей, покрытых стекловидной массой с одной стороны, целые и фрагментированные глиняные горшки, также покрытые стеклянной массой, куски невыработанного стекла, бракованные бусы, фрагменты глазурованной керамической посуды (Цауне, Гросвальд, 1976. С. 276, 277). Еще один подобный пример дает московская находка скопления производственных остатков мастерской по производству бус из полуфабрикатов второй половины XVIII в. (Лихтер и др., 2015). Поэтому, вероятно, точное место смоленской мастерской установить уже не удастся. Предположительно оно могло находиться южнее и восточнее раскопа, на берегу ручья Городянка. Так или иначе, расположение пожароопасного производства не в центре города, а на территории

Заднепровского посада поблизости от воды является оптимальным. Например, стеклоделательные мастерские на территории Подола в Киеве также располагаются вблизи воды (Днепра) и на удалении от жилых кварталов⁴.

До этой находки география известных стекольных мастерских на Руси была ограничена южнорусскими землями. Например, киевское производство представляют комплексы на подворье храма Св. Софии (1037–1040 гг.), на территории Киево-Печерской лавры (80-е гг. XI в.), на усадьбе бывшего Михайловского монастыря (начало XII в.), на территории Города Ярослава, на Подоле (восемь мастерских второй половины XII — начала XIII в.) (Новое в археологии Киева, 1981. С. 313–318; Щапова, 1998. С. 73–86; Журухина, 2010. С. 276, 277; Журухина, Храмченкова, 2012. С. 226–229; Журухина, 2015. С. 220). Две мастерские середины XIII в., по мнению исследователей имеющие отношение к стеклоделанию, обнаружены в Любече (Щапова, 1968. С. 234; Щапова, 1972. С. 145; Веремейчик, 2015. С. 182). Предполагается также мастерская XI в. в Переславле-Хмельницком (Сікорський, 1976). Находка, сделанная в 2018 г. в Смоленске, является первым⁵ свидетельством существования стекольного производства в северной части Руси.

Обнаруженная мастерская, по-видимому, работала короткий период времени и выпускала ограниченный ассортимент продукции — оконные и витражные стекла, предназначенные для определенной церкви. Вероятно, здесь работали пришедшие, возможно, киевские, мастера, обслуживающие строительную артель. Это вполне объяснимо, ведь Смоленск — выдающийся город Киевской Руси, по обилию архитектурных сооружений XII–XIII вв. он, наверное, находится на втором месте после Киева; неудивительно, что он имел очень тесные связи с Киевом и Южной Русью в целом.

⁴ Благодарим Е. Ю. Журухину за предоставленные сведения.

⁵ Практически одновременно с открытием смоленских находок стало известно о таких же находках в Суздале (доклад И. Н. Кузиной и Н. А. Баранова на семинаре «Археология Владимиро-Суздальской земли» 18.10.2018).

Арциховский, 1958 — Арциховский А. В. Раскопки 1956 и 1957 гг. в Новгороде // СА. 1958. № 2. С. 227–242.

Безбородов, 1956 — Безбородов М. А. Стеклоделие в древней Руси. Минск: АН БССР, 1956. 306 с.

Безбородов, 1969 — Безбородов М. А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск: Наука и техника, 1969. 276 с.

Веремейчик, 2015 — Веремейчик Е. М. Стекланные браслеты средневекового Любеча (по материалам раскопок 2010–2011 годов на Замковой Горе) // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX в. / Под ред. П. Г. Гайдукова. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 171–201.

- Висоцький, 1972 — Висоцький С. Віконна рама та шибки Київської Софії // Київська старовина. Київ: Наукова думка, 1972. С. 54–60.
- Гуревич, 1981 — Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад — околный город. Л.: Наука, 1981. 159 с.
- Журухина, 2015 — Журухина Е. Ю. Украшения из стекла: тенденции и проблемы исследования находок Киевского Подола // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Под ред. П. Г. Гайдукова. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 218–222.
- Журухина, Храмченкова, 2012 — Журухина Е. Ю., Храмченкова Р. Х. Стеклоделательные мастерские Киевского подола // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 226–233.
- Журухіна, 2010 — Журухіна О. Ю. Знахідки скляних виробів на території Київського подолу // Болховітіновський щорічник 2009. Київ: НКПІКЗ; КЖД «Софія», 2010. С. 269–278.
- Журухіна, 2018 — Журухіна О. Віконне скло давнього Києва (за археологічними джерелами) // Opus mixtum. 2018. № 6. С. 145–152.
- Заплеталова, Седлачкова, 2015 — Заплеталова Д., Седлачкова Л. Стекланне кольца из Брно и проблема стеклоделия позднегороднищенского периода (XI–XII веков) в Моравии // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Под ред. П. Г. Гайдукова. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 270–278.
- Качалов, 1959 — Качалов Н. Н. Стекло. М.: АН СССР, 1959. 465 с.
- Кренке и др., 2019 — Кренке Н. А., Ершов И. Н., Платоновский Р. Б., Раева В. А. Ремесленные окраины древнерусского Смоленска // РА. 2019. № 3. С. 158–170.
- Лихтер и др., 2015 — Лихтер Ю. А., Векслер А. Г., Сударев Н. И. Следы производства стеклянных бус в Москве XVIII века // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века / Под ред. П. Г. Гайдукова. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 304–313.
- Манускрипт Теофила..., 1963 — Манускрипт Теофила «Записка о разных искусствах» // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных ценностей. М.: Советская Россия, 1963. С. 66–184.
- Новое в археологии Киева, 1981 — Новое в археологии Киева / Под ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1981. 455 с.
- Равдина, 1978 — Равдина Т. В. Стекланне браслети Серенска // КСИА. 1978. Вып. 155: Славяно-русская археология. С. 76–79.
- Раппопорт, 1994 — Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб.: Наука, 1994. 158 с.
- Сергеев, 1984 — Сергеев Ю. П. Выполнение художественных изделий из стекла. М.: Высшая школа, 1984. 240 с.
- Сікорський, 1976 — Сікорський М. І. Склоробна майстерня XI ст. у Переяславі-Хмельницькому // Дослідження з слов'яно-руської археології. Київ: Наукова думка, 1976. С. 146–150.
- Столярова, Энговатова, 2014 — Столярова Е. К., Энговатова А. В. Витражи Древней Руси: новые данные // Стекло в архитектуре. Архитектура в стекле: Сб. докладов науч.-практ. конф. (С.-Петербург, 17.03.2014). В 2 т. Т. 1 / Ред. Ю. В. Спиридонова, сост. Е. И. Бекетова, Н. В. Никитина. СПб.: Лема, 2014. С. 3–13.
- Цауне, Гросвальд, 1976 — Цауне А. В., Гросвальд И. Я. Новые данные о начале стеклоделия в Прибалтике // Из истории естествознания и техники Прибалтики. Т. 5. Рига: Зинатне, 1976. С. 276–279.
- Щапова, 1968 — Щапова Ю. Л. Мастерская стеклодела в древнем Любече // Славяне и Русь. М.: Наука, 1968. С. 230–238.
- Щапова, 1972 — Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ, 1972. 215 с.
- Щапова, 1998 — Щапова Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 288 с.
- Mecking, 2013 — Mecking O. Medieval Lead Glass in Central Europe // Archaeometry. 2013. Vol. 55, is. 4. P. 640–662.
- Siemianowska et al., 2018 — Siemianowska S., Pankiewicz A., Sadowski K. On Technology and Production Techniques of Early Medieval Glass Rings from Silesia // Archaeometry. 2018. Vol. 61, is. 3. P. 614–646.

Glass-making workshop of the 12th — early 13th cent. in Smolensk

E. K. Stolyarova, I. N. Ershov, N. A. Krenke, V. A. Raeva, D. Roganova⁶

Keywords: Old Rus; Smolensk, pre-Mongolian period, glass-making, glass-making workshops

This article is devoted to the glass-making workshop of the Old Rus period discovered in Smolensk in 2018 during the works of expedition of the Institute of Archaeology of the RAS. This discovery is significant because the geography of glass-making workshops known to date in Rus is limited to the southern lands.

⁶ Ekaterina K. Stolyarova — Lomonosov Moscow State University, Moscow; e-mail: kath.stolyarova@gmail.com. Ivan N. Ershov — Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow; e-mail: ershovin@yandex.ru. Nikolai A. Krenke — Institute of Geography of the RAS, Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg; e-mail: nkrenke@mail.ru. V. A. Raeva — independent researcher; e-mail: veraraeva@mail.ru. Dana Rohanova — The University of Chemistry and Technology, Prague, Czech Republic; e-mail: Dana.Rohanova@vscht.cz.

Нумизматические находки из раскопок Центра спасательной археологии ИИМК РАН в Твери на Односторонней улице в 2022 г.¹

К. В. Горлов, К. В. Хлуднев, К. А. Михайлов²

Аннотация. В 2022 г. Центром спасательной археологии ИИМК РАН проводились спасательные раскопки в Твери по адресу: Односторонняя улица, д. 7в. В ходе работ получена коллекция из 120 нумизматических находок. Подавляющее большинство монет представлено маленькими медными пулами конца XV — XVI в., выпущенными в Твери, Москве, Новгороде, Смоленске, и серебряными денгами.

Ключевые слова: Тверь, монеты, пулы, медь, денежное обращение, розничная торговля, постройки, датировка.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-107-129

В XIV–XVII вв. базу русского денежного обращения представляли серебряные монеты, отчеканенные вручную на кусках расплющенной проволоки. Основная часть известных на сегодня серебряных монет происходит из составов кладов, в огромных масштабах тезаврированных населением как в реалиях повседневной жизни, так и во время катастроф.

Помимо монет из драгоценного металла русские эмиссионные центры в XV–XVI вв. массовыми тиражами выпускали медные пула — младший номинал денежной системы. Низкая нарицательная стоимость пул делала возможным их оборот в сфере мелкой розничной торговли. Письменные

свидетельства позволяют заключить, что после денежной реформы 1530-х гг. число пул в копейке составляло 60 или 70. К концу XVI в. это соотношение изменяется до 1:120 (Гайдуков, 1993. С. 76).

В отличие от серебряных монет, укрывавшихся населением в тысячах кладов, медные пула за редким исключением не тезаврировались в виде депозитов. На сегодня имеются более-менее полные сведения о находках около 10 кладов, состоящих из намеренно укрытых пул, их подражаний, иногда вместе с серебряными деньгами (Гайдуков, 1993. С. 124, 127, 129, № 126, 130, 164, 188; Новиков, Хухарев, 1999а. С. 118, 119; Быков, 2001. С. 145; Хухарев, 2001. С. 278, 283–285, № 5, 8, 10, 11; 2004. С. 149, 150; Исаев и др., 2021; Волков, Воронин, 2024). Известно несколько небольших комплексов пул, представляющих, видимо, содержание потерянных кошельков³ (Гайдуков, 1993. С. 120, № 51; Зайцев, 1999. С. 116, 117; Хухарев, Осипов, 2003. С. 179, 180; Зайцев, Бадретдинов, 2019. С. 282, 283; Гоняный, Зайцев, 2021. С. 431, 432; Волков, Зубарев, 2023).

Сложность изучения пул связана с редкостью их упоминания в письменных источниках

¹ Горловым К. В., Хлудневым К. В. исследование выполнено по теме государственного задания «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий» (FMZF-2025-0005); Михайловым К. А. исследование выполнено по теме государственного задания «Северная Русь в евразийском археологическом контексте: этнокультурное разнообразие и общие закономерности исторического развития в свете становления научных знаний» (FMZF-2025-0003).

² Горлов К. В., Хлуднев К. В., Михайлов К. А. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru, mikhailov_kirill@mail.ru, kkhudnev@gmail.com.

© Горлов К. В., Хлуднев К. В., Михайлов К. А., 2025

³ Часто ввиду отсутствия сведений об археологическом контексте граница между специально отложенными суммами и потерянными кошельками остается размытой.

по сравнению с серебряными монетами. Данный номинал, например, не фигурирует в документах, отражающих процессы «денежной реформы» Елены Глинской (ПСРЛ, 1853. Т. VI. С. 297; *Спаский*, 1955. С. 274–279; *Мельникова*, 1989. С. 14–28; *Зайцев*, 2016. С. 223, 224).

Поэтому главным источником для научного изучения русских пул являются сами монеты, фонд которых в основном формируется из единичных находок. Особое значение приобретают экземпляры, полученные в ходе научного исследования культурного слоя, сопровождающиеся археологическим контекстом. Широкое распространение пул в быту делало возможным их случайные потери. Культурный слой русских городов и сельских поселений, сформированный в XV–XVI вв., включает сотни таких монет.

Долгое время русские пула были плохо изучены. Существовало разделение части известных экземпляров по эмиссионным центрам или эмитентам. Дискуссионным оставалось определение времени бытования пул и ряд других вопросов⁴. Ситуация изменилась с выходом фундаментальной монографии П. Г. Гайдукова, посвященной всестороннему исследованию русских медных монет XIV–XVI вв. (*Гайдуков*, 1993). Впервые была представлена научная систематизация пул, обоснована их датировка, представлена топография, прослежено место в русской монетной системе, а также издан полный каталог известных на то время экземпляров⁵.

Позже В. В. Зайцев за счет увеличившегося фонда монет уточнил датировку и типологию пул конца XV — XVI в., выпущенных в Москве и Новгороде⁶. Благодаря выявленным случайным штемпельным связям медных и серебряных монет обосновывалась чеканка пул вплоть до последних десятилетий XVI в. (*Зайцев*, 2019а; 2019б; 2019в; *Зайцев, Бадретдинов*, 2019. С. 282, 283; *Гоняный, Зайцев*, 2021. С. 431, 432). Были введены в науч-

ный оборот пула, чеканенные в Смоленске (*Волков, Зайцев*, 2023; *Горлов и др.*, 2023. С. 148–177).

Несмотря на значительные успехи изучения пул в последние десятилетия, требуется дальнейшая работа в этом направлении⁷. Неоднозначно определенными остаются продолжительность оборота крупноформатных образцов XV в. после прекращения их выпуска и возможность участия маленьких пул в денежном обращении XVII в.⁸ (*Хухарев*, 1997; 2001. С. 280, 281; *Быков*, 1988; *Гайдуков*, 1993. С. 73, 74; *Зайцев*, 2018. С. 181, 182; *Зверев*, 2002. С. 190, 191; *Зверев, Колызин*, 2025). Требуют уточнения классификация и датировка тверских и псковских выпусков. Накопление необходимой источниковой базы для дальнейшего изучения пул дают археологические раскопки, в частности охранного характера.

Раскопки на Односторонней улице Твери

В апреле 2022 г. отрядом Тверской областной археологической экспедиции Центра спасательной археологии (ЦСА) ИИМК РАН проводились спасательные раскопки в Твери по адресу: Односторонняя улица, дом 7в⁹. Общая исследованная площадь составила 307 кв. м. Изученный участок располагался в пределах исторического квартала Затьмачье Центрального района города.

Район Затьмачья занимает пространство между правым берегом Волги и левым Тьмаки, к югу и юго-западу от тверского кремля. На протяжении нескольких столетий Затьмачий посад был второй по значению и древнейшей после кремля частью города, где располагались дворы ремесленников и купцов. В квартале, ограниченном улицами Троицкой, Бебеля, Ефимова и Дмитрия Донского, выявлены подполья наземных жилищ-мастерских, хорошо датируемые найденными в них ювелирными изделиями XV–XVI вв. (*Солдатенкова, Персов*, 2005; *Персов, Солдатенкова*, 2007). Предположение об освоении участка уже в первой трети XIII в. (*Персов, Солдатенкова*, 2007)

⁴ Подробно история изучения русских пул изложена в книге П. Г. Гайдукова (*Гайдуков*, 1993. С. 10–24).

⁵ Представленный в монографии П. Г. Гайдукова алгоритм публикации пул стал образцом для ввода в научный оборот русских средневековых памятников нумизматики.

⁶ В. В. Хухарев указывал на существование неопубликованных вариантов маленьких тверских пул времени правления Ивана IV, однако в работе привел только их краткое описание без графических реконструкций штемпелей и фотоизображений, что затрудняет верификацию выводов (*Хухарев*, 2000).

⁷ Ввиду представления в публикуемой статье лекции маленьких пул авторы намеренно обращают внимание на проблемы изучения именно этой категории памятников нумизматики, оставляя без внимания крупноформатные экземпляры XV в.

⁸ Отметим актуальность этих вопросов как для нумизматики, так и для археологии.

⁹ Выявленный объект археологического наследия «Культурный слой г. Тверь XV–XIX вв.». Держатель Открытого листа — Н. В. Григорьева; заместитель руководителя работ — К. В. Хлуднев.

или в целом в домонгольское время (Хохлов, Нестерова, 1996) представляется недостаточно обоснованным (Лапшин, 2009. С. 195). Анализ письменных источников позволяет говорить о довольно плотной застройке на Затымацком посаде к середине XVI в. Во второй половине XVI — первой половине XVII в. часть построек исчезает, а дворовые места используются под пашни. Причиной запустения кварталов могли служить события, связанные с разгромом города в ходе опричного похода Ивана IV в 1569 г. В Смутное время Тверь подверглась разорению польско-литовскими войсками (Виноградова, Виноградов, 2002. С. 57, 58, 97–107). Пожар 1763 г. уничтожил центральную часть города. В связи с этим была разработана схема реконструкции Затымацкой части города, утвержденная в 1777 г.

Территория с исследованным весной 2022 г. участком, согласно плану «регулярной» застройки 1777 г., оказалась за пределами городского пространства, за Головинским валом, к югу от Старицкой дороги. Такая топографическая ситуация зафиксирована на многочисленных картографических материалах XIX в. Это положение сохранялось вплоть до 1920-х гг., когда начинается расширение города на запад и прокладывается Односторонняя улица.

Археологическими раскопками ЦСА ИИМК РАН установлено, что уже в XV–XVI вв. окраинная часть Затымацкого посада Твери застраивалась. Работы 2022 г. показали наличие в северо-западной части исследованной площадки не потревоженного культурного слоя периода позднего Средневековья. В южной зоне обследования регистрировались объекты XIX–XX вв. На уровне материковой поверхности удалось изучить заполнение котлованов построек XV–XVI вв. и 174 ямы, часть из которых датируется тем же временем (Григорьева, 2022. С. 11–14). Среди полученных более 9000 артефактов важное место занимает коллекция из 120 монет, имеющая научное значение как для археологии, так и для истории русского денежного обращения.

В ходе многолетнего археологического изучения Затымацкого посада памятники нумизматики неоднократно обнаруживались в виде единичных находок и кладов, основная часть которых, по опубликованным данным, относится к XV–XVI вв. Значительный сегмент найденных здесь монет представлен медными пулами. Серебряные денежные знаки происходят в основном из состава депозитов (Новиков, Хухарев, 1999а; 1999б; Сафарова и др., 2009; Рудников, 2016; 2018; Богомолов, 2018; Горлов и др., 2022).

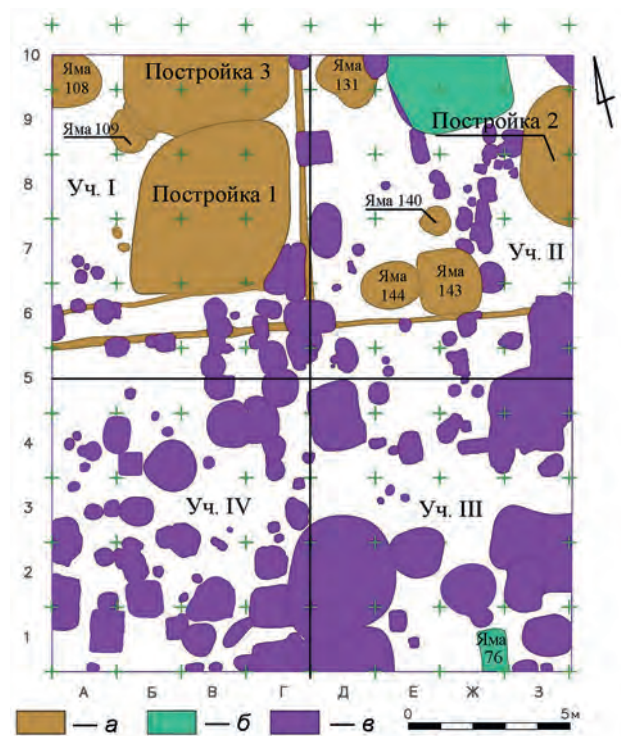

Рис. 1. Тверь, Односторонняя ул., д. 7в. План построек, ям и частокольных канавок на уровне материка (а — ямы и объекты XV–XVI вв.; б — ямы середины XIX — первой четверти XX в.; в — перекопы XX–XXI вв.)

Fig. 1. Tver, 7v Odnostoronnyaya ul. Layout of the structures, pits and palisade pits on the natural ground (a — pits and objects of the 15th–16th cent.; б — pits of the mid-19th — 1st quarter of the 20th cent.; в — cross-ditches of the 20th–21st cent.)

Заложенный весной 2022 г. на Односторонней улице раскоп имел прямоугольную форму (19,0 × 16,1 м) с ориентацией по сторонам света и отклонением в 13° к востоку¹⁰ (Григорьева, 2022. С. 24). Исследуемая площадка делилась на четыре участка и квадраты размером 2,0 × 2,0 м (рис. 1).

Изучению культурного слоя предшествовал демонтаж жилого дома¹¹ 1920-х гг. до уровня цокольной части фундамента, попавшего в северо-восточную часть раскопа. Верхняя часть культурных напластований представлена сильно перемешанной темно-коричневой супесью с различными включениями (слой огородов XX в.), прорезанной многочисленными ямами с прослойками

¹⁰ Для удобства описания в тексте Отчета и в альбоме иллюстраций ориентировка раскопа указывалась условно, без учета данного отклонения.

¹¹ Работы по демонтажу проводились силами заказчика археологических раскопок.

переотложенного средневекового культурного слоя¹² (Григорьева, 2022. С. 28).

Нумизматические находки и их археологический контекст

На этапе разбора верхних наслоений удалось зарегистрировать 35 нумизматических находок. Ранний сегмент денежных знаков представлен маленькими пулами, два из которых (№ 406¹³, 407) выпущены в Москве в правление Ивана III и Василия III и принадлежат типу III по классификации П. Г. Гайдукова. Еще одно пуло Г-440, отчеканенное около 1505–1515/20 гг., относится к новгородской продукции. Эмиссию Ивана IV отражают три пула Г-360, предварительно датированные 1535 — концом 1550-х гг. С данной серией монет связано и подражание маленькому пулу с неясными схематичными рельефами на лицевой и оборотной сторонах, оттиснутыми на куске расплющенной проволоки (табл., 1–7; рис. 2, 1–6).

Остальные 28 нумизматических находок из слоя темно-коричневой супеси представлены мелкими номиналами Российской империи XVIII — начала XX в. и СССР 1920–1940-х гг. Единственным экземпляром иностранной чеканки в коллекции стал пфенниг Германской империи 1903 г. (табл., 8–35).

Представленные монеты относительно равномерно, без скоплений, распределяются по выделенным участкам раскопа. Отмечается только концентрация из шести медных копеек начала XX в. в пределах кв. 3/6.

Регистрация маленьких пул и их подражаний в верхних напластованиях стала следствием уничтожения средневековых отложений в результате позднего хозяйственного освоения участка. Время выпуска и обращения серии проволочных монет связано с периодом конца XV — XVI в.

Среди монет Российской империи встретился только один экземпляр XVIII в. Основная масса копеек относится ко второй половине XIX — на-

чалу XX в., что должно отмечать время интенсивного хозяйственного освоения участка или переориентацию экономической специфики его освоения. Советские монеты отражают этап бытования территории с 1920-х гг.

Нижняя часть культурных напластований представлена пятнами светло-коричневой и серо-коричневой супеси с включениями угля. Эти слои, вероятно, являются единственной сохранившейся *in situ* частью позднесредневековых культурных отложений. Следует особо отметить, что слои XV–XVI вв. зафиксированы только в северной, преимущественно в северо-западной, части раскопа. Их южной границей стали две сменяющие друг друга частокольные канавки, расположенные по оси запад–восток в кв. А–3/6 (рис. 1). Частоколы, скорее всего, маркировали южную границу двух позднесредневековых усадеб, с которыми связаны ямы построек 1А, 1Б, 2 и 3. Между постройками 1А, 1Б и 3 в северо-западной части раскопа и постройкой 2 в северо-восточной части прослежена третья частокольная канавка. Она залегала в материке по оси север–юг, отделяя одну усадьбу (постройки 1 и 3) от другой (постройки 2). Отметим, что плотное расположение усадебных построек и участков характерно для уличной застройки. Последовательная смена построек 1А, 1Б и 3 в северо-западной части раскопа указывает на устойчивый характер застройки в этой части Твери и продолжительное бытование границ усадебных участков. В свою очередь слои светло-коричневой и серо-коричневой супеси с углем соотносятся именно со временем существования этих усадеб.

С отложениями светло-коричневой супеси связаны находки серебряной денги Ивана IV, выпущенной в Москве около 1635/6–1638 гг., и трех маленьких тверских пул Г-357, 359, 358, суммарно датируемых временем около 1490–1540 гг. (табл., 36–39; рис. 2, 7–10). Следует особо отметить отсутствие среди этих находок тверских пул Г-360, выпускавшихся с середины 30-х гг. XVI в.

Также к нижней части сохранившихся средневековых культурных напластований можно отнести тонкие прослойки переотложенного материкового грунта — желтого песка и прослоек желтой супеси, зафиксированных между материком и слоем темно-коричневой супеси. В северо-западной части раскопа с этими прослойками связаны находки тверских пул, одно из которых, Г-359, принадлежит эмиссии Василия III приблизительно 1510-х — начала 1530-х гг., а три — Г-360 — относятся к чеканке Ивана IV середины 30-х —

¹² Разбор балластных напластований производился при помощи строительной техники под наблюдением специалистов-археологов. Осуществлялась проверка снятого грунта с помощью металлодетектора.

¹³ Здесь и далее типология русских медных пул приводится по классификации П. Г. Гайдукова, для сокращенного обозначения которой используется буква Г и номер в каталоге Г-406 (Гайдуков, 1993. С. 203, № 406). Датировки приводятся по уточнениям В. В. Зайцева (Зайцев, 2019а; 2019б; 2019в; Зайцев, Бадретдинов, 2019. С. 282, 283; Гоняный, Зайцев, 2021. С. 431, 432).

Рис. 2. Нумизматические находки Великого княжества всея Руси и Русского царства, полученные в ходе археологического исследования культурного слоя в Твери на Односторонней ул., д. 7в, в 2022 г. Медный сплав все, кроме 7 (171) — серебро. В скобках здесь и далее — номера в полевой описи. Фото И. Г. Самиоварова, К. В. Горлова

Fig. 2. Numismatic finds of the Grand Principality of All Rus and Russian Tsardom obtained during archaeological research of the cultural layer in Tver in 2022 (7v Odnostoronnyaya ul.). Copper alloy except 7 (171) — silver. In the brackets (from this point onward) — numbers according the field register. Photo by I. G. Samovarov, K. V. Gorlov

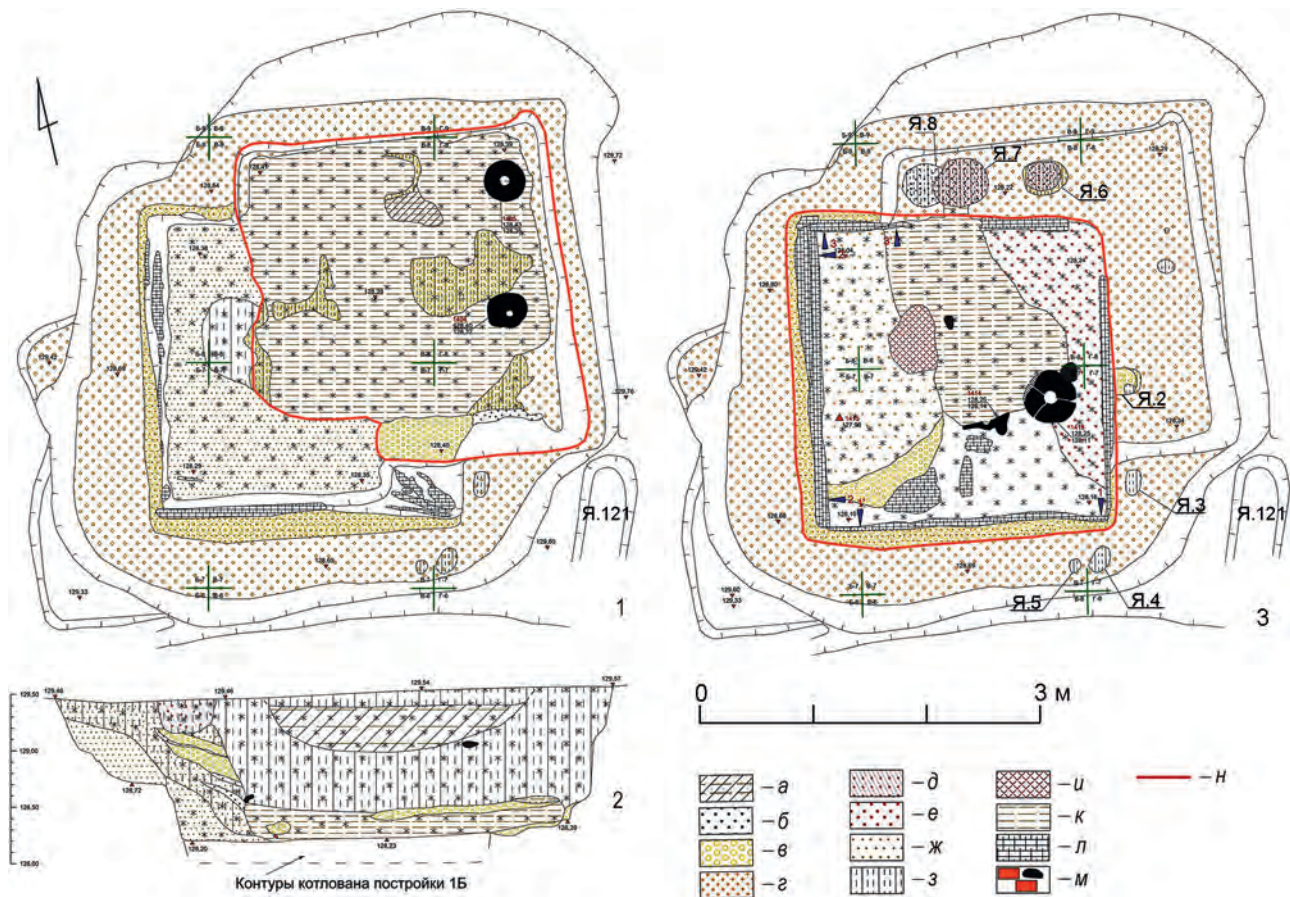

Рис. 3. Тверь, Односторонняя ул., д. 7в: 1 — план постройки 1А на уровне пола; 2 — стратиграфический разрез постройки 1А; 3 — план постройки 1Б на уровне пола (а — темно-серая супесь; б — уголь; в — желтый песок; г — материк (желтый песок); д — красная кирпичная крошка; е — проквал; ж — коричневый песок; з — серо-коричневая супесь; и — печина; к — коричневая гумусированная супесь; л — горелое дерево; м — кирпичи, камни; н — границы построек 1А, 1Б)

Fig. 3. Tver, 7в Odnostoronnyaya ul.: 1 — layout of the structure 1A on the floor level; 2 — stratigraphic section of the structure 1A; 3 — layout of the structure 1B on the floor ground (а — dark grey sandy clay; б — coal; в — yellow sand; г — natural ground (yellow sand); д — red broken brick; е — calcined clay; ж — brown sand; з — grey-brown sandy clay; и — "pechina"; к — brown humous sandy clay; л — burnt timber; м — bricks, stones; н — boundaries of the structures 1A and 1B)

конца 50-х гг. XVI в. (табл., 40–43; рис. 2, 11–14). Эта серия монет, связанная с напластованиями переотложенного материкового грунта, имеет компактный типологический состав и в целом более позднюю датировку, чем экземпляры, происходящие из светло-коричневой супеси.

Еще одно тверское пуло Г-360 Ивана IV зарегистрировано в пределах участка 3 на материковой поверхности (табл., 44; рис. 2, 15).

Постройки 1А и 1Б, или точнее подпольные ямы, оставшиеся на месте разрушенных построек, выявлены в квадратах Б–Г/6–8 на глубине 129,51–129,77 м (по Балтийской системе высот (БСВ)). Пятно котлована постройки 1А имело

прямоугольные очертания и размеры 5,0 × 4,1 м. Стенки ямы сооружения оказались ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением. При дальнейшей расчистке выяснилось, что котлован постройки 1А прорезал предшествовавшую ему яму постройки 1Б почти до уровня дна последней. Контуры ям двух строений совпадали в своей центральной и восточной части (рис. 3, 1, 3).

Верх заполнения ямы постройки 1А и пятно культурного слоя над ней в квадратах Б–Г/7–9 представлены слоем серо-коричневой супеси, насыщенной углями. Вероятно, этот слой, а также прослойка светло-коричневой супеси с углем

в заполнении ямы постройки 2 (описание представлено далее) полностью идентичны по структуре, цвету, условиям залегания и составу находок. Они являются переотложенной частью напластований эпохи существования средневековых усадеб, прослеженных в северной зоне раскопа, и не связаны с «огородным» слоем темно-коричневой супеси. Представляется, что сохранившиеся *in situ* средневековые отложения светло-коричневой супеси, выявленные в северо-западном углу раскопа, послужили исходным материалом для заполнения ям построек 1А и 2.

Заполнение котлована постройки 1А происходило в несколько этапов. Большая часть засыпки состояла из серо-коричневой супеси, фиксирующейся сверху и до дна ямы. Этот слой можно условно разделить на две части (верхнюю и нижнюю) с границей в виде прослойки, состоящей из переотложенных обломков печи (рис. 3, 2).

С верхней частью слоя серо-коричневой супеси связаны 26 монет. На отметках 129,79–129,63 м БСВ зарегистрирован архаичный сегмент коллекции, состоящий из 10 маленьких пул и их подражаний. К тверской чеканке принадлежат экземпляры времени правления Ивана III и Василия III Г-357, 359, 415, суммарно датируемые 1490-ми — началом 1530-х гг. Еще один экземпляр Г-358 выпускался в Твери в 30–40-е гг. XVI в., в основном в правление Ивана IV. К московской чеканке принадлежат два одинаковых пула Василия III Г-410, датированные второй половиной 1520-х гг. Смоленску атрибутируется редкое пуло правления Василия III, аналоги которого недавно введены в научный оборот. Среди подражаний маленьким пулам два не имеют рельефов и представляют собой куски расплющенной медной проволоки, третье на одной стороне несет схематичное неразборчивое изображение, на другой — буквоподобные знаки (табл., 45–54; рис. 2, 16–21; 4, 1–4).

Представленная серия позднесредневековых монет с присутствием продукции Москвы, Новгорода и Смоленска нетипична для культурного слоя Твери. Отсутствие здесь пул Ивана IV массового выпуска Г-360 позволяет говорить о выпадении из оборота найденных экземпляров до середины 30-х гг. XVI в. Монеты отражают состав денежного обращения конца XV — первой трети XVI в. Установленное на сегодня время бытования подражаний маленьким пулам не противоречит такой датировке (Зайцев, 2019б. С. 179, 180).

На отметках 129,63–129,09 м БСВ хронологический состав нумизматической коллекции

меняется. Ранней находкой здесь стала серебряная денга Великого княжества Рязанского Василия Ивановича, выпущенная около 1456–1464 гг. К эмиссии Василия III относится тверское пуло Г-359, датированное около 1510 — начала 1530-х гг. Правлению Ивана IV принадлежат три пула Г-358, изготовленные в 30–40-е гг. XVI в., пять — Г-360, чеканенные около 1535 — конца 1550-х гг., и одно — Г-362, датированное 1560-ми гг. Московской продукции атрибутируется пуло Г-405, изготовленное около 1536–1560-х гг., и Г-409, выпускавшееся с конца 1560-х гг. массовыми тиражами, в частности и в правление Фёдора Ивановича. Вместе с подлинными монетами встречены и три подражания. Первое на условной лицевой стороне несет изображение двуглавого орла впрямь, а на оборотной поставлены буквоподобные знаки в несколько строк. Прототипом этого образца стали московские пула Ивана III выпусков 1480–1490-х гг. Второе подражание имеет неразборчивые схематические рельефы, третье — с гладким полем в виде куска расплющенной медной проволоки (табл., 55–70; рис. 4, 5–18).

Данная серия монет представлена в подавляющем большинстве пулами правления Ивана IV. Здесь массово присутствуют экземпляры типов Г-358, 360. Важна регистрация пул Г-362 и Г-409, которые маркируют период обращения не ранее 60–70-х гг. XVI в. Верхняя дата оборота таких монет приходится, вероятно, на самое начало XVII в.

Рязанская денга в этой серии представляет определенный рудимент. Бытование таких монет продолжалось до середины 30-х гг. XVI в. (до денежной реформы Елены Глинской), когда они вместе с массой старых денежных знаков были «заповедны» для оборота (ПСРП, 1853. Т. VI. С. 297; Спасский, 1955. С. 274–279; Мельникова, 1989. С. 14–28; Зайцев, 2016. С. 223, 224). Денга по времени обращения тяготеет к группе ранних пул времени Ивана III и Василия III. В составах кладов эпохи Ивана IV очень редко, но встречаются монеты выпусков его предшественников на престоле (Бушлякова, Волков, 2010. С. 40–42, 46, 47, 48–50, 53–60).

Около северной стенки котлована в слое серо-коричневой супеси, перемешанной с переотложенным материковым песком¹⁴, найдено тверское пуло Г-357, выпущенное около 1490–1510-х гг. Данная монета могла оказаться в яме раньше формирования наслоений темно-коричневой супеси (то есть

¹⁴ Прослойка осыпи стенки ямы.

Рис. 4. Нумизматические находки Великого княжества Рязанского, Великого княжества всея Руси, Русского царства, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя в Твери на Односторонней ул., д. 7в, в 2022 г. Медный сплав все, кроме 5 (1311) — серебро. Фото И. Г. Сомоварова, К. В. Горлова

Fig. 4. Numismatic finds of the Grand Principality of Ryazan, Grand Principality of All Rus, Russian Tsardom registered during archaeological research of the cultural layer in Tver in 2022 (7v Odnostoronnyaya ul.). Copper alloy except 5 (1311) — silver. Photo by I. G. Samovarov, K. V. Gorlov

принадлежит к периоду бытования сооружения). Отметим также находку тверского пула Г-360 в линзе засыпки из светло-коричневой супеси на отметке 129,51 м БСВ (табл., 71, 72; рис. 4, 19).

Подчеркнем, что между верхним скоплением монет, связанным со слоем серо-коричневой супеси, и серией денежных знаков, зафиксированных на дне сооружения, прослеживается значительный интервал (около 0,5 м), указывающий, что яма постройки 1А засыпалась в два этапа с некоторым хронологическим разрывом. Маркером дна верхнего заполнения следует считать скопление камней и керамических красноглиняных орнаментированных плиток — печных изразцов (рис. 3, 2). Предположительно, это скопление остатков разрушенной и переотложенной печи было сброшено в частично засыпанную яму постройки 1А и далее заполнено слоем темно-серой супеси. Дно этой прослойки фиксируется на глубине около 129,00–128,84 м БСВ. На чертеже видно, что верхняя часть засыпки имела округлую форму и пологие стенки, ее поверхность располагалась выше краев ямы постройки.

Со слоем заполнения темно-серой супеси связаны три тверские пула Ивана III и Василия III Г-357 (2 экз.) и Г-359, а также подражание маленькому пулу с изображением двуглавого орла впрямь на одной стороне и буквоподобных знаков на другой, которое копирует выпуски до правления Ивана IV (табл., 73–76; рис. 4, 20, 21; 5, 1, 2). Отметим, что данная нумизматическая серия имеет более архаичный состав, нежели группа монет, зарегистрированная в верхней части засыпки ямы 1а на уровне 129,63–129,09 м БСВ. Она более тяготеет к картине денежного обращения конца XV — первой трети XVI в.

На глубине около 128,50 м БСВ выявлено горизонтальное дно ямы, на котором лежали два каменных жернова и, рядом с ними, вторая группа монет. Находки зафиксированы на уровне разрушенного пола постройки, в заполнении, которое сформировалось в период ее функционирования. Здесь зарегистрированы два тверских пула Г-362, выпущенные в 1560-е гг., и подражание маленькому пулу с неразборчивым схематичным изображением на одной стороне (табл., 77–79; рис. 5, 3–5). Пара поздних тверских пул маркирует время функционального использования сооружения в 60-е гг. XVI в. Примечательна находка здесь подражания маленькому пулу, которая показывает, что бытование аналогичных кустарных подделок в пределах Твери продолжалось в правление Ивана IV.

Можно заключить, что после гибели постройки 1А в пожаре ее котлован оказался частично засыпан позднесредневековым культурным слоем серо-коричневой супеси с углем от сгоревших стен постройки. Отметим, что в этой части заполнения мощностью около 0,5 м не встречено нумизматических находок. Через определенное время слой засыпки котлована в центральной части проседает, образуя западину с пологими стенками. Появившееся углубление нивелируется вначале путем перемещения в него конструктивных и декоративных деталей печи, затем прослойкой темно-серой супеси с углем и более мощным слоем серо-коричневой супеси с углем. Отметим, что в напластованиях, использованных для нивелировки образовавшейся западины, обнаружены многочисленные нумизматические находки. Анализ распределения этих монет в серо-коричневой супеси показывает фиксацию поздних экземпляров правления Ивана IV на более низких отметках, нежели пул Ивана III и Василия III. Данная особенность позволяет говорить здесь об «обратной стратиграфии». Раскопки, в частности в Твери, показывают, что для нивелировки поверхности грунт, часто состоящий из культурного слоя, брался с прилегающей территории и поочередно сбрасывался в ямы (Богомолов, 2018. С. 117; Смирнов и др., 2018. С. 283–285; Сафарова и др., 2019. С. 196–200).

Постройка 1Б сохранилась под котлованом постройки 1А в виде дна ямы квадратной формы с остатками деревянного сруба внутри. Доски или лаги сруба, рубленные в «лапу» без выпусков, оказались сильно обуглены. Остатки самого сруба сохранились на высоту четырех сгоревших венцов на глубине от 128,73 до 128,07 м БСВ. Заполнение ямы постройки состояло из переотложенного материкового песка коричневого цвета с включениями угля. Дно сооружения отмечено обломками двух закопченных каменных жерновов на глубине около 128,11 м БСВ (рис. 3, 3).

В заполнении нижней, придонной, части постройки 1Б удалось обнаружить тверские пула: Г-413 «Осподаря вся Руси», предварительно датированное первой третью XVI в.; Г-358, чеканенное в 30–40-е гг. XVI в.; два экземпляра Г-362, выпущенные в 1560-е гг. (табл., 80–83; рис. 5, 6–9).

Связанные со слоями периода функционирования построек 1А и 1Б нумизматические находки позволяют проследить хронологию бытования этих объектов. Регистрация на дне постройки 1Б тверских пул Г-362 маркирует ее использование в 1560-е гг., после чего сооружение гибнет

Рис. 5. Нумизматические находки Великого княжества всея Руси, Русского царства, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя в Твери на Односторонней ул., д. 7в, в 2022 г. Медный сплав. Фото И. Г. Сомоварова, К. В. Горлова

Fig. 5. Numismatic finds of the Grand Principality of All Rus and Russian Tsardom registered during archaeological research of the cultural layer in Tver in 2022 (7v Odnostoronnaya ul.). Copper alloy. Photo by I. G. Samovarov, K. V. Gorlov

в пожаре. Найденные вместе с поздними монетами пула Г-413 и Г-358 могут отражать бытование объекта в первой половине — середине XVI в.

Постройка 1А возводится во многом в границах котлована предшествующей — 1Б. Вероятно, это событие произошло не ранее 1570-х гг. В слое, связанном с бытованием постройки 1А, найдены пула 1560-х гг. без примеси более ранних монет. Выход из обращения маленьких пул в центральных регионах Русского царства, пришедшийся на Смутное время¹⁵, маркирует верхнюю границу их выпадения (Гайдуков, 1993. С. 73; Зайцев, 2018. С. 181, 182). Отсутствие в заполнении постройки 1А нумизматических находок периода Смуты или XVII в., как и на всей исследованной площади раскопа, позволяет заключить, что прекращение ее бытования произошло, вероятно, не позже рубежа XVI–XVII вв.

Возведение постройки 1А прямо на месте постройки 1Б и возобновление частокольных каналов вокруг этих построек может указывать как на незначительный временной перерыв между этими двумя строительствами, так и на вероятное сохранение участка в собственности прежних владельцев.

Вероятное время гибели постройки 1Б совпадает с опричным походом Ивана IV на Тверь в 1569 г., в ходе которого город подвергся значительным разорениям и пожарам. После катаклизма хозяйственное освоение площадки продолжилось примерно в тех же границах, что и в первой половине — середине XVI в.¹⁶ Возведенное здесь новое сооружение — постройка 1А — погибло в пожаре около рубежа XVI–XVII вв., возможно, из-за событий Смутного времени. Достоверные данные, позволяющие связать с уничтожением огнем двух сооружений в результате указанных исторических катастроф, отсутствуют, и приведенные сопоставления следует рассматривать на уровне гипотезы. Не исключено, что зарегистри-

рованные следы пожаров связаны с бытовыми перипетиями. Определенно точно можно говорить, что на протяжении двух последующих столетий интенсивное хозяйственное освоение участка, исследованного раскопками 2022 г., прерывается вовсе или серьезно изменяется его экономическая направленность, не нашедшая отражения в процессах денежного обращения.

Постройка 2 сохранилась в виде подпольной ямы в материке. Объект выявлен в квадратах 3, И/8–10 на отметках 129,66–129,74 м БСВ¹⁷. В пределах раскопа полностью зафиксирована его западная стенка (Григорьева, 2022. С. 110–122). Ориентация сооружения по оси север–юг, видимо, совпадает с направлением построек 1А и 1Б. Постройка 2 могла иметь форму квадрата или прямоугольника, длина изученной части по оси север–юг составили 2,5 м (рис. 6, а).

В центральной верхней части пятна заполнения ямы фиксировались отложения в форме выгнутой линзы мощностью до 0,66 м из черной супеси с включениями углей, красной кирпичной крошки и обгоревших мелких камней¹⁸ (рис. 6, б). С данным слоем связаны находки пяти тверских пул Г-361, 362, чеканенных в 1560-е гг., и подражания маленькому пулу со слабооттиснутыми неразборчивыми рельефами на куске медной расплющенной проволоки (табл., 85–90; рис. 5, 11–15). Отметим, что данная серия монет хронологически близка экземплярам, найденным на дне постройки 1А. В качестве верхней даты бытования пул следует рассматривать время их выхода из обращения в период Смутного времени.

Следующие нумизматические находки из засыпки котлована постройки 2 связаны с переотложенным культурным слоем мешаной светло-коричневой супеси (с примесью серой супеси и включениями древесного угля) мощностью до 0,6 м. Монеты представлены здесь тверским пулом Г-356 и подражанием маленькому пулу с неясными

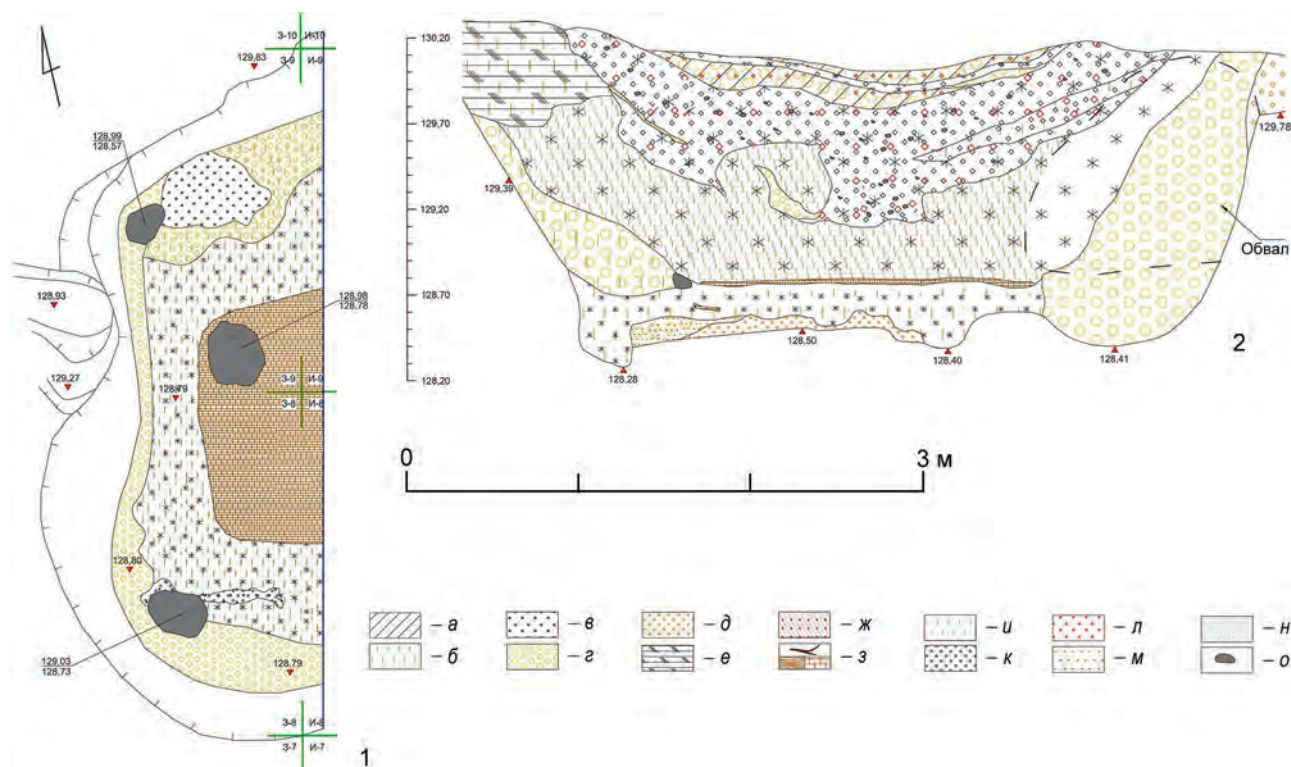
¹⁵ Публикация С. В. Зверевым клада, содержащего в составе несколько крупноформатных московских пул начала правления Ивана IV вместе с серебряными копейками Лжедмитрия I, на наш взгляд, может подтверждать оборот медных монет и в Смутное время (Зверев, Колызин, 2025). Использование пул в XVII в. находками из закрытых археологических комплексов пока не проиллюстрировано.

¹⁶ В данном контексте любопытна регистрация в верхнем слое засыпки котлована постройки 1А московского пула Г-409, выпускавшегося с конца 60-х гг. XVI в. Эта монета маркирует продолжение хозяйственного освоения участка в последней трети XVI в.

¹⁷ Постройка 2 располагалась на месте жилого дома 1920-х гг., ее верхняя часть была повреждена при устройстве подпола этого здания. Археологический материал верхних горизонтов постройки турбирован с более поздними напластованиями.

¹⁸ Верхняя часть напластований частично перемешана с мусорными слоями XX в. Здесь удалось зарегистрировать тверское пуло Г-358, стратиграфическое положение которого не позволяет связать его надежно со слоем супеси черного цвета с включениями угля и кирпичной крошки (табл. 1, 84; рис. 5, 10).

Рис. 6. Тверь, Односторонняя ул., д. 7в: 1 — план постройки 2 на уровне пола; 2 — стратиграфический разрез постройки 2 (а — темно-коричневая супесь (огородный слой); б — светло-коричневая супесь; в — уголь; г — желтый песок; д — материк (желтый песок); е — мусор; ж — красная кирпичная крошка; з — дерево, ветки, древесный тлен; и — серая супесь; к — черная супесь; л — прокал; м — коричневый песок; н — зола; о — кирпичи, камни)

Fig. 6. Tver, 7в Odnostoronnyaya ul.: 1 — layout of the structure 2 on the floor level; 2 — stratigraphic section of the structure 2 (а — dark brown sandy clay (garden layer); б — light brown sandy clay; в — coal; г — yellow sand; д — natural ground (yellow sand); е — rubbish; ж — red broken brick; з — timber, twigs, wood decay; и — grey sandy clay; к — black sandy clay; л — “prokal”; м — brown sand; н — ash; о — bricks, stones)

изображениями, оттиснутыми на куске расплющенной проволоки (табл., 91, 92; рис. 5, 16, 17).

На глубине 128,77–128,80 м БСВ на дне ямы удалось проследить остатки фрагментарно сохранившегося пола в виде золы с включением древесного тлена. При снятии элементов пола фиксировалась тонкая мешаная прослойка, состоящая из светло-коричневой и серой супеси с включениями углей. Особенности ее расположения указывают на формирование в период бытования постройки 2. С этой прослойкой связаны находки новгородского пула Г-441 эмиссии Василия III около 1505–1515/20 гг. и московского — Г-405, чеканенного около 1536–1560-х гг. в правление Ивана IV (табл., 93, 94; рис. 5, 18).

Происходящие из заполнения котлована постройки 2 монеты из различных напластований отличаются хронологически. Со слоем засыпки в виде черной супеси связана серия тверских пул, типичных для денежного обращения, сформиро-

ванного не ранее 1560-х гг. Экземпляры из слоя засыпки светло-коричневой и серой супеси, а также со дна сооружения, более архаичны и свойственны монетному обороту первой половины — середины XVI в. При этом не исключен длительный период бытования этих пул с продолжением до Смутного времени. Однако здесь следует помнить об отсутствии среди находок тверской чеканки Ивана Грозного.

Дополнительный материал, подтверждающий разделение нумизматической коллекции на две хронологические группы, был получен при случайном обрушении восточной стенки раскопа при исследовании постройки на отметках 128,55–128,57 м БСВ. Обвалу подверглась в основном мешаная черная супесь с включениями красной кирпичной крошки и мелких обожженных камней (Григорьева, 2022. С. 117, 118).

Со слоем обрушения связаны находки двух тверских пул Г-361, 362 и четырех подражаний

маленьким пулам. Один экземпляр на условной лицевой стороне несет схематическое изображение птицы вправо, на оборотной — имитацию легенды из буквообразных знаков. На остальных подражаниях присутствуют неясные схематические рельефы. Заготовки из расплющенной проволоки использовались для трех экземпляров, одна вырезана из медной пластины (табл., 95–100; рис. 5, 19–21; 7, 1–3).

Таким образом, формирование слоя супеси черного цвета с включениями угля и кирпичной крошки по нумизматическим данным мы склонны датировать с 60-х гг. XVI в. Более раннее время формирования не позволяет указать отсутствие здесь, прежде всего, тверских пул Г-360. Отметим присутствие вместе с пулами Г-361 и Г-362 подражаний, несущих в основном схематические неразборчивые изображения и детали псевдонадписей.

Постройка 3 первоначально зафиксирована как яма 144 в квадратах А–Г/9, 10. Пятно прослежено на отметках 129,67–129,80 м БСВ. В границы раскопа попала лишь небольшая южная часть объекта с размерами по линии запад–восток — 4,95 м, по линии север–юг — от 1,93 до 2,58 м. Глубина котлована сооружения от уровня материковой поверхности составила 1,1 м. Западная стенка ровная, почти отвесная, восточная — слегка покатая. Точное описание порядка стратиграфических напластований затруднительно ввиду обрушения северной стенки раскопа на глубине около 0,7 м (Григорьева, 2022. С. 122–124).

Назначение постройки 3 из-за малой площади вскрытия не определено. Видимо, она функционировала параллельно с одной из построек, 1А или 1Б, и является частью единой усадьбы.

Основу заполнения котлована сооружения составляют мешаные желто-коричневые пески, перекрытые прослойками светло-коричневой и серой супеси. На глубине 128,83–128,91 м БСВ прослежен верх слоя мешаного желто-коричневого песка, перекрывающего тонкую золистую линзу, представляющую, видимо, остатки истлевшего деревянного пола.

Из нижней части заполнения сооружения происходит находка тверского пула Г-357, выпущенного около 1490-х — начала 1510-х гг. При разборе слоя мешаного желто-коричневого песка и напластований обвала удалось обнаружить еще два тверских пула — Г-361, 362, датируемых 60-ми гг. XVI в. (табл., 101–103; рис. 7, 4, 5).

Нумизматическая серия, связанная с заполнением частично изученной постройки 3, в целом коррелирует с монетными находками из постройки 2, где также найдены поздние тверские пула и

более ранние экземпляры, характерные для денежного обращения первой половины XVI в.

Серия русских монет позднего Средневековья также связана с заполнением двух небольших ям.

Яма 106 выявлена в квадратах Б/6–8 на отметках 129,54–129,62 м БСВ в непосредственной близости от юго-западного края постройки 1Б. Ориентирована по сторонам света, имеет овальную форму и размеры 2,90 × 1,35 м при глубине 0,24 м. Стенки покатые, дно ровное, с незначительным уклоном. Заполнение объекта представлено горелым слоем, темно-серой супесью с включениями пачины и красной обожженной глины с большим количеством крупного, среднего и мелкого шлака, связанного с остатками металлургического производства (Григорьева, 2022. С. 66, 67).

При разборе слоя заполнения ямы найдено тверское пуло Г-360 времени правления Ивана IV, датированное около 1535 — конца 1550-х гг. (табл., 104; рис. 7, 6).

Яма 143 выявлена в квадратах Е, Ж/6, 7 на отметке 129,85–129,92 м БСВ. Объект имеет квадратную форму с длиной сторон 1,75 м и глубину 0,70–0,75 м. Стенки и дно ровные. Основное заполнение состоит из мешаной светло-коричневой супеси с желтым песком мощностью 0,19–0,42 м. После прекращения использования яма, вероятно, хозяйственного назначения была засыпана слоем золы с включениями пачины мощностью 0,25–0,46 м. Верхняя часть напластований состоит из темно-коричневой супеси с включением углей мощностью до 0,14 м (Григорьева, 2022. С. 80–82).

Из верхней части заполнения происходят три нумизматические находки: два тверских пула Г-358 и серебряная московская денга Ивана IV «великокняжеского» периода правления (табл., 105–107; рис. 7, 7–9).

Яма 76, вероятно, хозяйственного назначения выявлена в квадрате Ж, 3/1 вдоль южной стенки площадки на отметках 129,80–129,84 м БСВ. Южный край уходит за границу раскопа. Объект прямоугольной формы с прослеженными размерами 1,33 × 0,82 м. Стенки и дно ровные. Заполнение состоит из темно-коричневой супеси. Глубина от уровня материковой поверхности составила 0,48 м (Григорьева, 2022. С. 56, 57).

Со слоем заполнения объекта связаны находки шести медных монет Российской империи мелких номиналов, отчеканенных в конце XIX — начале XX в. Поздними стали семь советских монет, выпущенных в 1920-е — начале 1930-х гг., при заметном преобладании экземпляров достоинством в половину копейки (табл., 108–120; рис. 7, 10–12).

Рис. 7. Нумизматические находки Великого княжества всея Руси, Русского царства, Российской империи, зарегистрированные в ходе археологического исследования культурного слоя в Твери на Односторонней ул., д. 7в, в 2022 г. Медный сплав все, кроме 9 (1327) — серебро. Фото И. Г. Самилова, К. В. Горлова

Fig. 7. Numismatic finds of the Grand Principality of All Rus, Russian Tsardom, Russian Empire, registered during archaeological research of the cultural layer in Tver in 2022 (7v Odnostoronnyaya ul.). Copper alloy, except 9 (1327) — silver. Photo by I. G. Samoilov, K. V. Gorlov

Таблица. Состав нумизматической коллекции из раскопок в Твери на Односторонней улице, дом 7в, в 2022 г.
Table. The composition of the numismatic collection from the excavations in Tver in 2022 (7v Odnostoronnyaya ul.)

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки / Дифферент	Материал	Гурт / Вес, г	Ссылки на публ.*	№ в оп. / кв.
1	Великое княжество вся Русь / Иван III	Пуло	Ок. 1485–1495	Москва	Медь	0,34	Г-407	613 / А-2
2	Великое княжество вся Русь / Иван III, Василий III	Пуло	Ок. 1503–1520	Москва	Медь	0,11	Г-406	176 / Ж-2
3	Великое княжество вся Русь / Василий III	Пуло	Ок. 1505 — ок. 1515/20	Новгород	Медь	0,14	Г-440	85 / Ж-7
4	Великое княжество вся Русь. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,27	Г-360	68 / В-7
5	Тот же	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,32	Г-360	885 / Ж-10
6	Тот же	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,36	Г-360	93 / 3-5
7	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,10	–	177 / Е-3
8	Российская империя / Елизавета Петровна	2 копейки	1757–1761	–	Медь	Сетчат.	У-?	84 / Ж-7
9	Российская империя / Александр I	2 копейки	1815	Екатеринбург / ЕМ-НМ	Медь	Гладкий	У-3191	1 / Г-9
10	Российская империя / Николай I	Полушка	1849–1855	?	Медь	Гладкий	У-?	92 / 3-6
11	Российская империя / Александр II	2 копейки	1868	Екатеринбург / ЕМ	Медь	Рубчат.	У-3693	71
12	Российская империя / Александр II	2 копейки	1880	С.-Петербург	Медь	Рубчат.	У-3793	606 / Ж-1
13	Российская империя / Александр III	3 копейки	1884	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчат.	У-3815	70
14	Российская империя / Николай II	3 копейки	1903	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчат.	У-3900	3 / 3-6
15	Германская империя / Вильгельм II	1 pfенниг	1903	Штутгарт / FF	Медь	Гладкий	КМ# 10	1293 / В-8
16	Российская империя / Николай II	3 копейки	1906	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчат.	У-3909	4 / 3-6
17	Российская империя / Николай II	2 копейки	1911	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчат.	У-3931	5 / 3-6
18	Российская империя / Николай II	1/2 копейки	1913	С.-Петербург / СПБ	Медь	Рубчат.	У-3942	8 / 3-6
19	Российская империя / Николай II	1 копейка	1915	Петроград	Медь	Рубчат.	У-3949	6 / 3-6
20	Российская империя / Николай II	1 копейка	1915	Петроград	Медь	Рубчат.	У-3949	164 / 3-5
21	Российская империя / Николай II	3 копейки	1916	Петроград	Медь	Рубчат.	У-3956	7 / 3-6
22	СССР	1 копейка	1924	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 76	45
23	СССР	Полкопейки	1925	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	97
24	СССР	Полкопейки	1925	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	99
25	СССР	Полкопейки	1925	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	100
26	СССР	Полкопейки	1925–1928	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	44
27	СССР	Полкопейки	1925–1928	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	72
28	СССР	Полкопейки	1925–1928	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	98
29	СССР	Полкопейки	1925–1928	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	72 / 3-6
30	СССР	5 копеек	1936	Ленинград	Алюм./бр.	Рубчат.	У# 101	42
31	СССР	20 копеек	1936	Ленинград	Мед./ник.	Рубчат.	У# 104	9 / 3-6
32	СССР	3 копейки	1941	Ленинград	Алюм./бр.	Рубчат.	У# 107	96

Таблица, продолжение

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки / Дифферент	Материал	Гурт / Вес, г	Ссылки на публ. *	№ в оп. / кв.
33	СССР	15 копеек	1945	Ленинград или Краснокамск	Мед./ник.	Рубчат.	У# 110	15
34	СССР	3 копейки	1946	Ленинград	Алюм./бр.	Рубчат.	У# 107	216 / В-4
35	СССР	3 копейки	1946	Ленинград	Алюм./бр.	Рубчат.	У# 107	41
36	Великое княжество вся Руси / Иван IV	Денга	1535/6-1538	Москва	Серебро	0,31	ГКХ-47	171 / А-10
37	Великое княжество вся Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — нач. 1510-х	Тверь / WФ	Медь	0,24	Г-357	169 / В-9
38	Великое княжество вся Руси / Василий III	Пуло	Ок. 1510 — нач. 1530-х	Тверь	Медь	0,30	Г-359	168 / В-10
39	Великое княжество вся Руси / Иван IV	Пуло	1530-1540-е	Тверь	Медь	0,40	Г-358	173 / В-9
40	Великое княжество вся Руси / Василий III	Пуло	Ок. 1510 — нач. 1530-х	Тверь	Медь	0,35	Г-359	165 / А-9
41	Великое княжество вся Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,40	Г-360	616 / Г-9
42	Тот же	Пуло	Ок. 1535-кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,44	Г-360	172 / В-9
43	Тот же	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,37	Г-360	607 / В-9
44	Тот же	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,36	Г-360	89 / Е-5
45	Великое княжество вся Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — нач. 1510-х	Тверь / WФ	Медь	0,44	Г-357	78 / В-7
46	Великое княжество вся Руси / Василий III	Пуло	Ок. 1510 — нач. 1530-х	Тверь	Медь	0,38	Г-359	162 / В-8
47	Великое княжество вся Руси / Иван III, Василий III	Пуло	Нач. XVI в.	Тверь	Медь	0,51	Г-415	880 / В-7
48	Великое княжество вся Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530-1540-е	Тверь	Медь	0,20	Г-358	612 / В-7
49	Великое княжество вся Руси / Василий III	Пуло	2-я пол. 1520-х	Москва	Медь	0,38	Г-410	77 / В-7
50	Великое княжество вся Руси / Василий III	Пуло	2-я пол. 1520-х	Москва	Медь	0,37	Г-410	163 / В-7
51	Великое княжество вся Руси / Василий III	Пуло	Ок. 1525 — 1535	Смоленск	Медь	0,43	—	76 / В-7
52	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,41	—	82 / В-8
53	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,42	—	79 / В-8
54	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,56	—	175 / Г-8
55	Великое княжество Рязанское / Василий Иванович	Денга	Ок. 1456-1464	Рязань	Серебро	0,31	ГП-5996	1311 / Г-9
56	Великое княжество вся Руси / Василий III	Пуло	Ок. 1510 — нач. 1530-х	Тверь	Медь	0,38	Г-359	886 / В-7
57	Великое княжество вся Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530-1540-е	Тверь	Медь	0,44	Г-358	966 / В-7
58	Тот же	Пуло	1530-1540-е	Тверь	Медь	0,44	Г-358	1297 / В-8
59	Тот же	Пуло	1530-1540-е	Тверь	Медь	0,24	Г-358?	1318 / В-8
60	Тот же	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,44	Г-360	888 / Г-7
61	Тот же	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,46	Г-360	1292 / В-8

Таблица, продолжение

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки / Дифферент	Материал	Гурт / Вес, г	Ссылки на публ.*	№ в оп. / кв.
62	Тот же	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,35	Г-360	1304 / Г-9
63	Тот же	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,39	Г-360	1315 / В-8
64	Тот же	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,26	Г-360?	969 / Г-7
65	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Бронза	0,45	Г-362	1320 / Г-8
66	Великое княжество всяя Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1536 — 1560-е	Москва	Медь	0,31	Г-405	1294 / Г-8
67	Русское царство / Иван IV, Федор Иванович	Пуло	1570–1590-е	Москва	Медь	0,34	Г-409	887 / В-7
68	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — сер. 1530-х	?	Медь	0,37	Г-528	1303 / Г-8
69	Подражание маленькому пулу (половина)		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,08	–	1296 / В-8
70	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,31	–	1322 / Г-9
71	Великое княжество всяя Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — нач. 1510-х	Тверь / WФ	Медь	0,35	Г-357	1328 / В-9
72	Великое княжество всяя Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,38	Г-360	1299 / В-9
73	Великое княжество всяя Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — нач. 1510-х	Тверь / WФ	Медь	0,38	Г-357	976 / Г-7
74	Тот же	Пуло	Ок. 1490 — нач. 1510-х	Тверь / WФ	Медь	0,50	Г-357?	1319 / В-8
75	Великое княжество всяя Руси / Василий III	Пуло	Ок. 1510 — нач. 1530-х	Тверь	Медь	0,37	Г-359	1308 / В-9
76	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,16	Г-501–537	1317 / В-8
77	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Бронза	0,37	Г-362	1403 / В-8
78	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Медь	0,35	Г-362	1409 / В-8
79	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,19	–	1393 / В-8
80	Великое княжество всяя Руси / Иван III, Василий III	Пуло	Нач. XVI в.	Тверь	Медь	0,52	Г-413?	1391 / В-7
81	Великое княжество всяя Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,39	Г-358	1527 / В-8
82	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Бронза	0,33	Г-362	1528 / В-8
83	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Бронза	0,27	Г-362	1412 / В-8
84	Великое княжество всяя Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,15	Г-358	611 / 3-9
85	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Бронза	0,32	Г-361	1385 / 3-8
86	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Медь	0,26	Г-361	1387 / 3-8
87	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Бронза	0,30	Г-361	1390 / 3-8
88	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Бронза	0,14	Г-362	1382 / 3-9
89	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Медь	0,12	Г-362	1383 / 3-9
90	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,17	–	1386 / 3-9
91	Великое княжество всяя Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — нач. 1510-х	Тверь	Медь	0,28	Г-356	1400 / 3-8

Таблица, окончание

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки / Дифферент	Материал	Гурт / Вес, г	Ссылки на публ.*	№ в оп. / кв.
92	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,16	–	1379 / 3-9
93	Великое княжество всея Руси / Василий III	Пуло	Ок. 1505 — ок. 1515/20	Новгород	Медь	0,38	Г-441?	1406 / 3-8
94	Великое княжество всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1536 — 1560-е	Москва	Медь	0,17	Г-405	1411 / 3-9
95	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Медь	0,35	Г-361	1522 / 3-8-9
96	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Медь	0,32	Г-362	1523 / 3-8-9
97	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,23	Г-Ок. 545, 546	1524 / 3-8-9
98	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,16	–	1525 / 3-8-9
99	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,07	–	1521 / 3-8-9
100	Подражание маленькому пулу		Ок. 1485 — XVI в.	?	Медь	0,08	–	1520 / 3-8-9
101	Великое княжество всея Руси / Иван III или Василий III	Пуло	Ок. 1490 — нач. 1510-х	Тверь / WФ	Медь	0,60	Г-357	1517 / В-10
102	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Медь	0,35	Г-361	1529 / В-9
103	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е	Тверь	Медь	0,08	Г-362	1526
104	Великое княжество всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1535 — кон. 1550-х	Тверь	Медь	0,36	Г-360	883 / В-8
105	Великое княжество всея Руси / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,37	Г-358	1324 / Ж-7
106	Великое княжество всея Руси / Иван IV	Пуло	1530–1540-е	Тверь	Медь	0,34	Г-358	1326 / Ж-6
107	Великое княжество всея Руси / Иван IV	Денга	1535/6–1538	Москва	Серебро	0,29	ГКХ-47	1327 / Ж-7
108	Российская империя / Александр III	2 копейки	1882	С.-Петербург / СПб	Медь	Рубчат.	У-3806	617 / Г-9
109	Российская империя / Николай II	3 копейки	1899	С.-Петербург / СПб	Медь	Рубчат.	У-3884	621 / Ж-1
110	Российская империя / Николай II	1/2 копейки	1912	С.-Петербург / СПб	Медь	Рубчат.	У-3938	620 / Ж-1
111	Российская империя / Николай II	1 копейка	1912	С.-Петербург / СПб	Медь	Рубчат.	У-3937	618 / Ж-1
112	Российская империя / Николай II	3 копейки	1913	С.-Петербург / СПб	Медь	Рубчат.	У-3939	881 / Ж-1
113	Российская империя / Николай II	3 копейки	1914	С.-Петербург / СПб	Медь	Рубчат.	У-3943	619 / Ж-1
114	СССР	20 копеек	1929	Ленинград	Серебро	Рубчат.	У# 88	838 / Ж-1
115	СССР	Полкопейки	1927?	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	839 / Ж-1
116	СССР	Полкопейки	1927?	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	840 / Ж-1
117	СССР	Полкопейки	1927?	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	841 / Ж-1
118	СССР	Полкопейки	1925	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	842 / Ж-1
119	СССР	Полкопейки	1925	Ленинград	Медь	Рубчат.	У# 75	909 / Ж-1
120	СССР	1 копейка	1933	Ленинград	Алюм./бр.	Рубчат.	У# 91	843 / Ж-1

* Г — Гайдуков, 1993; У — Уздеников, 2011; ГКХ — Гришин и др., 2021; ГП — Гулицкий, Петрунин, 2022; КМ, У — Международный каталог монет мира (<https://ru.uscoin.net/>).

Выводы

Зарегистрированная в ходе раскопок на Односторонней улице Твери нумизматическая коллекция выступает информативным источником истории повседневного денежного обращения города в конце XV — XVI в., иллюстрируя особенности его структуры. Эта серия нумизматических находок, полученных в ходе изучения культурного слоя, может стать важным хронологическим индикатором, маркирующим время его формирования. Отметим, что в различных по структуре слоях встречаются монеты определенных хронологических интервалов, в течение которых денежные знаки, как представляется, выпадали из обращения. Можно заключить, что формирование этих слоев происходило в различное время, которое, однако, в целом не переходило границ конца XV — начала XVII в.

Серии пул, выпущенных во время правления Ивана III и Василия III, без примеси чеканки Ивана IV, могут маркировать денежное обращение периода конца XV — первой трети XVI в. Отметим наличие среди этих монет относительно редких для культурного слоя Твери московских пул Г-410 с шагающим орлом влево и смоленского пула с изображением двуглавого орла впрямь. Ранние монеты отчасти встречены в слое светло-коричневой супеси, зафиксированной *in situ*, серо-коричневой супеси, представлявшей верхнюю часть засыпки котлована постройки 1А на отметках 129,79–129,63 м БСВ, в линзе темно-серой супеси, перекрывавшей переотложенные элементы отопительного сооружения (постройка 1А).

Период второй трети XVI в. представлен в коллекции в основном маленькими тверскими пулами Ивана IV наиболее массовых типов с изображением птицы влево с цветком в клюве и шагающей птицей влево с распростертыми крыльями. Московских пул этого времени с изображением крылатой сирены найдено всего два. Данные находки, маркирующие продолжение накопления слоя серо-коричневой супеси (засыпка котлована постройки 1А на отметках 129,63–129,09 м БСВ), зарегистрированы также в тонких прослойках переотложенного материкового грунта — желтого песка и прослоек желтой супеси, зафиксированной между материком и слоем темно-коричневой супеси. Одно из пул Г-360 найдено в засыпке между стенками котлована и впущенного в него сруба постройки.

Важное значение в качестве хронологического индикатора среди нумизматических находок получила серия поздних тверских пул Ивана IV двух вариантов с изображением шагающей птицы вправо

с распростертыми крыльями, выпуск которых осуществлялся в 60-е гг. XVI в. Часть находок таких монет зарегистрирована на полу построек 1А и 1Б, маркировав таким образом время их существования. Известны такие монеты среди находок из слоя серо-коричневой супеси, где также зафиксировано московское пуло Г-409 с птицей влево, выпускавшееся не ранее конца 60-х гг. XVI в. Данные находки указывают на продолжение формирования этого слоя в 1560–1570-е гг., теоретически вплоть до событий Смутного времени, когда медные монеты из-за высокой инфляции, во всяком случае в центральных землях Русского царства, исчезли из оборота. В таком хронологическом контексте тверские пула Г-361 и Г-362 могут относительно узко (последней третью XVI — самым началом XVII в.) датировать слой супеси черного цвета с включениями угля и кирпичной крошки, представляющий верхнюю часть засыпки постройки 2, с которым связаны исключительно обозначенные монеты и подражания маленьким пулам.

Отметим, что среди нумизматических находок нет экземпляров больших пул, выпускавшихся в Твери массовыми тиражами до конца 80-х гг. XV в. Не зафиксировано на раскопе и крупноформатных московских пул Г-401, 402, чеканенных в начале правления Ивана IV (Зайцев, 2019б. С. 179, 180). Их топография по-прежнему остается связанной в основном с Московскими и Смоленскими землями.

Полученная нумизматическая коллекция демонстрирует интенсивный выход из обращения больших пул XV в. после прекращения их производства. Данная ситуация могла быть связана с низкой ценностью таких монет, что позволяло им относительно быстро выпадать из оборота, например, в виде обычных потерь. Наблюдения авторов над составами нумизматических коллекций, полученных в ходе многолетних археологических раскопок в Твери, позволяют фиксировать смены типологического состава пул XV в. в контексте времени их выпуска. Подробное освещение данной проблемы требует отдельной работы, которую необходимо проделать. Здесь только отметим крайне редкую регистрацию в одних напластованиях пул Михаила Борисовича, например типа Г-XX, или чеканку Ивана Ивановича вместе с образцами Бориса Александровича.

Высказанное В. В. Хухаревым мнение о продолжительности бытования больших пул в XVI в. в материалах коллекции с Односторонней улицы подтверждения не находит (Хухарев, 1997; 2001. С. 280, 281). Ранее при публикации нумизматических находок, полученных при раскопках в Твери,

мы высказывали свою позицию по этому вопросу и отмечали слабые стороны аргументации В. В. Хухарева, связанные, в частности, с отсутствием подробного стратиграфического анализа комплексов, на материалах которых выстраивались выводы (Горлов и др., 2022. С. 141, 142).

Отметим регистрацию в ряде случаев вместе с монетами 60-х гг. XVI в. многочисленных находок кустарных подражаний маленьким пулам. За единственным исключением подражания изготовлены путем расплющивания обрезанных кусков медной проволоки. Только один экземпляр вырезан из листа металла. На двух экземплярах распознаются рельефы в виде двуглавых орлов, что позволяет отнести их прототипы к выпускам Ивана III и Василия III. На одном подражании присутствует схематическое изображение птицы вправо, которое в большей степени типично для чеканки Ивана IV. На остальных экземплярах помещены неразобранные нами схематические рельефы и буквообразные знаки. Часть подражаний вовсе не имеет рельефов и представляет собой гладкие пластины из расплющенной проволоки.

П. Г. Гайдуков датировал подражания маленьким пулам концом XV — XVI в. Регионом производства основной массы подражаний исследователь считал Тверские и Московские земли (Гайдуков, 1993. С. 79; Волков, Воронин, 2024. С. 285).

В. В. Зайцев указывал, что широкое распространение подражания маленьким пулам получили в правление Василия III и, вероятнее всего, не выбраковывались из обращения, служа при расчетах вместе с подлинными медными монетами, выпуск которых в это время имел эпизодический характер (Зайцев, 1995а. С. 47; 1995б. С. 27; 2019б. С. 179).

Исследователь пишет, что уже к концу 1530-х — началу 1540-х гг. русское денежное обращение полностью очистилось от многообразных медных монет XV — первой трети XVI в., а также всякого рода кустарных подражаний пулам. Специально для замены пестрой массы старых медных монет и их подражаний в Москве около 1535 г. начался выпуск крупных пул с изображением двуглавого орла, а затем сирены. Культурный слой Москвы показывает быстрый выход из обращения различного рода кустарных подделок (Зайцев, 2019б. С. 179, 180).

Представленная В. В. Зайцевым картина с быстрым исчезновением подражаний из оборота, вероятно, справедлива не для всех русских земель. О быстром выходе кустарных подделок возможно говорить, например, относительно Московских и Смоленских земель, откуда происходит подавляющее большинство крупных пул Г-401, Г-402, пришедших им на замену.

В Твери и ее округе была иная, как представляется, ситуация со временем обращения подражаний маленьким пулам. Ранее в научный оборот вводились клады, состоявшие из кустарных подделок и подлинных медных монет Ивана IV, выпущенных не ранее 60-х гг. XVI в. (Хухарев, 2004. С. 149, 150).

Публикуемые нами материалы также указывают на обращение в пределах Твери кустарных подражаний маленьким пулам на протяжении всего XVI в. Исчезновение фальсификатов из оборота происходило, вероятно, параллельно с исчезновением подлинных медных монет в период Смутного времени. Таким образом, в бытовании подражаний маленьким пулам в течение XVI в. прослеживаются региональные особенности. Например, среди нумизматических коллекций Пскова подражания маленьким пулам почти неизвестны, как и сами подражания, копирующие псковские и новгородские пула (Гайдуков, 1993. С. 79).

Обращает на себя внимание количественное соотношение позднесредневековых серебряных и медных монет, включая подражания, — 3:76. Подобная ситуация прослеживалась и ранее на примере материалов из Москвы, Смоленска, Твери (Хухарев, 1997. С. 249; Гайдуков, Кренке, 2009. С. 103, 104; Зайцев, 2020; Горлов и др., 2022; 2023). Археологические раскопки ЦСА ИИМК РАН в 2022–2023 гг. в Твери на территории Речного вокзала показали иное соотношение медных пул и серебряных монет в пользу увеличения количества экземпляров из драгоценного металла¹⁹. Будет перспективно проследить намеченную тенденцию на примере находок других археологически исследованных площадок Твери.

Следы огня в исследованных раскопками постройках говорят о чрезвычайных событиях, приведших к их гибели. Возможно, пожар связан с опричным походом Ивана IV и разорением Твери в Смутное время. Регистрация в пределах раскопа следов металлургического производства не исключает катаклизма, связанного с хозяйственной деятельностью.

Следует отметить, что интенсивное хозяйственное освоение исследованной раскопками территории, отнесенное нами к концу XV — XVI в., зафиксировано в северной части площадки, где встречен культурный слой и остатки сооружений (материковых ям) этого времени. Использувавшаяся в Средневековье земля отделена от необжитой территории линиями параллельных частокольных канавок, сменявших друг друга.

¹⁹ Определение нумизматического материала осуществлено К. В. Горловым (ИИМК РАН), в настоящее время коллекция готовится к публикации.

- Богомолов, 2018 — Богомолов А. В. О некоторых результатах спасательных археологических работ на территории Затымацкого посада г. Твери в 2014 г. // ТТЗ. 2018. Вып. 11. С. 114–121.
- Бушлякова, Волков, 2010 — Бушлякова В. А., Волков И. В. Тверские клады XVI — начала XVIII в. Вып. 1: Комплексы с сохранившейся кладовой керамикой в собрании Тверского объединенного музея. М.: Нумизматическая литература, 2010. 80 с.
- Быков, 1988 — Быков А. В. О содержании термина «пирог» в денежном обращении России XVII в. // Нумизматика: материалы и исследования. Ч. 10. М.: ГИМ, 1988 (Труды ГИМ; Вып. 69). С. 6–13.
- Быков, 2001 — Быков А. В. «Обол Харона» русских кладбищ второй половины XVII — первой половины XVIII в. (на примере подъемного материала из Вологды) // IX ВНК (Великий Новгород, 16–21.04.2001): ТДС / Отв. ред. В. А. Калинин. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2001. С. 145–146.
- Виноградова, Виноградов, 2002 — Виноградова Е. А., Виноградов А. Д. Тверь XVI–XVIII вв. Очерки истории и экономики. Тверь: Тверское княжество, 2002. 356 с.
- Волков, Воронин, 2024 — Волков И. В., Воронин К. В. Клад маленьких пул из раскопок 2020–2021 гг. в Москве в Стремянном переулке // Русское денежное обращение IX–XVII веков. Материалы Новгородской нумизматической конференции. Т. I / Отв. секретарь И. В. Волков. М.: Столичное археологическое бюро, 2024. С. 284–287.
- Волков, Зайцев, 2023 — Волков В. А., Зайцев В. В. Смоленские пула // XXII ВНК (Смоленск, 22–26.05.2023): ТДС / Ред. П. Г. Гайдуков. Смоленск, 2023. С. 203–205.
- Волков, Зубарев, 2023 — Волков И. В., Зубарев Н. В. Клад русских пул XVI века с Большой Татарской улицы // Альманах ICOMOS. 2023. М.: Энерджи-Групп, 2023. С. 113–115.
- Гайдуков, 1993 — Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука, 1993. 293 с.
- Гайдуков, Кренке, 2009 — Гайдуков П. Г., Кренке Н. А. Средневековые монеты из раскопок на Романовом дворе // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 12). С. 101–109.
- Гоняный, Зайцев, 2021 — Гоняный М. И., Зайцев В. В. Два монетных комплекса XVI в., обнаруженных на селище Спас-Купля 1 в Новой Москве // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 9 / Отв. ред. В. В. Зайцев. М.: Контраст, 2021. С. 420–436.
- Горлов и др., 2022 — Горлов К. В., Лапшин В. А., Михайлов К. А., Лазарев А. А., Хлуднев К. В., Конончук К. В., Филиппенко Р. В., Бессуднов А. А. Нумизматические находки в Твери и Тверской области в 2019, 2020 гг. (по материалам работ ИИМК РАН) // АВ. 2022. Вып. 37. С. 134–171.
- Горлов и др., 2023 — Горлов К. В., Миненко В. В., Разумов И. Н. Методика описания и актуализация нумизматического материала из раскопок в Смоленске в 2005 г. (по материалам спасательных работ отдела охранных раскопок ИА РАН) // АВ. 2023. Вып. 40. С. 146–183.
- Григорьева, 2022 — Григорьева Н. В. Научно-технический отчет о проведении научно-исследовательских археологических работ по сохранению объекта культурного наследия в виде спасательных археологических работ (раскопки) на территории объекта археологического наследия: «Культурный слой г. Тверь XV — XIX вв.» в зоне строительства жилого дома на земельном участке с кадастровым номером 69:40:0400021:0019 по улице Односторонней, д. 7 в г. Тверь. Т. 1: Текстовая часть. СПб.: 2022. 234 с. // Архив ЦСА ИИМК РАН.
- Гришин и др., 2021 — Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В. Каталог русских монет от Ивана Грозного до Петра Великого. 2-е изд., перераб. М.: ЛеопАрт, 2021. 880 с.
- Гулецкий, Петрунин, 2022 — Гулецкий Д. В., Петрунин К. М. Русские средневековые монеты. 2-е изд. СПб.: Контраст, 2022. 676 с.
- Зайцев, 1995а — Зайцев В. В. Новые находки медных пул XV–XVI вв. при археологических раскопках в Москве // III ВНК (Владимир, 17–21.04.1995): ТДС / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: Институт этнографии РАН, 1995. С. 46–48.
- Зайцев, 1995б — Зайцев В. В. Пула XV–XVI вв. из археологических раскопок в Москве 1993–1994 гг. // Международный нумизматический альманах «Монета». Вып. 3 / Отв. ред. А. В. Быков. Вологда: Ардвисура, 1995. С. 22–30.
- Зайцев, 1999 — Зайцев В. В. Три монетных комплекса XV–XVI вв. из раскопок на Гостином дворе в Москве // VII ВНК (Ярославль, 19–23.04.1999): ТДС / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: ГИМ, 1999. С. 114–118.
- Зайцев, 2016 — Зайцев В. В. Основные этапы формирования общерусской денежной системы (вторая половина XV — первая треть XVI в.) // Русский сборник. Вып. 8, т. 1 / Ред. Е. А. Шинаков. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 218–224.
- Зайцев, 2018 — Зайцев В. В. Денга Бориса Годунова и некоторые вопросы участия мелких номиналов в обращении в начале XVII в. // Нумизматические чтения ГИМ 2018 г. (Москва, 27–28.11.2018): Материалы докл. и сообщ. / Под ред. Е. В. Захарова. М.: Возрождение, 2018. С. 179–184.
- Зайцев, 2019а — Зайцев В. В. Медные монеты новгородской чеканки XV–XVI вв. // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Вып. 7 / Под ред. Д. В. Гулецкого. Тула: Борус-Принт, 2019. С. 284–292.

- Зайцев, 2019б — Зайцев В. В. О датировке некоторых типов поздних московских пул // Нумизматические чтения ГИМ 2019 г. (Москва, 26–27.11.2019): Материалы докл. и сообщ. / Под ред. Е. В. Захарова. М.: Возрождение, 2019. С. 174–181.
- Зайцев, 2019в — Зайцев В. В. О датировке различных типов новгородских пул XV–XVI вв. // XX ВНК (Великий Новгород, 16–20.04.2019): ТДС / Ред. П. Г. Гайдуков. М.: Возрождение, 2019. С. 164–168.
- Зайцев, 2020 — Зайцев В. В. Монеты из раскопок в Смоленске // Пронин Г. Н., Соболев В. Е. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Вып. 2. М.: ИА РАН, 2020. С. 326–334.
- Зайцев, Бадретдинов, 2019 — Зайцев В. В., Бадретдинов Н. Н. Комплекс пул конца XV в. из Ярославской области // Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики: Сб. ст. Вып. 7 / Под ред. Д. В. Гулецкого. Тула: Борус-Принт, 2019. С. 280–283.
- Зверев, 2002 — Зверев С. В. Денежное обращение в Кексгольмском лене в первой половине XVII в. // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие / Ред. А. В. Лаврентьев. М.: ГИМ, 2002. С. 175–199.
- Зверев, Колызин, 2025 — Зверев С. В., Колызин А. М. Медное пуло с зеркальным отпечатком на окисле новгородской копейки Лжедмитрия I (1605–1606) // XXIII ВНК (Псков, 19–24.05.2024): ТДС / Ред. П. Г. Гайдуков. Псков: Печатный двор «Стерх», 2025. С. 150–152.
- Исаев и др., 2021 — Исаев А. А., Волков И. В., Гайдуков П. Г. Нумизматические находки из раскопок в Твери на ул. Новоторжской в 2019–2020 гг. // XXI ВНК (Тверь, 24–29.05.2021): ТДС / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. Тверь: Тверская Фабрика Печати, 2021. С. 186–188.
- Лапшин, 2009 — Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб.: Фак-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.
- Мельникова, 1989 — Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 год). М.: Финансы и статистика, 1989. 318 с.
- Новиков, Хухарев, 1999а — Новиков А. В., Хухарев В. В. Клад времени Ивана IV из Твери // VII ВНК (Ярославль, 19–23.04.1999): ТДС / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: ГИМ, 1999. С. 118–119.
- Новиков, Хухарев, 1999б — Новиков А. В., Хухарев В. В. Монеты из погребений некрополя у церкви Алексея — человека Божия в Твери // ТТЗ. 1999. Вып. 3. С. 155–165.
- ПСРЛ, 1853 — Полное собрание русских летописей. Т. VI: Софийские летописи. СПб.: В тип. Эдуарда Праца, 1853. 358 с.
- Персов, Солдатенкова, 2007 — Персов Н. Е., Солдатенкова В. В. Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затымацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 1992–2002 гг.) // Тверской археологический сборник. Вып. 6, т. II. Тверь: Триада, 2007. С. 345–379.
- Рудников, 2016 — Рудников С. А. Археологические данные к топографии средневековой улицы на Затымацком посаде Твери (по результатам раскопок 2014 г.) // ТТЗ. 2016. Вып. 9. С. 221–228.
- Рудников, 2018 — Рудников С. А. О находках монет XVI в. из средневековой постройки на территории Затымацкого посада Твери (по материалам раскопок 2014 г.) // ТТЗ. 2018. Вып. 11. С. 141–147.
- Сафарова и др., 2009 — Сафарова И. А., Хухарев В. В., Клочков К. В. Клад монет времени Василия Шуйского из археологических исследований 2007 г. в Твери // XV ВНК (Ростов-на-Дону, 20–25.04.2009): ТДС / Отв. ред. И. В. Ширяков. М.: ИТА-Принт, 2009. С. 150–152.
- Сафарова и др., 2019 — Сафарова И. А., Хохлов А. Н., Беляев Л. А. Постройки XV–XVI вв., расположенные вблизи апсид собора Спаса Преображения в Тверском кремле (по материалам раскопок 2013–2014 гг.) // ТТЗ. 2019. Вып. 12. С. 196–220.
- Смирнов и др., 2018 — Смирнов А. Н., Алексеев А. В., Двуреченский О. В. Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в окрестностях средневекового Звенигорода // ТТЗ. 2018. Вып. 11. С. 252–289.
- Солдатенкова, Персов, 2005 — Солдатенкова В. В., Персов Н. Е. К вопросу о бронзолитейном производстве и бытовании некоторых образцов медного литья в одном из кварталов средневековой Твери XV–XVI вв. // Ставрографический сборник. Кн. III. М.: Древлехранилище, 2005. С. 210–222.
- Спасский, 1955 — Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. III. М.: АН СССР, 1955 (МИА; № 44). С. 214–354, табл. I–IV.
- Уздеников, 2011 — Уздеников В. В. Монеты России 1700–1917. 4-е изд. М.: Любимая книга, 2011. 498 с.
- Хохлов, Нестерова, 1996 — Хохлов А. Н., Нестерова М. Е. О постройках домонгольского времени на территории Затымацкого посада Твери // ТТЗ. 1996. Вып. 1. С. 158–173.
- Хухарев, 1997 — Хухарев В. В. Монетные находки из раскопа № 7 Тверского кремля // ТТЗ. 1997. Вып. 2. С. 247–256.
- Хухарев, 2000 — Хухарев В. В. Тверской денежный двор в XVI в. при Иване Грозном // VIII ВНК (Москва, 17–21.04.2000): ТДС / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: ГИМ, 2000. С. 145, 146.
- Хухарев, 2001 — Хухарев В. В. К топографии монетных находок и кладов Старицких и Микулинских земель

- // Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник. Ч. XIV / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: Желдориздат, 2001 (Труды ГИМ; Вып. 115). С. 272–295.
- Хухарев, 2004 — Хухарев В. В. О новой находке клада малых пул и подражаний на Старицком городище // XII ВНК (Москва, 19–24.04.2004): ТДС / Отв. ред. А. С. Мельникова. М.: Тиссо-Полиграф, 2004. С. 149–151.
- Хухарев, Осипов, 2003 — Хухарев В. В., Осипов С. В. О новых монетных находках из г. Старицы // XI ВНК (С.-Петербург, 14–18.04.2003): ТДС / Отв. ред. Н. В. Ивочкина. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. С. 179–181.

Numismatic finds from the excavations of the Rescue Archaeology Center of the IHMC RAS in Tver in 2022 (Odnostoronnyaya ul.)

K. V. Gorlov, K. V. Khludnev, K. A. Mikhaylov²⁰

Keywords: Tver, coins, pūls, copper, currency, retail trade, structures, dating

A pressing issue for Russian numismatics is still to clarify the term of circulation of large 15th-cent. pūls after the cessation of their output, as well as the possible role of small pūls in 17th-cent. monetary circulation. The classification and dating of Tver and Pskov small pūls requires further study. Archaeological excavations are providing the necessary source base for solving these tasks.

In 2022, a team of the Tver Regional Archaeological Expedition of the Rescue Archaeology Center of the Institute for the History of Material Culture of the RAS conducted rescue excavations at 7b Odnostoronnyaya St. in Tver. At the natural ground level, the infill of 16th-cent. building pits and 174 pits, some of which date to the same period, were investigated. A collection of 120 coins, most of which date to the late 15th and 16th cent., is one of the most important finds (Table 1). Numismatic finds include 76 small pūls from Tver, Moscow, Novgorod, and Smolensk, along with imitations of such coins. Only three silver coins were discovered. The remaining coins date from the late 19th to the 20th cent. The first group of coin finds was recorded in a layer without connection with any objects, while the second group was discovered during the study of building pits and small pits in the natural ground.

The stratigraphic situation within the excavated area and the time of the coins' minting suggest intensive economic development of this territory from the late 15th and throughout the 16th cent. The collection contains no coins from the 17th cent. and only one from the 18th cent., indicating either a cessation of active development of the territory during this period or a reorientation of economic activity. Judging by the numismatic material, the second intensive development of the territory occurred no earlier than the mid-19th cent.

Among the discovered coins there are no examples of large pūls issued in Tver in massive quantities until the late 1480s. The resulting numismatic collection demonstrates the intensive withdrawal of large 15th-cent. pūls from circulation after the cessation of their output.

²⁰ Konstantin V. Gorlov, Kirill V. Khludnev, Kirill A. Mikhailov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru, mikhaylov_kirill@mail.ru, kkhudnev@gmail.com.

Невидимая смерть первых строителей Петербурга: результаты сопоставления антропологических, археологических и исторических источников

И. Г. Широбоков¹

Аннотация. В статье рассматривается возможная датировка коллективных погребений, выявленных в районе Сытнинской улицы, а также наиболее вероятные причины смерти — эпидемия и голод. Обсуждаются возможные обоснования отсутствия погребений на картах Петербурга, прежде всего в результате исключения временного населения из структуры городского пространства.

Ключевые слова: первые строители Петербурга, коллективные захоронения, голод.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-130-141

Введение

В 2014 г. в ходе охранных раскопок, проведенных сотрудниками ИИМК РАН в центре Санкт-Петербурга, была исследована ранее неизвестная группа коллективных и индивидуальных захоронений первой четверти XVIII в. (Соловьев, 2016). Всего было изучено шесть погребений, расположенных на пересечении Сытнинской и Кронверкской улиц, в нескольких сотнях метров к северу от Кронверка и Петропавловской крепости. В них находились костные останки 255 человек, 249 из них располагались в трех погребениях. Умершие были уложены двумя плотными рядами в три яруса, без гробов. Почти все погребенные находились в положении лежа на спине, с руками, скрещенными на груди или тазовых костях, головами на запад и юго-запад. Отдельные скелеты, образующие дополнительные ряды в западной части погребения 1, а также скелет в центральной части погребения 4 располагались перпендикулярно остальным, головой на север или юг. Как показывают материалы археологического отчета, анатомический порядок части скелетов в восточной части погребения 1 отчасти нарушен. Ранее автор высказал осторожное предположение, что это может указывать на присутствие здесь более

раннего захоронения (Широбоков, 2019). Однако участник раскопок Р. В. Филиппенко отметил, что в действительности нарушение анатомического порядка скелетов, вероятнее всего, произошло в процессе раскопок: захоронения находились во влагонасыщенной супеси, и в ходе проведения работ была прокопана водоотводная канава с приемком в углу, где был установлен насос. При углублении приемка в него сползла часть заполнения могильной ямы, а вместе с ним нарушилось исходное положение нижнего слоя скелетов. К сожалению, в отчете эти обстоятельства не отражены².

Захоронения в коллективных погребениях были совершены без гробов. Однако в них зафиксированы стволы и ветки молодых елей, которые, возможно, имели не только ритуальное значение, но и использовались для переноса тел — во всяком случае длина некоторых стволов превышает длину человеческого тела³. Археологические находки

² Автор выражает искреннюю признательность Р. В. Филиппенко (ИИМК РАН) за комментарии к тексту и иллюстративному материалу археологического отчета.

³ По свидетельству неизвестного немецкого автора описания Петербурга 1710–1711 гг., «с умирающими из бедных классов здесь не много, впрочем, церемонятся: труп, завернув в рогожку, привяжут веревками к шесту [курсив мой. — И. Ш.] и таким образом несут его два человека, а много что [кого] везут на дровнях (как мне самому случалось видеть), совсем наг[им] на кладбище, где зарывают его в землю без всякого дальнейшего обряда» (Описание Санкт-Петербурга..., 1860. С. 58).

¹ Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург; e-mail: ivansmith@bk.ru.

© Широбоков И. Г., 2025

представлены различными вариантами лыковой и кожаной обуви, а также нательными крестами, характерными для XVII–XVIII вв. (Лапишин, 2019). Среди обуви выделяются разные категории: берестяные лапти, предохранительная обувь из лыка, надеваемая поверх кожаной, ботинки и поршне-видная обувь. Некоторые из исследованных видов обуви хорошо известны по археологическим материалам Северо-Запада России, другие же находят параллели у аборигенного и русского населения Западной Сибири (Курбатов, 2015).

Все скелеты с установленным полом принадлежали мужчинам разных возрастов. Какие-либо следы насильственной смерти или боевых ранений на костях скелета отсутствуют. Все выявленные травмы (большинство из которых представлено зажившими переломами костей носа и ребер) носят хозяйственно-бытовой характер. Расположение и характеристика погребений позволяют предположить, что, вероятно, в них были захоронены тела рабочих людей — крестьян, принудительно мобилизованных для выполнения трудовой повинности в Петербурге в первые полтора десятилетия его существования.

При зачистке дна погребения 1 были обнаружены 12 проволочных серебряных копеек петровского времени. Самые ранние экземпляры относятся ко времени совместного правления Ивана V и Петра I (1682–1696 гг.), а самые поздние датируются 1703 г. (Горлов, Соболев, 2024). Это дало основания авторам публикации предположить, что погребения были совершены в 1703–1704 гг. При этом массовый характер погребений (единовременное захоронение более 100 человек), по мнению исследователей, может свидетельствовать о смерти погребенных в результате эпидемии (Лапишин, 2019; Горлов, Соболев, 2024). Однако оба эти утверждения — о ранней датировке и эпидемическом характере захоронений — требуют более детального рассмотрения.

О возможной датировке погребений

Датировка погребений (в частности, погребения 1, в котором обнаружены монеты) 1703–1704 гг. представляется возможной, но маловероятной. Отсутствие монет, выпущенных ранее 1703 г., фиксирует нижнюю границу возможного периода захоронений. Как указывает К. В. Горлов, на 1700–1704 гг. приходятся годы наиболее масштабной чеканки серебряных копеек (Горлов, Соболев, 2024. С. 50). Это несомненно оказало влияние на распределение монет в археологических комплексах, примеры чему можно найти в работах

самого К. В. Горлова. Например, в захоронении предполагаемых жертв чумы 1739 г. в Азове обнаружена 131 серебряная копейка, среди которых чаще других встречаются монеты именно 1700–1703 гг. (Горлов и др., 2023. С. 137). Важно также учитывать, что денежное жалованье, которое получали рабочие люди, не формировалось непосредственно за счет поступлений из монетных дворов. Оно собиралось за счет специальных налогов с населения губерний, а в некоторых случаях во избежание задержек с поступлением целевых средств — за счет соляного сбора (Андреева, 2006. С. 198, 199).

Однако само по себе предположение о ранней датировке погребений хорошо согласуется с результатами сопоставления антропологических данных и исторических сведений о происхождении рабочих людей (Широбоков, 2019). В 2019 г. автор сравнил средние краниометрические характеристики погребенных из трех коллективных захоронений с характеристиками различных выборок Нового времени, условно сгруппированных согласно их территориальной принадлежности к губерниям в границах 1708 г. Затем результаты анализа были сопоставлены с данными исторических источников о территориальном происхождении привлеченного к строительству населения (Андреева, 2006). Было высказано предположение, что захоронения были совершены в период между 1706 и 1711 гг. Главным аргументом в пользу этой гипотезы является сходство средних краниометрических характеристик погребенных и выборок русского населения Камско-Вятского междуречья, а также коми-пермяков, коми-зырян и удмуртов. Часть соответствующих краниологических выборок локализуется в пределах Сибирской губернии, население которой не привлекалось к участию в строительных работах за пределами указанного периода (Широбоков, 2019)⁴. Кроме того, этот период совпадает со временем проведения основных строительных работ в Кронверке (Андреева, 2006. С. 50), недалеко от которого расположены погребения. Эта территория оставалась незаселенной в допетровское

⁴ В петровское время Сибирская губерния охватывала обширные территории к западу от Уральских гор. Впоследствии эти территории стали частью Казанской губернии. Обзору исторических свидетельств, согласно которым Урал и Вятский край и в период после Петра I воспринимались частью Сибирского региона, посвящена статья В. А. Коршункова (Коршунков, 2023).

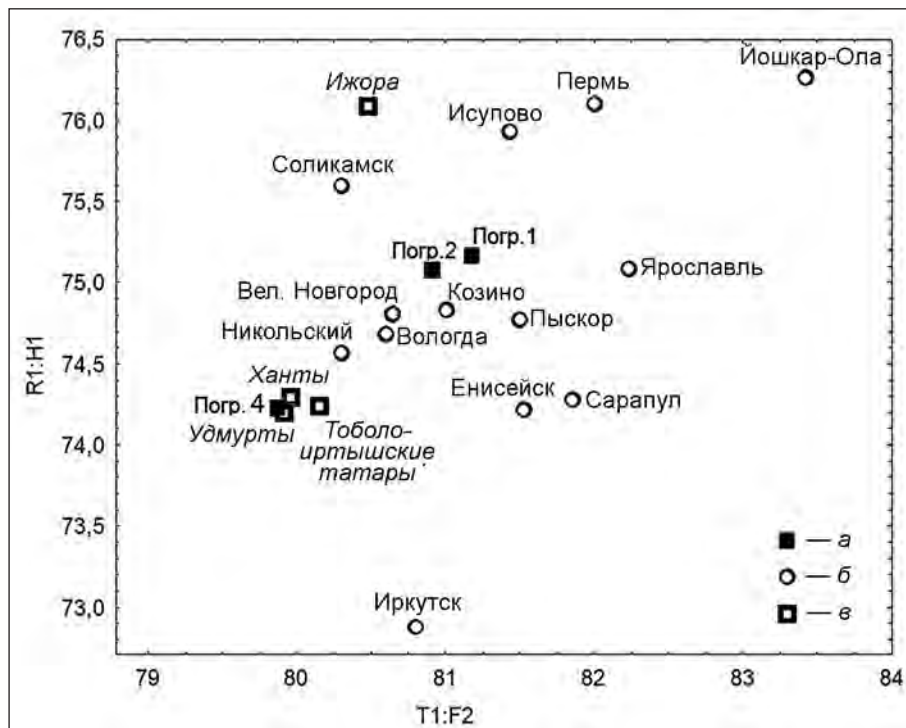

Рис. 1. Средние значения луче-плечевого (R1:H1) и берцово-бедренного (T1:F2) указателей в некоторых скелетных сериях Нового времени (а — захоронения на Сытнинской улице, б — серии русских, в — другие серии)

Fig. 1. Mean observation of brachioraial (R1:H1) and iliotibial (T1:F2) indexes in some skeletal series of the Modern period (a — burials on Sytninskaya ul., б — series of the Russians, в — other series)

[Багашев, 1993; Евтеев, 2015; Радзюн, 1980; Рейс, Савенкова, 2017; Рыкушина, 1991; Синева, 2013; Смертин, 2024; Федосова, 1987; 1988; Харламова и др., 2015; Широбоков, 2019; 2024; неопубликованные данные автора]

время и была покрыта лесом вплоть до 1705 г., когда была проведена ее расчистка для обеспечения зоны обстрела. Залесенным этот участок обозначен на плане-реконструкции 1700 г., составленном в Военно-топографическом депо в середине XIX в. (Планы Санкт-Петербурга..., 1846).

Впрочем, приходится признать, что в краниологическом обосновании этой гипотезы также есть слабые места.

Во-первых, внутри- и межгрупповая изменчивость краниометрических показателей не позволяет рассматривать обобщенные характеристики населения петровских губерний как некоторые самостоятельные дискретные варианты. Краниологическое сходство с русским и финно-угорским населением Камско-Вятского региона и Пермского Предуралья может свидетельствовать о присутствии среди погребенных выходцев не только из Сибирской губернии, но и, например, из северо-восточных районов Казанской губернии и/или юго-восточных Архангелогородской губернии.

Во-вторых, датировка 1706–1711 гг. по умолчанию предполагает, что работные люди из Сибирской губернии были либо представлены в каждом из погребений, либо все погребения были совершены в один и тот же год. Между тем наиболее тесным сходством с сибиряками отличается, по-видимому, выборка черепов из погребения 4 (Широбоков, 2019). Если же захоронения совершались последовательно в три разных года, то

обозначенный период должен быть расширен до 1704–1713 гг. в зависимости от того, считать ли погребение 4 — самое северное из трех — наиболее ранним или наиболее поздним из них.

Дополнительным свидетельством присутствия (по крайней мере в погребении 4) выходцев из Сибирской губернии служат результаты остеометрического анализа. Индивиды из погребения 4 в среднем характеризуются несколько укороченными пропорциями средних сегментов конечностей по сравнению с большинством серий русских и демонстрируют отчетливый «сибирский сдвиг». Он выражается в меньшей величине луче-плечевого и берцово-бедренного указателей в выборке, в том числе по сравнению со средними характеристиками скелетов из погребений 1 и 2 (рис. 1).

Так или иначе, морфологическая изменчивость черепов и скелетов погребенных не вписывается в рамки установленной для Нового времени изменчивости населения Новгородского и других уездов будущей Ингерманландской губернии, силами которого (помимо солдат) проводились работы в 1703 г. (Андреева, 2006. С. 150–156; Базарова, 2009). Кроме того, результаты еще двух независимых исследований — анализа стабильных изотопов стронция и кислорода зубной эмали 25 индивидов и археологического изучения предметов обуви — свидетельствуют о присутствии среди погребенных представителей северных и северо-восточных регионов России, в том числе

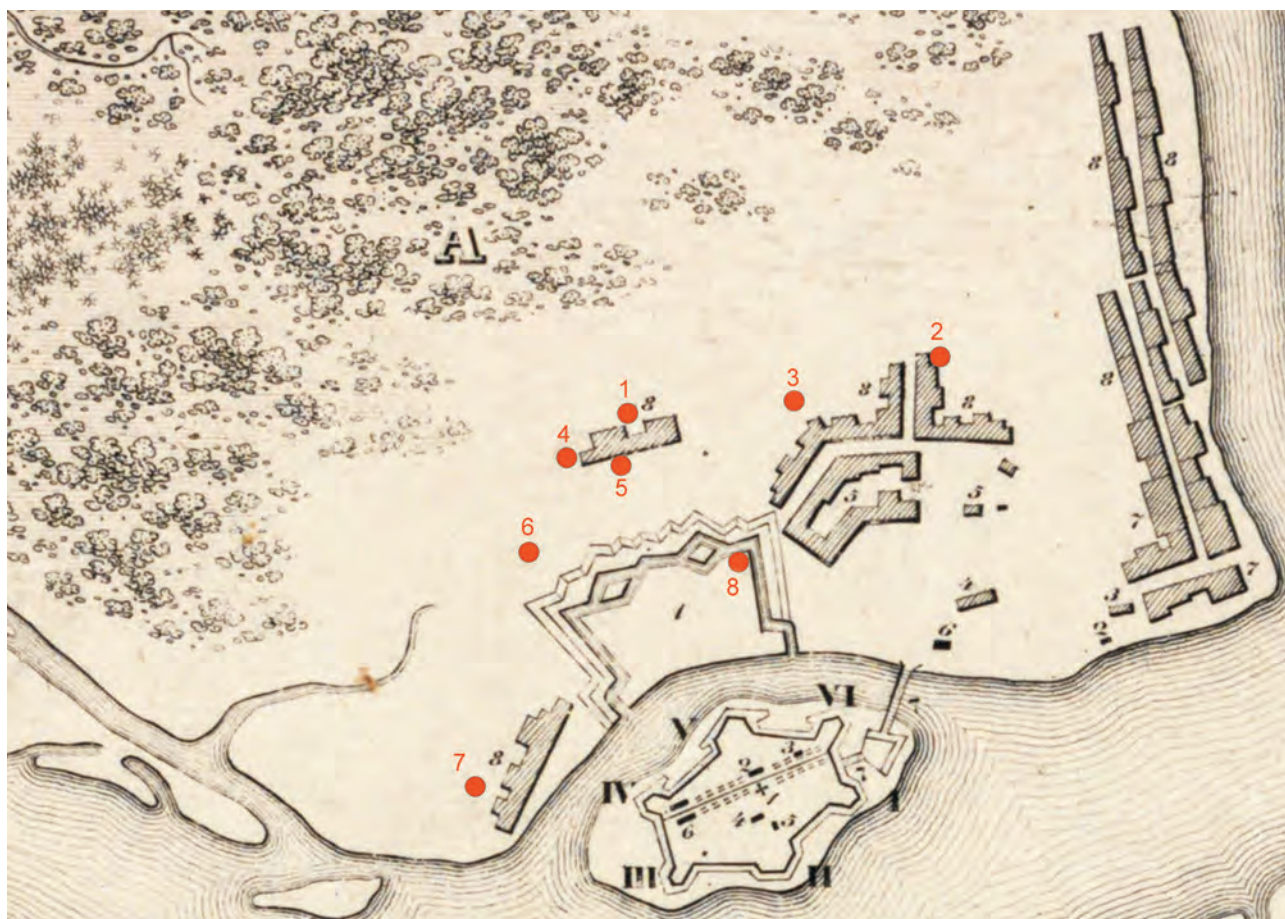

Рис. 2. Расположение захоронений начала XVIII в. на плане-реконструкции Санкт-Петербурга 1705 г. Места захоронений (●): 1 — Сытнинская ул.; 2 — Большая Посадская ул., 12; 3 — Каменноостровский пр., 8; 4 — Сытный рынок; 5 — Кронверкский пр., 47; 6 — пересечение Введенской ул. и Кронверкского пр.; 7 — ул. Блохина, 77; 8 — Кронверк. Цифрой 8, нанесенной на план черным курсивом, обозначены жилища рабочих людей

Fig. 2. Location of burials of the early 18th cent. on the reconstructed plan of St. Petersburg in 1705. Burial sites (●): 1 — Sytninskaya ul.; 2 — 12 Bolshaya Posadskaya ul.; 3 — 8 Kamennooostrovsky pr.; 4 — Sytny market; 5 — 47 Kronverksy pr.; 6 — the crossroad of Vvedenskaya ul. and Kronverksky pr.; 7 — 77 Blokhin ul.; 8 — Kronverk. Number 8, set on the plan with black italic, marks the workers' dwellings

[Основа: Планы Санкт-Петербурга..., 1846; 1 — Соловьев, 2016; 2 — Лапшин, Городилов, 2013; 3–7 — Сорокин, 2005; 8 — Кузьмин и др., 2005]

расположенных на значительном отдалении от Санкт-Петербурга (Курбатов, 2015; Gutschmidt-Schumann et al., 2020).

Нанесение всех известных на сегодня коллективных захоронений, предположительно относящихся к начальному периоду истории Петербурга, на ранние городские планы позволяет выявить интересную закономерность. На плане-реконструкции 1705 (1846) г. большинство таких захоронений на Городовом острове располагается вблизи временных жилищ и шалашей рабочих людей (рис. 2).

Местоположение жилищ установлено составителями плана приблизительно, согласно имеющимся историческим сведениям. Заметно,

что они образуют четыре кластера: к юго-западу, северу и северо-востоку от Кронверка, а также (самый крупный) вдоль левого берега Большой Невки (Планы Санкт-Петербурга..., 1846). Погребения на Сытнинской улице локализируются близ северного кластера, территорию которого впоследствии занял Сытный рынок⁵. При этом в издании, опубликованном Н. Цыловым в 1853 г.,

⁵ Расположение Сытного рынка различается на исторических планах даже первой половины XVIII в., что, очевидно, связано не только с некоторой неточностью последних, но и с объективными изменениями в локализации торговой площадки.

юго-западная и северная группы построек на плане 1705 (1853) г. оставлены неподписанными (Планы Санкт-Петербурга..., 1853). Однако на оригинальном плане-схеме 1706 г. форма большинства участков, занятых домиками строителей, совпадает с приведенным на плане-реконструкции 1705 (1846) г., хотя сами жилища расположены несколько восточнее, а кронверк и вовсе не обозначен. В публикации плана западная и северная группы построек также обозначены как шалаши и домики рабочих (Тимченко-Рубан, 1901. С. 163).

Весьма вероятно, что расположение временных жилищ работных людей на территории Городового острова менялось со временем. Еще более вероятно, что выявленные к настоящему времени коллективные захоронения петровской эпохи были совершены в разные годы. При этом можно предполагать, что большинство захоронений было совершено одновременно или после появления ближайших жилищ, тогда как размещение жилищ на месте недавних захоронений менее вероятно.

Фактически наблюдаемая картина соответствует ситуации мобилизационного труда в условиях временного пребывания. Крестьяне принудительно высылались на место строительства, где режим их работы был строго регламентирован. Однако в отличие от мастеровых проблемы обустройства быта работные люди должны были решать преимущественно путем самоорганизации. Они самостоятельно строили жилища (полуземлянки и шалаши), занимались организацией их охраны и приготовления пищи⁶. Вполне вероятно, что и организация захоронений умерших лежала на плечах самих посошан. Погребения совершаются здесь же, на ближайшей к жилому участку территории, по утилитарным соображениям — с целью экономии сил. Иногда в качестве могильных ям использовались старые жилища. Например, археологически зафиксировано, что коллективное погребение четырех человек, выявленное на территории Кронверка, было совершено на дне старой землянки (Кузьмин и др., 2005).

⁶ Как отмечает С. П. Луппов, в документах отсутствуют упоминания о строительстве жилищ для работников (Луппов, 1957. С. 97, 98). Но также в опубликованных источниках нет и каких-либо упоминаний об участии властей в погребении временного населения. В то же время, например, необходимость выделения среди строителей кашеваров (из расчета один кашевар на 10 человек) учитывалась властями. Она упоминается, в частности, в записке обер-комиссара Городовой канцелярии князя А. Черкасского (Полное собрание законов..., 1830. С. 522).

Пространственное совпадение коллективных захоронений с участком жилищ, расположенных к северу от Кронверка, на карте 1705 (1846) г. косвенно свидетельствует о том, что погребения вряд ли относятся к первым двум годам строительства города. Вероятнее всего, они возникли здесь одновременно с размещением временного рабочего населения, занятого при строительстве Кронверка и расчистке участка от леса.

О наиболее вероятных причинах смерти работных людей

Опубликованные к настоящему времени сведения о смертности работных людей довольно фрагментарны и часто умозрительны. Нет необходимости останавливаться на критике свидетельств иностранных дипломатов и путешественников о чрезвычайно высокой смертности среди первых строителей. Общеизвестно, что эти оценки являются завышенными и представляют лишь историографический интерес. Однако и среди историков оценки потерь варьируют в десятки раз. С. П. Луппов полагает, что потери при строительстве исчислялись если не десятками тысяч, то, вероятно, тысячами человек (Луппов, 1957. С. 94). Е. В. Анисимову представляется возможным, что за первые 15 лет в Петербурге скончалось около 100 тысяч человек (Анисимов, 2003. С. 109). По расчетам О. Г. Агеевой, напротив, уровень смертности строителей был очень низким: в год погибало всего около 150 человек, то есть 2–3 тысячи в петровское время (Агеева, 1999. С. 79–81). Правда, исследовательница основывалась на ограниченном объеме данных — о смертности среди работников, участвовавших в строительстве Невского проспекта в 1716 г. Позднее Е. А. Андреева изучила обширный корпус документов, относящихся к первому десятилетию строительства города. Исходя из максимальных встреченных данных о скончавшихся, историк высказала предположение, что в 1704–1712 гг. уровень смертности не превышал 13,25 %, а общее число умерших могло составлять около 30 тысяч человек (Андреева, 2006).

Анализ коллективных погребений на Сытинской улице не позволяет внести уточнения в картину общей статистики, поскольку они все же являются свидетельствами некоторых локальных событий. Размещение в трех могилах тел 249 человек могло быть вызвано вспышкой смертности среди посошан, произошедшей в течение короткого периода. Именно эта массовость, с точки зрения В. А. Лапшина и К. В. Горлова,

свидетельствует о том, что здесь, вероятно, были захоронены жертвы эпидемии. И все же придется признать, что продолжительность периода, в течение которого использовалось каждое из коллективных погребений, достоверно установить невозможно.

С одной стороны, на костях отсутствуют следы погрызов животных и эрозии, которая могла бы затронуть останки, если бы они длительное время находились на открытом воздухе. Это может свидетельствовать о быстром заполнении могильных ям телами умерших. В таком случае присутствие в погребении 1 дополнительного ряда скелетов с нетипичной для христиан ориентацией (головой на север или юг)⁷ может рассматриваться как аргумент в пользу предположения о высокой смертности и быстром заполнении могилы (копать новую яму нет времени/ресурсов). С другой стороны, захоронения в одной яме могли совершаться и в течение некоторого длительного времени (нескольких месяцев, одного рабочего сезона). Близость жилищ могла отпугивать падальщиков, а тела умерших заворачивались в саван и/или присыпались землей. Следы возможной засыпки тел в археологическом отчете не упоминаются, однако, например, в погребении 4 обнаружены остатки истлевшей ткани, проложенной между вторым и третьим слоями погребенных, а в погребении 2 — остатки ткани на отдельных черепках (Соловьев, 2016. С. 88, 89).

Сам факт существования открытых для постепенного заполнения коллективных могил хорошо известен по письменным источникам. Так, голландский моряк Ян Стрейс, побывавший в России в 1668–1671 гг., указывал, что невостробованные близкими трупы «бросают в яму или могилу в открытом поле, называемую божий дом, куда сбрасывают иногда до 200 тел и которая остается открытой до середины лета; иногда попы при соблюдении некоторых обрядов закрывают ее землей» (цит. по: Макаров, 2014. С. 115). Древнерусские скудельницы, предназначенные для захоронения жертв мора, голода и даже политических убийств, вероятно, в некоторых случаях также заполнялись постепенно (Сорокин, 2015). По одним источникам скудельницы засыпали в Семик (на седьмой четверг после Пасхи), по другим — несколько раз в год. Например, согласно Новгород-

ской II летописи в XVI в. скудельницы загребали дважды — 31 мая и 24 сентября (Грузнова, 2005). Такая практика находит параллели и в истории Западной Европы. На парижских кладбищах известны коллективные захоронения, в которых размещались тела нескольких десятков и даже сотен человек. Одна или две такие ямы могли быть постоянно открыты и лишь слегка присыпались землей, пока не заполнялись доверху, после чего выкапывалась новая яма (Арвес, 1992. С. 82).

При этом само по себе отсутствие исторических сведений о «моровом поветрии» среди первых строителей Петербурга и особенно расположение погребений вблизи жилищ ставят гипотезу об эпидемии как причине смерти погребенных в ряд сомнительных предположений. В период эпидемий тела умерших, как правило, выносились за пределы поселений. Это делалось по санитарным соображениям, которые, несомненно, учитывались в России еще в допетровскую эпоху. Как по мнению современных историков, так и современников Петра I, тяжелые условия труда и проживания, скудный паек, ограниченные возможности медицинской помощи, а также сырой климат, безусловно, негативно сказывались на здоровье рабочих людей в Петербурге, однако основной причиной смерти (а также заболеваний и бегства) посощан был голод. В отличие от эпидемии, версия о смерти от голода лучше согласуется с расположением погребений. Тела умерших от истощения и диареи не считались опасными с санитарной точки зрения и могли захораниваться временным населением вблизи жилья.

Голод провоцировали главным образом периодические задержки в обеспечении посощан денежным жалованьем и провиантом. Для крестьян денежные сборы на строительство Петербурга были тяжелой повинностью. Фактически деньги поступали позже установленных властями сроков (к ранней весне, до прибытия рабочих людей) и далеко не в полном объеме. Так, например, к осени 1712 г. полностью еще не поступили даже те деньги, которые должны были быть высланы в 1711 г., а из той суммы, которую следовало доставить в Петербург в 1712 г., поступило менее половины (Луппов, 1957. С. 169, 170). В некоторых случаях привлекались средства из других источников, например, уже упоминавшегося соляного сбора, и все же часто средства просто не выделялись вовремя либо задержки в их поступлении были связаны со сбоем в организации смен рабочих людей. Например, в 1705 г. плотники, работавшие в Адмиралтейском дворе,

⁷ У некоторых из таких погребенных также обнаружены нательные кресты, то есть особое положение таких скелетов не связано с иным вероисповеданием их владельцев.

из-за невысылки сменщиков вынужденно оставались в городе после истечения оговоренных сроков работы. При этом из-за отсутствия провианта «многие от голоду померли а иные хворают а которые были здоровы те все разбежались и ныне работа вся здесь остоновилась» (Документальная хроника..., 2018. С. 409). В первые годы строительства случаи голодной смерти были, вероятно, нередки среди посошан из-за еще не сложившейся системы поставок. Однако с нехваткой провианта работные люди сталкивались и много позднее. Такие случаи зафиксированы даже в 1712 г., спустя девять лет после основания крепости, когда, согласно донесению У. Сенявина в Сенат, из-за отсутствия средств «в даче работным людям хлебного и денежного жалованья чинится остановка великая, также мастеровым людям вечного житья и на батальон городовых дел денежного жалованья давать нечего, от чего мастеровые и работные люди бегут и мрут с голоду» (Доклады и приговоры..., 1883. С. 219).

Иногда нехватка продовольствия была непреднамеренным следствием неконтролируемых внешних событий. В 1709 г. в Лифляндии появилась «моровая язва» (чума), в 1710–1711 гг. охватившая территорию европейской России. До Петербурга чума не дошла благодаря принятым мерам предосторожности, таким как выставление застав, проведение карантинных мероприятий, запрет на передвижение и т. д. (Андреева, 2006. С. 217). При этом по сведениям немецкого автора описания Петербурга 1710–1711 г. из-за дефицита продовольствия во время морового поветрия в городе «многие люди гибли („пухли“) от голода» (Описание Санкт-Петербурга..., 1860. С. 58).

Следует также отметить сложности доставки продуктов в Петербург, особенно в первые годы, когда она в основном производилась по воде. На Ладожском озере часто случались штормы, а на реках были многочисленные пороги, поэтому значительная часть судов гибла по пути (Андреева, 2006). Водная стихия в самом городе не была причиной массовой смертности посошан, хотя единичные факты смерти от наводнений зафиксированы уже в первый год строительства (Базарова, 2009), однако наводнения также могли влиять на снабжение провиантом. В опубликованных исторических документах, в частности в «Приговорах и донесениях Сената», неоднократно обсуждается проблема сбыта отсыревшей муки и крупы, оказавшейся непригодной или почти непригодной для употребления в пищу.

Голод провоцировали также низкие денежные выплаты и скудный натуральный паек, включав-

ший в себя муку и крупу, но не мясо и овощи, притом что цены на все продукты в Петербурге заметно превышали новгородские (*Там же*). При этом цены на ржаную муку, которая составляла основу пайка работников, в некоторые периоды искусственно завышалась представителями самой городской власти. Именно такая ситуация имела место в первой половине 1710-х гг., когда подставные лица, связанные с А. Д. Меншиковым и другими высшими сановниками, осуществляли государственные закупки продовольствия в Петербург, извлекая многопроцентную прибыль из завышенной цены на муку (Bushkovitch, 2001; Павленко, 1983). Кроме того известно, что чиновники и подрядчики периодически обсчитывали работных людей, выплачивая лишь часть положенного жалованья, а также стремились использовать их труд в своих личных интересах (Bushkovitch, 2001. Р. 325). Эти злоупотребления были настолько частым явлением, что с ними приходилось бороться путем специальных указов, устанавливавших строгие наказания за нарушения (Луппов, 1957. С. 97).

Обзор исторических свидетельств позволяет рассматривать голод в качестве основной причины возникновения захоронений в районе Сытнинской улицы. Причем, вероятно, нехватка провианта приводила к росту смертности не только напрямую, но и косвенно: плохая гигиена и диарея, вызванная вынужденным употреблением в пищу «подножного корма», способствовали распространению среди посошан кишечных инфекций.

Анализ останков позволяет рассмотреть гипотезу о косвенном влиянии еще одного фактора, теоретически способного повлиять на уровень смертности, а именно об изначально ослабленном здоровье прибывавших в город работных людей. Известно, что крестьяне старались уклоняться от выполнения наложенной на них трудовой повинности и нередко высылали вместо себя больных, старых и малолетних работников, чтобы самим остаться дома и обеспечивать жизнь семьи (Луппов, 1957. С. 81, 82). Вероятно, этой причиной объясняется бимодальное распределение возрастных групп среди погребенных с пиками в когортах 15–19 лет и 40–44 года (Широбоков, Учанева, 2015). О доле больных среди погребенных анализ останков не позволил получить сколь-нибудь надежных данных, однако результаты изотопного анализа эмали зубов и анализа патологий зубной системы свидетельствуют о неблагоприятном физиологическом статусе выборки. Изотопные показатели углерода и азота говорят

Таблица. Средние показатели степени развития мест крепления мышц и некоторые метрические признаки длинных костей погребенных
 Table. Mean indexes of development's degree of muscles' approximation places and some metric features of the long bones of the buried individuals

Кость	Признак	Гипоплазия		Кость	Признак	Гипоплазия	
		Нет	Есть			Нет	Есть
Clavicula	1. Наибольшая длина (правая)	140,1	140,6	Humerus	Crista tuberculi minoris	2,28	2,23
	1. Наибольшая длина (левая)	141,0	142,5		Tuberositas deltoidea	1,91	1,82
Humerus	1. Наибольшая длина	319,3	320,0		Tuberculum majus	2,14	2,06
	2. Общая длина	313,6	314,4		Надмышцелки	2,28	2,37
	7а. Окружность середины диафизов	64,7	65,8	Radius	Tuberositas radii	2,16	2,19
	7. Наименьшая окружность	61,0	61,8		Margo unterossea	2,00	2,06
Radius	1. Наибольшая длина	237,8	240,2		Бороздки сухожилий разгибателей	2,15	2,14
	5/5. Окружность середины диафизов	43,5	43,7		Processus styloideus	1,98	1,87
	3. Наименьшая окружность	39,9	40,9	Ulna	Margo interossea	2,49	2,45
Femur	1. Наибольшая длина	436,1	437,5		Crista musculi supinatoris	1,84	1,88
	2. Длина в естественном положении	432,9	434,3		Tuberositas ulnae	2,22	2,23
	8. Окружность середины диафизов	82,0*	84,1	Femur	Trochanter major	1,84	2,01
Tibia	1. Общая длина	346,2	348,8		Trochanter minor	1,70	1,95
	1а. Наибольшая длина	351,4	354,2		Tuberositas glutea	2,09	2,09
	10. Окружность середины диафизов	74,5	76,6		Linia asperae	2,20	2,11
	10b. Наименьшая окружность середины диафизов	67,9	69,9	Tibia	Tuberositas tibiae	2,32	2,28
					Margo anterior	2,34	2,30
					Linea m. solei	2,16	2,16

* Жирным шрифтом выделены размеры, различия между группами по которым статистически значимы (t-критерий, при $p < 0,03$).

о том, что в детстве эти люди употребляли преимущественно растительную пищу, характерную для умеренного климатического пояса. Доля белков животного происхождения в индивидуальном рационе заметно варьировала. При этом анализ зубных патологий выявил у погребенных чрезвычайно высокую распространенность кариеса, зубного камня и гипоплазии эмали. Наибольший интерес представляет последняя как маркер физиологического стресса, перенесенного в период формирования зубов, то есть в раннем детстве (Gutsmiedl-Schümann et al., 2020. P. 24). Гипоплазия часто рассматривается в качестве показателя периодического голодания, но ее возникновение также может быть обусловлено инфекциями, глистными инвазиями и отравлениями широкого спектра причин (Бужилова, Карасева, 2019).

Быть может, высокий процент эмалевой гипоплазии свидетельствует об изначально ослабленном состоянии организмов первых строителей? С целью проверки этого предположения автором были сопоставлены некоторые морфологические

характеристики погребенных, разделенных на две группы в зависимости от наличия признаков гипоплазии согласно определениям А. В. Зубовой (табл.)⁸. При анализе учитывались измерения, проведенные по стандартной остеометрической программе (Алексеев, 1966), а также оценки степени развития мест крепления мышц на бедренной, большеберцовой, локтевой, лучевой и плечевой костях по программе, предложенной В. Н. Федосовой (Федосова, 1986).

Средние значения большинства показателей не различаются между индивидами с эмалевой гипоплазией и без признаков таковой. Исключения составляют степень выступления малого вертела (места прикрепления сухожилия подвздошно-

⁸ Автор выражает искреннюю признательность А. В. Зубовой (МАЭ РАН) за возможность использовать в исследовании полученные ею данные. В расчетах не учитывались индивиды, комплектность зубов которых была недостаточной для того, чтобы судить о наличии или отсутствии признаков гипоплазии.

поясничной мышцы) и величины окружности середины диафизов бедренной и большеберцовой костей и наименьшей окружности диафиза большеберцовой (табл.). Во всех случаях средние размеры оказались больше в выборке погребенных с эмалевой гипоплазией. Эти различия также могут быть случайными, поскольку не выдерживают поправки на множественные сопоставления. С другой стороны, они могут свидетельствовать об адаптации или действии отбора среди индивидов, переживших в детстве физиологический стресс. Во всяком случае эти наблюдения не согласуются с предположением об ослабленном морфологическом типе индивидов с гипоплазией. Иными словами, маловероятно, что перенесенный ими в детстве физиологический стресс сколько-нибудь существенно повлиял на вероятность их смерти в Петербурге от истощения организма.

Заключение

В 1711 г. при Сампсониевской церкви на Выборгской стороне открылось первое общее городское кладбище. Хоронить умерших в других местах указом Петра I запрещалось. Одной из ключевых причин этого решения, видимо, стала распространившаяся к тому времени практика устройства нерегламентированных захоронений в городе, к которым относились и коллективные могилы, подобные обнаруженным на Сытнинской улице: «...оную Церковь для погребения христианских телес [Петр I] повелел построить не поблизости Града или внутри гражданского жилья, но вне Града, во отдалении, дабы оными погребаемыми телами внутри не отягоще[н]о было гражданство излишним воздухом» (Богданов, 1997. С. 297, 298). Год открытия кладбища хорошо согласуется с предполагаемой верхней границей совершения захоронений на Сытнинской улице. Однако известно, что многим жителям было неудобно добираться до Сампсониевского кладбища, расположенного за рекой, поэтому еще в петровское время новые кладбища продолжали появляться возле приходских церквей (Сорокин, 2005). Для прибывших на строительные работы посолан организация транспортировки тел умерших на Сампсониевское кладбище, вероятно, была сопряжена с немалыми трудностями, а потому нельзя исключать, что отдельные захоронения временного населения на Городовом острове могли совершаться и после 1711 г.

Ни одно из коллективных погребений петровской эпохи, выявленных к настоящему времени

в южной части Городового острова, не обозначено на исторических картах Петербурга. П. Е. Сорокин высказал предположение, что одно из таких старых кладбищ могло быть отмечено на плане Койета 1722 г. на территории близ Сытного рынка. Исследователь отметил, что столбики, изображенные рядом с виселицей, обозначающей место казней, напоминают кресты или стелы, устанавливаемые на захоронениях мусульман (*Там же*. С. 206). Очевидно, что у П. Е. Сорокина просто не было возможности рассмотреть план в деталях. Нет никаких сомнений, что на плане изображены столбы для колесования, а не надмогильные знаки. Об этом же свидетельствует надпись «Rätte platzen» («Площадь суда»). Более того, сопоставление плана с историческими источниками, в частности дневником камер-юнкера Ф. В. Берхгольца, позволяет с определенной степенью вероятности идентифицировать личности некоторых изображенных на плане жертв казни. Вероятнее всего, на виселице изображено тело сибирского губернатора князя Матвея Гагарина. Известно, что князь был казнен на Троицкой площади весной 1721 г., однако впоследствии его тело было перевешано на площади близ Сытного рынка. Справа от виселицы кружочками на столбах для колесования, вероятно, обозначены головы Авраама Лопухина, брата первой супруги Петра I, и его товарищей (*Берхгольц*, 1902. С. 71, 72)⁹. Известно, что их останки на столбах можно было увидеть спустя много лет после казни, состоявшейся еще в 1718 г.

Обозначение на городском плане места казни (притом, возможно, даже конкретных людей) заметно контрастирует с полным отсутствием информации о массовых захоронениях работных людей. Объяснение этому, по-видимому, кроется в логике репрезентации городского пространства: казни были легитимным и демонстративным актом наказания и устрашения, а место их проведения — публичным, тогда как захоронения работных людей, видимо, не имели определенного статуса. Организация захоронений была полностью возложена на самих посолан. Занятые тяжелым трудом большую часть времени и находящиеся на чужой территории работные люди использовали для захоронений ближайшие к жилищам участки. Власти не проявляли интереса к их

⁹ По иронии судьбы М. Гагарин участвовал в следствии против А. Лопухина, а в 1724 г. колесованию был подвергнут уже участник расследований против самого Гагарина — провинциал-фискал А. Я. Нестеров.

обустройству, а временный характер пребывания работников в городе не позволил сформироваться местам захоронения как местам памяти.

С другой стороны, часть таких массовых захоронений могла быть преднамеренно скрыта властями с вполне прагматической целью — не приводить в смущение новые партии посолан, прибывающих в Петербург, и не провоцировать их к бегству из города. Как отмечает Е. В. Анисимов, практики «невидимых захоронений» придерживался, например, начальник стройки Ладожского канала Б. Х. Миних в 1720-е гг.: когда из-за высокой смертности среди строителей окрестности стройки стали напоминать кладбище, надмогильные кресты были просто снесены, чтобы не пугать прибывавших к «канальному делу» новых работных людей (Анисимов, 2003. С. 111).

По замечанию П. Е. Сорокина, по некоторым признакам коллективные захоронения начала XVIII в. напоминают скудельницы. Это захоронения без гробов, которые совершались на небольшой глубине вдали от церквей. Но как справедливо отмечает сам П. Е. Сорокин, «захоронения в первоначальном Петербурге более походили на погребения в окрестностях временного военного лагеря, чем в русских городах того времени» (Сорокин, 2005. С. 207). Именно поэтому включе-

ние их в общую группу со скудельницами представляется непродуктивным — фактически оно размывает смысл термина до определения «коллективного захоронения» вообще. Скудельницы, несмотря на упрощенный характер проведения обряда, все же функционировали в рамках устойчивой городской и церковной структуры, с участием местного населения и при формальном признании со стороны духовной власти. В то же время захоронения первых строителей Петербурга, в том числе погребения на Сытнинской улице, совершались в период, когда структура города еще не была оформлена, а сами погребенные не имели ни родственных связей в городе, ни статуса постоянных жителей. В условиях безразличного отношения власти и церкви у погребений первых строителей просто не было шанса приобрести статус кладбища¹⁰. Отсутствие погребений на планах города — это не просто лакуна в документации, а свидетельство исключения временного населения из структуры городского пространства.

¹⁰ Во всяком случае автору неизвестны упоминания в исторических источниках о каком-либо участии чиновников и священнослужителей в поддержании общественной памяти о местах захоронений первых строителей.

Агеева, 1999 — Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб.: БЛИЦ, 1999. 344 с.

Алексеев, 1966 — Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 249 с.

Андреева, 2006 — Андреева Е. А. Начало строительства Петербурга: обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703–1712 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 — отечественная история. СПб., 2006. 371 с.

Анисимов, 2003 — Анисимов Е. В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 366 с.

Арьес, 1992 — Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс — Прогресс-Академия, 1992. 526 с.

Багашев, 1993 — Багашев А. Н. Этническая антропология тоболо-иртышских татар. Новосибирск: Наука, 1993. 152 с.

Базарова, 2009 — Базарова Т. А. Новгородские крестьяне — первые гражданские строители Санкт-Петербурга (1703 г.) // Новгородика-2008: Вечевая республика в истории России: Материалы Международ. науч.-практ. конф. Ч. 1. Вел. Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2009. С. 237–242.

Берхгольц, 1902 — Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725. М.: Университетская типография, 1902. 190 с.

Богданов, 1997 — Богданов А. И. Описание Санкт-Петербурга. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 1997. 414 с.

Бужилова, Карасева, 2019 — Бужилова А. П., Карасева Н. М. Частота встречаемости признаков эмалевой гипоплазии у представителей контрастных климато-географических зон // Вестник Московского университета. 2019 (Серия 23 «Антропология»). № 2. С. 51–60.

Горлов, Соболев, 2024 — Горлов К. В., Соболев В. Ю. Новые находки монет петровского времени на территории Санкт-Петербурга первой половины XVIII в. // АВ. 2024. Вып. 45. С. 46–71.

Горлов и др., 2023 — Горлов К. В., Масловский А. Н., Яглов П. Н. Кошелек с проволочными монетами Петра I из состава воинского захоронения города Азова // Записки ИИМК РАН. 2023. Вып. 28. С. 130–143.

Грузнова, 2005 — Грузнова Е. Б. Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005 (Серия 2 «История»). Вып. 3. С. 153–170.

Доклады и приговоры..., 1883 — Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате

- в царствование Петра Великого. Т. II: Год 1712-ый. Книга 2 (июль–декабрь). СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1883. 552 с.
- Документальная хроника..., 2018 — Документальная хроника Санкт-Петербурга Петра Великого. Вып. 2: 1705-й. Год без Петра. СПб.: Профили, 2018. 540 с.
- Евтеев, 2015 — Евтеев А. А. Палеоантропологические материалы из раскопок Пантелеймонова монастыря // ННЗИА. СПб.: Первый ИПХ, 2015. Вып. 29. С. 313–326.
- Коришунков, 2023 — Коришунков В. А. Где заканчивалась Европейская Россия и начиналась Сибирь? Пространственное разграничение российских земель в XVIII–XIX веках и дорожная традиция // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2, № 1. С. 98–107.
- Кузьмин и др., 2005 — Кузьмин С. Л., Тарасов И. И., Михайлова Е. Р., Шмелев К. В. Предварительные итоги раскопок на Кронверке Петропавловской крепости в 1998–2003 гг. // Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Т. I: Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 100–121.
- Курбатов, 2015 — Курбатов А. В. Обувь первых строителей Петербурга (по материалам раскопок на ул. Сытнинской в 2013–2014 гг.) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2015. № 5. С. 225–238.
- Лапшин, 2019 — Лапшин В. А. Первые строители Петербурга // Земля наша велика и обильна. Сб. ст., посв. 90-летию А. Н. Кирпичникова / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 258–266.
- Лапшин, Городилов, 2013 — Лапшин В. А., Городилов А. Ю. Археологические исследования на Большой Посадской улице в 2011 году (раскоп 1) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб.: ИИМК РАН, 2013. № 3. С. 25–35.
- Лунтов, 1957 — Лунтов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 190 с.
- Макаров, 2014 — Макаров Л. Д. Об уникальном археологическом памятнике Сарапула (коллективные могилы на Оползине) // Вестник Удмуртского университета. 2014 (Серия «Экономика и право»). № 3. С. 114–116.
- Описание Санкт-Петербурга..., 1860 — [Н. Г.] Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м годах. СПб.: Изд. Имп. Публичной библиотеки, 1860. 136 с.
- Павленко, 1983 — Павленко Н. И. Александр Данилович Меншиков. М.: Наука, 1983. 195 с.
- Планы Санкт-Петербурга..., 1846 — Планы Санкт-Петербурга с 1700 по 1846 год. СПб.: Военно-топографическое депо, 1846. 8 л.
- Планы Санкт-Петербурга..., 1853 — Планы Санкт-Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годах, с приложением планов 13 частей столицы. СПб.: Тип. Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1853. 66 с.
- Полное собрание законов..., 1830 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. V: 1713–1719. СПб.: Тип. П. отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 782 с.
- Радзюн, 1980 — Радзюн А. Б. Внешнее и внутреннее строение длинных костей скелета разных этнотерриториальных групп // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980. С. 125–138.
- Рейс, Савенкова, 2017 — Рейс Е. С., Савенкова Т. М. Предварительная палеоантропологическая характеристика ранних погребений некрополя Богоявленского собора Енисейска (XVII в.) // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. Омск: Изд. дом «Наука», 2017. С. 166–171.
- Рыкушина, 1991 — Рыкушина Г. В. Заключение о скелетных останках из Нязь-Ворцинского могильника // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 136–139.
- Синева, 2013 — Синева И. М. Определение половой принадлежности в палеоантропологических исследованиях костей верхней и нижней конечности: Дис. ... канд. биол. наук: 03.03.02 — антропология. М., 2013. 185 с.
- Смертин, 2024 — Смертин П. Р. Морфология длинных костей скелета и особенности телосложения населения Пермского Прикамья в эпоху Нового времени // Археология Евразийских степей. 2024. № 1. С. 134–150.
- Соловьев, 2016 — Соловьев С. Л. Охранные археологические раскопки по адресу Сытнинская ул., д. 9, 11, проведенных в 2014 г. // НОА ИА РАН. Отчет о научно-исследовательской работе. СПб., 2016. 1205 с.
- Сорокин, 2005 — Сорокин П. Е. О захоронениях начала XVIII века в центре Петербурга // Петровское время в лицах: Материалы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 200–209.
- Сорокин, 2015 — Сорокин А. Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. 2015. № 3. С. 236–262.
- Тимченко-Рубан, 1901 — Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб.: В. Березовский, 1901. 208 с.
- Федосова, 1986 — Федосова В. Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным (остеологическая методика) // Вопросы антропологии. 1986. Вып. 76. С. 104–116.

- Федосова, 1987 — Федосова В. Н. Соматические особенности древних популяций по остеологическим данным // Вопросы антропологии. 1987. Вып. 79. С. 140–149.
- Федосова, 1988 — Федосова В. Н. Анализ морфологии длинных костей остеологической серии хантов // Вопросы антропологии. 1988. Вып. 81. С. 42–60.
- Харламова и др., 2015 — Харламова Н. В., Лейбова Н. А., Бердников И. М., Бердникова Н. Е. Одонтологическая и остеологическая характеристики населения Иркутска XVIII — начала XIX в. (по материалам некрополей) // Известия Иркутского гос. ун-та. 2015 (Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология»). № 12. С. 110–131.
- Широбоков, 2019 — Широбоков И. Г. О возможностях исторической идентификации скелетов из коллективных захоронений начала XVIII в. в Санкт-Петербурге // «В этой связи...»: Сб. ст. к юбилею М. М. Герасимовой. М.: Буки Веди, 2019. С. 205–214.
- Широбоков, 2024 — Широбоков И. Г. Некоторые результаты антропологического обследования скелетных останков из раскопок Шарканского могильника // Черных Е. М., Перевозчикова С. А. Удмурты между язычеством и православием (по материалам Шарканского могильника XVIII — первой половины XIX в.). Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2024. С. 195–201.
- Широбоков, Учанева, 2015 — Широбоков И. Г., Учанева Е. Н. Первые строители Петербурга: некоторые результаты изучения скелетных останков из коллективных захоронений в районе Сытнинской улицы // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2015. № 5. С. 239–248.
- Bushkovitch, 2001 — Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 485 p.
- Gutsmiedl-Schümann et al., 2020 — Gutsmiedl-Schümann D., Gerling C., Lapshin V. A., Moiseyev V. G., Shirobokov I. G., Solov'ev S. L., Uchaneva E. N., Zubova A. V., Meyer M. Some insights into the lives of builders of early Saint Petersburg // Praehistorische Zeitschrift. 2020. Vol. 95 (2). P. 575–605.

The invisible death of St. Petersburg's first builders: a comparison of anthropological, archaeological, and historical sources

I. G. Shirobokov¹¹

Keywords: St. Petersburg's first builders, collective burials, famine

This article examines the possible dating of the collective burials discovered in the area of Sytninskaya ul., as well as the most likely causes of death — epidemic and famine. The burials most likely belong to Kronverk builders of the 2nd half of the 1700s. The location of the burials near the presumed residential area rules out an epidemic as the cause of death; famine due to food shortages is preferable, in light of published sources. The organization of the burials was likely entrusted to the workers themselves. The temporary nature of their stay in St. Petersburg and the city authorities' disengagement from maintaining memorial sites contributed to the rapid disappearance of the burials from the still-unformed urban structure.

¹¹ Ivan G. Shirobokov — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: ivansmith@bk.ru.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Могильник мариупольского типа Голубая Криница — данные археологии и палеогенетики¹

А. М. Скоробогатов²

Аннотация. В статье проанализированы данные, полученные в ходе палеогенетических исследований останков нескольких индивидов из могильника раннего энеолита, расположенного на Среднем Дону. Выводы палеогенетиков сопоставлены с археологическими реалиями раннего энеолита Днепро-Донско-Волжского региона.

Ключевые слова: Дон, Кавказ, энеолит, могильник, погребальный обряд, палеогенетика, ДНК, миграции.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-142-147

В пределах Евразии на территории степи — лесостепи Днепро-Донско-Волжского междуречья сравнительно недавно были проведены первые масштабные работы по палеогенетике с привлечением материалов неолита — энеолита³ (см.: *Allentoft et al.*, 2015; *Haak et al.*, 2015). Собственно сам метод выделения и анализа ДНК из археологических и палеонтологических находок стал возможен относительно недавно — первые экспериментальные работы начали проводиться в 1980-е гг. (*Андреева и др.*, 2022. С. 979, 980). Однако развитие нового научного направления настолько стремительно, что пришлось время говорить о «генетической революции» в археологии (*Кристиансен*, 2023). Чешский исследователь П. Грасгрубер подметил, что буквально за два десятилетия генетические исследования продвинули наши знания гораздо дальше, чем усилия нескольких поколений археологов и антропологов (*Grasgruber*, 2025. Р. 107). В центре внимания совместных работ палеогенетиков, антропологов и археологов на основе данных палеоДНК — масштабные миграции и вопросы проис-

хождения древних культур или крупных массивов населения какой-либо части света, что отражено в названиях публикаций (например, см.: *Haak et al.*, 2015; *Mattila et al.*, 2023; *Ghalichi et al.*, 2024; *Allentoft et al.*, 2024; *Lazaridis et al.*, 2025). Археологам же, как правило, остается лишь доверять основанной на естественнонаучных методах информации, доступной в серии статей, в основе содержания которых — данные анализа древних ДНК. Результаты палеогенетических исследований редко подвергаются критическому анализу со стороны археологов (либо антропологов), предпринимаются также попытки встроить эти данные в региональные схемы развития населения эпох неолита — палеометалла (см.: *Кузнецов и др.*, 2018; *Кузнецов*, 2023; *Anthony et al.*, 2022; *Хохлов и др.*, 2024; *Chataigner*, 2024; *Казарницкий*, 2025; *Романчук*, 2025).

Автор настоящей работы имел опыт сотрудничества с палеогенетиками, передав трем разным коллективам образцы из одного небольшого грунтового могильника раннего энеолита.

Грунтовый могильник Голубая Криница — погребальный памятник на юге Среднего Дона (Воронежская обл.), где в 18 погребениях исследованы останки 30 индивидов, захороненных по традициям мариупольской обрядности (*Скоробогатов*, 2015; 2016). Археологические материалы памятника опубликованы (*Скоробогатов*, 2022), поэтому в данной статье они не приведены.

После первого года раскопок могильника в лабораторию Копенгагенского университета при содействии антрополога С. В. Васильева были переданы образцы останков шести индивидов.

---

¹ Работа выполнена в рамках реализации гранта РНФ (проект № 25-28-01292) «Становление и развитие производящего хозяйства на Среднем Дону в эпоху энеолита».

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru.

© Скоробогатов А. М., 2025

³ Настоящая статья подготовлена по материалам доклада, прочитанного 15 марта 2025 г. на заседании СТЕК № 4 в ИИМК РАН (С.-Петербург).

Таблица. Могильник Голубая Криница (Средний Дон), совмещение данных имеющихся анализов
Table. The cemetery Golubaya Krinitsa (Middle Don region), combination of the available analyses' data

Образец	Погребение / скелет	AMS-дата ВР (лабораторный индекс)	Дата ВС (с вероятностью 95%)	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	C : N	Гаплогруппа		Пол
							МТ	Y-хромосомная	
NEO113	1	6627±39 (UBA-40082)	5625–5491	-21,3	11,1	3,17	U2e1a	R1a	М
NEO204	4	6582±68 (UBA-40012)	5638–5306	-20,5	11,9	3,19	U4	I2a	М
NEO207	7/2	6434±58 (UBA-40013)	5491–5398	-21,6	12,6	3,21	U5a1c		Ж
NEO209	7/4	6617±28 (OxA-39310)	5620–5556	-20,06	12,06	3,2	U5b2	R1a	М
NEO210	8	6687±29 (OxA-39311)	5660–5607	-20,5	13,3	3,2	U5a2b	R1	М
NEO212	10	6730±39 (UBA-40016)	5717–5641	-20,3	11,8	3,2	U4a2a	I2a	М
MOS303 (652)	17/4	–	–				T2c1a	R1a	М
MOS306 (653)	17/2	–	–				U2e1b	K	М
MOS304 (650)	15	6535±30 (PSUAMS-8934)	5610–5390	-21,4	13,3	3,35	U4b1	R1a	М
MOS305 (651)	8*	6520±30 (PSUAMS-8936)	5557–5381	-20,5	11,5	3,23	U5a2b	R1a	J.s.?

* В публикации (Lazaridis et al., 2025) явно допущена ошибка, так как образцы для этого коллектива палеогенетиков отбирались из раскопа 2016 г., где были изучены погребения № 12–18. Вероятно, использовался материал либо погребения № 13 (подросток 15–17 лет (juvenis skeleton)), либо № 18 (мужчина 35–40 лет, по данным антропологии) (см.: Скоробогатов, 2022. Табл. 1).

Общее руководство проектом осуществлялось М. Аллентофтом. В целом для проекта проводился отбор материала от 962 индивидов (поверхностное секвенирование) времени мезолита — раннего бронзового века Евразии, в результате чего для более глубокого секвенирования было выбрано 317 образцов (Allentoft et al., 2024. Suppl. Notes 1, p. 8). Территориально эти образцы происходили из памятников Западной и Восточной Европы, Армении, Грузии, Казахстана, Туркменистана, Ирана. Наибольшее разнообразие образцов (после Дании, 100 ед.) для работы было задействовано из памятников с территории Российской Федерации (от Дона до Байкала: 95 образцов) и Украины (35 образцов) (Ibid. Suppl. Data I).

В публикациях по палеогенетическим данным более подробная информация (абсолютные даты, гаплогруппы и т. д.) приводится в многочисленных приложениях среди сотен других образцов (Supplementary), поэтому в настоящей статье мы отобрали сведения, касающиеся могильника Голубая Криница, они сведены в таблицу. В таблице указаны: номер образца; номер погребения; некалиброванная абсолютная AMS-дата с указанием лабораторного индекса; абсолютный интервал дат

в калиброванном значении; содержание изотопов углерода и азота в образце, их соотношение друг к другу; митохондриальная (МТ) и Y-хромосомная гаплогруппы; пол индивида (по данным ДНК отметим, что половая принадлежность индивидов по данным физической антропологии и палеогенетики не совпала лишь по одному индивиду — погребение 7, скелет 2).

В результате работ палеогенетиков одни из основных выводов в публикации М. Аллентофта и соавторов были сделаны по материалам из Голубой Криницы. Так, населению, оставившему этот могильник, отводилась ведущая роль в генетическом происхождении ямной культуры (Allentoft et al., 2024. P. 301). У двух из шести образцов из Голубой Криницы (NEO113 и NEO212) происхождение геномов было соотнесено с более ранними украинскими охотниками-собираателями, но примерно 18–24 % их предков были выходцами из региона, связанного с кавказскими охотниками-собираателями (Caucasus_13000BP_10000BP). Это позволило говорить «о генетическом контакте между популяциями Кавказа и степного региона, который произошел гораздо раньше, чем считалось ранее» (Ibid. P. 304). А так как в предыдущих работах

(Lazaridis et al., 2022) палеогенетиками была предложена модель формирования ямной культуры на основе северного степного источника (EHG, или европейские охотники-собиратели) и южного кавказского энеолитического источника (CHG, или кавказские охотники-собиратели), без возможности определения их точного происхождения, то именно образцы индивидов (всего лишь двух. — А. С.) из Голубой Криницы, показавшие «соответствующий баланс EHG и CHG <...> являются кандидатами на недостающий северный ближайший источник ямной культуры» (Allentoft et al., 2024. P. 306). Сам памятник в публикации датировался 7300 л. н. на основе AMS-датировок костей шести индивидов.

Вскоре после выхода в свет вышеупомянутой работы другим коллективом авторов была опубликована статья, где из 367 новых анализируемых останков индивидов неолита — эпохи бронзы (6400–2000 гг. до н. э.) четыре образца были отобраны из Голубой Криницы. Около 80 % всех задействованных образцов происходило с территории России (Lazaridis et al., 2025).

Главный вопрос, на который была направлена работа большого коллектива авторов, — происхождение ямной культуры и определение вклада в этот процесс предшествующих энеолитических групп по данным палеогенетики в вопросах определения генезиса ямной культуры (около 3300 calBC). Среди предшествующего ей энеолитического населения авторами выделено три генетические линии.

1. Кавказско-Нижневолжский (CLV) клин, расположенный между неолитом Южного Кавказа и энеолитом Нижней Волги типа Бережновка.

2. Волжский клин. Образовался, «когда люди CLV смешались с популяциями восточных охотников-собирателей, проживавшими выше по течению реки, создав гипервариабельные группы, в том числе в Хвалынске» (Ibid. P. 1).

3. Днепровский клин, «сформировался, когда люди CLV двинулись на запад, смешавшись с украинскими охотниками-собирателями, жившими вдоль Днепра, и образовав группы Среднего Стога, от которых произошли предки ямной культуры» (Ibid.).

По этой схеме ведущая роль в происхождении ямной культуры отводится Кавказско-Нижневолжской группе. Что касается индивидов из Голубой Криницы, то они заняли место в Днепровской группе (клин), разделившись на две части, в одной из которых (GK1, три индивида, образец MOS305 (651) и два ранее опубликованных образца NEO113 и NEO212) прослежено происхождение, частично связанное с кавказскими охотниками-собирателями (Ibid. P. 4). В итоге генетический

вклад населения, оставившего могильник Голубая Криница, как и более западного неолитического Днепро-Донецкого региона, в происхождение ямной культуры составил всего 1/5 часть (Ibid. P. 6).

Примечательно, что авторы не разделяют два разных погребальных памятника в окрестностях хутора Голубая Криница: грунтовый могильник мариупольского типа (Скоробогатов, 2022) и грунтовый могильник среднестоговского типа (Скоробогатов, Федюнин, 2018), отмечая разнотипность погребений в комплексе (Lazaridis et al., 2025. P. 4). Датировки памятника здесь даны также без учета резервуарного эффекта, хотя отмечается его возможное присутствие (Ibid. P. 4), в пределах конца первой половины VI — третьей четверти VI тыс. calBC (Ibid. Suppl., tab. 3; 4).

Наконец, самое большое количество образцов из Голубой Криницы для междисциплинарных исследований было передано для работы по международному проекту Late Stone Age burial sites in the Russian Plain: Multidisciplinary research on chronology and population dynamics. В состав рабочей группы вошли специалисты из России, Германии и Великобритании. Палеогенетическими исследованиями (руководитель Б. Краузе-Кьюра) были охвачены образцы также из могильников Сахтыш, Ксизово 6, Васильевский Кордон 17, Васильевский Кордон 27. В итоге секвенировать древнюю ДНК всех отобранных образцов (21 индивида) из Голубой Криницы не удалось. Однако Дж. Медоузом были получены важные данные по абсолютному датированию нашего комплекса. Работа с абсолютными датами, изотопами и резервуарным эффектом еще ведется специалистами, но уже сейчас имеются сведения, показывающие, что абсолютные датировки по костям человека из погребений Голубой Криницы укладываются в интервал ~6800–6000 лет BP (в основном 6800–6400 лет BP), а по костям млекопитающих — в интервал ~5700–5400 лет BP. Резервуарный эффект, присутствующий в образцах костей человека из могильников неолита — энеолита Днепровского и Волжского регионов, неоднократно был отмечен в специальной литературе (Lillie et al., 2008; Kotova, 2018; Anthony et al., 2022; Шишлина, 2023; Meadows et al., 2024).

Повторимся: археологи редко критически переосмысливают сведения, приведенные в публикациях по палеогеномике. Напротив, в некоторых работах встречается тиражирование выводов без какого-либо самостоятельного их анализа. Используя опубликованные результаты, полученные по древним ДНК из Голубой Криницы (Allentoft et al., 2024), некоторые исследователи пишут, что

«выходцы с Кавказа внесли определенный вклад в происхождение праиндоевропейской культуры» (Щеголев, 2025. С. 120) или «группы северокавказских горцев, двигавшиеся в бассейн Дона, повлияли на местные локальные популяции мариупольской культурной общности, связанные с памятником Голубая Криница (ГК) на юге Воронежской области» (Коньков, Малярчук, 2024. С. 14).

Сторонникам столь категоричных и громких выводов необходимо пояснить важный момент. Наличие в древнем геноме человека какого-либо процента предков из отдаленных регионов совсем не говорит о том, что этот индивид или его ближайшие предки попали в место своего обитания и захоронения путем миграций на большие расстояния. Например, для тех самых двух индивидов из Голубой Криницы (NEO113 и NEO212) предковый кластер *Caucasus_13000BP_10000BP* — не главный, что и отметили М. Аллентофт и его соавторы. Гораздо ближе прослежены генетические связи с образцами *Caucasus_25000BP* и *Malta_24000BP* (группа охотников-собирателей верхнего палеолита Кавказа и Сибири), *RussiaNW_11000BP_8000BP* (группа охотников-собирателей раннего голоцена Северо-Запада России), *Ukraine_10000BP_4000BP* (группа охотников-собирателей голоценового времени Украины) (см.: *Allentoft et al.*, 2024. Suppl. Data XII. Ancestry Proportions for sets “hgEur”). Заметим, что в несколько меньшей пропорции кластер *Caucasus_13000BP_10000BP* присутствует в одном образце из верхнедонского памятника Ксизово 6, погребение 2, скелет 2 (абсолютная датировка 4865 ± 33 BP, образец NEO174) и днепровского могильника Игрень (абсолютная датировка 4184 ± 28 BP, образец NEO509), то есть времени позднего энеолита — раннего бронзового века. Становится очевидным, что в образцах ДНК двух индивидов из энеолитического могильника Среднего Дона присутствуют «предковые» ДНК, «растянутые» по времени и пространству от населения палеолита Кавказа и Сибири до мезолита — неолита Кавказа, Северо-Запада России и Украины.

Если пытаться среди материалов могильников неолита — энеолита найти «выходцев» из отдаленных регионов (людей неместного происхождения) по анализу работ палеогенетиков, то необходимо обращаться не столько к предковым ДНК, а к имеющимся у индивидов митохондриальным и Y-хромосомным гаплогруппам. Как видно из опубликованных данных (*Chataigner*, 2024. Tab. 2; 3), по этим показателям нет абсолютно никаких совпадений между образцами из Голубой Криницы и населением Кавказа и Закавказья раннего — среднего голоцена.

Сходства по Y-хромосомным гаплогруппам начинают проявляться между образцами индивидов энеолитических могильников Нижнего и Среднего Поволжья и Кавказа именно со второй четверти — середины V тыс. до н. э. Так, погребение 42 из Нальчика (*Zhur et al.*, 2024. P. 11) имеет Y-хромосомную гаплогруппу R1b1 (в Голубой Кринице, кстати, такой нет), она же является доминирующей (в вариациях R1b-R1b1- R1b1a1 и т. д.) в энеолитических могильниках Поволжья (*Anthony et al.*, 2022. Tab. 6; *Lazaridis et al.*, 2025. Tab. 1; 4).

Ранние (энеолитические) погребения из Нальчика по своему обряду ближе соотносятся с хвалынскими могильниками, нежели с могильниками мариупольского типа. Абсолютные даты Нальчика сделаны по костям человека, без определения значений изотопов C^{13} – N^{15} (*Zhur et al.*, 2024. Suppl. tab. S1), синхронны датам по костям человека хвалынских могильников и явно удревнены (в силу действия резервуарного эффекта). Надо отметить еще один важный момент — в могильниках мариупольского типа Днепро-Донского региона нет достоверно определяемой домашней фауны. Традиция эта появляется в Екатериновском мысе (AMS-даты по костям животных см.: *Anthony et al.*, 2022. P. 28; *Кочкина и др.*, 2024. С. 205) и расцветает в хвалынских могильниках, что, как полагают некоторые исследователи, связано с импульсами с Кавказа в V тыс. до н. э. (*Zhur et al.*, 2024).

Связи между населением степи — лесостепи Доно-Волжского региона и Кавказа в первой половине V тыс. до н. э., конечно, имели место, что подтверждается и археологическими данными. Яркий пример — наличие однотипных украшений из клыка кабана в Нальчике (погребение 53) и трех погребениях могильника Екатериновский мыс (*Кочкина и др.*, 2024. С. 204, 205). В V тыс. до н. э. все контакты между населением Кавказа и степной зоны (обмен технологическими новшествами, распространение определенных видов украшений и пр.) не были однолинейными, с юга на север, данные палеогенетики как раз показывают и обратную связь — от степей Предкавказья и гор Северного Кавказа на Южный Кавказ (*Zhur et al.*, 2024. P. 7, fig. 7).

Мы не отрицаем факт наличия кавказских предковых ДНК в некоторых образцах из Голубой Криницы, однако на этом основании нельзя утверждать, что часть населения, оставившего данный могильник, появилась на Среднем Дону в результате прямых миграций с Кавказа. Голубая Криница — типичный грунтовый могильник мариупольского типа, материалы которого имеют аналогии как к западу (Мариупольский, Никольский, Лысогорский), так и к востоку (Съезжее,

Екатериновский мыс) от Дона. Это узкий хронологический пласт памятников Днепро-Донско-Волжского междуречья первой половины V тыс. до н. э. Реальный возраст памятника Голубая Криница не 7200 лет BP или 5600–5300 лет calBC, а 4800–4500 лет calBC. Соответственно имеющиеся контакты между населением степного Доне-Волжского региона и Кавказа по данным и археологии, и палеогенетики масштабно и явно фиксируются в материалах V тыс. до н. э. Подтверждение более ранних связей (VI тыс. до н. э. и ранее) требует надежной доказательной базы.

Основной вклад индивидов из Голубой Криницы в формирование генома ямной культуры первоначально был сильно преувеличен палеогенетиками (Allentoft et al., 2024) — между населением, оставившим могильники мариупольского типа, и самыми ранними ямными памятниками имеется хронологический разрыв более 1000 лет. Эту лауну занимает хвалынско-среднепестоговское население и

последующие группы позднего степного энеолита, которые по археологическим данным ближе к традициям ямной погребальной обрядности, что доказали и последние палеогенетические исследования (см.: Lazaridis et al., 2025). Также стало очевидным, что результаты выводов по древним ДНК, взятые из одного компактного могильника, различаются в зависимости от взглядов научных коллективов палеогенетиков. Недавно на это также обратил внимание и А. А. Романчук при оценке геномных образцов из Голубой Криницы применительно к вопросу сложения ямной культуры (Романчук, 2025. С. 24, прим. 16). Преобладающая группа «U» митохондриальной ДНК в Голубой Кринице является самой распространенной для индивидов грунтовых могильников неолита — развитого энеолита Днепро-Доне-Волжского междуречья (Вильнянки, Деревки, Александрии, Васильевского Кордона-17, Лебяжинки-V, Мурзики-2, Сахтышских, Екатериновского мыса, Хвалынских).

Андреева и др., 2022 — Андреева Т. В., Малиарчук А. Б., Сошкина А. Д., Дудко Н. А., Плотникова М. Ю., Рогова Е. И. Методологии выделения древней ДНК из костной ткани для геномного анализа: подходы и практические рекомендации // Генетика. 2022. Т. 58. № 9. С. 979–998. DOI: 10.31857/S001667582209003X

Казарницкий, 2025 — Казарницкий А. А. О разных масштабах миграций носителей ямной культуры (по краниологическим данным) // КСИА. 2025. Вып. 278. С. 342–357. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.278.342-357

Коньков, Малиарчук, 2024 — Коньков А. С., Малиарчук А. Б. Популяционно-генетическая история населения европейских степей в неолите и энеолите до начала ямной эпохи // Вестник Государственного университета просвещения. 2024 (Серия: История и политические науки). № 5: Циркумпонтика. Вып. VI. С. 12–26. DOI: 10.18384/2949-5164-2024-5-12-26

Кочкина и др., 2024 — Кочкина А. Ф., Королев А. И., Сташенков Д. А., Хохлов А. А. Грунтовый могильник раннего энеолита Екатериновский мыс в Самарском Поволжье: материалы и исследования. Самара: СГСПУ, 2024. 328 с.

Кристиансен, 2023 — Кристиансен Е. На пути к новой предыстории: переосмысление генов, культур и экспансий / Пер. Д. М. Перцев // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2023. № 1. С. 3–27. DOI: 10.24412/2658-3550-2023-1-3-27

Кузнецов, 2023 — Кузнецов П. Ф. Наследие Н. Я. Мерперта на стыке археологии, радиоуглеродной хронологии и палеогенетики. Ранний бронзовый век // Энеолит и бронзовый век Циркумпонтийского региона. Сборник к 100-летию со дня рождения Н. Я. Мер-

перта. М.: ИА РАН. С. 199–210. DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-426-5.199-210

Кузнецов и др., 2018 — Кузнецов П. Ф., Мочалов О. Д., Хохлов А. А., Энтони Д. У. Грачевские курганы. Археология, антропология, геномный анализ. Самара: СГСПУ, 2018. 196 с.

Романчук, 2025 — Романчук А. А. «A small group not yet sampled»: критические замечания к новой версии «древнеямной экспансии» // Stratum Plus. 2025. № 2: В поисках культурных корней. С. 15–34. DOI: 10.55086/sp2521534

Скоробогатов, 2015 — Скоробогатов А. М. Отчет о раскопках грунтового могильника Голубая Криница в Россошанском районе Воронежской области в 2015 г. // НОА ИА РАН. 2015. Р-1. № 48425. 84 л.

Скоробогатов, 2016 — Скоробогатов А. М. Отчет о раскопках грунтового могильника Голубая Криница в Россошанском районе Воронежской области в 2016 г. // НОА ИА РАН. 2016. Р-1. № 48638. 44 л.

Скоробогатов, 2022 — Скоробогатов А. М. Голубая Криница — грунтовый могильник мариупольского типа на Среднем Дону // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 1. С. 165–173. DOI: 10.55355/snv2022111203

Скоробогатов, Федюнин, 2018 — Скоробогатов А. М., Федюнин И. В. Новые материалы палеолита и энеолита на южной границе лесостепного Подонья // АВ. 2018. Вып. 24. С. 42–49.

Хохлов и др., 2024 — Хохлов А. А., Громов А. В., Григорьев А. П., Казарницкий А. А., Капинус Ю. О., Китов Е. П. Палеоантропологические материалы начала эпохи металла Поволжья, Приуралья и Западного Казахстана: ямные курганные культуры. Самара: СГСПУ, 2024. 176 с.

- Шишлина, 2023 — Шишлина Н. И. Хвалынский I энеолитический могильник: новые радиоуглеродные даты // Вопросы археологии Поволжья. Самара: ГСГПУ, 2023. Вып. 10. С. 123–129.
- Щеголев, 2025 — Щеголев М. А. Роль Кавказа в формировании праиндоевропейской общности // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 22 (29). С. 118–130. DOI: 10.46698/VNC.2025.29.22.007
- Allentoft *et al.*, 2015 — Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K.-G. *et al.* Population, Genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. P. 167–172. DOI: 10.1038/nature14507
- Allentoft *et al.*, 2024 — Allentoft M. E., Sikora M., Refoyo-Martínez A. *et al.* Population genomics of post-glacial western Eurasia // Nature. 2024. Vol. 625. P. 301–311. DOI: 10.1038/s41586-023-06865-0
- Anthony *et al.*, 2022 — Anthony D., Khokhlov A., Agapov S., Agapov D., Schulting R., Olalde I., Reich D. The Eneolithic Cemetery at Khvalynsk on the Volga River // Praehistorische Zeitschrift. 2022. Vol. 97 (1). P. 22–67. DOI: 10.1515/pz-2022-2034
- Chataigner, 2024 — Chataigner C. The South Caucasus from the Upper Palaeolithic to the Neolithic: Intersection of the genetic and archaeological data // Quaternary Science Reviews. 2024. Vol. 345. 109061. DOI: 10.1016/j.quascirev.2024.109061
- Ghalichi *et al.*, 2024 — Ghalichi A., Reinhold S., Rohrlach A. B. *et al.* The rise and transformation of Bronze Age pastoralists in the Caucasus // Nature. 2024. Vol. 635. P. 917–925. DOI: 10.1038/s41586-024-08113-5
- Grasgruber, 2025 — Grasgruber P. The evolution of European cranial morphology: From the Upper Paleolithic to the Late Eneolithic steppe invasions // Archaeological and Anthropological Sciences. 2025. Vol. 17. P. 108. DOI: 10.1007/s12520-025-02207-5
- Haak *et al.*, 2015 — Haak W., Lazaridis I., Patterson N. *et al.* Massive Migration from the Steppe was a Source for Indo-European Languages in Europe // Nature. 2015. Vol. 522 (7555). P. 207–211. DOI: 10.1038/nature14317
- Kotova, 2018 — Kotova N. Revisiting the neolithic chronology of the Dnieper steppe region with consideration of a reservoir effect for human skeletal material // Sprawozdania Archeologiczne. 2018. Vol. 70. P. 47–66. DOI: 10.23858/SA70.2018.003
- Lazaridis *et al.*, 2022 — Lazaridis I., Alpaslan-Roodenberg S., Acar A. *et al.* The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe // Science. 2022. Vol. 377 (eabm4247). DOI: 10.1126/science.abm4247
- Lazaridis *et al.*, 2025 — Lazaridis I., Patterson N., Anthony D. *et al.* The genetic origin of the Indo-Europeans // Nature. 2025. Vol. 639. P. 132–142. DOI: 10.1038/s41586-024-08531-5
- Lillie *et al.*, 2008 — Lillie M., Budd Ch., Potekhina I., Hedeges R. The radiocarbon reservoir effect: new evidence from the cemeteries of the middle and lower Dnieper basin, Ukraine // Journal of Archaeological Science. 2008. Vol. 36. P. 256–264.
- Mattila *et al.*, 2023 — Mattila T. M., Svensson E. M., Juras A. *et al.* Genetic continuity, isolation, and gene flow in Stone Age Central and Eastern Europe // Communications Biology. 2023. Vol. 793. DOI: 10.1038/s42003-023-05131-3
- Meadows *et al.*, 2024 — Meadows J., Khramtsova A., Piezonka H., Krause-Kyora B., Da Silva N., Kostyleva E., Dobrovol'skaya M., Veselovskaya E., Vasilyev S. Dietary ¹⁴C reservoir effects and the chronology of prehistoric burials at Sakhtysh, central European Russia // Science Advances. 2024. Vol. 10. Eadk2904. DOI: 10.1126/sciadv.adk2904
- Zhur *et al.*, 2024 — Zhur K. V., Sharko F. S., Leonova M. V., Mey A., Prokhortchouk E. B., Trifonov V. A. Human DNA from the oldest Eneolithic cemetery in Nalchik points the spread of farming from the Caucasus to the Eastern European steppes // iScience. 2024. Vol. 27. 110963. DOI: 10.1016/j.isci.2024.110963

The burial ground of the Mariupol type Golubaya Krinita — archaeological and paleogenetic data

A. M. Skorobogatov⁴

Keywords: Don River, Caucasus, Aeneolithic, burial ground, funeral rite, paleogenetics, DNA, migrations

In recent years, paleogenetic research has gained popularity. They are based on paleoanthropological materials obtained during excavations of ground and burial mound complexes in the East European steppe and forest-steppe. These studies are published in top-rated journals, where even the titles of the publications convey the importance of this scientific topic and the broad cultural and chronological scope of the materials. In this article, the author shares her experience working with three foreign laboratories that received samples from a single Early Aeneolithic burial site — the Golubaya Krinita burial ground in the southern Middle Don region (1st half of the 5th mill. BC). The conclusions drawn from ancient DNA are assessed based on the analysis of archaeological data from this single burial ground and the inclusion of materials from neighboring regions within the Dnieper-Don-Volga interfluvium.

⁴ Andrey M. Skorobogatov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: a.m.skorobogatov@mail.ru.

Типы подкурганной планировки в среднем бронзовом веке на Правобережье Нижнего Дона

А. Ю. Чечина¹

Аннотация. В статье проанализирована пространственная организация погребений в курганах катакомбной культуры на правом берегу Нижнего Дона. Классификация и выделение основных типов подкурганной планировки основаны на современной периодизации. Группировка захоронений, их строгая упорядоченность и повторяемость планировочных решений свидетельствуют о наличии устойчивых религиозно-обрядовых представлений «катакомбного» общества.

Ключевые слова: Нижний Дон, катакомбная культура, средний бронзовый век, подкурганная планировка, «связки» погребений, позднеямная культура, раннекатакомбный период, донецкая культура, позднекатакомбный период, ростово-луганская группа, бахмутская группа.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-148-162

Исследования среднего бронзового века на правом берегу Дона неразрывно связаны с катакомбной культурой и раскопками курганов, которые являются едва ли не единственными источниками информации по рассматриваемому периоду. За последние несколько десятилетий объемы новых данных многократно возросли, а тщательные наблюдения за стратиграфией и разработка дробной периодизации катакомбных древностей позволили сделать целый ряд ценных выводов относительно планировки курганов. Это дает возможность разработать новую классификацию подкурганной планировки, которая имела место у носителей катакомбной культуры.

Краткий обзор истории изучения подкурганной планировки

Сама идея выявления закономерностей в формировании курганных насыпей и логики расположения погребений имеет давнюю историю. Первые попытки анализа подкурганной планировки появились одновременно со становлением археологии как научной дисциплины и развивались по мере совершенствования методики полевых исследований.

Первоначально при раскопках курганов основное внимание уделялось центральному захоронению, тогда как периферийные объекты часто оставались без должного изучения. Ситуация начала меняться по мере накопления эмпирического материала и осознания необходимости системного подхода. Важным шагом в систематизации полевых исследований стала работа А. А. Спицына (Спицын, 1895), в которой он впервые сформулировал ключевые методические рекомендации, в том числе раскопки курганов и городищ траншеями, а небольших насыпей — «на снос». Особый вклад в развитие методики археологической науки внес В. А. Городцов. Разработанные им принципы были включены в последующие нормативные документы и до сих пор применяются в современных полевых исследованиях (см.: Сорокина, 2010. С. 135).

Несмотря на длительный процесс формирования методической базы, еще в начале XX в. исследователи отметили существенные черты устройства древних курганов. Одним из первых, обративших внимание на закономерности в расположении могил, был Е. Мельник, который проводил раскопки курганов в Харьковской губернии. Он выявил несколько вариантов расположения погребений под курганной насыпью. Так, в некоторых курганах могилы располагались либо линейно — примерно в один ряд, на разном

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону; e-mail: a.c.irbis@yandex.ru.

© Чечина А. Ю., 2025

расстоянии друг от друга и на различной глубине, либо радиально — в разных, иногда противоположных направлениях, «как бы в виде радиуса» (Мельник, 1905. С. 676, 677). Особый интерес представляет описанный Мельником случай, когда две могилы соприкасались углами, образуя между собой прямой угол (Там же. С. 677). На основании полученных данных исследователь предположил, что подобное расположение указывает на семейный характер захоронений: рядом с могилой одного члена семьи (первой по времени) постепенно устраивались новые для других умерших родственников — вторая, третья и так далее (Там же).

Важным этапом в изучении погребальных памятников стало использование землеройной техники. Одним из первых в этом деле был М. И. Артамонов, который в начале 1950-х гг. при работах Волго-Донской экспедиции впервые применил скрепер для раскопок курганов (см.: Авдусин, 1980. С. 163). Такой подход открыл новые перспективы в археологических исследованиях, что позволило не только существенно ускорить процесс удаления насыпного грунта, но также обеспечило возможность детального изучения пространственной организации погребальных комплексов.

Применение механизированных методов раскопок привело к важным методологическим изменениям в подходе к изучению курганов: исследователи стали уделять внимание не только отдельным погребениям, но и анализу планиграфии подкурганного пространства. Примером такого комплексного подхода стали работы А. Н. Мелентьева в окрестностях Новочеркасска. Так, было выявлено характерное расположение катакомбных погребений, образующих четкий полукруг вокруг центрального захоронения с устойчивой ориентацией погребальных камер в сторону вершины кургана (Мелентьев, 1966. С. 97).

В своем исследовании «Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы» (1976) С. Н. Братченко рассматривал и вопросы подкурганной планиграфии. По наблюдениям ученого, на правом берегу Дона катакомбы почти всегда располагаются по краю насыпи, преимущественно в восточном и южном секторах, редко — в северном. Погребения впускались в курган равномерно, на почти одинаковом расстоянии друг от друга. При этом комплексы, соотносимые с разными хронологическими горизонтами, располагаются в разных секторах; он писал, что «погребения одного типа <...> по моим показателям раннекатакомбные, расположены в пределах 40–180°, а поздние — преимущественно в пределах 135–280°» (Брат-

ченко, 1976. С. 18). На этом основании С. Н. Братченко сделал вывод, что освоение курганного пространства начиналось с восточного сектора и продолжалось по часовой стрелке, то есть к югу. Это, по мнению автора, косвенно свидетельствует «о наличии каких-то внешних обозначений над могилами» (Там же).

Исследователь также выявил региональные варианты планировки подкурганного пространства. Например, для Правобережья Дона характерна ориентация катакомб камерой к центру, тогда как на левом берегу погребения чаще располагались входными колодцами к вершине кургана. Сделав такие весьма важные наблюдения, он в то же время предположил, что расположение катакомб по секторам кургана определялось лишь заполнением свободного пространства (Там же). Подобный подход полностью исключает нематериальный (сакральный) аспект погребального обряда. Здесь следует отметить, что на момент проведения исследований С. Н. Братченко база археологических данных была довольно ограниченной, что объяснялось небольшим количеством изученных курганов среднего бронзового века в Нижнем Подонье, а также начальной стадией разработки периодизации катакомбных древностей.

Парадоксально, но даже с накоплением значительного массива новых данных изучение принципов организации подкурганного пространства не получило существенного развития. Многие исследователи ограничивались лишь фиксацией расположения погребальных комплексов в различных секторах курганов, что создавало впечатление полного отсутствия какой-либо системы в многообразии вариантов ориентации захоронений.

Ситуация начала меняться в последние десятилетия, когда появились работы, предлагающие принципиально новые подходы к интерпретации подкурганной планиграфии. Современные исследователи выходят за рамки формального описания, рассматривая пространственную организацию погребений через призму мировоззренческих представлений и ритуальных практик древнего населения.

В своей фундаментальной работе «Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья» (1999) А. В. Кияшко, опираясь на обширный круг археологических материалов, проанализировал закономерности формирования подкурганного пространства в позднеямный — раннекатакомбный период. Особое внимание исследователь уделил характерной скученности погребений

в отдельных секторах кургана, наблюдаемой даже при наличии свободного пространства в других его частях. Развивая идеи С. Н. Братченко, А. В. Кияшко предложил хронологически обусловленную модель заполнения курганного пространства: раннекатакомбные погребения сосредоточены преимущественно в восточном секторе, захоронения развитого периода — в южном, а позднекатакомбные — в западном. Исследователь связывает эту закономерность не с утилитарными причинами, а с эволюцией религиозно-духовных представлений древнего населения.

М. В. Андреева в своем диссертационном исследовании, посвященном восточноманычской катакомбной культуре, детально проанализировала погребальные комплексы катакомбного периода (Андреева, 2014). Она пришла к выводу, что расположение захоронений в подкурганном пространстве не было случайным, а «подчинялось определенной системе <...> которая <...> может быть реконструирована при статистическом изучении значительного массива комплексов/курганов» (Там же. С. 67). Исследовательница выделила несколько взаимосвязанных критериев, которые учитывались при планировке курганов: географический, антропоморфный и артефактный. По ее наблюдениям, курганы функционировали как «семейно-родовые кладбища» (Там же), при этом особое значение в организации погребального пространства она отводит бинарным оппозициям и представлениям о пространственной структуре загробного мира (Там же. С. 59).

В ходе исследования М. В. Андреева выделила три основных типа подкурганной планировки погребений для Восточного Ставрополя и Калмыкии: линейную, круговую и перпендикулярную (Там же). Кроме того, она выявила устойчивые закономерности в расположении разновременных погребений, в частности, преднамеренное размещение восточноманычских захоронений над основными или более ранними впускными комплексами (Там же. С. 65). Такая осознанная пространственная организация погребений позволила исследовательнице предположить существование традиции «наследования» могильных сооружений, которые при последующих достройках могли восприниматься как своеобразные «склепы» (Там же. С. 66).

Методика работы с материалами и используемая периодизация

Основу выборки, хотя и не полностью, составили большие курганы с четкой стратиграфией, благодаря чему можно было определить последо-

вательность сооружения того или иного погребения. В процессе проработки материала было выявлено несколько хронологических горизонтов. При анализе комплексов учитывались особенности расположения и погребений позднеямной культуры (городцовской) (ПЯ — здесь и далее приводится буквенное обозначение погребений определенного хронологического периода, используемое в иллюстрациях на схемах курганов).

В кандидатской диссертации, а затем в монографии 1999 г. А. В. Кияшко обосновал разделение раннекатакомбного периода на два этапа: преддонецкий (ПД) и раннедонецкий (РД) (Кияшко А., 1999). Детальный анализ археологических материалов подтвердил существенные различия между этими этапами, хотя их хронологическая близость обуславливает определенную размытость границ.

Стратиграфические данные позволяют выделить следующую хронологическую ступень, представленную погребениями донецкой катакомбной культуры (Д).

Наиболее сложным для изучения представляется позднекатакомбный период (ПК). Его исследование затруднено культурной неоднородностью погребальных комплексов этого времени. Постепенно монолитная донецкая катакомбная культура утрачивает доминирующее положение, и в регионе фиксируются инокультурные элементы. Одновременно в качестве реакции на появление нового населения на основе местных традиций формируются две своеобразные культурные группы — бахмутская (Б) и ростово-луганская (РЛ). Отдельно выделяются погребения с манычской керамикой (М) и ингильского типа (И).

Результаты

Классификация и типология. При подготовке этой статьи были учтены сведения о 150 курганных насыпях, расположенных на территории Северо-Восточного Приазовья, в том числе о 65 больших стратифицированных курганах (рис. 1). Систематический анализ погребений проведен с учетом хронологии, расположения по секторам кургана, ориентации погребальных конструкций, а также расположения погребений относительно друг друга и основного сооружения.

В процессе комплексного исследования подкурганного пространства было выявлено два типа подкурганной планировки, каждый из которых структурно подразделяется на три характерных варианта взаиморасположения погребальных сооружений.

Рис. 1. Карта-схема Нижнедонского региона с обозначением курганных могильников (♦): 1 — Приморский I; 2 — Чатал-Оба; 3 — Ливенцовский I; 4 — Красный Металлист; 5 — Камышевашский VI; 6 — Берданосовка; 7 — Мухин I; 8 — Мухин II; 9 — Аглицкий II; 10 — Весёлый I; 11 — Западный II; 12 — Мокрый Керчик I; 13 — Кастырский VI; 14 — Койсугский могильник; 15 — Хапры; 16 — Северо-Восточный I; 17 — Грушевский; 18 — II курганный могильник у Аксайского поворота (составлена автором)

Fig. 1. Schematic map of the Lower Don region with marked burial mound cemeteries (♦): 1 — Primorsky I; 2 — Chatal-Oba; 3 — Liventsovsky I; 4 — Krasny Metallist; 5 — Kamyshevashsky VI; 6 — Berdanosovka; 7 — Mukhin I; 8 — Mukhin II; 9 — Aglitsky II; 10 — Vesely I; 11 — Zapadny II; 12 — Mokry Kerchik I; 13 — Kastyrsky VI; 14 — Koysugsky graveyard; 15 — Khapry; 16 — Severo-Vostochny I; 17 — Grushevsky; 18 — II burial mound cemetery near Aksaysky povorot (composed by the author)

I тип. Кольцевое расположение катакомб характеризуется равномерным распределением погребальных сооружений по всей площади кургана с ориентацией камер к центральному погребению (рис. 2–4). Зафиксированы 34 возможные планировки, среди которых можно выделить три взаимосвязанных варианта.

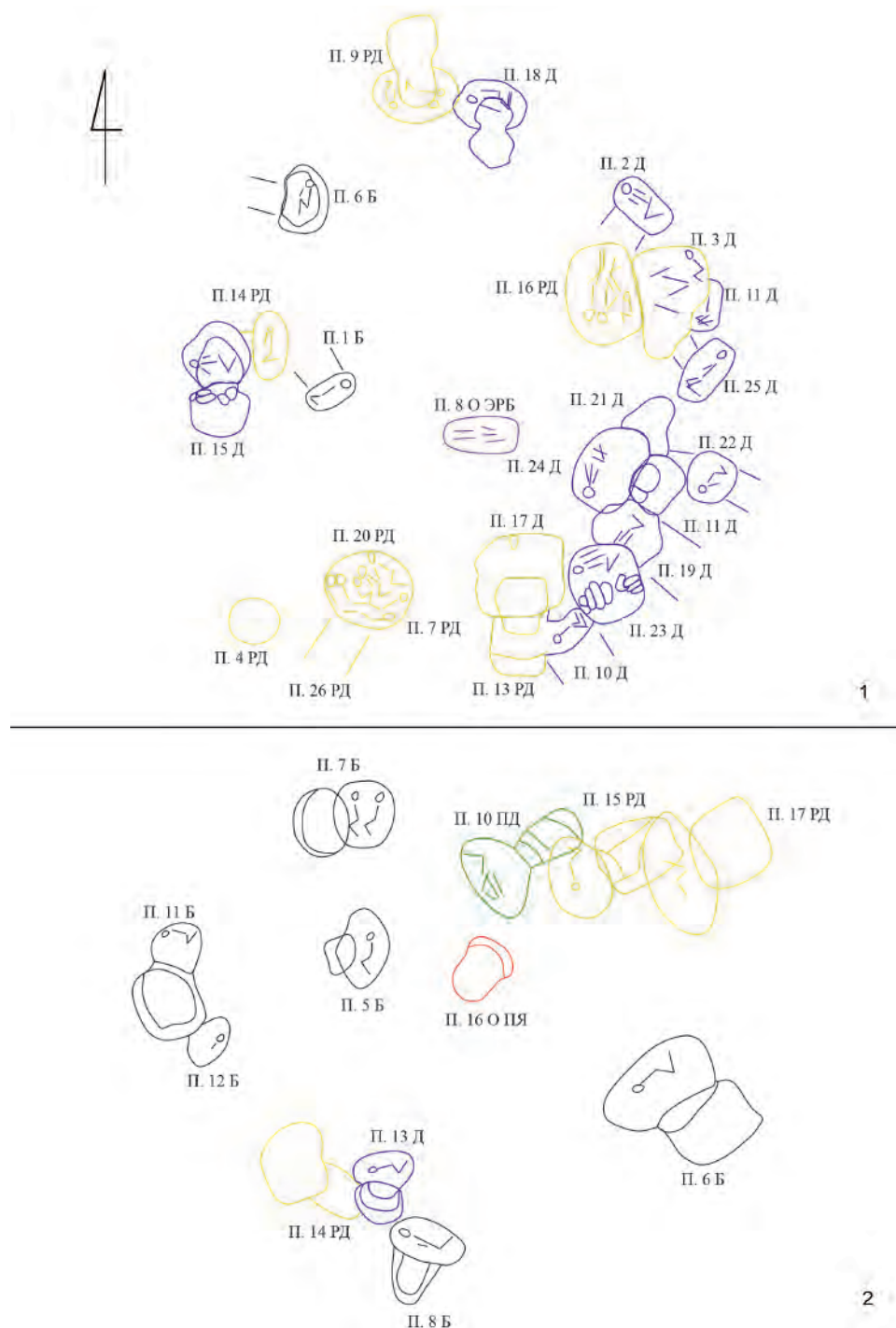
I.1. Чередующееся расположение (рис. 2) отличается последовательной стратиграфией погребальных комплексов. Ранние погребения формировали кольцевую структуру вокруг центрального захоронения или условного центра кургана, а катакомбы более поздних периодов намеренно впускались в промежутки между ними. Всего зафиксировано 25 курганов данного варианта, из которых 20 курганов сформированы вокруг центрального погребения позднего периода, четыре кургана — с основным погребением энеолитического — раннебронзового времени, один курган — с центральным погребением предднепровского периода.

I.2. Последовательное расположение (рис. 3) представляет собой тип планировки, детально описанный С. Н. Братченко. При данной схеме погребения выстраиваются в четкой хронологической последовательности: от более ранних

к более поздним с закономерным пространственным переходом от северного сектора (где расположены наиболее ранние комплексы) к юго-восточному (содержащему погребения поздних периодов среднего бронзового века). Всего зафиксировано пять курганов с подобной планировкой: три кургана имеют основное погребение позднего периода, один — энеолитического — раннебронзового времени, один — предднепровского периода.

I.3. Планировка в два кольца (рис. 4). При таком варианте планировки погребения раннего периода формируют круг вокруг центра кургана, а погребения более позднего периода располагаются тоже по кругу, но ближе к внешнему краю курганной насыпи. Таких курганов четыре: в трех — основные погребения позднего периода, в одном — энеолитическое — раннебронзовое.

II тип. Секторальное расположение (рис. 5–7) представляет собой планировку, характеризующуюся концентрацией погребальных комплексов в определенных секторах кургана. Всего зафиксировано 36 подобных погребальных комплексов. Преобладающей схемой является устройство катакомб полукругом в восточном секторе — от северной до южной границы. Реже дуга погребений

Рис. 2. План-схема кольцевого расположения погребений в курганах. Чередующееся расположение погребений: 1 — Ливенцовский I, курган 1; 2 — Мокрый Керчик I, курган 1 (условные обозначения для рис. 2–8: погребение (П.), ПЯ — позднеямной культуры, ПД — предднепровского периода, РД — раннеднепровского времени, Д — днепровского времени, Б — бахмутской группы памятников, М — маньчжурской группы памятников, РЛ — ростово-луганской группы, ЭРБ — энеолита — раннего бронзового века, РК — раннекатакомбного времени, О — основное в погребальном комплексе)

Fig. 2. Schematic layout of the ring-like arrangement of graves in burial mounds. Alternate arrangement of graves: 1 — Liventsovsky I, burial mound 1; 2 — Mokry Kerchik I, burial mound 1 (legend for Fig. 2–8: burial (П.), ПЯ — Late Yamnaya culture, ПД — before-Donets period, РД — Early Donets period, Д — Donets period, Б — Bakhmut group, РЛ — Rostov-Lugansk group, ЭРБ — Aeneolithic — Early Bronze Age, РК — early catacomb period, О — the essential in burial complex)

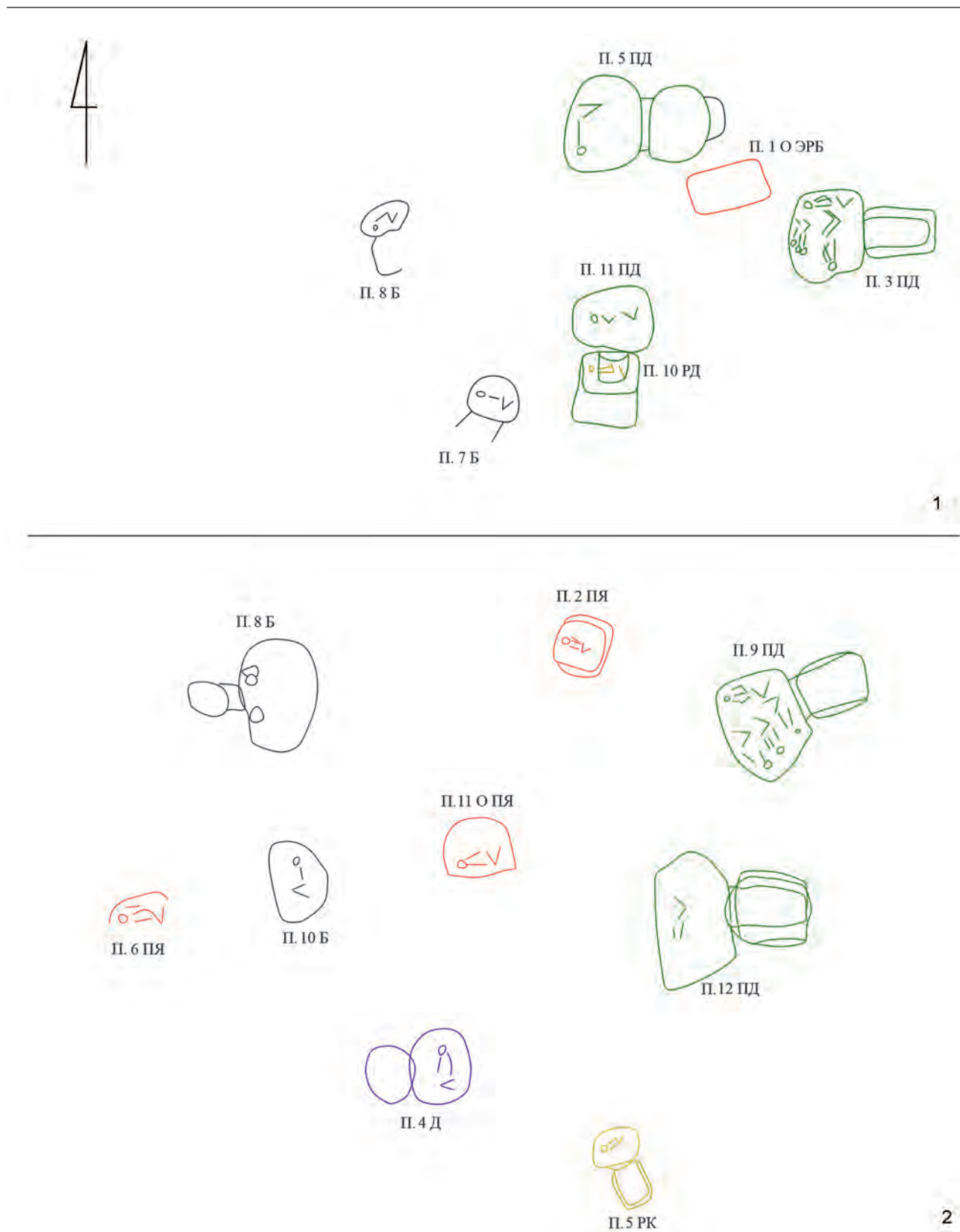

Рис. 3. План-схема кольцевого расположения погребений в курганах. Последовательное расположение погребений: 1 — Хапры, курган 8; 2 — Северо-Восточный I, курган 11

Fig. 3. Schematic layout of the ring-like arrangement of graves in burial mounds. Successive arrangement of graves: 1 — Khapry, burial mound 8; 2 — Severo-Vostochny I, burial mound 11

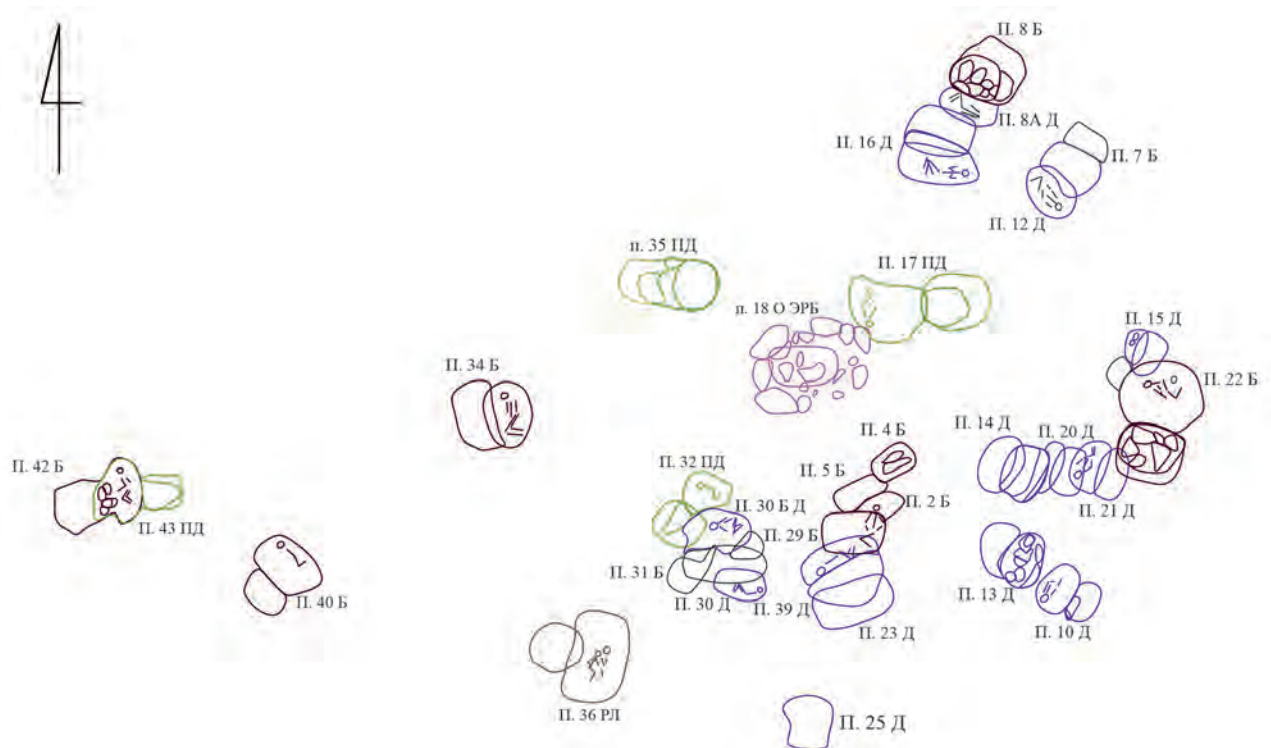

Рис. 4. План-схема кольцевого расположения погребений в курганах. Планировка в два кольца, Красный Металлист
Fig. 4. Schematic layout of the ring-like arrangement of graves in burial mounds. Arrangement in two rings, Krasny Metallist

отмечается в южном (шесть случаев) и северном (пять случаев) секторах, простираясь с востока до запада. Несмотря на внешнее сходство с первым типом планировки, данный тип имеет существенные отличия: даже при наличии значительного свободного пространства погребения целенаправленно локализовались только в избранных секторах. Выделены три варианта.

II.1. Чередующаяся планировка (рис. 5) представляет собой пространственную организацию погребальных комплексов, аналогичную варианту I.1. Характерной особенностью является расположение катакомб с ориентацией на основное погребение, с определенным промежутком между ними, в котором впоследствии размещаются комплексы более поздних периодов. В исследованной выборке зафиксирован 21 курган с таким чередующимся расположением погребений. Хронологическая структура курганов следующая: 14 курганов сформированы над позднелепными погребениями, пять — над предднепровскими комплексами, два — относятся к энеолиту — раннему бронзовому веку.

II.2. Планировка в два полукруга (рис. 6). Внутренний полукруг формируют катакомбы раннего периода, равномерно располагающиеся вокруг основного погребения. Внешний полукруг зани-

мают погребения более поздних исторических периодов. Всего в исследованной выборке зафиксировано 14 подобных случаев: семь курганов сформированы вокруг позднелепных погребений; один курган энеолитического периода был реорганизован в позднелепное время; четыре кургана начали формироваться в энеолитическое — раннебронзовое время; в двух курганах в качестве основных присутствуют предднепровские погребения.

II.3. Планировка с последовательным расположением погребений (рис. 7). Характерной особенностью этой планировки является четкая хронологическая последовательность захоронений. Всего выявлено восемь таких курганов: в шести случаях основными были погребения позднелепного периода, в двух случаях дуга располагалась в кургане с основным комплексом энеолита — раннего бронзового века.

«Связки» погребений. Как уже отмечалось, практически все описанные варианты планировки дополнялись «связками» погребений — характерным взаиморасположением могил, при котором комплексы обустраивались либо в непосредственной близости от предыдущего захоронения, либо слегка «задевая» его конструкцию. При этом скелеты и погребальный инвентарь оставались нетронутыми.

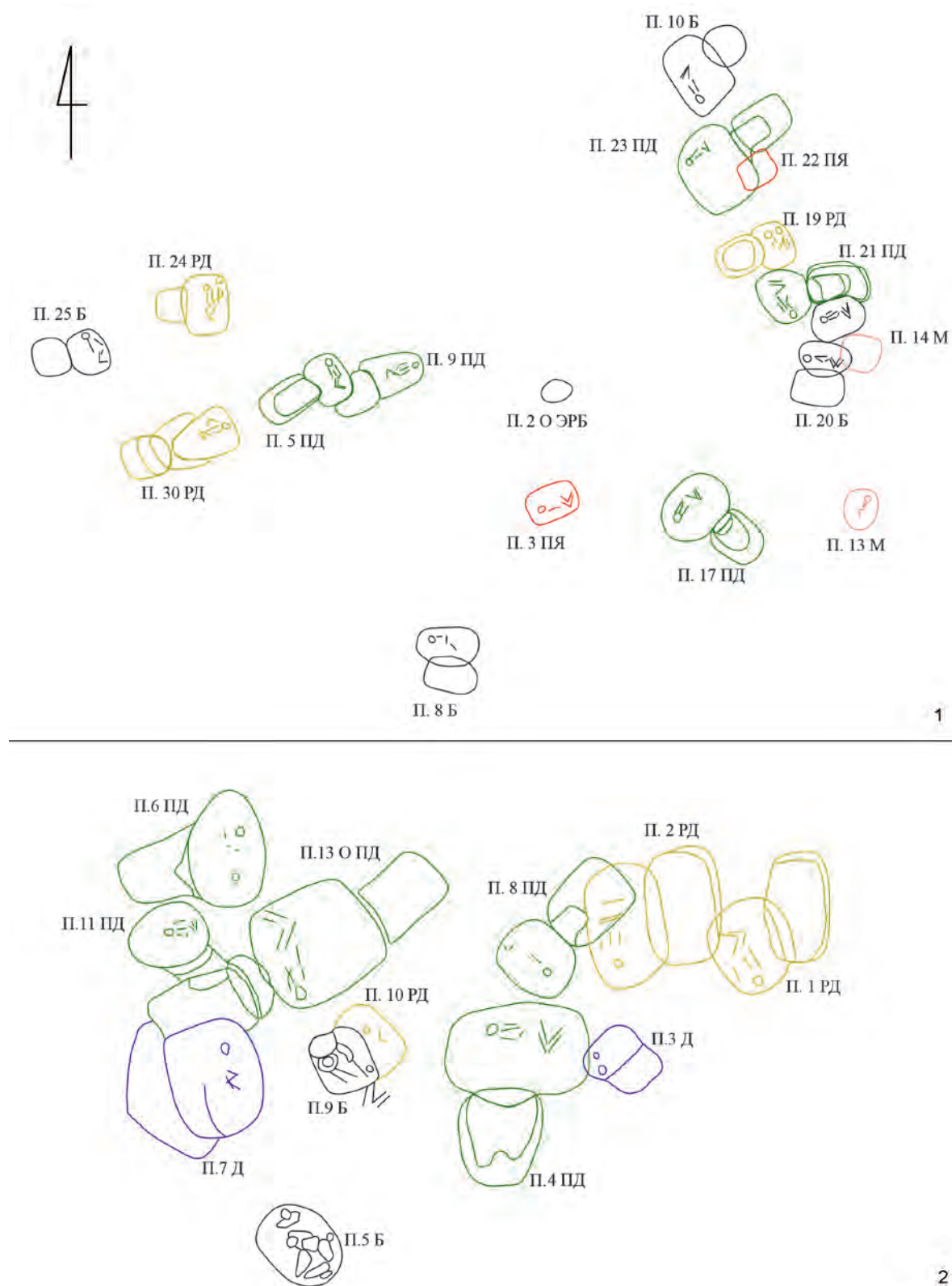

Рис. 5. План-схема секторального расположения погребений в курганах. Чередующееся расположение погребений: 1 — Мухин II, курган 5; 2 — Берданосовка, курган 2

Fig. 5. Schematic layout of the sectoral arrangement of graves in burial mounds. Alternate arrangement of graves: 1 — Mukhin II, burial mound 5; 2 — Berdanosovka, burial mound 2

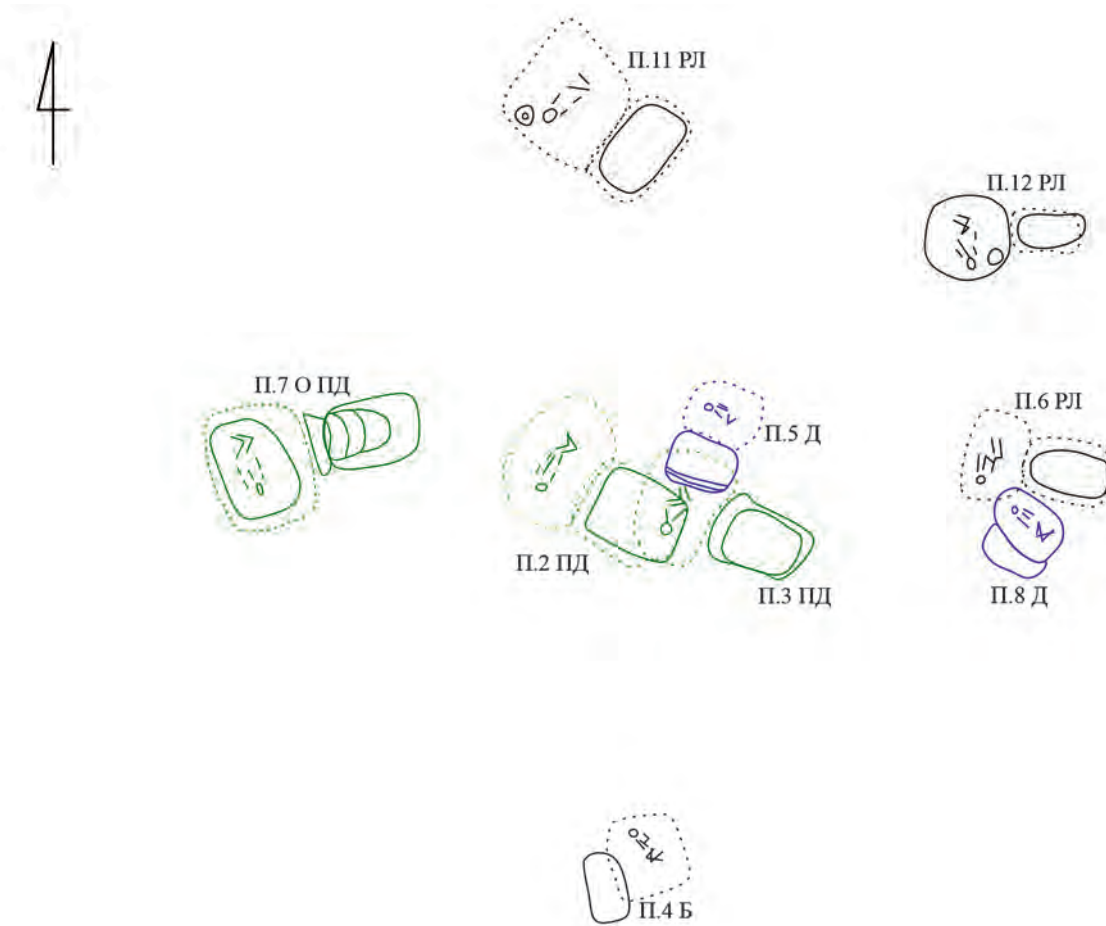

Рис. 6. План-схема секторального расположения погребений в курганах. Планировка в два полукольца, Чатал-Оба 1
Fig. 6. Schematic layout of the sectoral arrangement of graves in burial mounds. Arrangement in two half-rings, Chatal-Oba 1

О неслучайности такого близкого обустройства могил свидетельствует достаточно однообразный характер «связок». Подобные группировки катакомб не являются самостоятельными и реализованы в курганах с кольцевым или радиальным расположением погребений.

Выявлено пять вариантов «связок» погребений.

1. Цепочка (рис. 8, 1, 2). На данный момент выявлен 31 случай подобного погребального устройства. Катакомбы при этой планировке располагаются друг за другом строго в хронологической последовательности: от более ранней к более поздней. Характерная особенность такой организации — обустройство камеры следующей катакомбы либо непосредственно под входным колодцем предыдущей камеры, либо частично с нарушением его конструкции.

2. Намеренное размещение погребений вокруг или рядом с каким-либо впускным захоронением (рис. 8, 3, 4). Выявлен 21 случай такой организации погребений. Характерной особен-

ностью данной планировки является отклонение от стандартной ориентации погребений (камерой к центру насыпи). В структуре этих захоронений зафиксировано два варианта пространственного решения: погребения развернуты камерами (10 случаев) или входными колодцами (11 случаев) к избранному комплексу.

3. Веером (рис. 8, 5). Выявлено 16 случаев особой планировки погребений, характеризующейся их расположением в непосредственной близости от более ранней катакомбы. Отличительной чертой этой группировки служит очень близкое расположение, при котором камеры зачастую незначительно перерезают друг друга.

4. Полюсное («антитезное») расположение комплексов (рис. 8, 6, 7). В ходе исследования зафиксировано 10 случаев подобного вида «связок», при этом захоронения ориентированы камерами строго в противоположных направлениях. Следует отметить, что традиционная ориентация на центр кургана нарушена лишь для одного

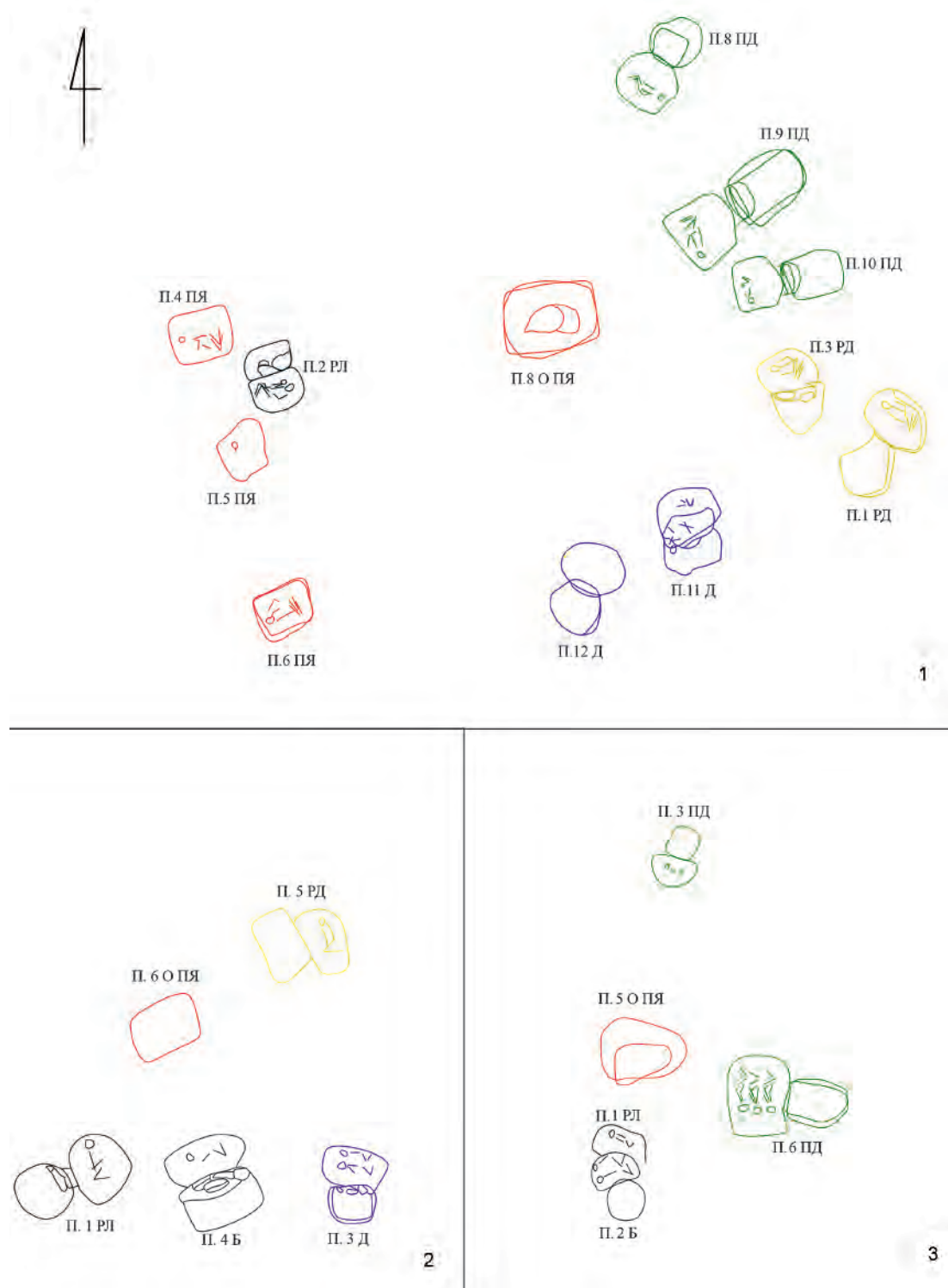
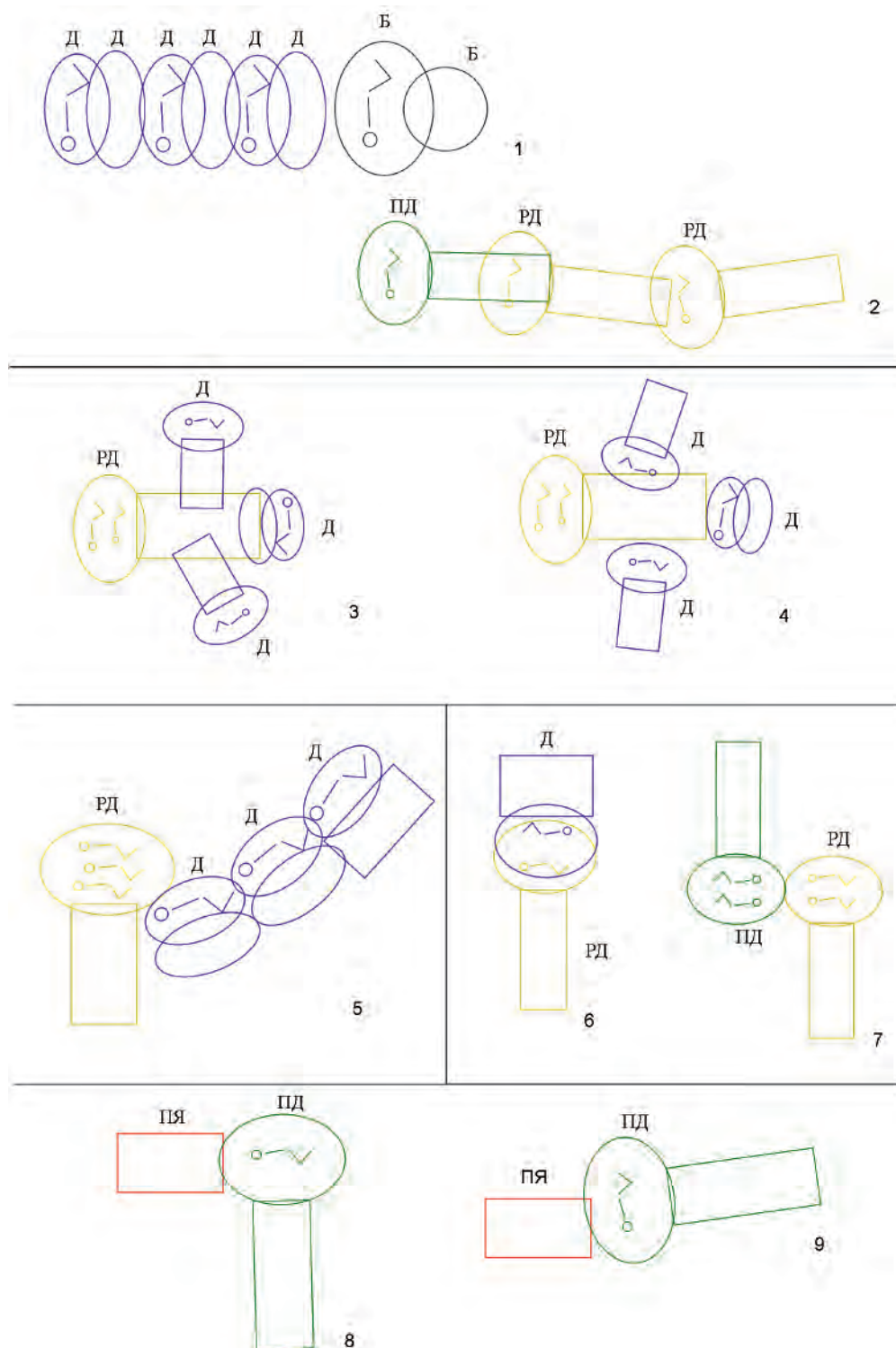

Рис. 7. План-схема секторального расположения погребений в курганах. Последовательное расположение погребений в кургане: 1 — II курганный могильник у Аксайского поворота, курган 2; 2 — Мухин I, курган 3; 3 — Грушевский, курган 9

Fig. 7. Schematic layout of the sectoral arrangement of graves in burial mounds. Successive arrangement of graves in burial mounds: 1 — II burial mound cemetery near Aksaysky povorot, burial mound 2; 2 — Mukhin I, burial mound 3; 3 — Grushevsky, burial mound 9

Рис. 8. Основные типы «связок» погребений: 1, 2 — цепочка; 3, 4 — варианты размещения катакомб вокруг погребения; 5 — «веером»; 6, 7 — «антитезное» расположение погребений; 8, 9 — варианты группировки катакомб с позднеямными погребениями (подготовлено автором)

Fig. 8. Main types of burials' "bundles": 1, 2 — chain; 3, 4 — variants of catacombs' arrangement around the grave; 5 — "fan"; 6, 7 — "contraposition" arrangement of graves; 8, 9 — variants of arrangement of catacombs with graves of the Late Yamnaya culture (prepared by the author)

погребения. Возможным аналогом такого расположения является специфичная катакомбная конструкция — двойная катакомба.

5. «Связка» позднеямных и катакомбных погребений (рис. 8, 8, 9). Зафиксировано около 20 случаев такой погребальной планировки. Катакомбы были устроены в непосредственной близости от позднеямных комплексов, незначительно разрушая могильную яму и крайне редко — скелет. В шести случаях катакомбы были пристроены к основным погребениям, в остальных — к впускным комплексам. В 11 случаях катакомбные погребения были ориентированы входными колодцами или камерами на позднеямные погребения, а в девяти — образовывали веерообразную группировку.

Обсуждение и выводы

Археологические данные подтверждают формирование устойчивой традиции организации подкурганных кладбищ на Правобережье Нижнего Дона уже в энеолите — раннем бронзовом веке. Этот процесс развивался параллельно с возникновением первых курганных сооружений в степной зоне. Наиболее показательными примерами ранних некрополей являются курганы 5 и 7 Койсугского могильника, курган 10 Семеновского могильника, курган 20 Камышевского VI могильника, курган 4 Кастырского VI могильника и др. (Курганные погребения..., 2014. С. 50, 51, 140, 147).

Высока вероятность того, что часть погребений в ямах может быть синхронна ранним катакомбам. Об этом свидетельствуют характерные особенности погребального обряда и специфика инвентаря. В редких случаях исследователи зафиксировали нестандартные манипуляции с костными останками. Например, в могильнике Мокрый Керчик 2/7² был полностью сдвинут скелет (Парусимов, 2002. С. 23), а в Аглицкий I 21/9 череп был смещен относительно шейных позвонков (Потапов, 2002. С. 282). В ряде погребальных комплексов обнаружены жаровни с углями (Парусимов, 2002. С. 14; Беспалый Е., Беспалый Г., 2002. С. 57) и серебряные височные кольца (Парусимов, 2005. С. 197; Беспалый Е., Беспалый Г., 2002. С. 25, 55; Парусимов, 2002. С. 14), что более характерно для катакомбного погребального обряда.

С появлением катакомбных погребений принципы формирования курганных насыпей претерпели изменения. Над каждым новым захоронением

теперь совершалась отдельная досыпка, что подтверждается многочисленными археологическими наблюдениями (Гугуев, 2019; Ларенок, 2000. С. 37; Беспалый Е., Беспалый Г., 2002. С. 88). Тем не менее представители катакомбной культуры демонстрировали удивительную точность в определении мест предыдущих захоронений. Известны лишь единичные примеры, когда при сооружении катакомб возникали ошибки в расчетах, что приводило к необходимости обустроить погребальную камеру в незапланированном месте (Беспалый Е., Парусимов, 1987. С. 5). Это косвенно подтверждает гипотезу С. Н. Братченко о существовании внешних маркеров, обозначавших расположение могил. Альтернативное объяснение предполагает, что насыпь возводилась не сразу, а входные колодцы некоторое время оставались частично открытыми. В пользу этой версии свидетельствуют гумусные прослойки в колодцах катакомб, имеющих следы повторного вскрытия (Там же. С. 23). Ярким примером подобной практики служит Мухин II 5/17, где во входном колодце ранней катакомбы были обнаружены остатки деревянного перекрытия на заплечиках (Беспалый Е., Беспалый Г., 2002. С. 93). Аналогичные конструкции широко применялись еще в позднеямный период, что указывает на преемственность некоторых погребальных традиций.

Отдельно стоит остановиться на хронологии образования «связок» погребений. Начало формирования устойчивых пространственных связей между погребальными комплексами фиксируется уже в раннекатакомбный период. Ранние катакомбы часто сооружались в непосредственной близости от позднеямных захоронений, вписываясь в общую планировку. Яркий пример — курган 94 могильника Приморский I (Курганные погребения..., 2014. С. 59). Иногда такие комплексы образовывали «связки» с ямными захоронениями, как, например, Мухин II 5/22 и 5/23 (рис. 5, 1). Также встречаются отдельные случаи взаимосвязанных предднецких комплексов: Мухин II 5/5 и 5/9 (рис. 5, 1), а также Берданосовка 2/6, 2/11 и 2/13 (рис. 5, 2). Нередко «связки» образовывались и между погребениями предднецкого и раннеднецкого периодов, например, Берданосовка 2/1, 2/2, 2/8 (рис. 5, 2).

Однако массовый характер это явление приобрело в донецкий период. Так, комплексы Ливенцовский I 1/17, 1/19, 1/21, 1/22 и 1/23 образуют тесные взаимосвязи. Здесь же погребения донецкого времени Ливенцовский I 1/3, 1/2, 1/11 и 1/25 создают «связку» с погребением 1/16 раннеднецкого времени (рис. 2, 1). В кургане Красный Металлист

² Здесь и далее Мокрый Керчик 2/7 означает: могильник Мокрый Керчик, курган 2, погребение 7.

к «связке» донецких погребений 14, 20 и 21 примыкает позднекатакомбное погребение 22 (рис. 4).

Строгое соблюдение правил подкурганной планировки сохраняется и в позднекатакомбное время, когда появились новые культурные группы, что породило разнообразие погребальных практик и явное усложнение «культурной стратиграфии» региона. Хотя в этот период группировки погребений встречаются значительно реже, все же их формирование продолжается.

Чаще всего погребения позднедонецкого периода пристраиваются к уже существующим «связкам». Так, Мокрый Керчик I 3–4/8 позднедонецкого времени примыкает к «связке» погребений раннедонецкого (3–4/14) и донецкого (3–4/13) периодов. Там же Мокрый Керчик I 3–4/11 и 3–4/12, относящиеся к позднему хронологическому горизонту, образуют самостоятельную группу (рис. 2, 2). В кургане Красный Металлист более позднее погребение 8 формирует связку с погребениями донецкого времени 8А и 16 (рис. 4).

Погребения ростово-луганской группы в основном повторяли правила подкурганной планировки, принятые на Правобережье Дона, часто были вписаны в уже установленную систему. Ростово-луганские комплексы Чатал-Оба 1/6, 1/11 и 1/12 были вписаны в планировку полукольцом, образуя внешний полукруг, при этом Чатал-Оба 1/6 находится в связке с донецким комплексом Чатал-Оба 1/8 (рис. 6).

Инокультурные погребальные комплексы часто встраивались в общую планировку кургана, однако крайне редко образовывали «связки», например, Мухин II 5/13 и 5/14 (рис. 5, 1). Столь тщательное соблюдение правил планировки, вероятно, является отражением религиозных воззрений. Ранние катакомбы имеют отчетливые признаки мегалитического строительства (прямые углы, орнамент над входом, имитация обтесанного камня), а также собственную форму и трехчастную структуру. Эти характеристики были подробно описаны В. Я. Кияшко (*Кияшко В.*, 1979. С. 49, 50).

А. В. Кияшко развил гипотезу В. Я. Кияшко о мегалитическом происхождении катакомбного обряда (*Там же*. С. 50), интерпретируя катакомбы как своеобразные склепы. Согласно его концепции, сама идея сооружения столь сложных погребальных конструкций была заимствована степными племенами с территории Кавказа. Однако, как отмечает исследователь, для кочевой культуры подобный погребальный обряд оказался инородным элементом, что объясняет его относи-

тельно кратковременное существование в степи и последующую замену индивидуальными захоронениями (*Кияшко А.*, 2002. С. 70).

На явное сходство степных катакомб и дольменов неоднократно обращал внимание и М. Б. Рысин (1997. С. 115; 2014. С. 120).

Однако анализ погребений позднеямного периода показывает, что отдельные элементы, присущие склепу, стали проникать в степь до появления канонических катакомб. Типичное позднеямное захоронение характеризуется перекрытием из деревянных палок и камыша. Такая конструкция выполняла двойную функцию: во-первых, она препятствовала непосредственному контакту земли с телом умершего, а во-вторых, обеспечивала относительную доступность погребения, тем более что позднеямные комплексы иногда перекрывались насыпью не сразу.

Однако ни позднеямные могилы, ни появившиеся впоследствии катакомбы полноценными склепами в степных условиях стать не смогли, прежде всего из-за мобильного образа жизни катакомбных племен, что значительно усложняло многократное использование погребальной конструкции в качестве семейной усыпальницы. Нужно также учитывать, что погребальная камера, устроенная в грунте (даже в плотном, материковом), не защищена от осыпания.

Концепция склепа подразумевает коллективные захоронения, то есть наличие более чем одного скелета в одном погребении. Согласно статистике исследованных комплексов, такие захоронения встречаются в следующих пропорциях: в ямных погребениях — 23 %, в преддонецких комплексах — 36 %, в раннедонецких катакомбах — 28 %, в погребениях донецкого времени — 20 %, а в позднекатакомбных комплексах — 15 %. То есть от ранне- к позднекатакомбным комплексам наблюдается явная тенденция к уменьшению парных и коллективных погребений.

Вполне вероятно, что идея устройства многоразовых погребальных сооружений претерпевает трансформацию уже на этапе ранних катакомб. Склеп выносится за пределы одного погребального сооружения и разворачивается в целые «связки» погребений, превращаясь в своеобразные семейные участки общего подкурганного кладбища.

Гипотеза о том, что подкурганное пространство использовалось как родовое кладбище, находит подтверждение в недавно проведенных генетических исследованиях. В кургане Веселый были проанализированы скелеты из погребений, относящихся к преддонецкому (№ 26)

и раннедонецкому (№ 42) времени. Результаты показали, что погребенные находились в близком родстве (Кияшко А., 2024. С. 128).

Детальное изучение взаиморасположения погребений среднего бронзового века в кургане с учетом вертикальной и горизонтальной стратиграфии дало крайне интересные результаты. Удалось восстановить хронологические этапы возведения курганов и подтвердить последовательную смену одного хронологического горизонта погребений другим. При этом обращает на себя внимание сохранение установившихся традиций обустройства подкурганной планиграфии вплоть до конца существования катакомбной культуры на Правобережье Нижнего Дона. По мнению автора, это позволяет предположить, что выделенные хронологические этапы маркируют не смену одной культуры другой, а отражают эволюцию одной культурной группы, что указывает на пре-

емственность и внутреннюю динамику развития обрядовых практик внутри сообщества. Группировка захоронений, их строгая упорядоченность и повторяемость планировочных решений свидетельствуют о наличии устойчивых религиозно-обрядовых представлений. Эти особенности подчеркивают высокий уровень культурной и социальной организации общества, для которого погребальные ритуалы играли важную роль в поддержании коллективной идентичности.

В целом изучение и поиск закономерностей в обустройстве подкурганного пространства в среднем бронзовом веке имеют свои перспективы. Выявление региональных особенностей в подкурганной планиграфии позволит рассмотреть общее и различное в социально-духовной сфере разных катакомбных культур и проследить развитие религиозно-обрядовых представлений в течение всего среднего периода эпохи бронзы.

Авдусин, 1980 — Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. М.: Высшая школа, 1980. 335 с.

Андреева, 2014 — Андреева М. В. Восточноманычская катакомбная культура. Анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.

Беспалый Е., 2002 — Беспалый Е. И. Курган Чатал-Оба 1 (материалы раскопок 1996 г.). Ростов н/Д.: б. и., 2002. 26 с.

Беспалый Е., Беспалый Г., 2002 — Беспалый Е. И., Беспалый Г. Е. Курганный могильник Мухин // Аксайские древности / Ред. Л. С. Ильюков. Ростов н/Д.: б. и., 2002. С. 19–110.

Беспалый Е., Парусимов, 1987 — Беспалый Е. И., Парусимов И. Н. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского краеведческого музея в 1987 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 12382. 130 с.

Братченко, 1976 — Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976. 252 с.

Гугуев, 2019 — Гугуев Ю. К. Отчет о раскопках курганов в могильниках «Веселый I» и «Черкасов V» в Аксайском районе Ростовской области в 2018 году по открытому листу № 391, выданному 15 мая 2018 года Министерством культуры РФ. Ростов-н/Д. // НОА ИА РАН. Р-1, № 59463–59467. 195 с.

Кияшко А., 1999 — Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. 184 с.

Кияшко А., 2002 — Кияшко А. В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2002. 268 с.

Кияшко А., 2024 — Кияшко А. В. Родовые склепы раннекатакомбного времени на Нижнем Дону и вопро-

сы генезиса катакомбного обряда // Нижневолжский археологический вестник. 2024. Т. 23, № 4. С. 128–155.

Кияшко В., 1979 — Кияшко В. Я. Параллели развития погребальных обрядов эпохи ранней бронзы в Приазовье и на Западном Кавказе // Проблемы эпохи бронзы Юга Восточной Европы: Тезисы докл. конф. Донецк: б. и., 1979. С. 49–50.

Курганные погребения..., 2014 — Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников) / Сост. А. В. Файферт. Ростов н/Д.: б. и., 2014. 500 с.

Ларенок, 2000 — Ларенок П. А. Охранные раскопки кургана на территории базы производственного объединения «Красный металлист». Ростов н/Д.: б. и., 2000 (Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции; Вып. IV). 65 с.

Мелентьев, 1966 — Мелентьев А. Н. Раскопки курганов эпохи бронзы под Новочеркасском в 1962 г. // КСИА. 1966. Вып. 106: Археологические памятники эпохи неолита и бронзы. С. 92–99.

Мельник, 1905 — Мельник Е. Раскопки курганов в Харьковской губернии 1900–1901 гг. // Труды XII АС в Харькове в 1902 г. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1905. Т. 1. С. 673–702.

Парусимов, 2002 — Парусимов И. Н. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Ростов н/Д.: б. и., 2002. Вып. 6. 104 с.

Парусимов, 2005 — Парусимов И. Н. Раскопки курганов могильника Поляков // Археологические записки. 2005. Вып. 4. С. 185–210.

Потапов, 2002 — Потапов В. В. Раскопки курганов в зонах реконструкции и строительства магистральных

- газопроводов // Аксайские древности / Ред. Л. С. Ильюков. Ростов н/Д.: б. и., 2002. С. 271–305.
- Рысин, 1997 — Рысин М. Б. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: Европейский Дом, 1997. С. 85–123.
- Рысин, 2014 — Рысин М. Б. Проблемы хронологии и периодизации древних культур Кавказа финала среднего бронзового века // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения / Редкол.: В. А. Алекшин и др. СПб.: Арт-Экспресс, 2014 (Труды ИИМК РАН; Т. XLII). С. 170–218.
- Сорокина, 2010 — Сорокина И. А. Раскопки курганов на юге России и становление полевой методики (середины XIX — начала XX в.) // Научные ведомости. 2010. № 7, вып. 14. С. 130–136.
- Спицын, 1895 — Спицын А. А. Производство археологических раскопок. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1895. 71 с.

The types of underground planning in the Middle Bronze Age on the Right Bank of the Lower Don

A. Yu. Chechina³

Keywords: the Lower Don region, Catacomb culture, Middle Bronze Age, underground planigraphy, “bundles” of burials, late Yamnaya culture, early Catacomb period, Donets culture, late Catacomb period, Rostov-Lugansk group, Bakhmut group

This article analyzes the features of spatial organization of burials in Catacomb culture burial mounds, using the example of sites on the Right Bank of the Lower Don — a region where the largest number of well-stratified Bronze Age burial mounds is concentrated. The burial structures are classified based on the modern periodization of the Catacomb culture, taking into account both the relative positions of the burials and their chronological sequence. The study identified two main types of underground layouts, as well as several subtypes reflecting the variability of construction traditions. A study of burial grouping patterns within the mounds revealed five distinct types of interrelationships. A consistent tradition of organizing burial complexes within the mounds has been established. With the emergence of the Catacomb culture, a complex system of spatial arrangement of burial grounds emerged, governed by strict rules for burial placement. It has been established that burials were often grouped together or “bundles”, which likely represented family or clan parcels. This hypothesis is supported by genetic studies indicating close kinship between individuals within such groups. Analysis of the vertical and horizontal stratigraphy of the burial mounds allowed us to reconstruct the stages in the evolution of burial practices in the Catacomb culture. The data obtained, according to the author, indicate that chronological changes in the organization of burials were determined by the development of a single cultural group, rather than the result of the transition of various cultural traditions. This indicates continuity and internal dynamics in the development of ritual practices within the community. The grouping of burials, their strict orderliness, and the repetition of their layouts indicate the presence of stable religious and ritual beliefs. These features emphasize the high level of cultural and social organization of the society, for which burial rituals played an important role in maintaining collective identity.

³ Anastasia Yu. Chechina — Southern Federal University, Rostov-on-Don; e-mail: a.c.irbis@yandex.ru.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на тома IV, V, VI серии «Монетные клады Новгородского музея»

(Т. IV, V: *Волков И. В.* Клады монет Великого Новгорода XV века.

Часть 1. Великий Новгород: НМЗ, 2020. 336 с. ISBN 978-5-907-440-18-0;

Часть 2. Великий Новгород, 2022. 408 с. ISBN 978-5-907573-55-0;

Т. VI: *Волков И. В.* Клады платежных слитков и русских монет XV — первой трети XVI века. Великий Новгород; СПб., 2023. 212 с. ISBN 978-5-907737-56-3)¹

К. В. Горлов²

Ключевые слова: клады, музейное собрание, монеты, Великий Новгород, денги, систематизация.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-163-174

Русское денежное обращение XV–XVI вв. слабо отражено в письменных источниках. Летописные сообщения на эту тему отрывочны и порой противоречивы. Уникальные сведения новгородских берестяных грамот пока требуют дальнейшего изучения перед использованием в качестве ресурса с однозначной трактовкой. На этом фоне сами монеты и монетные клады занимают место основного источника при реконструкции русской денежной системы и изучении экономической истории.

Клады традиционно привлекаются исследователями при решении экономических, социологических, культурологических и политических вопросов. Депозиты дают основной материал для систематизации монет с построением схем технологических штамповых связей. На кладовых комплексах основана абсолютная датировка русских средневековых денежных знаков.

Выделяются четыре основных направления, по которым проводилась и проводится публика-

ция депозитов (*Бушлякова, Волков, 2010. С. 3, 4*). Первое связано с изданием сводок кладов, зарегистрированных научными организациями по всей территории России за определенный период. Такой опыт в конце XIX в. имела, например, Императорская археологическая комиссия. После 1917 г. фиксация новых кладов была продолжена Нумизматической комиссией ГАИМК, затем, после перерыва, осуществлялась отделом нумизматики ГИМ и Государственным Эрмитажем (*Мельникова, Дядченко, 1994*).

Второе направление характеризуется вводом в научный оборот «тематических» сводок кладов, датируемых в пределах небольшого хронологического отрезка (например, клады Смутного времени начала XVII в.) или содержащих определенные группы монет (пражские гроши) (*Сиверс, 1922; Мельникова, 2003*).

Третье направление представлено публикацией данных об известных кладах по регионам (например Московской, Ярославской, Брянской, Новгородской областям). Недостаток таких сводок связан с краткостью представляемой информации, что затрудняет ее полноценное научное использование (*Полозов, 1963; Рязанцева, Максимов, 1995; Векслер, Мельникова, 1999; Пахомов, 2020*).

Четвертое направление характеризуется подробным описанием кладовых комплексов,

---

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных технологий» (FMZF-2025-0005).

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru.

© Горлов К. В., 2025

хранящихся в музейных собраниях. До недавнего времени можно было назвать только три публикации с постановкой такой задачи: обобщающая статья о русских кладах, хранящихся в Эрмитаже (Сотникова, Спаский, 1979), монографические издания кладов XVI — первой половины XVII в. Вологодского музея (Быков, 1989; 1992) и работа «Тверские клады XVI — начала XVIII в.», подробно рассматривающая депозиты с сохранившейся кладовой керамикой из собрания Тверского государственного объединенного музея³ (Бушлякова, Волков, 2010).

Несмотря на всю научную значимость русских кладов, их общей сводки не существует. Нет и региона, для которого можно констатировать полное издание депозитов или их описание за определенный исторический период. Одной из наиболее актуальных задач для русской нумизматики на сегодня остается продолжение публикации кладовых комплексов в соответствии с требованиями современных научных исследований.

Флагманом в реализации этой сложной научной и организационной задачи, предполагающей многолетнюю кропотливую работу специалистов, стал Новгородский государственный объединенный музей-заповедник (далее НГОМЗ), начавший реализацию серийного издания «Монетные клады Новгородского музея». Планируется выпуск ряда книг, посвященных нумизматическим памятникам различных исторических периодов, дающих исчерпывающее представление обо всех монетных комплексах IX–XX вв., хранящихся в НГОМЗ. Широкий хронологический диапазон издания потребовал привлечения к работе помимо сотрудников Новгородского музея специалистов в разных областях нумизматики, представляющих ИА РАН, ГИМ, Гос. Эрмитаж и другие организации. Монографии публикуются под общей редакцией члена-корреспондента РАН П. Г. Гайдукова.

Важность запланированной серии книг подчеркивается величиной нумизматического собрания Новгородского музея, составляющей около 130 тыс. единиц хранения⁴. Это третья по объему

музейная коллекция русских средневековых монет, уступающая только фондам ГИМ и Гос. Эрмитажа (Волков, 2020. С. 5).

Первыми, увидевшими свет в задуманной серии, стали три тома авторства И. В. Волкова (Волков, 2020; 2022; 2023). В вводной части первой книги автор рассматривает историю изучения кладов новгородских монет XV в. Большое значение таких депозитов уже в конце XIX в. отмечалось И. И. Толстым (Толстой, 1884. С. 18, 19). Отсутствие в распоряжении исследователя кладов новгородских монет с достоверно известным составом, тезаврированных в период независимой республики, не позволяло сделать обоснованные выводы о хронологии и систематизации денежных знаков.

Со временем количество комплексов новгородских монет увеличивалось. В «Топографии кладов...», опубликованной А. А. Ильиным в 1924 г., приводятся данные о восьми депозитах новгородских денег XV в. Лаконичность описания состава комплексов не позволяет провести систематизацию на их основе (Ильин, 1924. С. 39–41, 43, 50, № 63, 65, 67, 71, 74, 86, 88, 149). Краткая характеристика клада новгородок приводится и Р. Р. Фасмером в сводке монетных находок, зарегистрированных Академией истории материальной культуры (Фасмер, 1926. С. 298, № 13). В. Л. Янин, описывая собрание кладов Новгородского музея, издал вместе с более ранними и поздними комплексами общие сведения о составе четырех депозитов новгородских денег, насчитывающих в совокупности более 3600 монет (Янин, 1960. С. 143–146, № 3–6).

М. А. Львов, занимаясь систематизацией новгородских денег XV в., оперировал содержанием четырех кладов из собрания Новгородского музея и одного — из фондов Эрмитажа, но не опубликовал составы этих комплексов. По этой причине хронологические, метрологические и типологические построения исследователя, представленные в отдельных статьях, не могут быть верифицированы (например: Львов, 1979). Задуманная М. А. Львовым большая работа не была завершена. М. П. Сотникова, продолжив изучение новгородок по материалам архива М. А. Львова, также не осуществила издания депозитов (например: Сотникова, 2001).

Таким образом, за более чем столетнее изучение новгородских монет XV в. исследователями не был опубликован ни один клад новгородок с подробным описанием состава. Книги И. В. Волкова стали первыми полноценными научными изданиями депозитов денег Великого Новгорода XV в.

³ Книга В. А. Бушляковой и И. В. Волкова стала первой частью запланированного масштабного исследования тверских кладов царского периода, к сожалению, пока не завершенного.

⁴ Коллекция памятников нумизматики, хранящаяся в фондах НГОМЗ, ежегодно пополняется, и данные, представленные в предисловии, подготовленном П. Г. Гайдуковым в 2020 г., уже требуют корректировки.

Работы А. А. Ильина, Р. Р. Фасмера и В. Л. Янина, представляя обзорные сводки зарегистрированных разновременных кладов, не предполагали их подробного описания. Здесь порой делались акценты на отдельных монетах или тех или иных научных проблемах. Статьи М. А. Львова и М. С. Сотниковой, тематически посвященные изучению новгородок, выходявшие без публикации составов депозитов, оказались лишенными видимого фундамента, на котором строилось все здание аргументации. На этом фоне последовательность работы И. В. Волкова с приоритетом публикации известных кладов новгородских монет и последующим решением вопросов хронологии, систематизации, метрологии и др. представляется методически верной.

Все три книги И. В. Волкова имеют общую структуру изложения материала. Каждый том открывается вступительным словом главного редактора издания «Монетные клады...» П. Г. Гайдукова, где актуализируется значение кладов как исторического источника, приводятся данные о научной и культурной ценности нумизматического собрания Новгородского музея и месте конкретного тома в ряду запланированных и уже реализуемых выпусков. В предисловии И. В. Волкова под присвоенными каждому кладу порядковыми номерами подробно описываются обстоятельства их обнаружения, особенности состава и характеристика кладовой тары (там, где она известна).

Серьезное внимание к описанию условий находки кладов оправдано. Комплексы, полученные в ходе исследовательских раскопок, имеют археологический контекст, который может серьезно дополнить информативность нумизматической части депозита.

Клады, обнаруженные при случайных обстоятельствах, порой лишены надежных сведений о полноте состава и месте регистрации⁵. Как правило, они вырваны из археологического контекста, в лучшем случае сохраняют кладовую тару или информацию о ней. Такие комплексы требуют осторожного отношения.

В первой книге рассматриваются три наиболее ранних на 2020 г. депозита новгородок. *Клад I*, найденный в 2008 г. в ходе археологических раскопок в Новгороде, — первый с достоверно известным составом из «малоформатных» новго-

родских денег 1420–1447 гг. В его составе зарегистрировано 28 монет.

Клад II, состоящий из 31 «малоформатной» новгородки, обнаружен предположительно в 2010 г. в пределах средневекового городища Холопий городок, расположенного в нескольких километрах севернее Великого Новгорода, в ходе незаконного поиска артефактов. Вместе с серией более ранних и поздних монет депозит передан в собрание НГОМЗ.

Составы обоих кладов чрезвычайно важны для изучения новгородской чеканки XV в. Ранние «малоформатные» новгородские денги с указанием внешних характеристик описывались М. А. Львовым и М. П. Сотниковой (Львов, 1974. С. 135, 139, 140; Сотникова, 1995. С. 9, 10, 17). Однако в распоряжении исследователей не было кладов, состоящих из таких монет. Их атрибуция происходила логическим путем, оставляя долю сомнения в ее правильности.

Опубликованные И. В. Волковым два клада стали надежной источниковой базой для изучения раннего этапа чеканки Великого Новгорода, подтвердив верность выводов предшествующих исследователей. Клады дают представление о параллельном выпуске денег с отличающейся композицией лицевой стороны (далее обозначение оборотной и лицевой сторон указывается как л. с. и о. с.), где левая фигура изображалась стоящей или сидящей на престоле. Предполагается, что за различием здесь скрывается маркировка продукции двух центров производства новгородок, действовавших в одно время.

И. В. Волковым опубликованы схемы штемпельных связей денег со стоящей левой фигурой для каждого из двух кладов (Волков, 2020. С. 14, рис. 3). Цепочки снабжены графическими реконструкциями штемпелей и ссылками на описания монет в каталоге, публикуемом в данном томе. Такой подход наглядно иллюстрирует состояние имеющейся источниковой базы на 2020 г.

Материалы двух кладов, дав достоверную серию «малоформатных» новгородок, позволили И. В. Волкову отметить технологические особенности их производства. Для экземпляров со стоящей левой фигурой использовались лицевые штемпели, вырезанные вручную, а для легенд оборотной стороны применялись буквенные пуансоны. Новгородки с сидящей левой фигурой чеканились штемпелями, изготовленными при помощи маточников, то есть по более совершенной технологии, позволяющей получить серии одинаковых инструментов для чеканки.

⁵ Здесь прежде всего речь идет о кладовых комплексах, найденных в последние десятилетия в ходе незаконного поиска артефактов при помощи металлодетекторов.

Клад III, состоящий из 1779 монет, — один из наиболее крупных комплексов новгородок XV в. Депозит был обнаружен в 1930 г. в Новгороде при рытье могилы на Рождественском кладбище и вместе с кладовой тарой передан в Новгородский музей. Обстоятельства находки позволяют говорить о достоверности места фиксации и состава депозита, что важно в контексте его высокой научной значимости.

Во время Великой Отечественной войны комплекс вывозился в эвакуацию, в результате чего утраченной оказалась сопровождающая документация и, вероятно, кладовая тара (керамический сосуд). Позже монеты вернулись в Великий Новгород. И. В. Волков на основании сохранившихся свидетельств различного рода восстановил историю обнаружения и храненияклада, проделав тем самым самую важную архивную работу. К настоящему времени из состава депозита исчезли 22 монеты. Несмотря на пропажи, это один из наиболее крупных из сохранившихся новгородских кладов XV в. Размер и разнообразие составляющих его структуру монет позволяет использовать его в качестве основы для современной систематизации новгородок 1447–1478 гг.

До выхода книг И. В. Волкова единственной типологической схемой описания новгородских денег XV в. оставалась систематизация И. И. Толстого (1884 г.), по объективным причинам не отвечающая требованиям современной научной нумизматики. Каталоги И. В. Гришина и А. В. Храменкова, а также Д. В. Гулецкого и К. М. Петрунина, вышедшие в последние годы, рассчитанные на коллекционеров, повторяют подход к типологии, предложенный И. И. Толстым, и учитывают некоторые хронологические построения М. А. Львова и М. П. Сотниковой, но нуждаются в серьезной проверке (Гришин, Храменков, 2016. С. 3–25, 40–52; Гулецкий, Петрунин, 2022. С. 608–625).

И. В. Волков на основании работы с составами кладов монет (включая крупный Лисицкий клад, о котором подробно речь пойдет далее) и анализа технологии изготовления штемпелей публикует новую систематизацию выпусков 1447–1478 гг. Предлагаются основные типы новгородских денег: тип I — со стоящей левой фигурой, тип II — с сидящей левой фигурой, тип IIА — с сидящей левой фигурой и легендой о. с., в основном разделенной крестом на четыре части. Внутри каждого типа на основании особенного оформления л. с. (дифферентов, точек, знаков) выделяются группы. Для групп прослежена относительная хронология, которая по мере накопления нового

материала и поштемпельного изучения новгородок 1447–1478 гг. будет уточняться (Волков, 2020. С. 18, рис. 5).

Представленная И. В. Волковым типологическая схема пореформенных новгородских денег не имеет противоречий и может быть принята как современная классификация, впрочем, имеющая пока статус рабочей версии. Вероятно, ее дальнейшее уточнение будет связано с более узкой и обоснованной датировкой выделенных групп (особенно это актуально для монет типа I) без серьезных перестановок. Надежность схемы И. В. Волкова базируется на верно выбранной методике изучения новгородок и основательности источниковой базы.

Книги И. В. Волкова снабжены каталогами, представляющими составы публикуемых кладов. Для каждой штемпельной пары приводится графическая реконструкция штемпелей в натуральную величину, отличающаяся высоким качеством исполнения, детальное описание л. с. и о. с., указание веса, номера музейного хранения и ссылки на опубликованные аналоги (при наличии). Для каждой монеты приводятся качественные цветные фотографии в двукратном увеличении. Подробное описание денег, графические реконструкции штемпелей и фотоизображения позволяют использовать материалы И. В. Волкова в качестве каталогов для определения новых новгородок, в чем автор рецензии неоднократно мог убедиться на собственном опыте.

Выбранный И. В. Волковым алгоритм публикации материалов кладов, включающий историческую и исследовательскую справки, графические реконструкции штемпелей, описание л. с. и о. с., метрические показатели и фотографии, полностью соответствует требованиям современной научной нумизматики. Сложно представить более полный вариант публикации кладового материала.

В отечественной историографии подобный порядок публикации нумизматических источников представил в 1993 г. П. Г. Гайдуков в монографии, посвященной изучению медных русских пул (Гайдуков, 1993). За два прошедших десятилетия большинством исследователей алгоритм был признан удачным и применен в других научных работах.

Вторая книга И. В. Волкова, увидевшая свет в 2022 г., продолжила издание кладов новгородских монет XV в. Следуя нумерации депозитов, начатой в IV томе, автор вводит в научный оборот еще шесть комплексов (*клады IV–IX*).

Клад IV обнаружен в 2020 г. в Старорусском районе Новгородской области местными жителями. Состав комплекса представлен четырьмя денгами 1420–1447 гг., двумя фальшивыми экземплярами, имитирующими «малоформатные» новгородки, и нижегородской денгой великого князя Московского Василия Дмитриевича третьего десятилетия XV в.

Помимо важности регистрации еще одного комплекса «малоформатных» новгородских денег находка примечательна наличием здесь фальшивых экземпляров и необычной для новгородских земель нижегородской монеты. Можно согласиться с И. В. Волковым, что величина и структура комплекса позволяют интерпретировать его в качестве потерянного кошелька, то есть маркера повседневного денежного обращения, вероятно, без намеренного отбора, в котором находили место и воровские монеты.

Индикатором полноты данных, вводящих состав клада в научный оборот, стали результаты изучения состава сплава монет при помощи рентгенофлуоресцентного анализа (XRF).

Клад V представлен в книге 49 монетами из состава крупного депозита (1200–1500 экземпляров) новгородок, найденного местными жителями в 1984–1987 гг. в нескольких километрах к северо-востоку от Великого Новгорода на территории бывшего Рождественского Лисицкого монастыря. Монеты разошлись по рукам, но 425 экземпляров П. Г. Гайдукову удалось задокументировать. В научный оборот находки введены в отдельной монографии И. В. Волкова и П. Г. Гайдукова, посвященной изучению этого уникального депозита (Волков, Гайдуков, 2021).

В одной из частных коллекций авторам удалось выявить 49 новгородских денег, изначально входивших в состав Лисицкого клада (подробнее: Волков, Гайдуков, 2021. С. 8, 9). Сейчас данные экземпляры переданы в фонды НГОМЗ и публикуются в монографии 2022 г.

П. Г. Гайдуковым и А. В. Быковым отмечалось, что часть депозита в общих чертах отражает особенности его структуры, за исключением редких экземпляров (Гайдуков, 1994; 1996; Быков, 2002). Материалы Лисицкого клада, по мнению И. В. Волкова, также подтверждают это мнение. Переданные в музей 49 новгородок в достаточной мере представляют типологический состав комплекса, известный по фотодокументам П. Г. Гайдукова.

Монеты Лисицкого клада, сокрытого на рубеже 1450–1460-х гг., стали важной составляющей типологии денег Великого Новгорода 1447–

1478 гг., разработанной И. В. Волковым. Это важный источник для верного хронологического распределения различных групп новгородок.

Клад VI состоит из 515 денег Великого Новгорода XV в. Он был обнаружен в 1947 г. при разборке завалов церкви Спаса Преображения на Нередице. Сохранившаяся документация подробно описывает обстоятельства находки комплекса, указывая, что изначально в его состав входили 511 денег и 22 четверетца. Ко времени начала работы И. В. Волкова с комплексом в составе клада оказались утраченными все четверетцы, а четыре денги искусственно включены в его структуру⁶. Особенности типологического распределения младших монет комплекса указывают, что его сокрытие произошло около 1475–1476 гг. Рассматриваемый клад стал единственным с сохранившейся кладовой тарой в виде цилиндрического свинцового сосуда.

Клад VII состоит из 31 денги Великого Новгорода XV в. Место его находки также связано с церковью Спаса Преображения на Нередице. Комплекс обнаружен в 1951 г. местной жительницей и передан в Новгородский музей, где он полностью сохранился до наших дней.

Структура *кладов VI и VII* близка и демонстрирует разновременные новгородки с доминированием поздних экземпляров (по классификации И. В. Волкова тип ПА). В сравнении с Лисицким кладом два комплекса с Нередицы дают важные материалы для построения систематизации денег Новгорода 60–70-х гг. XV в. Преобладание в структуре этих депозитов поздних монет демонстрирует классическую для большинства русских кладов композицию, когда при формировании состава без длительной истории накопления в них попадали наиболее массовые монеты, близкие по датам выпуска к тезаврации.

Клад VIII состоит из 495 денег Великого Новгорода XV в. Во время Великой Отечественной войны была утрачена документация, указывающая дату и место обнаружения комплекса. И. В. Волков связывает время находки клада с периодом с 1917 по 1930 г., на что указывает небольшая газетная заметка, в которой, возможно, депозит упоминается.

Структура клада представлена разновременными новгородками 1447–1478 гг. с преобладанием выпусков типа ПА и доминированием среди них экземпляров наиболее поздней группы 4.

⁶ Опознать эти монеты сейчас не представляется возможным.

Младшие новгородки в легенде о. с. содержат титул великого князя. Их выпуск происходил в течение нескольких лет с начала 1748 г. после присоединения Новгорода к Великому княжеству всея Руси.

Монеты данного комплекса на схеме штемпельных связей демонстрируют непрерывную цепочку от денег независимого Новгорода к чеканке первых лет после потери республикой самостоятельности, когда новгородки еще сохраняли оригинальный рисунок л. с., но легенда о. с. уже демонстрировала зависимость от великого князя (Львов, 1979; Волков, 2019).

Клад IX представлен в настоящее время 896 монетами. Благодаря работе В. Л. Янина удалось восстановить информацию о месте и времени обнаружения комплекса, утраченную в период Великой Отечественной войны. Есть все основания отождествить депозит с находкой 1924 г. в д. Емельяново Боровичского уезда, информация о которой публиковалась Р. Р. Фасмером (Фасмер, 1926. С. 298, № 13; Янин, 1960. С. 143, № 6). Клад сохранился не полностью и представлен только 896 экземплярами из 920, указанных в статье 1926 г.

По составу комплекс отличается от представленных ранее депозитов 1447–1478 гг. Здесь есть одна «малоформатная» новгородка, 891 денга 1447–1478 гг. различных типов и две великокняжеские денги Ивана III с двухфигурной композицией на л. с. Младшие монеты указывают, что клад сокрыт после 1478 г.

В отличие от трех последних кладов (VI, VII, VIII) в рассматриваемом поздние типы новгородок — ПА — составляют всего 4,35 %, тогда как в прочих известных депозитах, тождественных по времени тезаврации, доля таких монет — 25–40 %. Часть младших экземпляров имеет признаки длительного обращения (Волков, 2022. С. 19).

Важной деталью, указывающей на время формирования клада, стало присутствие обрезанных по краю монет, составляющих 5–6 % их общего количества. До конца 80-х — начала 90-х гг. XV в. стихийная обрезка монет населением в Новгороде не фиксируется (Зайцев, 2006. С. 76; Волков, 2012. С. 173).

Особенности структуры депозита объясняют И. В. Волковым длительной историей накопления. Ранняя и количественно большая часть, вероятно, сформировалась до начала выпуска монет типа ПА (к концу 1460-х гг.). Не ранее 1480-х гг. к имеющемуся капиталу владелец добавил еще сумму поздними новгородками с двухфигурной композицией на л. с., часть которых имела уже

великокняжеский титул. Некоторые из этих монет оказались обрезанными.

Предложенная И. В. Волковым интерпретация оригинальности структуры депозита представляется вполне аргументированной. Русские клады с длительной историей накопления известны для XVI и XVII вв. (Быков, 1992. С. 16–19). Находки новых комплексов новгородок XV в. позволяют лучше прояснить особенности кладыобразования в Великом Новгороде того времени. Пока отметим весьма вероятную возможность наличия клада длительного формирования, а следовательно, существования депозитов с различной продолжительностью накопления.

После описания истории обнаружения и изучения кладов публикуется каталог, где для каждой штемпельной пары приводится графическая реконструкция штемпелей в натуральную величину, детальное описание л. с. и о. с., указание веса, номера музейного хранения и ссылки на опубликованные аналоги (при наличии). Для каждой монеты приводятся качественные цветные фотографии в двукратном увеличении.

Отметим, что в отличие от первой монографии в каталоге издания 2022 г. перед описанием составов кладов приводится краткое резюме, содержащее основные сведения об обстоятельствах и месте находки комплексов, количестве составляющих их монет и некоторые другие сведения. Такое дополнение значительно упростило работу с книгой, позволив быстрее ориентироваться в представленных материалах. Подчеркнем, что кладовые материалы монографии 2022 г. стали основой источниковой базы для современной научной классификации монет Великого Новгорода XV в., представленной здесь И. В. Волковым.

Третья книга, вышедшая в 2023 г., возобновила публикацию кладов, хранящихся в Новгородском музее. В издании с продолжающейся от первых двух монографий нумерацией публикуются материалы 10 депозитов (**клады X–XIX**), старшие из которых датируются XIII–XV вв., а младшие — первой третью XVI в. Если в первых двух томах рассматривались клады, как правило, найденные в Новгороде или в нескольких километрах от него, третий включает комплексы с обширной географией регистрации, охватывающей почти всю Центральную Россию. Большинство этих депозитов обнаружено в результате незаконной кладыискательской деятельности, выкуплено у находчиков группой московских нумизматов и археологов, передано безвозмездно в НГОМЗ. Научный потенциал публикуемых кладов уже выходит за рамки

Новгородской земли и отражает особенности сложения единого денежного рынка Великого княжества всея Руси конца XV — начала XVI в.

Клад X найден в 2019 г. в пределах Суворовского района Тульской области. Комплекс состоит из восьми серебряных шестиугольных платежных слитков, внешне напоминающих гривны «киевского типа», бытовавшие до середины XIII в. Находки последних связаны с территорией современной Украины и южными областями Беларуси и России. Их средний вес варьируется от 160 до 165 г (*Бауер*, 2014. С. 255, 256).

Взвешивание экземпляров из состава публикуемогоклада показало большой разброс. Только три слитка укладываются в параметры южнорусской нормы. Остальные более тяжелые: от 173,03 до 179,49 г и даже 195,18 г (*Волков*, 2023. С. 11).

Образцы повышенного веса соотносятся с известной, но менее многочисленной группой слитков, очень близкой к «киевской» по форме, но с весом, приближающимся к 200 г. Зона их распространения охватывает центральные и северо-западные русские земли (*Там же*. С. 9, 10). Данная категория памятников денежного обращения пока не стала предметом специального исследования и еще ожидает своих изыскателей.

Материал, представленный И. В. Волковым, можно рассматривать в качестве надежной и высокоинформативной источниковой базы для дальнейшего изучения пока загадочных слитков повышенного веса. Отметим, что исследователь вводит в научный оборот результаты изучения состава сплава предметов, полученных при помощи XRF.

Клад XI обнаружен в 2020 г. на Торговой стороне Великого Новгорода в ходе незаконного поиска артефактов. Благодаря усилиям группы археологов комплекс удалось сохранить для научного изучения и передать в НГОМЗ.

В состав клада входят четыре палочковидных слитка (рубля) и три отрубленные половины (полтины). Все экземпляры изготовлены путем отливки в два приема. Изучение состава сплава этих предметов (XRF) показало, что проба серебра в нижней и верхней частях существенно отличается (подробнее: *Сотникова*, 1981; *Глазунова*, 2016; *Глазунова*, *Шишков*, 2020). Основа публикуемых И. В. Волковым слитков отлита из композиции металлов с пониженным содержанием серебра, от 41 до 80 %. В верхней доливке количество драгоценного металла увеличивается: от 75 до 99 %.

Подобные слитки бытовали в первой половине XV в. до денежной реформы 1447 г. Возможно, особенности их изготовления, с различ-

ным содержанием серебра в нижней (основной) и верхней частях, станут ключом к пониманию причины отказа новгородцев от использования слитков и казни мастеров-ливцов, уличенных в злоупотреблениях в процессе работы⁷ (ПСРЛ, 1925. С. 442–444).

Клад XII, представленный 205 монетами, удалось выявить в фондах Новгородского музея в 2015 г. в составе коллекции довоенного происхождения с утраченной справочной документацией, восстановить которую пока не удалось.

В композиции комплекса, видимо, искусственно соединены две кладовые находки 20–30-х гг. XX в. К составу раннего депозита И. В. Волков относит три денги Василия II, 147 монет Ивана III новгородской, московской и тверской чеканки и 52 денги Василия III Москвы и Новгорода. Еще три фальшивых экземпляра копируют распространенные новгородские выпуски Ивана III. Сокрытие этого капитала, вероятно, относится к рубежу 1510–1520-х гг.

Ко второму кладу принадлежат копейки XVI — начала XVII в. Разделение монет с разным периодом обращения на два комплекса вполне оправдано.

Клад XIII представлен в фондах Новгородского музея 371 монетой — сегмент крупного депозита, обнаруженного в разное время частями близ хутора Кузнечиха Печорского района Псковской области местными жителями. Комплекс, хранящийся в НГОМЗ, найден в начале 1980-х гг. В 1984 г. монеты приобретены у находчика Изборской экспедицией ИА РАН и в 2021 г. переданы на хранение в НГОМЗ.

Основная доля клада обнаружена в 1937 г. при распахке поля. Сейчас эти 814 монет хранятся в Институте истории Эстонской академии наук. В 1955 г. в Псковский музей поступила вторая часть депозита из 88 экземпляров. Всего на сегодня известно 1293 денежных знака из Кузнечихи. И. В. Волков в книге публикует «новгородский» сегмент комплекса.

Исключительность данного депозита, помимо его размера, связана с присутствием в структуре 213 денег Псковской республики, выпущенных до 1510 г. На сегодня изучение чеканки монет независимого Пскова недостаточно и требует продолжения с использованием современных методик (*Гайдуков*, 2006. С. 104–114). Слабыми местами исследований И. И. Толстого и

⁷ За счет примесей происходило снижение доли серебра в слитках, но сохранился их вес.

А. С. Мельниковой, занимавшихся систематизацией псковок, стало отсутствие в качестве источниковой базы кладов таких монет.

Публикация материалов депозита из Кузнецихи (вместе с «псковской» и «эстонской» частями) внесет значительный вклад в формирование источникового ресурса для изучения денежного дела независимого Пскова. Состав клада важен для исследования периода после 1510 г., так как младшие монеты здесь принадлежат эмиссии Василия III выпуска 1520-х гг.

Клады XIV (28 монет), XV (92 монеты), XVI (82 монеты) обнаружены в результате незаконного поиска артефактов во Владимирской и Нижегородской областях. Благодаря усилиям археологов и нумизматов комплексы удалось выкупить у находчиков и безвозмездно передать на постоянное хранение в Новгородский музей.

Составы кладов представлены денгами независимого Новгорода и Пскова XV в., эмиссией Василия II (эти выпуски сравнительно малочисленны), а также чеканкой Ивана III и Василия III (последним двум эмитентам принадлежит основная часть монет) различных производственных центров. Среди денег присутствуют обрезанные по краю экземпляры.

Клад XVII обнаружен в 2022 г. в Тульской области в ходе незаконного поиска артефактов. В 2022 г. находка поступила в НГОМЗ. В структуру комплекса вместе с монетами входили серебряные ювелирные украшения: три перстня, две пары однобусинных серег, позолоченная бусина или пуговица. В кладе найдена и прикладная печать-матрица из медного сплава.

Нумизматическая часть коллекции представлена денгами Новгородской и Псковской республик (шесть и девять экземпляров). Московских и тверских денег Ивана III и Василия III зафиксировано 32, новгородских и псковских — 97, в том числе и 15 фальшивых. Особенностью монет клада стало присутствие на их подавляющем количестве следов обрезки как маркера кризиса денежного обращения в конце правления Василия III. Время сокрытия клада И. В. Волков относит к рубежу 1520–1530-х гг.

Находка вместе с содержимым клада железного накладного замка позволяет утверждать, что предметы укрывались в кожаной сумке, от которой до нашего времени сохранился только запирающий механизм. Аналоги подобным изделиям хорошо известны среди археологических находок русских городов в слоях XVI в. Монеты могут надежно датировать найденные в кладе украшения,

печать и уточнить время использования сумок.

Клад XVIII найден в 2016 г. в Брянской области на возделываемом поле, в результате чего монеты собирались на широкой площади. В 2022 г. депозит через посредничество Столичного археологического бюро передан в НГОМЗ на постоянное хранение.

Структура комплекса представлена девятью денгами независимых Новгорода и Пскова, рязанской денгой Василия Ивановича, восемью московскими денгами Василия II. Эмиссиям Ивана III и Василия III принадлежит 111 монет, чеканенных в Твери и Москве, а также 42 денги Новгорода и Пскова. Основная часть экземпляров имеет значительные следы обрезки, 10 денежек — продукция фальшивомонетчиков. Время сокрытия комплекса определяется рубежом 1520–1530-х гг.

Сравнение состава данного депозита с *кладом XVII* демонстрирует иное распределение монет по эмиссионным центрам, что отражает региональные особенности оборота денежных знаков. Чаще всего монеты обращались поблизости от места их выпуска.

Клад XIX найден в 2022 г. в Ярославской области. Точные обстоятельства его обнаружения неизвестны. В том же году депозит через посредничество Столичного археологического бюро передан в НГОМЗ.

В состав клада входит 20 монет. Эмиссии Ивана III и Василия III представлены 18 денгами Новгорода и Пскова, еще одна денежка выпущена в Твери. Младшая монета чеканена в начале правления Ивана IV на Новгородском дворе. По мнению И. В. Волкова, комплекс можно датировать временем проведения денежной реформы Елены Глинской, если только монета Ивана IV не была примешана к составу искусственно.

Как видно, третий том И. В. Волкова представлен в основномкладами, состоящими из монет времени правления Ивана III и Василия III. Классификация чеканки этих эмитентов представлена в фундаментальном исследовании В. В. Зайцева, однако полностью завершенной ее считать нельзя, и новые депозиты первой трети XVI в. позволяют уточнять уже имеющуюся датировку монет и их систематизацию⁸ (Зайцев, 2006). Необходимо

⁸ На основании новых кладовых материалов корректировка хронологии и типологии псковских денег Василия III представлена в докладах И. В. Волкова: «Клад начала второго десятилетия XVI в. из Псковской области», прочитан 19.06.2024 на конференции

дальнейшее изучение динамики денежного обращения в период формирования Великого княжества всея Руси по первоклассным источникам — кладовым комплексам. На основании депозитов, опубликованных И. В. Волковым, заметны как общие черты их структуры, так и оригинальные детали компоновки, причины которых предстоит выявить в будущем на основании более репрезентативной подборки материалов. Клады времени Ивана III и Василия III хорошо представлены в фондах ряда музеев России, однако доля опубликованных на современном научном уровне депозитов пока мала.

Основной объем третьей книги И. В. Волкова, как и двух предшествующих, занимает прекрасно выполненный каталог публикуемых кладов, повторяя структуру, предложенную в первых изданиях. С выходом третьего тома на конец 2023 г. в научный оборот вводится новгородское собрание кладов русских платежных средств XIII — начала XVI в. (до начала правления Ивана Васильевича IV).

В результате многолетней кропотливой работы И. В. Волкова впервые так масштабно издаются кладовые комплексы XIII — начала XVI в. (с преобладанием материала XV столетия); уровень публикации слитков, монет, вещей и кладовой тары на сегодня представляется наиболее полным. Высокое качество подготовки материала к публикации автором станет ориентиром необходимого на сегодня уровня⁹ ввода в научный оборот кладовых комплексов для дальнейшей работы с ними в качестве полноценного исторического источника. Монографии станут образцом публикации нумизматического материала для других музеев и организаций.

Ценнейшей частью исследования И. В. Волкова стала новая научная типология монет Великого Новгорода XV в. К моменту выхода «Монетных кладов...» денежное дело Великого Новгорода XV в. оставалось слабо изученным. Ахиллесовой пятой существовавших исследований было отсутствие опубликованной источниковой базы¹⁰ (кладов).

«Русское денежное обращение IX–XVII вв.» в Великом Новгороде, и «Клад начала правления Ивана Грозного из Пскова», прочитан 19.05.2025 на Всероссийской нумизматической конференции в Пскове (в соавторстве с О. В. Михайленко).

⁹ Здесь мы имеем в виду тщательнейшую подготовку исторической справки, имеющей важнейшее значение при дальнейшей работе с комплексами.

¹⁰ В распоряжении И. И. Толстого вовсе не было кладов новгородских монет XV в.

И. В. Волков пошел путем представления в первую очередь материалов кладов и лишь затем новой типологии новгородок. Таким образом, под выделенные исследователем типы и варианты оказалась подведена надежная источниковая база, верифицируемая каждым специалистом. Отметим, что после ввода в научный оборот новых кладов типология новгородок, представленная в первом томе (Волков, 2020. С. 18, рис. 5), не получила серьезной корректировки (Волков и др., 2024. С. 10, рис. 5), что указывает на тщательность проделанной исследователем работы.

Скрупулезное изучение новгородок с применением современных технических средств позволило И. В. Волкову получить новые данные о технологии изготовления штемпелей для их выпуска. Доказанным стало более широкое использование маточников при изготовлении инструментов после 1447 г., а также получили уточнение случаи применения пуансонов.

Книги И. В. Волкова стали образцовой полноценной источниковой базой для дальнейших научных работ.

Вместе с рассмотренными выше томами нельзя не упомянуть еще три книги, связанные с памятниками нумизматики Новгорода и Новгородских земель, вышедшие за последние четыре года. Первой стала книга Н. П. Пахомова, посвященная топографии монетных кладов Новгородской земли, опубликованная в 2020 г. (Пахомов, 2020). Материалы исследования были подготовлены к изданию еще в 1983 г., но при жизни автора публикация не состоялась¹¹. Благодаря работе П. Г. Гайдукова, осуществившего редактирование рукописи, труд Николая Петровича увидел свет.

Издание сопровождается подробным биографическим очерком жизни Н. П. Пахомова. Отмечена его важная роль в изучении древностей Новгородской земли, в том числе памятников сфрагистики и нумизматики. П. Г. Гайдуков на основании архивных материалов, включая переписку Н. П. Пахомова, подробно прослеживает этапы работы над рукописью сводки кладов.

Книга учитывает данные о 170 кладовых комплексах, сведения о которых собирались Н. П. Пахомовым много лет (вероятно, со студенчества). В сводку вошли депозиты, хранящиеся в Новгородском музее, и известные автору по разнообразным опубликованным материалам и архивным источникам. Во введении исследователь

¹¹ Работа над рукописью продолжалась Н. П. Пахомовым до начала 2000 г.

обращает внимание на разницу в степени известности кладов Московского региона по сравнению с другими областями и актуализирует значимость публикации материалов из провинциальных музейных собраний.

Публикация депозитов построена по хронологическому принципу: от комплексов «раннего Средневековья» до «кладов монет советского времени». Несмотря на завершение работы над «Монетными кладами Новгородской области» несколько десятилетий назад, исследование Н. П. Пахомова не утратило научного значения и в наши дни. Это важная основа для разработки современной топографии депозитов Новгородских земель.

В 2021 г. увидела свет монография И. В. Волкова и П. Г. Гайдукова, посвященная изданию Лисицкого клада (Волков, Гайдуков, 2021). Часть депозита из 424 монет задокументирована Петром Григорьевичем в 1986–1987 гг. Еще 49 монет из состава комплекса были встречены в частной коллекции, выкуплены и переданы в НГОМЗ. Таким образом, в книге публикуются 473 новгородские денги, достоверно происходящие из состава Лисицкого клада, что составляет, видимо, около трети изначальной структуры.

Предисловие книги содержит подробное описание обстоятельств находки этого важнейшего для новгородской нумизматики клада. Текст снабжен подробной исторической справкой места регистрации депозита и картографическим материалом.

Материалы Лисицкого клада легли в основу построения относительной хронологии новгородок 1447–1478 гг., дав прочную базу верной последовательности распределения очередности выпуска денег типов I и II (в первую очередь это касается монет типа II с различными буквенными дифференцирами).

Авторы пока в качестве предположения представляют доказательства чеканки пореформенных новгородок с сидящей левой фигурой в начальный период параллельно в трех мастерских. Новгородки со стоящей правой фигурой распределяются по двум производственным центрам. В итоге получается пять мастерских, возможно, связанных с деятельностью пяти «денежников», упомянутых в Новгородской летописи под 1447 г. Окончательные выводы по этому новому важнейшему направлению исследования авторы откладывают до проведения поштемпельного анализа всех монет изучаемого периода, что абсолютно оправдано. Однако уже сейчас на основании имеющегося материала можно говорить об оши-

бочности представления М. П. Сотниковой о непрерывности всей цепи суверенного чекана Новгорода с 1420 по 1478 г. с выстраиванием общей системы штемпельных связей от старших денег к младшим (Сотникова, 2001. С. 4, табл. вкладка).

И. В. Волков и П. Г. Гайдуков на основании представительной выборки монет дополнили знания о технологии изготовления штемпелей для новгородок XV в. (Львов, 1971; 1981; Сотникова, 1995), уточнив случаи использования инструментов, вырезанных вручную, с применением маточников (для выпусков до и после 1447 г. с сидящей левой фигурой), а также пуансонов для легенд о. с. и маточников для о. с. (Волков, Гайдуков, 2021. С. 14). В историографии имела место недооценка масштабов употребления маточников после 1447 г.

Значимой в монографии оказалась топографическая сводка, представляющая данные о всех кладовых комплексах новгородских монет периода независимости на конец 2021 г.

В каталоге клада для каждой штемпельной пары приводятся графическая реконструкция штемпелей в натуральную величину, отличающаяся высоким качеством исполнения; детальное описание л. с. и о. с.; указание веса и номера музейного хранения. Выполнены также качественные цветные фотографии каждой монеты в двукратном увеличении. Издание снабжено схемами штемпельных технологических связей новгородок Лисицкого клада.

В 2024 г. вышла коллективная монография И. В. Волкова, О. В. Михайленко, К. В. Орлова «Новые кладовые монеты Великого Новгорода XV века» (Волков и др., 2024). В названии книги прослеживается тематическая связь с серийным изданием Новгородского музея. Однако из-за хранения публикуемых кладов вне фондов НГОМЗ (один комплекс в собрании Гос. Эрмитажа, другие в частных коллекциях) книга не могла выйти в качестве очередного тома «Кладов монет...». В монографии обобщены данные о шести депозитах XV в., полученных в ходе незаконного поиска артефактов, к сожалению, не попавших в фонды музеев, но задокументированных авторами.

Структура издания в целом повторяет «Новгородские кладовые...». После введения помещена справка об обстоятельствах находки каждого комплекса с указанием места регистрации, количества монет, их общей атрибуции, периода сокрытия и др. Далее следуют каталог, представляющий описание каждой штемпельной пары, и альбом с фотографиями.

Среди публикуемых в книге материалов нельзя не отметить *клад I*, найденный в 2022 г. в Ильменском Поозерье. В состав комплекса входили пять «малоформатных» новгородок, одна четвертьца Новгорода и четыре небольших обрубка серебряных слитков. Комплекс дает материал, доказывающий обращение четвертьцы в начальный период новгородской независимой чеканки. Текст летописи указывает, что выпуск данного номинала начался в 1422 г.

Важно отметить, что *клады II* (Гдовской район Псковской области) и *III* (Гатчинский район Ленинградской области), укрытые в 60-х гг. XV в., заполнили имевшуюся хронологическую лауну. Были известны либо ранние клады из «малоформатных» новгородок, либо комплексы, укрытые не ранее 70-х гг. XV в. Исключение представлял только Лисицкий клад рубежа 50–60-х гг. XV в.

Очень интересным и перспективным для изучения представляется денежно-вещевой *клад V*, найденный в Гдовском районе Псковской области

поисковым отрядом, занимающимся установлением мест солдатских захоронений. В тканевой упаковке обнаружены два серебряных височных кольца и немногим более 800 денег Новгорода и Пскова XV в. Документировать удалось только 737 экземпляров и украшения. Псковской чеканке принадлежат 199 экземпляров, новгородской — 538. «Псковки» представлены типом со строчной легендой на о. с. Время сокрытия клада, вероятно, следует отнести к середине 1470-х гг. Хронологические особенности распределения новгородских и псковских монет позволяют говорить о длительной истории накопления капитала.

Клад стал вторым опубликованным комплексом, где вместе зарегистрированы монеты Пскова и Новгорода. Присутствующая здесь группа из 131 «псковки» так называемого архаического типа (группа I) позволила выстроить цепочку штемпельных технологических связей, иллюстрирующую очередность монетного выпуска Пскова в начальной стадии.

Бауер, 2014 — Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Под. ред. П. Г. Гайдукова. М.: Русское слово, 2014. 692 с.

Бушлякова, Волков, 2010 — Бушлякова В. А., Волков И. В. Тверские клады XVI — начала XVIII в. Вып. 1: Комплексы с сохранившейся кладовой керамикой в собрании Тверского объединенного музея. М.: Нумизматическая литература, 2010. 80 с.

Быков, 1989 — Быков А. В. Клады Смутного времени 1605–1619 гг. Каталог. Вологда: МДК, 1989 (Памятники нумизматики Вологодской области; Ч. I). 64 с.

Быков, 1992 — Быков А. В. Клады 30–40 гг. XVII в. Исследование и каталог. Вологда: ЛиС, 1992 (Памятники нумизматики в музеях Вологодской области; Ч. II). 198 с.

Быков, 2002 — Быков А. В. Архангельский клад начала XVIII в. // X Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.): Тезисы докл. и сообщ. / Отв. ред. А. С. Мельникова. М.: ГИМ, 2002. С. 208, 209.

Векслер, Мельникова, 1999 — Векслер А. Г., Мельникова А. С. Российская история в московских кладах. М.: Жираф, 1999. 272 с.

Волков, 2012 — Волков И. В. Новый клад монет конца XV в. из Рязанской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 4 / Отв. ред. В. В. Зайцев. М.: Репроцентр, 2012. С. 171–181.

Волков, 2019 — Волков И. В. «Великокняжеские новгородки» Ивана III (материалы к систематизации) // Археология русского города. Материалы научно-практического семинара 2018 г. / Отв. ред. И. В. Волков. М.:

Столичное археологическое бюро, 2019 (Труды Столичного археологического бюро; Т. III). С. 129–166.

Волков, 2020 — Волков И. В. Клады монет Великого Новгорода XV века. Ч. 1. Великий Новгород: НМЗ, 2020. 336 с.

Волков, 2022 — Волков И. В. Клады монет Великого Новгорода XV века. Ч. 2. Великий Новгород: НМЗ, 2022. 408 с.

Волков, 2023 — Волков И. В. Клады платежных слитков и русских монет XV — первой трети XVI века. Великий Новгород; СПб.: НМЗ, 2023. 212 с.

Волков, Гайдуков, 2021 — Волков И. В., Гайдуков П. Г. Лисицкий клад новгородских монет XV века. М.: ИА РАН, 2021. 124 с.

Волков и др., 2024 — Волков И. В., Михайленко О. В., Орлов К. В. Новые клады монет Великого Новгорода XV века. Великий Новгород, 2024. 472 с.

Гайдуков, 1993 — Гайдуков П. Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука, 1993. 293 с.

Гайдуков, 1994 — Гайдуков П. Г. Клад монет Ивана IV в собрании Псковского музея (к методике работы с кладами) // Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 6–8 апреля 1994 г.): Тезисы докл. / Науч. ред. В. М. Потин. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. С. 44, 45.

Гайдуков, 1996 — Гайдуков П. Г. Клад монет Ивана IV в собрании Псковского музея // РА. 1996. № 1. С. 177–184.

Гайдуков, 2006 — Гайдуков П. Г. Русские полуденги, четвертьцы и полушки XIV–XVII вв. М.: Палеограф, 2006. 408 с.

- Глазунова, 2016 — Глазунова Е. В. Новгород — родина рубля? // Нумизматика. 2016. Вып. 40. С. 10–21.
- Глазунова, Шишков, 2020 — Глазунова Е. В., Шишков И. Ю. Клад платежных слитков новгородского типа с насечками близ села Ревны // Нумизматика. 2020. Вып. 47. С. 94–108.
- Гришин, Храменков, 2016 — Гришин И. В., Храменков А. В. Типы русских монет Великого Новгорода и Пскова. С указанием цен. М.: Леопарт, 2016. 72 с.
- Гулецкий, Петрунин, 2022 — Гулецкий Д. В., Петрунин К. М. Русские средневековые монеты. 2-е изд. СПб.: Контраст, 2022. 676 с.
- Зайцев, 2006 — Зайцев В. В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: ЮНОНА-монета, 2006. 204 с.
- Ильин, 1924 — Ильин А. А. Топография кладов древних русских монет X–XI вв. и монет удельного периода. Л.: Российская гос. акад. тип., 1924 (Российская академия истории материальной культуры. Труды нумизматической комиссии; Вып. V). 58 с.
- Львов, 1971 — Львов М. А. О некоторых технических особенностях изготовления монетных штемпелей в Великом Новгороде // Нумизматика и эпиграфика. Т. IX. 1971. С. 133–143.
- Львов, 1974 — Львов М. А. К вопросу о методике метрологического исследования русских монет XV в. // Нумизматический сборник (материалы к сводному каталогу). Вып. 3. М.: ГИМ, 1974. С. 127–141.
- Львов, 1979 — Львов М. А. «Великокняжеские» новгородки (опыт поштемпельного анализа русских монет XV в.) // Русская нумизматика XI–XX веков. Материалы и исследования / Ред. В. М. Потин. Л.: Аврора, 1979. С. 29–47.
- Львов, 1981 — Львов М. А. Первые случаи употребления маточника в русском монетном деле XV в. // Советский коллекционер. 1981. Вып. 19. С. 101–105.
- Мельникова, 2003 — Мельникова А. С. Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев: ЮНОНА-монета, 2003. 200 с.
- Мельникова, Дядченко, 1994 — Мельникова А. С., Дядченко О. С. Монетные клады. Сводка кладов и сведений о находках с русскими монетами, поступившими в Государственный Исторический музей после 1966 г. М.: ГИМ, 1994. 112 с.
- Пахомов, 2020 — Пахомов Н. П. Монетные клады Новгородской области / Под ред. П. Г. Гайдукова. М.: ИА РАН, 2020. 124 с.
- Полозов, 1963 — Полозов И. М. Клады рассказывают (топография кладов, найденных на территории Брянской области в 1944–1962 гг.). Брянск: Брянский рабочий, 1963. 23 с.
- ПСРЛ, 1925 — Полное собрание русских летописей. Т. IV, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л.: АН СССР, 1925. 536 с.
- Рязанцева, Максимов, 1995 — Рязанцева Т. В., Максимов А. В. Ярославские монетные клады // Клады земли Ярославской / Ред. А. М. Селиванов. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1995. С. 8–103.
- Сиверс, 1922 — Сиверс А. А. Топография кладов с пражскими грошами. Петербург: Российская гос. акад. тип., 1922 (Труды нумизматической комиссии; № 2). 38 с.
- Сотникова, 1981 — Сотникова М. П. Снова о новгородском серебряном рубле-слитке XIII–XV веков // Нумизматика. Вып. 5. Л.: Искусство, 1981 (Труды Гос. Эрмитажа; Т. XXI). С. 90–98.
- Сотникова, 1995 — Сотникова М. П. Начальный период (1420–1447) суверенной чеканки Великого Новгорода // Международный нумизматический альманах. 1995. № 3. С. 4–21.
- Сотникова, 2001 — Сотникова М. П. О денежной чеканке Новгорода Великого (1420–1478 гг.) // Нумизматический альманах. 2001. № 3 (8). С. 2–6, вкладка.
- Сотникова, Спасский, 1979 — Сотникова М. П., Спасский И. Г. Русские клады слитков и монет в Эрмитаже // Русская нумизматика XI–XX веков. Материалы и исследования / Ред. В. М. Потин. Л.: Аврора, 1979. С. 48–94.
- Толстой, 1884 — Толстой И. И. Монеты Великого Новгорода. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1884 (Русская допетровская нумизматика; Вып. 1). 148 с.
- Фасмер, 1926 — Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. 1926. Т. I. С. 287–308.
- Янин, 1960 — Янин В. Л. Монетные клады Новгородского музея // Нумизматика и эпиграфика. Т. II. 1960. С. 141–154.

Review of the Vols. IV, V, VI of the series “Coin Hoards of the Novgorod Museum”
 (Т. IV, V: Волков И. В. Клады монет Великого Новгорода XV века. Ч. 1. Великий Новгород: НМЗ, 2020. 336 с. ISBN 978-5-907-440-18-0; Ч. 2. Великий Новгород, 2022. 408 с. ISBN 978-5-907573-55-0; Т. VI: Клады платежных слитков и русских монет XV — первой трети XVI века. Великий Новгород; СПб., 2023. 212 с. ISBN 978-5-907737-56-3)

K. V. Gorlov³

Keywords: hoards, museum collection, coins, Veliky Novgorod, dengas, systematization

³ Konstantin V. Gorlov — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: konstantinv.gorlov2018@yandex.ru..

ИСТОРИЯ НАУКИ

Подходы к изучению профессиональной специализации в обществе кочевников раннего железного века Южного Урала по данным погребального обряда: краткий историографический обзор¹

Н. А. Берсенева²

Аннотация. Работа посвящена исследованиям, а также методам и подходам, применяемым для реконструкции социопрофессиональных групп и специализации отдельных индивидов в обществе кочевников раннего железного века Южного Урала по данным погребального обряда. Отсутствие истории таких исследований объясняется отсутствием письменных источников и стационарных поселений, а также небольшим количеством находок в погребениях орудий труда или других предметов, позволяющих судить о профессиональной специализации умершего.

Ключевые слова: Южный Урал, ранний железный век, кочевники, профессиональная специализация, подходы, историография.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-175-184

Введение

Профессиональная специализация в современном понимании термина предполагает углубленное изучение и выполнение относительно узкого набора трудовых операций в рамках более широкой профессии, требующие особой подготовки и дающие более глубокие знания в выбранной области. Применительно к кочевникам раннего железного века евразийских степей это понятие следует применять с поправкой на то, что ремесленники как социальный класс еще не существовали, но определенно были индивиды, обладающие специальными знаниями и особой подготовкой. Это касается всех сфер жизни, как материальной, так и духовной. Мы полагаем, что материальные источники, полученные в результате многолетних раскопок курганов, позволяют проводить более глубокие исследования жизни

обществ ранних кочевников и выяснять, работа каких людей обеспечивала потребности кочевников не только в жизненно необходимых продуктах, но и в ремесленной, ритуальной и военной сферах. Разумеется, этими вопросами задавались и ученые задолго до нас. Предлагаемая работа имеет целью подвести определенный итог исследованиям и обозначить методы и подходы, которые используются специалистами для реконструкции социопрофессиональных групп и специализации отдельных индивидов в обществе кочевников раннего железного века Южного Урала по данным погребального обряда. Проблеме идентификации специалистов-ремесленников мы были вынуждены уделить больше внимания, так как эта область все еще остается наименее исследованной. Тема «амазонок» и «жриц» изучалась много десятилетий, и историография этого вопроса не нуждается в подробном анализе. Этим соображением объясняется некоторая несоразмерность разделов статьи.

Специалисты-ремесленники

Следует отметить, что социопрофессиональные группы среди кочевников раннего железного века Южного Урала и сопредельных регионов

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 25-28-20201), <https://rscf.ru/project/25-28-20201/>.

² Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург; Южно-Уральский государственный университет, Челябинск; e-mail: bersnatasha@mail.ru.

© Берсенева Н. А., 2025

практически не исследовались. Это объясняется: во-первых, отсутствием письменных источников; во-вторых, отсутствием стационарных поселений; в-третьих, небольшим количеством находок в погребениях орудий труда или каких-либо специализированных предметов, позволяющих судить о профессиональной специализации умершего. В могильниках нет очевидных погребений «специалистов»-косторезов, металлургов, ювелиров, гончаров, плотников и т. д. Тем не менее сами артефакты из погребений свидетельствуют о том, что все эти виды деятельности были знакомы кочевникам, и, судя по качеству некоторых предметов, специалисты не только имелись, но и обладали высокой квалификацией. Орудия труда, встречающиеся в погребениях в небольшом количестве и часто не очень хорошей сохранности, долгое время оставались вне поля зрения археологов, сосредоточенных на изучении матриархата, «амазонок», «жриц», военной аристократии. Высказать же суждения о производстве и ремесле можно лишь при анализе большого массива данных.

Впервые систематизация полученного материала из сарматских погребений IV–II вв. до н. э. (прохоровского времени) от Дона до Зауралья была предпринята М. Г. Мошковой на рубеже 1950–1960-х гг. и опубликована в 1963 г. (*Мошкова*, 1963). В работе учтены 542 погребальных комплекса, 170 из которых приходились на Приуралье и Башкирию (*Там же*. С. 8). В разделе «Орудия труда» М. Г. Мошковой охарактеризованы ножи, шилья, кресала, костяные «стержни» (проколки), пряслица и игольники для хранения игл (*Там же*. С. 38, 39). Единственными орудиями деревообработки на тот момент являлись: железное «долото» (?) с костяной рукоятью; втульчатое железное орудие с остатками деревянной рукояти — тесло или стамеска из могильника Старые Кишки; железный проушной топор из могильника Мечетсай. В могильнике Старые Кишки были также найдены две «корнекопалки» — «небольшие железные мотыжки с округло-овальным рабочим концом», во втулках которых сохранилось дерево (*Там же*. С. 38). Относительно разделения труда в сарматском обществе М. Г. Мошкова полагала, что ткачеством и шитьем занимались женщины, о чем свидетельствуют находки пряслиц и игольников «именно в женских погребениях». Кресала и точильные камни, напротив, встречались в подавляющем большинстве в мужских захоронениях (*Там же*. С. 38, 39). Эти предметы, вероятно, были важнее для мужчин, так как их образ жизни был более мобильным.

В 1964 г. более ранний этап («савроматский», VIII–IV вв. до н. э.) эпохи кочевников Волго-Уралья был подробно охарактеризован К. Ф. Смирновым, проанализировавшим 450 погребений кочевников этого периода (*Смирнов*, 1964а. С. 23). Один из параграфов его монументального труда касался находок орудий труда в погребениях. Список категорий предметов в целом повторяет составленный М. Г. Мошковой для раннесарматских памятников. Более-менее серийно встречаются железные ножи, шилья и иглы, различные виды абразивов и пряслица. Находки иных орудий единичны, назначение их часто неясно, или они встречены вне контекста. К. Ф. Смирнов называет две пилы, бронзовое долото, тесло из песчаника (*Там же*. С. 104, 105). Интерес, пожалуй, представляет железное изделие, напоминающее щипцы, найденное в кургане группы Лапасина и являющееся, вероятно, орудием кузнеца или щипцами коновала (*Там же*. С. 108). Орудия труда из погребений, как полагал исследователь, не отражают всей хозяйственной деятельности кочевников, они лишь свидетельствуют о некоторых «домашних занятиях и быте». Оценивая весь объем сведений, ученый полагал, что «савроматы должны были иметь орудия и инструменты дляковки, мелкого литья, шорного дела, обработки дерева, кости и камня, земляных работ, прядения, ткачества, обработки кожи и меха» (*Там же*. С. 104).

Более подробно хозяйство и ремесла ранних кочевников К. Ф. Смирнов охарактеризовал в своей статье, вышедшей в том же 1964 г. В этой работе автор прямо предполагает существование профессиональной специализации в «савроматском обществе», как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальных групп. Он считал, что были группы «мастеров-косторезов» и камнерезов, которые обслуживали прежде всего верхушку общества — «богатых воинов, родоплеменную аристократию и савроматов-жриц» (*Смирнов*, 1964б. С. 60). Более того, исследователь полагал, что савроматы имели свое литейное и железоделательное производство достаточно высокого уровня, «которое выходило за рамки домашнего промысла», а также существовали «отдельные группы кузнецов и литейщиков», которые изготавливали оружие (*Там же*. С. 60, 61). Третьим направлением специализации автор полагал производство лепной керамики, которую, как он считал, производила «группа мастеров», которая «обслуживала не только свою семью, но и весь род или даже племя». Что же касается домашних производств, то К. Ф. Смирнов относил к женским занятиям изготовление глиняной посуды для своей семьи,

прядение, ткачество и шитье, валяние войлока, плетение циновки, корзин и т. д. Мужчины, по его мнению, занимались обработкой кожи и изготовлением изделий из нее (*Там же*. С. 56).

В 1970–1980-е гг. представления об уровне и характере собственного производства у ранних кочевников Южного Урала постепенно трансформировались, как и представления о «мастерах-специалистах». С одной стороны, ученые засомневались в развитии высокотехнологичных производств, особенно металлургии, в условиях мобильного образа жизни (*Железчиков*, 1984; *Железчиков*, *Порох*, 1993; *Мошкова*, 1989. С. 205, 206). С другой — невозможно представить, чтобы кочевники были полностью зависимы от обмена (дани, грабежей) с оседлыми обществами в таких жизненно важных сферах, как изготовление оружия или конской упряжи (*Акбулатов*, 1999. С. 62).

Определенные итоги в конце XX в. были подведены в монографии И. М. Акбулатова (*Акбулатов*, 1999). Рассмотрев все имеющиеся данные археологии, а также этнографические свидетельства о кочевниках более поздних периодов, ученый пришел к выводу, что наряду с «меновою торговлей между <...> кочевыми племенами и оседлым населением Южного Урала <...> в кочевой среде, очевидно, существовало свое производство металлоизделий» (*Там же*. С. 59). Автор не сомневался и в существовании ювелирного дела. Были, по его мнению, «специализированные группы людей», которые занимались добычей, первичной обработкой руды и получением металла, из которого кузнецы на стойбищах изготавливали различные предметы вооружения и быта, а «кустарь-ремесленники выполняли художественные изделия из бронзы, золота и кости» (*Там же*. С. 61, 62). Таким образом, И. М. Акбулатов предполагал существование в среде ранних кочевников Южного Урала «какой-то ремесленной прослойки», специалистов (кузнецов, бронзолитейщиков, камнерезов), которые двигались от кочевья к кочевью, работая на заказ. По его мнению, «обеспечение металлическими изделиями было по силам малому производственному коллективу семейного характера», и большинство изделий попадало в хозяйство кочевников «путем обмена с непосредственным производителем» (*Там же*. С. 65, 66).

Домашние потребности в простейших изделиях, одежде и посуде, по-видимому, обеспечивались членами домохозяйства, как мужчинами, так и женщинами, судя по этнографии кочевников Нового времени Центральной Евразии (*Таиров*, *Берсенева*, 2021).

С наступлением XXI в. применение естественных методов для анализа археологических материалов существенно расширило горизонты исследований и усилило доказательную базу. Упоминанием нескольких работ, посвященных составу металла и аспектам его производства. В серии исследований, представляющих металлографию образцов продукции черной металлургии кочевников раннего железного века савроматского и сарматского времени Южного Урала, а также степной Скифии, В. И. Завьялов и Н. Н. Терехова высказались в пользу отсутствия у кочевников Южного Урала своего производства металлических изделий (*Завьялов*, *Терехова*, 2018; 2020). По мнению ученых, кочевой образ жизни был несовместим со сложными производственными процессами, такими как «металлургия и металлообработка, которые требовали стационарных условий работы (длительные временные затраты на получение сырья и топлива, сложные пиротехнические сооружения, набор инструмента и инвентаря и т. д.)» (*Завьялов*, *Терехова*, 2018. С. 206). Выборку для анализа составили 90 мечей и кинжалов с территории Волго-Уралья (VI в. до н. э. — I в. н. э.). Авторы отметили высокое качество металла и применение более сложных методов изготовления для оружия савроматского периода, тогда как сарматский период продемонстрировал «негативную динамику», заключающуюся в снижении качества металла и упрощении способов его обработки. Исследователи связывают это со сменой центра производства оружия на менее технологически развитый (*Там же*. С. 207). В другой работе, сравнивая качество изделий из сарматских (прохоровских) памятников с изделиями с Каменского городища степной Скифии, В. И. Завьялов и Н. Н. Терехова отмечают более сложные технологии производства в оседлых центрах Скифии, что совершенно не удивительно. Кочевники же, по их мнению, получали продукцию из центра, «производившего технологически несложную продукцию». Локализация этого центра остается неизвестной (*Завьялов*, *Терехова*, 2020. С. 60).

Изучение изделий цветной металлургии (спектральный анализ предметов из бронзы и меди) савроматского времени Южного Урала, напротив, привело С. В. Кузьминых и А. Д. Дегтяреву к выводу, что «в савроматской археологической культуре были выработаны достаточно прогрессивные модели производства с четко прослеживаемой корреляцией: тип изделия — химический состав металла — технология» (*Кузьминых*, *Дегтярева*, 2018. С. 223). Тем не менее авторы не

исключают поступления на Южный Урал из «кавказских, скифских и иткульских центров» не только слитков, но и готовых изделий.

Исследование металлических изделий из могильника Кичигино I (Южное Зауралье) также показало различные источники получения сырья для цветной и черной металлургии. В качестве возможных центров производства железа А. Д. Таиров и К. Г. Маргарян указывают Прикамье и Башкирское Зауралье; медь поступала из Иткульского очага металлургии, а позже, вероятно, из Приуралья. Золото, однако, добывалось из местных россыпей (Маргарян, Таиров, 2023).

Таким образом, анализы металла и технологий не дают прямого ответа на вопрос о существовании собственной полной производственной цепочки у кочевников раннего железного века. Однако это необязательно означает, что у них совсем не было своей металлообработки и они были незнакомы с простейшими приемамиковки, литья или ювелирными технологиями. Ремонт изделий также скорее всего осуществлялся на месте.

Подтверждение последнего тезиса можно рассмотреть в недавних находках на могильнике Филипповка 1 в Южном Приуралье. Ряд металлических предметов из погребения 1 кургана 30 и погребения 2 кургана 1 были интерпретированы О. В. Аникеевой и Л. Т. Яблонским как наборы ювелирных инструментов, среди которых идентифицированы «буры для сверления камня» и «металлические скальпели». Вместе с инструментами были найдены заготовки бусин «со следами применения» этих орудий, шлифовальный диск, каменные изделия для заточки и полирования (Аникеева, Яблонский, 2018. С. 190, 191). Оба набора предметов происходят из женских погребений. Находки позволили авторам предположить, что «в IV в. до н. э. в среде ранних кочевников зарождаются основы ремесленного производства. Женщины-сарматки знали и владели всеми стадиями обработки драгоценных камней, которые применялись в крупных ремесленных центрах древнего Ирана, Ирака, Индии, государствах Восточного Средиземноморья. <...> Как показывает анализ контекста комплексов, ювелирное ремесло находилось на низшей стадии кустарного производства» (Там же. С. 192).

В наличии ювелирного дела и, соответственно, квалифицированных специалистов, в культурах скифо-сарматского степного мира не сомневаются исследователи «Сибирской коллекции Петра I» А. Монджиатти и Е. Ф. Королькова, отмечая не только высокий уровень технологии

«скифских златокузнецов», но и близкие контакты между культурами кочевников и ремесленными центрами Греции, Персии и Китая, которые позволяли передавать знания и приемы в среде ремесленников (Mongiatti, Korolkova, 2020. Р. 353).

Специалисты в ритуальной сфере

Специалисты в ритуальной сфере, или сарматские «жрицы», привлекли наибольшее внимание ученых. Историография вопроса весьма богата. В 1947 г. Б. Н. Граков выдвинул идею о матриархате и женском жречестве в сарматской среде (Граков, 1947). К. Ф. Смирнов на материалах памятников Волго-Уралья поддержал идею «гинекократии» и высказал мысль о том, что женские жреческие функции могли передаваться в обществе кочевников по наследству. Важнейшим атрибутом богатых погребений женщин-жриц Приуралья он считал пышность погребального обряда, каменные алтарики, зеркала, предметы в зверином стиле и различные краски (Смирнов, 1964а. С. 201, 202, рис. 17–19). В 1980–1990-х гг. в связи с применением статистических методов в археологии ученые попытались просчитать взаимовстречаемость предметов, выявить некое ядро и посмотреть, как оно соотносится с полом умерших. На сарматских материалах Б. Ф. Железчиков выделил «блок сопряженности»: пол (женский) — зеркало — бусы — раковины — галька — жертвенники — мел — реальгар (Железчиков, 1994. С. 135). По мнению В. Н. Васильева, в «жреческий» комплекс входили зеркала, раковины *Gryphaea* и красящие вещества (Васильев, 1998. С. 31, 32).

Идея о «гинекократии» с годами почти утратила актуальность, но подход к интерпретации богатых женских захоронений с «предметами культа» и зеркалами как погребений «жриц» остается популярным. Этот подход, надо согласиться, находит подтверждение в материалах могильников и долгое время не вызывал существенных возражений. В рамках этой же парадигмы интерпретируются женские захоронения до сих пор. Анализируя материалы могильника Филипповка 1, Л. Т. Яблонский отмечал, что «именно женщины осуществляли роль семейных и племенных жриц, выполняя магические функции в ритуалах, связанных с языческими культами» (Яблонский, 2013. С. 11). О. В. Аникеевой с коллегами «царское» погребение 2 в кургане 1 того же могильника интерпретировано как погребение «жрицы» (Аникеева и др., 2023). В аналогичном ключе рассматривает центральное женское погребение

кургана 6 в могильнике Таксай-1 Я. А. Лукпанова (2018). Г. С. Джумамбекова и соавторы, проведя исследование инвентаря, головного убора и растительных остатков из погребения женщины в кургане Тасарык, сочли, что результаты позволяют «видеть в ней служительницу культа, целительницу, ворожею, охранительницу очага» (Джумамбекова и др., 2022. С. 376). Перечисление таких примеров можно продолжить.

Не все ученые, тем не менее, согласны с подобными интерпретациями. В 1996 г. В. Ю. Зуев попытался оспорить «научный миф о савроматских жрицах». Предметы из могильных ям, которые трактовались как «жреческие» (каменные жертвенники, зеркала, краски), он предложил рассматривать лишь как использующиеся в косметических целях (Зуев, 1996). С. А. Яценко в статье 2007 г. связал «погребения жриц» с погребениями жен вождей и отметил тенденцию, когда любое богатое женское погребение автоматически записывают в жреческие. Автор также задался вопросом: «Куда же исчезли „нормальные“ аристократки из воинского сословия»? (Яценко, 2007. С. 59; также см.: Яценко, 2015). Не отрицая гипотезу о том, что в раннесарматское время культовые действия осуществлялись женщинами, Н. Ф. Шевченко предположила, что ритуалы могли отправляться и представителями правящей элиты, сначала — женщинами, а с I в. до н. э. — мужчинами, имея в виду, что особой «жреческой» прослойки не существовало (Шевченко, 2006. С. 151, 152). Здесь мы вынуждены заметить, что в качестве примеров савроматских и раннесарматских женских погребений с предметами культа Н. Ф. Шевченко приводит материалы Южного Урала, тогда как обсуждение среднесарматских и позднесарматских памятников базируется на данных Северного Кавказа и Крыма. Предложенная линия смены «женского» жречества на «мужское», таким образом, не кажется нам корректной.

Идею о сосредоточении сакральных и властных функций в руках социальной элиты поддерживает М. В. Кривошеев. Женское захоронение 2 в кургане 1 «царского некрополя» Филипповка 1 ученый склонен трактовать как «погребение верховной „жрицы“ племенного союза дахов (?), статус которой повышался вместе с укреплением власти верховного вождя. При этом она могла не являться членом правящей политической верхушки» (Кривошеев, 2018. С. 273). Последнее утверждение, вероятно, означает, что женщина не принимала политических решений, но могла руководить культовой сферой целого племенного объединения.

В наличии у сарматов институализированных служителей культа сомневаются Е. В. Вдовченков и М. А. Петров. Различные жертвоприношения, ритуальные действия могли производиться главами семей и рядовыми номадами, в том числе женщинами. По их мнению, «многие символы власти обладают амбивалентной природой, неся в себе не только идею власти, но и обладая сакральным значением». В качестве типичного предмета, связанного, с одной стороны, с ритуальной сферой и жертвоприношениями, а с другой — обычного в обиходе кочевников, называются костяные ложечки (Вдовченков, Петров, 2022. С. 27, 31). Каменные алтарики-жертвенники, по мнению К. Г. Маргарян, также являлись полифункциональными предметами и использовались в различных целях, в том числе и для хозяйственных надобностей (Маргарян, 2023. С. 343).

Специалисты в военной сфере и «амазонки»

Мужчины-воины. Давно установлен тот факт, что оружие наиболее часто встречается в мужских захоронениях ранних кочевников. Южный Урал не является исключением. К. Ф. Смирнов отмечал, что «оружие представляет основу погребального инвентаря» в мужских могилах савроматов (Смирнов, 1964а. С. 210–212). Л. Т. Яблонский полагал, что «роль мужчин ограничивалась, в основном, участием в постоянных боевых действиях и охоте» (Яблонский, 2013. С. 12). Материалы могильника Филипповка 1 уверенно подтверждают высокий воинский статус некоторых мужчин даже в весьма пожилом для того времени возрасте (50–55 лет) (Там же. С. 26). Одно из последних по времени исследований мужских захоронений было выполнено А. Х. Гильмитдиновой. По результатам ее анализа, отличительной чертой мужских погребений ранних кочевников Южного Урала середины I тыс. до н. э. являлась высокая частота встречаемости предметов вооружения (Гильмитдинова, 2021).

Гендерно-возрастной анализ взрослых индивидов (смерть в возрасте старше 15 лет) был принят недавно и автором настоящей статьи. Источниковой базой послужили материалы 23 курганных могильников и отдельных курганов (конец V — III в. до н. э.). Выборку составили 283 индивида (141 женщина, 142 мужчины). По результатам подсчетов видно, что все возрастные категории взрослых мужчин, за исключением самых молодых, сопровождаются оружием примерно в равной степени (70 % и более). Когорта самых пожилых (*senilis*) не является исключением.

Автор предположила, что возраст не оказывал прямого влияния на манифестацию в погребальном обряде социальной роли мужчины-воина (Берсенева, 2024).

Вопрос, тем не менее, заключается в том, насколько специализированным и профессиональным был социальный класс (группа) мужчин-воинов и существовала ли вообще такая социальная группа или каждый кочевник мужского пола был одновременно и воином? На этот сложный вопрос пока нет однозначного ответа, по крайней мере для савроматского и раннесарматского периода Южного Урала, хотя ученые предполагают существование таких «дружин» для позднесарматского периода (первые века новой эры) Нижнего Дона и Причерноморья (см.: Балабанова, 2003; Яценко, 2014).

Определенные сведения можно получить с помощью палеоантропологических исследований. Свидетельством участия в боевых столкновениях являются следы травматических повреждений на костях. Травмы на черепках сарматского времени рассматривались Е. П. Китовым и его коллегами (Китов и др., 2019). По итогам исследования черепов ранних кочевников Волго-Уральского региона VI–II вв. до н. э. зафиксировано малое количество травм с отсутствием следов стресса, что указывает на относительно благополучное существование населения раннего железного века на рассматриваемой территории.

«Амазонки». Историография «амазонок» — женщин, погребенных с предметами вооружения, — довольно обширна и хорошо известна. Обратимся непосредственно к изучаемому региону — Южному Уралу. Б. Н. Граков писал, ссылаясь на Геродота, что «женщины савроматов не только воевали, но и были жрицами» (Граков, 1947. С. 110). К. Ф. Смирнов отмечал, что «у савроматов достоверно женских погребений с оружием или конской сбруей <...> не менее 20 % от всех могил с оружием и конской сбруей» и что «савроматские женщины наравне с мужчинами составляли племенное ополчение и активно участвовали в защите своих земель или в больших грабительских походах» (Смирнов, 1964а. С. 201). Однако изучить тему «амазонок» с опорой на большое количество погребений с антропологическими определениями долго не представлялось возможным.

Первыми работами на материалах Волго-Урала, в которых была проведена ревизия погребений ранних кочевников с оружием, стали публикации М. С. Стрижак (Стрижак, 2006; 2007). Рассмотрев 87 погребений VI–IV вв. до н. э. с антропологическими определениями, она сделала вывод, что

«воинственность „савроматских“ женщин» сильно преувеличена (Стрижак, 2007. С. 74), поскольку наконечники стрел в женских захоронениях этого периода единичны, а кинжал встречен лишь в одном (Там же. С. 75). Спустя почти 10 лет А. Х. Гильмитдинова изучила социальные роли женщин кочевников Южного Урала в хронологическом диапазоне с VI в. до н. э. по II–IV вв. н. э. на базе анализа 184 женских погребений (идентифицированных антропологически). Оружие находилось в захоронениях женщин всех возрастов, с преобладанием «молодого». Наибольшее число женских погребений с оружием приходится на раннесарматское время (Гильмитдинова, 2016. С. 67, 68).

Автор настоящей статьи постаралась ответить на вопрос, принадлежали ли женщины раннесарматского периода, погребенные с оружием, к одному социальному слою. Выборку женских погребений с антропологическими определениями из могильников Южного Урала составили 195 индивидов. Полноценные комплекты вооружения были представлены в 24 могилах (12 %). Автор заключила, что, судя по сопроводительному инвентарю и конструкциям курганов, женщины принадлежали к разным слоям общества, от элиты до рядовых кочевников. Захоронения «амазонок» обнаружены в курганах всех статусных уровней — от скромных насыпей Покровки и Лебедевки до «царских» курганов Филипповки 1. Значительная часть их была обнаружена в коллективных и парных захоронениях, в том числе с детьми (Берсенева, 2022).

Главный вопрос заключается в том, что именно символизировало оружие в погребениях женщин — профессию, социальный статус, участие в военных действиях? Возможно, для каждого такого захоронения ответ будет свой. Однако представляется неоспоримым, что женщины ранних сарматов, несомненно, умели обращаться с оружием дистанционного боя, а некоторые, вероятно, и с холодным оружием. Жизнь мобильных скотоводов была полна опасностей, и владение навыками обращения с оружием повышало шансы на выживание и женщины, и ее потомства. Мы не думаем, что женщины массово участвовали в боевых действиях, что отчасти подтверждается минимальным количеством следов боевых травм на их скелетах (см.: Китов и др., 2019).

«Татуировщицы»

Относительно недавно на археологических материалах Южного Урала была выявлена еще одна категория специалистов — «татуировщицы».

Обычай раскрашивать и татуировать свое тело у ранних кочевников Евразии давно известен по данным античных историков. Тем не менее первые неопровержимые доказательства существования такой практики были получены лишь в конце 1940-х гг. при раскопках курганов Пазырыкского могильника в Горном Алтае. Вечная мерзлота сохранила тела умерших вместе с татуажом на их коже (Руденко, 1953). Позднее татуировки были обнаружены на телах умерших в других курганах пазырыкской культуры на плато Укок (Полосьмак, 2001). Позволим себе полностью привести вывод Н. В. Полосьмак о том, что «пазырыкские татуировщики по современным меркам были профессионалами высокого класса. Пользуясь простейшими средствами, чаще всего одной иглой, они достигли вершины в своем мастерстве. Мастеров татуировщиков такого класса не могло быть много, для этой работы требуется талант, в ней недопустимы исправления и неточности. Создание несмываемых рисунков на теле — это сакрализованное действие, разработанный ритуал, по завершении которого полностью менялась сущность человека. Вероятно, мастера-татуировщики высоко ценились в пазырыкском обществе и относились к служителям культа, к категории лиц, наделенных особым даром» (Там же. С. 234).

Несмотря на уникальные находки татуированных тел, в пазырыкских курганах не было обнаружено ни игл, ни красителей, которые могли бы использовать мастера. На Южном Урале мы имеем обратную ситуацию. Пигменты, отдельные иглы, мешочки и раковины с красками, различные плитки со следами растирания красок известны в памятниках ранних кочевников этого региона достаточно давно (Смирнов, 1964а. Рис. 35Б, 15; 1981. С. 83, рис. 9, б; Таиров, Бушмакин, 2001; и др.), но комплексы находок в непотревоженных контекстах впервые были обнаружены при раскопках могильника Филипповка 1 в начале XXI в. (Яблонский, 2013. С. 159, 160; Яблонский и др., 2023. С. 198–218; Yablonsky, 2017). В состав каждого комплекса входили каменные палитры (для смешивания красок?), ложечки (костяные или бронзовые), бронзовые зеркала, железные ножички, кожаные мешочки или иные емкости для хранения пигментов, сами краски (желтая и красная охра, сажа или уголь), костяные заостренные палочки-маркеры для нанесения контуров узора, железные или золотые иглы с ушком или без (Yablonsky, 2017. Р. 227, 228). Все эти наборы были положены в погребения женщин разного возраста: молодой

(18–20 лет), зрелой (30–35 лет) и пожилой (около 60 лет). Это позволило Л. Т. Яблонскому предположить, что нанесение татуировок было «женской прерогативой» и специализацией. «Наборы для татуировки» были найдены в погребениях вместе с так называемыми предметами культа, что подкрепляет мысль о том, что женщины выполняли разнообразные ритуалы для «семьи, клана или даже всего племени кочевников». Вслед за Н. В. Полосьмак Л. Т. Яблонский предположил, что нанесение татуировок было высоко ритуализировано и транслировало «сарматские культурные ценности» как при жизни, так и после смерти (Ibid. Р. 230).

Таким образом, мы можем утверждать, что в сарматском обществе, как и в пазырыкском, были специалисты по нанесению татуировок, возможно, женщины. Вероятно, они были высококвалифицированными специалистами. Наличие специалистов не отменяет того факта, что многие мужчины и женщины, судя по их погребальному инвентарю, могли наносить краску на лицо и тело в ритуальных или декоративных целях, не применяя сложных технологий. Можно предположить, что возможность (или право?) нанести несмываемую татуировку имела не у всех кочевников, а зависела от статуса, родовой принадлежности или возраста.

Заключение

Приведенный краткий обзор направлений, подходов и методов анализа социальных и профессиональных групп и отдельных специалистов-индивидов показывает, что проблема «специалистов» в обществах кочевников раннего железного века далека от выяснения. Хотя в рамках одной статьи нельзя проанализировать все публикации, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой теме, видно, что большинство работ основано на интерпретации полученных в результате раскопок археологических материалов, поскольку другие источники для этого региона отсутствуют. Прослеживается рост числа исследований, связанный, с одной стороны, с новыми раскопками и открытиями, а с другой — с развитием методов анализа предметов и человеческих останков. Предположения, которые зачастую интуитивно выдвигались исследователями в середине прошлого века, получили в дальнейшем свое подтверждение — это касается искусства татуировки, уровня развития некоторых технологий (например, ювелирного дела), деревообработки, резьбы по кости и камню.

У классиков сарматоведения наблюдается широкий культурно-исторический подход, основанный на глубоком знании источника и интерпретации с привлечением данных античных авторов. По более поздним кочевникам данные этнографии тогда использовались реже. В целом в историографии характерно некоторое преувеличение сложности общества ранних кочевников Урала в том, что касается развития общественных институтов и сложных производственных технологий. Труды наших предшественников трудно переоценить, панорама жизни древних кочевников представлена в них достаточно цельной, а многие выводы К. Ф. Смирнова, М. Г. Мошковой,

Б. Ф. Железчикова, Л. Т. Яблонского и других ученых с годами подтвердились.

Безусловно положительной тенденцией нашего времени является увеличение объема научной литературы, связанной с изучением отдельных социальных групп и индивидов. Но на нынешнем этапе (по истечении первой четверти XXI в.), с развитием науки «вглубь» и совершенствованием методов анализа, ощущается явная недостаточность обобщающих работ по социальной археологии, осмысления материала на современном уровне. Представляется, что проблема реконструкции древних социумов и социальных групп нуждается в большем внимании со стороны исследователей.

Амбулатов, 1999 — Амбулатов И. М. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н. э. — IV в. н. э.). Уфа: Нац. музей Респ. Башкортостан, 1999. 102 с.

Аникеева, Яблонский, 2018 — Аникеева О. В., Яблонский Л. Т. Кустарное ювелирное ремесло у ранних кочевников Южного Урала // XXI Уральское археологическое совещание, посв. 85-летию со дня рожд. Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рожд. И. Б. Васильева: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / Редкол.: А. А. Выборнов (предс.) и др. Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 189–193.

Аникеева и др., 2023 — Аникеева О. В., Балабанова М. А., Клепиков В. М., Пилипенко А. С. Погребение «жрицы» из Филипповки: опыт комплексного исследования // Stratum plus. 2023. № 3: Дети и взрослые железного века. С. 341–368.

Балабанова, 2003 — Балабанова М. А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. 2003. № 3. С. 66–88.

Берсенева, 2022 — Берсенева Н. А. Женские погребения с предметами вооружения на памятниках ранних кочевников Южного Урала (конец V — II в. до н. э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50, № 1. С. 99–105.

Берсенева, 2024 — Берсенева Н. А. Возрастные структуры в обществах кочевников раннего железного века Южного Урала (предварительные результаты исследования) // Поволжская археология. 2024. № 4. С. 65–72.

Васильев, 1998 — Васильев В. Н. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. 1998. № 1. С. 25–43.

Вдовченков, Петров, 2022 — Вдовченков Е. В., Петров М. А. Сарматские культы и общество сарматов // Stratum plus. 2022. № 4: Черная и белая магия в древности (с ее полным разоблачением). С. 23–34.

Гильмитдинова, 2016 — Гильмитдинова А. Х. Социальные роли женщин в обществе ранних кочевников Южного Урала // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посв. 100-летию со дня рожд. К. Ф. Смирнова / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, Л. А. Краева. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2016. С. 66–69.

Гильмитдинова, 2021 — Гильмитдинова А. Х. Мужские погребения ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–IV вв. до н. э. // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2021. Вып. 15. С. 124–137.

Граков, 1947 — Граков Б. Н. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ. Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. 1947. № 3. С. 100–121.

Джумамбекова и др., 2022 — Джумамбекова Г. С., Нигматова С. А., Алтынбекова Э. К., Алтынбеков К., Базарбаева Г. А. Женщина и ритуал в культуре ранних кочевников: по материалам кургана Тасарык в Казахстане // Stratum plus. 2022. № 3: Между светом и тьмой. С. 359–379.

Железчиков, 1984 — Железчиков Б. Ф. Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приуралья // Памятники кочевников Южного Урала / Отв. ред. В. А. Иванов. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1984. С. 3–31.

Железчиков, 1994 — Железчиков Б. Ф. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. М.: ИА РАН, 1994. Вып. 1: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н. э.). С. 127–151.

Железчиков, Порох, 1993 — Железчиков Б. Ф., Порох В. Н. Позднесарматские мечи Лебедевки (опыт металлографического анализа) // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б. Б. Агеев. Уфа: УНЦ ИИЯЛ РАН, 1993. С. 88–92.

- Завьялов, Терехова, 2018 — Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Технологические характеристики сарматского оружия // XXI Уральское археологическое совещание... Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 206–208.
- Завьялов, Терехова, 2020 — Завьялов В. И., Терехова Н. Н. Кузнечные артефакты из памятников Скифии и Сарматии // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья. Материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения». К юбилею д-ра ист. наук М. Г. Мошковой / Отв. ред. С. В. Сиротин. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 54–63.
- Зуев, 1996 — Зуев В. Ю. Научный миф о «савроматских жрицах» // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: Материалы междунар. конф. / Под ред. А. Ю. Алексеева. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 54–68.
- Китов и др., 2019 — Китов Е. П., Хохлов А. А., Иванов С. С. Боевые травмы у ранних кочевников «савромато-сарматского» облика как отражение социально-политической обстановки в степной полосе Евразии в VI–II вв. до н. э. // Stratum plus. 2019. № 3: Война и пир в кочевой степи. С. 169–180.
- Кривошеев, 2018 — Кривошеев М. В. К вопросу об отражении сакрального в погребальном обряде сарматов // Маргулановские чтения-2018. Духовная модернизация и археологическое наследие: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Алматы; Актобе, 2018. С. 272–276.
- Кузьминых, Дегтярева, 2018 — Кузьминых С. В., Дегтярева А. Д. Металл культур раннего железного века Урала — модели производства // XXI Уральское археологическое совещание... Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. С. 221–224.
- Лукпанова, 2018 — Лукпанова Я. А. Комплекс ритуальных предметов из элитного женского погребения в Западном Казахстане // Самарской научный вестник. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 228–232.
- Маргарян, 2023 — Маргарян К. Г. Для кого вы созданы, кому вы служите? Каменные жертвенники в погребениях кочевников раннего железного века Евразии // Прочнее меди. Сб. ст. к 80-летию В. А. Дергачева / Сост. и отв. ред. Л. В. Дергачева. Кишинэу: Stratum Plus, 2023. С. 327–349.
- Маргарян, Таиров, 2023 — Маргарян К. Г., Таиров А. Д. Естественнонаучные исследования могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. 3 / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2023. С. 79–84.
- Мошкова, 1963 — Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1963 (САИ; Вып. Д 1-10). 91 с.
- Мошкова, 1989 — Мошкова М. Г. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989 (Археология СССР). С. 202–214.
- Полосьмак, 2001 — Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Руденко, 1953 — Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Смирнов, 1964а — Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сармат. М.: Наука, 1964. 379 с.
- Смирнов, 1964б — Смирнов К. Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. 1964. № 3. С. 45–63.
- Смирнов, 1981 — Смирнов К. Ф. Богатые захоронения и некоторые вопросы социальной жизни кочевников Южного Приуралья в скифское время // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала / Отв. ред. Н. А. Мажитов. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1981. С. 68–91.
- Стрижак, 2006 — Стрижак М. С. К вопросу о дифференцировании женских и мужских комплексов в «савроматской» культуре на территории Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. 2006. Вып. 8. С. 35–49.
- Стрижак, 2007 — Стрижак М. С. О женских погребениях с оружием кочевников Приуралья и Поволжья в VI — начале IV в. до н. э. // Вооружение сарматов. Региональная типология и хронология / Отв. ред. Л. Т. Яблонский, А. Д. Таиров. Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. ун-та, 2007. С. 71–75.
- Таиров, Берсенева, 2021 — Таиров А. Д., Берсенева Н. А. Хозяйственные обязанности мужчин и женщин в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII — начала XX в. // Oriental Studies. 2021. Т. 14 (6). С. 1267–1280.
- Таиров, Бушмакин, 2001 — Таиров А. Д., Бушмакин А. Ф. Минеральные порошки из курганов Южного Урала и Северного Казахстана и их возможное использование // РА. 2001. № 4. С. 66–75.
- Шевченко, 2006 — Шевченко Н. Ф. «Сарматские жрицы», или Еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов // Вестник древней истории. 2006. № 1. С. 141–154.
- Яблонский, 2013 — Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Кн. I: Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.
- Яблонский и др., 2023 — Яблонский Л. Т., Богачук Д. С., Володин С. А., Маслов В. Е., Сиротин С. В. Золото сарматских вождей. Кн. II: Некрополи Филипповка 1 и Филипповка 2. По материалам раскопок Приуральской археологической экспедиции ИА РАН под руководством Л. Т. Яблонского 2009–2014 гг. Каталог коллекции. М.: ИА РАН, 2023. 356 с.

- Яценко, 2007 — Яценко С. А. О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н. э. — III в. н. э.) // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. I / Под ред. П. К. Дашковского. Барнаул: Азбука, 2007. С. 58–65.
- Яценко, 2014 — Яценко С. А. Дружина у кочевых сарматов: материальные свидетельства // Историческое обозрение. Вып. 15: Элита России в прошлом и настоящем: Материалы III Всерос. науч. конф. / Отв. ред. С. В. Алексеев. М.: Национальный ин-т бизнеса, 2014. С. 25–29.
- Яценко, 2015 — Яценко С. А. Сарматские женщины-воительницы: историографический миф и археологическая реальность // Высшее образование для XXI века: XII междунар. науч. конф. (Москва, 3–5 дек. 2015 г.). М.: Изд-во МГУ, 2015. С. 6–15.
- Mongiatti, Korolkova, 2020 — Mongiatti A., Korolkova E. Gold of Peter the Great: Scythian goldsmithing techniques // Masters of the Steppe: the Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017 / Eds. S. V. Pankova, S. J. Simpson. Oxford: Archaeopress, 2020. P. 327–354.
- Yablonsky, 2017 — Yablonsky L. T. The Discovering of a Sarmatian Tattoo Toolkit in Russia // Ancient Ink. The Archaeology of Tattooing / Eds. L. Krutak, A. Dieter-Wolf. Washington: University of Washington Press, 2017. P. 215–230.

Approaches to the studying of the professional specialization in the society of the Southern Urals early nomads according to burial rite: a brief historiographical survey

N. A. Berseneva³

Keywords: Southern Urals, Early Iron Age, nomads, professional specialization, approaches, historiography

This article sums up the undertaken investigations and outlines the range of methods and approaches used by specialists to reconstruct socio-professional groups and the specialization of individuals in the society of Early Iron Age nomads in the Southern Urals according to the data of burial rite. Material sources obtained from long-term excavations of burial mounds make it possible to study not only objects but also the societies of early nomads, to determine which people met the needs of society not only for vital products but also in the craft, ritual, and military spheres. The article analyzes approaches to studying the following professional groups: 1) craftsmen; 2) ritual specialists; 3) military specialists, including the “Amazons”; 4) “tattooists”. Most of the works mentioned in the article are based on the interpretation of archaeological material obtained as a result of excavations, since other sources for this region are missing. There is a positive trend in research, driven, on the one hand, by new excavations and discoveries, and, on the other, by the development of methods for analyzing objects and human remains. Assumptions often made intuitively by researchers in the mid-20th cent. have been further confirmed — this applies to the art of tattooing and the development of certain technologies, such as jewelry, woodworking, bone and stone carving. Although the cultural-historical approach remains dominant, more and more studies are being conducted focusing on specific social groups and individuals. Nevertheless, there is a clear lack of comprehensive works on the social archaeology of early nomads and a contemporary understanding of the material. It appears that the problem of reconstructing ancient societies and socio-professional groups requires more attention from researchers.

³ Natalia A. Berseneva — Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg; South Ural State University, Chelyabinsk; e-mail: bersnatasha@mail.ru.

Регистраторы Академии истории материальной культуры: штат, обязанности и вклад в работу¹

К. В. Конончук, Д. С. Филимонова²

Аннотация. В статье представлен исторический обзор профессиональной группы регистраторов, существовавшей в РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1929 г. Авторы проанализировали ведомости на выдачу зарплат, списки персонала, а также личные дела и трудовые списки сотрудников. В результате удалось восстановить состав штата из 111 регистраторов, определить специфику их работы, описать обстоятельства появления и упразднения данной должности.

Ключевые слова: Академия, РАИМК, ГАИМК, регистраторы, история науки.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-185-202

Важное направление деятельности Академии истории материальной культуры (далее — РАИМК/ГАИМК, Академия) в 1920-е гг. было связано со сбором и учетом предметов древности, искусства, старины и народного быта из коллекций, хранившихся в Петрограде, Москве, Новгороде и других местах (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 71об.). Для выполнения этих задач сформировали штат вспомогательных сотрудников — регистраторов. Первые сведения о них встречаются на страницах специализированного справочника (Наука в России..., 1923) и в опубликованных отчетах ГАИМК (Отчет о деятельности..., 1926; 1929). Существенно расширили представление о численности и функциях данной категории персонала современные исследования, посвященные кадровому составу научных учреждений Санкт-Петербурга/Петрограда/Ленинграда (Кашаев, 2009; Бобровская, Алёшин, 2013; Биографика СПбГУ). В историографию вопроса можно вклю-

чить эпизодические упоминания регистраторов в изданиях об истории Академии (Институту археологии 60 лет, 1980; Отцы-основатели РАИМК..., 2022; и др.) и полноценные жизнеописания отдельных персон (Добровольский, Потин, 2022; и др.). Совокупно перечисленные материалы содержат информацию о 60 работниках, еще 20 человек упомянуты безотносительно к описываемой должности. Изучение регистраторов как отдельной профессиональной группы в структуре РАИМК/ГАИМК не только дополнит представленную выборку, но и позволит охарактеризовать их личный и коллективный вклад в работу Академии.

Слово «регистратор» известно в России с эпохи петровских преобразований (Фасмер, 1987. С. 457). Изначально его использовали для обозначения низшего чина в табели о рангах, так же называли чиновника, который вел реестры входящей и исходящей документации (Энциклопедический словарь, 1899. С. 455). С мая 1888 г. эта должность появляется в Императорской археологической комиссии (далее — ИАК). Первым регистратором организации на долгие 22 года стал И. С. Суതുлло, только в январе 1910 г. его сменил Н. В. Суходольский. Судя по отрывочным данным, оба сотрудника выполняли преимущественно канцелярскую работу (Мусин, 2019. С. 44, 46, 49, 51). Летом 1918 г. в штат Российской государственной археологической комиссии (далее — РГАК) назначили трех «регистраторов научных

¹ Исследование выполнено по теме государственного задания «Методы сохранения археологического наследия на основе применения современных цифровых технологий» (FMZF-2025-0012).

² Конончук К. В., Филимонова Д. С. — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: konstantinkonon@mail.ru, dashafilimonovansk@gmail.com.

© Конончук К. В., Филимонова Д. С., 2025

коллекций» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 10. Л. 525). Каталогизацией ольвийских древностей занимались Е. О. Прушевская и К. В. Тревер (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 68. Л. 5–6), а сбор библиографических сведений по истории архитектуры поручили Г. В. Стебницкому (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 628. Л. 8). В уставе РГАК, действовавшем с 22 октября 1918 г., обязанности «...по инвентаризации, регистрации, описанию коллекций, собиранию материала...» возлагались на «особых ученых сотрудников» (Устав РГАК, 1918. С. 11).

После преобразования Археологической комиссии в РАИМК регистраторы вновь пополнили штат организации. Основная их деятельность была связана с работами «по описи, классификации и регистрации поступающих в Академию предметов материальной культуры», также им поручили участие в собирании литературного и библиографического материала. Подбором данных специалистов занимались советы отделений, после чего их назначение утверждалось Правлением (Устав РАИМК, 1919. С. 17, 18). Информация о требованиях, предъявляемых к этим сотрудникам, содержится в расценочной ведомости служащих РАИМК, составленной в декабре 1920 г. В документе регистраторы описываются как «научно-технический персонал, обладающий необходимыми специальными знаниями, в том числе и свободным знанием иностранных языков по специальности, новых (европейских) и восточных древних, для исполнения научной работы в разрядах и вспомогательных учреждениях Академии под наблюдением ответственных ее работников» (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 3. Д. 240. Л. 22об.).

В отличие от предшественников РАИМК получила большой штат сотрудников, поэтому авторами статьи для первичного поиска информации о регистраторах использовалась учетная документация — списки личного состава и ведомости на выдачу заработной платы. Данные источники встречаются в двух вариантах: с фамилиями работников, сгруппированными по должностной принадлежности (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 3, 5, 6 и др.) или в виде поименных перечней персонала разрядов Академии (Там же. Д. 4, 8, 11–15, 20, 27 и др.). Большим информационным потенциалом обладают материалы месткома, например, в таблице РАИМК за декабрь 1920 г. описаны обязанности 41 регистратора (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 3. Д. 240. Л. 22об.–26об.). Сведения о специальности, должности, адресе, возрасте, совместительстве, стаже, партийности и нацио-

нальности содержат списки членов профсоюза за 1922 г. (Там же. Оп. 2. Д. 504. Л. 1–5), 1923 г. (Там же. Д. 787. Л. 2–3), 1926 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-6307. Оп. 9. Д. 482. Л. 53–57) и 1927 г. (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 2. Д. 1460. Л. 1–3об.).

Анализ учетной и профсоюзной документации позволил составить предварительный перечень из 133 фамилий. Однако, учитывая запутанное делопроизводство 1920-х гг., полученные данные проверялись путем сопоставления с собранием личных дел и трудовых списков из научного архива ИИМК РАН. В результате обнаружены достоверные факты о работе 80 регистраторов. Информация о нахождении на этой должности 31 сотрудника³ восстановлена по одновременным записям в нескольких источниках (табл.). Часть персонала Академии не попала в финальный вариант таблицы, так как документы по личному составу не подтверждают их регистраторскую деятельность. Речь идет о научных сотрудниках В. С. Бахтине, О. И. Бич, С. И. Оболенском, А. И. Пиотровском, Е. А. Рыздзевской, Е. Г. Скржинской; научно-технических сотрудниках А. Н. Карасеве, А. А. Некрасове, Е. А. Пистолькорс, П. С. Терехове, Л. М. Шуляк; внештатных лаборантах Т. А. Дядьковской, З. И. Лавровой; библиотекаре Е. М. Куликовой; кассире Л. Н. Козловой и помощниках заведующего складом изданий Л. П. Клокачевой и А. Е. Мельниковой. Условно исключены из итогового списка персоны, сведения о которых ограничиваются единичными упоминаниями: В. З. Бульванкер, А. П. Ильинский, К. К. Марджанов, Т. О. Рабинович и В. Г. Терентьева.

Интенсивное комплектование штата РАИМК происходило с сентября 1919 г. по октябрь 1921 г., но из 88 регистраторов, принятых в этот период, половину уволили до начала 1922 г. Большинство попало под волны сокращений, проводимых Академическим центром Наркомпроса (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 70об.). Средняя продолжительность работы на регистраторской должности составляла два года четыре месяца, и всего 12 человек оставались на ней более пяти лет. Возраст начала карьеры варьировался (до 23 лет — 30,91 %; до 30 лет — 30,91 %; 30–40 лет — 20,91 %; старше 40 лет — 17,27 %), тем не

³ Личные дела и трудовые списки 15 сотрудников содержат ограниченный объем информации, не позволяющий достоверно идентифицировать их как регистраторов. Документы еще 16 человек не сохранились в архивном собрании ИИМК РАН.

менее преобладали молодые люди, что объясняет значительное число (48 %) студентов среди вспомогательного персонала. Доля женщин среди данной категории сотрудников была очень высокой (72 %). Вопросы трудовой эмансипации женского пола в 1920-е гг. вышли на качественно новый уровень и регулярно обсуждались на собраниях месткома Академии (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 2. Д. 827. Л. 23; Д. 1011. Л. 40 и др.). Однако положение сотрудниц, совмещающих работу и уход за малолетними или престарелыми родственниками, оставалось тяжелым. Хорошо иллюстрируют ситуацию строки из письма Н. Э. Успенской: «Трудиться приходится очень много, прислуги нет, надо все делать самим. Полдня я провожу на службе в Акад. Ист. Матер. Культуры, с 5 часов превращаюсь в кухарку и прачку. Здесь это почти общая участь» (СПбФ АРАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 218. Л. 8об.).

Карьерный переход с повышением до должности научного сотрудника совершили только 26 регистраторов, отчасти это стало следствием тяжелых условий, в которых они жили и трудились. Зарботная плата данной категории персонала на рубеже 1920–1921 гг. не превышала сумму в 13 950 руб. (ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 3. Д. 240. Л. 22об.–25об.), что при непрерывном росте цен гарантировало голодное существование⁴. Усугубляла ситуацию проблема с продовольственными пайками. Известно, что к концу 1921 г. продуктовыми наборами было обеспечено лишь три регистратора из 33 (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 303. Л. 21об.). Высокая стоимость проезда в общественном транспорте вынуждала добираться до Мраморного дворца пешком. Для людей с ослабленным здоровьем это становилось непосильной задачей. Характерным примером служит заявление З. Я. Завадской-Краснопольской с просьбой об увольнении «...вследствие ее болезненного состояния, не позволяющего ей так далеко ходить» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 216. Л. 3). До середины 1920-х гг. Академия испытывала нехватку дров и угля, поэтому температуру в 10–12 °С удавалось поддерживать не во всех помещениях, а вспомогательные учреждения отапливались частично. На подобное положение указывал Б. В. Фармаковский в отзыве о деятельности регистратора М. Н. Мотовиловой: «...коллекции в ком-

натах бывш. В. К. Константина Константиновича были описаны и инвентаризованы в зимнее время при температуре часто ниже нуля» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 452. Л. 1).

Прямым следствием упомянутых проблем стала работа по совместительству. Описание этого явления содержится в одном из документов, составленных председателем РАИМК А. А. Васильевым: «...условия заставляют также младших научных работников совмещать службу в Академии со службою в других учреждениях. Лица всех перечисленных категорий вынуждены искать лучше их обеспечивающих должностей и, находя таковые, должны или оставить службу в Академии, или отдавать ей небольшую часть времени...» (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 243. Л. 52, 52об.). Эти слова подтверждаются данными, собранными в конце 1923 г., когда из 21 регистратора девять являлись совместителями (Там же. Д. 466. Л. 144). Аналогичное соотношение фиксируется в списках личного состава за 1926 г. (Там же. Ф. 6307. Оп. 9. Д. 482. Л. 53–57) и 1927 г. (ЦГАЛИ. Ф. 283. Оп. 2. Д. 1460. Л. 1–3об.). Иногда подобные сотрудники соглашались трудиться на безвозмездной основе, например, в 1923 г. так поступили М. Э. Матве и М. К. Орбели (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 106, 208).

Обязанности регистраторов существенно различались в зависимости от подразделения. В составе I отделения Академии находились разряды, ведущие масштабные полевые исследования, поэтому их вспомогательный персонал занимался камеральной обработкой поступающих материалов. Заведующий разрядом палеоэтнологии А. А. Миллер подробно описал работу его подчиненной А. М. Оранжевой (рис. 1, 1): «...ее деятельность как регистратора-лаборанта дала ей возможность основательно и в деталях усвоить технические приемы по первоначальной обработке материалов разных категорий, их систематике, описанию, реставрации и хранению... Обширный материал, накопленный Северо-Кавказской экспедицией за ряд лет полевых работ, находится в непосредственном заведывании А. М. Оранжевой, которой удалось устроить этот лабораторный музей в полном порядке» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 489. Л. 6, 6об.).

Похожие задачи стояли перед А. Н. Серовой (Любимовой), занимавшей должность регистратора более восьми лет. Например, в конце 1920-х гг. она разбирала предметы, найденные в «северо-западной области» (Там же. Оп. 1. 1929 г. Д. 1. Л. 414). Иные функции выполняла

⁴ Цены на продукты в марте 1921 г. установились на следующем уровне: фунт ржаного хлеба стоил 625 руб.; фунт картофеля — 1275 руб.; фунт говядины — 4065 руб.; фунт сахара — 24 250 руб.; фунт сливочного масла — 24 375 руб. (Семанов, 1973. С. 34).

Рис. 1. Регистраторы РАИМК/ГАИМК: 1 — А. М. Оранжиреева, 1920 г.; 2 — А. М. Колаковская, 1921 г.; 3 — Н. А. Никитина, 1923 г.; 4 — Т. В. Самойлова, 1923–1924 гг.; 5 — В. А. Ниселовская, 1918 г.; 6 — Н. К. Синицына, 1920 г.; 7 — М. Г. Тихая-Церетели, 1918 г.; 8 — Р. Л. Эрлих, 1917 г.; 9 — Е. И. Малиновская, 1918 г. Публикуются впервые

Fig. 1. Registrators of the Academy for the History of Material Culture: 1 — A. M. Oranzhireeva, 1920; 2 — A. M. Kolakovskaya, 1921; 3 — N. A. Nikitina, 1923; 4 — T. V. Samoilova, 1923–1924; 5 — V. A. Niselovskaya, 1918; 6 — N. K. Sinitsyna, 1920; 7 — M. G. Tikhaya-Tsereteli, 1918; 8 — R. L. Ehrlich, 1917; 9 — E. I. Malinovskaya, 1918.

First publication

[ЦГА СПб. Ф. Р-7240. 1 — Оп. 6. Д. 1612. Л. 19; 2 — Оп. 5. Д. 2013. Л. 12об.; 3 — Оп. 9. Д. 827. Л. 1а; 4 — Оп. 3. Д. 1042. Л. 31; 5 — Оп. 2. Д. 2566. Л. 1; 6 — Оп. 4. Д. 1441. Л. 3; 7 — Оп. 2. Д. 3502. Л. 9об.; 8 — Оп. 1. Д. 1955. Л. 1об.; 9 — Оп. 2. Д. 2245. Обложка об.]

А. М. Колаковская (рис. 1, 2), занятая сбором этнографических данных на территории Украинской ССР (ЦГА СПб. Д. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 234об.). В конце 1920-х гг. в разряде этнографии под руководством П. П. Ефименко также организовали специализированный «кабинет для лабораторных занятий». Описание археологических коллекций в его стенах вели регистраторы Г. П. Гроздилов, П. Н. Третьяков и Н. Н. Чернягин (Там же. Л. 205об.–207).

В разряде этнической антропологии регистраторы участвовали в сборе и анализе этнографических материалов. На вспомогательных должностях в этом подразделении трудились сотрудники нескольких этнологических экспедиций, организованных Д. А. Золотаревым (Верхневолжской, Карельской, Лопарской и др.): З. П. Малиновская, Р. П. Митусова, О. И. Олифиренко, Л. И. Песселеп (Кукина, 2021. С. 544–547), Н. А. Никитина (рис. 1, 3; Отчет о деятельности..., 1929. С. 12), Т. В. Самойлова (рис. 1, 4; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 584. Л. 1, 1об.). Отдельно стоит выделить А. К. Штамм, которая за три года своей регистраторской деятельности обработала 1444 карточки с антропологическими данными карел и великороссов, составив на их основе 569 таблиц и 40 диаграмм (Там же. Д. 755. Л. 8). В дальнейшем она продолжила работу в качестве научного сотрудника, а подготовленная ею и С. Д. Синицыным статистика вошла в монографию «Карелы СССР» (Золотарев, 1930. С. 2, 3).

По иным принципам строилась работа подразделений, пополнивших I отделение к середине 1925 г.⁵ Разряд археологии русской готовил к изданию «Словарь русской старины», используя свой вспомогательный персонал для сбора материала

из литературы, архивов и музеев (ЦГА. СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 596. Л. 201). Судя по лаконичным сведениям личных дел, подобная задача ставилась перед регистраторами О. В. Вейгельт (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 113. Л. 1) и В. И. Дмитриевской (Там же. Д. 185. Л. 1). В дальнейшем функции поделили. Информацию о предметах «церковной старины» искали С. Н. Иванова (Там же. Д. 242. Л. 3) и В. А. Ниселовская (рис. 1, 5; Там же. Д. 474. Л. 6), а данные по «военной старине» — З. Н. Яковлева (Там же. Д. 781. Л. 2). Дольше всех в Академии (более девяти лет) на должности регистратора трудилась Т. Ф. Копылова. Она являлась высококвалифицированным чертежником по составлению карт и диаграмм (Там же. Д. 307. Л. 4), поэтому помимо заполнения карточек ей поручали подготовку рисунков предметов материальной культуры (Там же. Оп. 1. 1929 г. Д. 1. Л. 415). Со второй половины 1920-х гг. ее бессменной коллегой стала дочь профессора С. Ф. Платонова — В. С. Шамонина. В круг ее обязанностей входило «извлечение сведений из литературы по карточной системе» и «монтаж» словаря (Там же. Оп. 1. 1929 г. Д. 1. Л. 415).

Немногочисленный вспомогательный персонал разряда археологии Кавказа и Яфетического мира был задействован в лингвистических исследованиях. Короткая (в течение всего восьми месяцев) регистраторская работа Э. Э. Ухтомского отражена в отзыве, подписанном В. К. Шилейко и И. И. Мещаниновым 18 ноября 1920 г. Приведем выдержку из этого документа: «...Его обширные познания в литературе Востока и продолжительные научные занятия в этой области дали возможность получить вполне удовлетворившие Н. Я. Марра сведения об интересовавших его яфетических народах Памира» (Там же. Оп. 3. Д. 683. Л. 2).

Другой текст, составленный бессменным заведующим подразделением Н. Я. Марром, емко характеризует подготовку и род деятельности регистратора Н. К. Синицыной (рис. 1, 6). Николай

⁵ Речь идет о разрядах археологии Кавказа и Яфетического мира (заведующий Н. Я. Марр) и археологии русской (заведующий А. А. Спицын), ранее состоявших во II отделении (Отчет о деятельности..., 1926. С. 3).

Яковлевич писал: «... вполне овладевшая новогрузинским языком при знании основ древне-литературного языка... еще в должности регистратора Ахтямова⁶ ввиду ее специальных познаний привлекалась для выполнения научно-исследовательских заданий по древне-грузинским надписям, а так же в интересах проблем о значении звериных сюжетов в доисторическом орнаменте — для извлечения надлежащих материалов из современных грузинских народных сказок путем сравнительного их изучения» (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. 1746. Л. 1, 1об.).

Во II отделении Академии значительная часть вспомогательного персонала работала с письменными и изобразительными источниками. Характерным примером служит возглавляемый И. А. Орбели⁷ разряд археологии Армении и Грузии (до середины 1920 г. — разряд археологии восточно-христианской). В этом подразделении готовили издание армянских и грузинских эпиграфических памятников (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 74). Составлением карточных указателей и синхронистических таблиц занимались регистраторы А. А. Алиханян (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 14. Л. 3), Н. И. Кюрдян (Отчет о деятельности..., 1926. С. 13), Е. А. Лямина-Тарасова (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 387. Л. 4), М. К. Орбели (Там же. Д. 491. Л. 3), М. Г. Тихая (рис. 1, 7; Там же. Д. 652. Л. 1) и В. А. Хрущева (Там же. Д. 714. Л. 2). К середине 1927 г. в разряде сохранилось единственное регистраторское место, занятое бывшим дипломатическим работником, ранее заведовавшим административно-хозяйственной частью РАИМК, М. М. Гирсом. Этот сотрудник изучал сасанидское искусство по персидским и арабским литературным произведениям и вещественным памятникам (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 912. Л. 4–5). Аналогичную деятельность, связанную с выборкой греческих эпиграфических надписей, вел в разряде археологии Эллады и Рима внештатный регистратор А. И. Доватур (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 1. Л. 211).

Систематизацию коллекций персидских рукописей и миниатюр из собрания Государственной

публичной библиотеки (далее — ГПБ) осуществлял регистратор разряда археологии и искусства мусульманского В. А. Эberman. К 1927 г. при его участии было учтено и описано на карточках свыше 4000 миниатюр и 165 рукописей. На основании обработанных материалов В. А. Эberman подготовил три карточных указателя (Там же. Оп. 3. Д. 769. Л. 2–3). Сходные задачи по инвентаризации арабских рукописей выполняла в разряде археологии и искусства Средней Азии ученица выдающегося востоковеда И. Ю. Крачковского — Р. Л. Эрлих (рис. 1, 8; Там же. Д. 774. Л. 1–3). Однако в начале 1925 г. в связи с плохим состоянием здоровья она перешла на домашнюю работу, а затем уволилась из Академии. На вакантное место приняли А. Ю. Якубовского, который находился на данной должности чуть более двух лет, составляя карточный каталог фотографий и негативов архитектурных памятников Средней Азии (Там же. Д. 782. Л. 1; Отчет о деятельности..., 1926. С. 14). Письменные источники западноевропейского средневековья описывала М. П. Румянцева (Румянцева-Хлусевич). Она начала свою регистраторскую деятельность на складе древностей. В августе 1928 г. ее по ходатайству Д. В. Айдалова перевели в разряд археологии и искусства средневекового Запада и эпохи Возрождения (*Конончук, Филимонова*, 2023. С. 162). В составе нового подразделения М. П. Румянцева (Румянцева-Хлусевич) собирала информацию из итальянских антифонариев (певческих книг) и кремонских хартий, хранившихся в ГПБ и Музее палеографии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 22. Л. 4, 6).

Существенный вклад внесли регистраторы II отделения и в обработку археологических коллекций. В разряде археологии Древнего Востока их работа распределялась по двум направлениям. Первое было связано с «изучением древностей и этнологических коллекций из Абиссинии (Эфиопии)» (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 72об.). Для выполнения этой задачи в октябре 1919 г. назначили Е. И. Малиновскую (рис. 1, 9; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 3. Л. 67об.). О ней сохранилось мало сведений. Известно, что в начале XX в. она три года прожила в Абиссинии, а позднее изучала эфиопский язык под руководством профессора Б. А. Тураева (ЦГА СПб. Ф. Р-7222. Оп. 30. Д. 1599. Л. 2). Второе направление регистраторской деятельности развивала М. Э. Матъе (до апреля 1921 г. состоявшая в III отделении), описывавшая египетские амулеты (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 421. Л. 5, 8). Непродолжительное время за составление картотек в разряде

⁶ Данная персона фигурирует в документах Академии под следующими фамилиями: Синицына, Синицына-Уманец, Уманец, Ахтямова.

⁷ Под руководством И. А. Орбели до середины 1920 г. находился разряд искусства армянского и грузинского, входивший в состав III отделения Академии. В этом подразделении временным регистратором трудился М. А. Салье (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 4. Л. 3).

отвечали В. А. Николаева (Там же. Д. 471. Л. 2) и А. М. Оранжевеева (Там же. Д. 489. Л. 11).

Сотрудники разряда археологии Скифии и Сарматии готовили к изданию «Свод курганов». Важную роль в этой работе играли регистраторы Е. Р. Малкина (рис. 2, 1; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 402. Л. 1), Н. В. Тревер (Там же. Д. 668. Л. 3) и А. П. Манцевич (Отчет о деятельности..., 1926. С. 12). Они описывали и зарисовывали артефакты, значительная часть которых происходила из раскопок Н. И. Веселовского в Кубанской области (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 74). С систематизации археологических материалов начинала карьеру М. А. Тиханова-Клименко. В июне 1920 г. ее приняли на должность временного регистратора в разряд археологии раннехристианской и византийской для составления карточного указателя предметов, найденных в керченских катакомбах. Мария Александровна превысила рамки задания, подготовив два каталога (керченских катакомб и готских могильников) с карточками пяти видов. После чего по рекомендации заведующего разрядом А. А. Васильева она была избрана научным сотрудником II категории (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 651. Л. 2, 6–7). Нумизматические коллекции, хранившиеся в Академии, обрабатывал и публиковал регистратор А. А. Быков (Там же. Оп. 1. 1929 г. Д. 1. Л. 235), ставший впоследствии одним из крупнейших русских нумизматов-востоковедов (Добровольский, Потин, 2022. С. 5).

В начале 1920-х гг. подразделения III отделения выделялись большим количеством вспомогательного персонала, что было связано с масштабами стоящих перед ними задач. Например, в разряде искусства Древнего Востока и классического мира (с 1922 г. разряд греко-римского искусства) готовили издание древностей Ольвии, периодически привлекая к работе до семи регистраторов. Инвентаризацию керамики на протяжении многих лет вела Е. К. Булгакова (Там же. Оп. 3. Д. 94. Л. 2–3). Описание чернолаковых сосудов выполняли Е. Н. Беккер⁸ и М. Э. Матье, последняя также отвечала за вещи из «египетского фаянса» (Там же. Д. 44. Л. 2об.; Д. 421. Л. 2об.). Алебастровыми сосудами занималась О. А. Пини (Там же. Д. 512. Л. 5об.), а разбор кол-

лекции ольвийских бус поручили И. В. Тревер (Там же. Д. 666. Л. 4). Обучающийся на архитектора В. В. Бражников (рис. 2, 2) классифицировал и описывал античную черепицу, архитектурные фрагменты и штукатурку (Там же. Д. 86. Л. 1). Художники Н. К. Фан-дер-Флитт (Там же. Д. 687. Л. 1, 3) и А. А. Пресняков (рис. 2, 3; Там же. Д. 533. Л. 1, 2) рисовали бронзовые изделия и керамическую посуду. Каталогизацию фотоматериалов проводили В. Г. Лобазина (Там же. Д. 376. Л. 1) и Е. П. Столица (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 212об.). Обязанности И. М. Левиной, трудившейся около трех месяцев, установить не удалось (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 4. Л. 2об.). После кадровых сокращений 1921–1923 гг. число регистраторов в разряде больше не превышало двух-трех человек. Упали и объемы работ, новые сотрудники В. Ф. Штейн и Т. И. Милова не только пытались закончить дело предшественников, но и обрабатывали предметы, поступавшие из возобновившихся в 1924 г. раскопок в Ольвии (Там же. Оп. 1. 1929 г. Д. 1. Л. 218)⁹.

Первыми регистраторами разряда древнейшего русского искусства и искусства славянских народов¹⁰ стали временные научные сотрудники отдела монументальных памятников РГИА А. М. Белавин, В. Г. Самойлов и П. С. Нагорный (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1919 г. Д. 3а. Л. 89об.). Они занимались составлением библиографических указателей по истории архитектуры. В 1919–1920 гг. на регистраторские должности приняли художников Л. А. Дурново (рис. 2, 4), Н. И. Толмачевскую, Е. К. Эвенбах и Е. П. Реутт-Полетаеву. Данные специалисты под руководством Н. П. Сычева копировали и описывали церковные фрески в Новгороде (Медведева, 2022. С. 226–229). Иные обязанности исполняла Е. О. Сычева (рис. 2, 5), отвечавшая за «регистрацию памятников русского искусства домонгольского периода» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 639). К концу 1923 г. в штате разряда не осталось вспомогательного персонала, правда, в отличие от других подразделений половина сотрудников получила

⁹ С марта по июль 1929 г. регистратором-лаборантом в разряде греко-римского искусства трудился Л. М. Славин (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 6. Л. 31об.), впоследствии ставший крупным специалистом по античной археологии Северного Причерноморья.

¹⁰ Подразделение несколько раз меняло название: с 1922 г. упоминается как разряд древнерусского искусства, а с 1924 г. переименовано в разряд русской живописи.

⁸ До второй половины 1920 г. Е. Н. Беккер работала в разряде археологии и искусства Индии и Дальнего Востока, где составляла библиографический каталог статей и книг по искусству, археологии, нумизматике, эпиграфике (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 44. Л. 2об.).

1

2

3

4

5

6

7

8

9

Рис. 2. Регистраторы РАИМК/ГАИМК: 1 — Е. Р. Малкина, 1938 г.; 2 — В. В. Бражников, 1918 г.; 3 — А. А. Пресняков, 1919 г.; 4 — Л. А. Дурново, 1921 г.; 5 — Е. О. Сычева, 1921 г.; 6 — В. В. Екимова, 1924 г.; 7 — Н. Н. Курнаков, 1919 г.; 8 — А. С. Мончадский, начало 1920-х гг.; 9 — А. И. Болтунова, 1918 г. Публикуются впервые

Fig. 2. Registrators of the Academy for the History of Material Culture: 1 — E. R. Malkina, 1938; 2 — V. V. Brazhnikov, 1918; 3 — A. A. Presnyakov, 1919; 4 — L. A. Durnovo, 1921; 5 — E. O. Sycheva, 1921; 6 — V. V. Ekimova, 1924; 7 — N. N. Kurnakov, 1919; 8 — A. S. Monchadsky, early 1920s; 9 — A. I. Boltunova, 1918. First publication

[ЦГАЛИ СПб.: 1 — Ф. Р-371. Оп. 2. Д. 129. Л. 2; 6 — Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 98. Л. 1. ЦГА СПб.: 2 — Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 406. Л. 1; 3 — Оп. 3. Д. 943. Л. 14аоб; 4 — Оп. 5. Д. 1369. Л. 6; 5 — Д. 4151. Л. 5; 7 — Ф. Р-3239. Оп. 2. Д. 109. Л. 1; 8 — Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 2444. Л. 35а; 9 — Оп. 4. Д. 158. Л. 7об.]

повышение и продолжила выполнять свои прежние функции. В середине 1925 г. регистратором на семь месяцев назначили будущего директора ИИМК М. И. Артамонова. Значительно дольше проработала на этом месте Е. О. Костецкая, собиравшая информацию о древнерусской станковой живописи, летописных миниатюрах и декоративном убранстве памятников архитектуры (Отчет о деятельности..., 1929. С. 355; Медведева, 2022. С. 230).

В разряде древнего русского зодчества (с середины 1920-х гг. — разряд русского зодчества) вспомогательный персонал составляли в основном научно-технические сотрудники (Е. Н. Глезер, А. А. Леонтьев, Н. П. Никитин, Е. А. Пистолькорс, Л. М. Шуляк и др.). Однако на должности регистратора отметилась В. В. Екимова (рис. 2, 6). Характер ее работы раскрывает отзыв заведовавшего подразделением К. К. Романова: «Со свойственным ей увлечением отдавшись научной работе, В. В. Екимова участвовала в архитектурном обмере на месте во Пскове церкви Николы Каменноградского (XV–XVI вв.) и написала интересную работу по топографии Пскова на основании подробнейшего изучения материалов — летописных и писцовых книг, значительно уточнив древнюю топографию города...» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 273. Л. 134).

Представительный штат регистраторов находился в Институте археологической технологии (далее — ИАТ). Данная структура разрабатывала естественнонаучные методы изучения и реставрации памятников археологии и искусства (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 80об.). Вспомогательный персонал ИАТ можно разделить на две группы. К первой относились квалифицированные сотрудники, задействованные в исследованиях специфических материалов. Например, Н. Н. Курнаков (рис. 2, 7) специализировался на металлах и сплавах (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 343. Л. 3); В. И. Громова (Там же. Д. 166. Л. 2) и М. П. Грязнов (Там же. Д. 167. Л. 4) — на костных останках; А. С. Мончадский (рис. 2, 8;

Там же. Д. 448. Л. 3) и А. И. Болтунова (рис. 2, 9; Там же. Д. 75. Л. 8) — на археологизированных моллюсках и рыбах; М. Ф. Голубцова (Там же. Д. 151. Л. 8) — на средневековом стекле. Вторая группа регистраторов — А. Ф. Антоновский, Е. Н. Клингенберг (Там же. Д. 287. Л. 6), Н. И. Нарбут (рис. 3, 1; Там же. Д. 459. Л. 7), М. И. Шмидегельм (Там же. Д. 750. Л. 3) — сосредоточилась на библиографической и канцелярской работе. Обязанности А. М. Бонштедт (рис. 3, 2) и Г. Н. Прокофьева (Там же. Оп. 6. Д. 9. Л. 6), трудившихся на аналогичных должностях, достоверно установить не удалось. С середины 1920-х гг. в ИАТ начали целенаправленную переподготовку отдельных работников. Под руководством опытных специалистов Н. И. Нарбут освоила электролитическую очистку бронз (Там же. Оп. 1. 1929 г. Д. 47. Л. 7), А. Н. Савинов — микрофотографирование шлифов керамики и дерева (Там же. 1928 г. Д. 40. Л. 52об.), а Л. М. Васильева-Меньшикова — методы определения вида животных по микроструктуре костей и волос (Там же. 1929 г. Д. 45. Л. 3об.).

Существенный вклад внесли регистраторы в деятельность вспомогательных учреждений Академии. На складе древностей они занимались описанием, систематизацией и передачей в музей коллекций бывшей Археологической комиссии (Конончук, Филимонова, 2023. С. 161, 162). В фотографическом отделе эта категория персонала разбирала негативы ИАК. Работой на данной должности отметились хранитель склада древностей Н. Э. Успенская, научный сотрудник III отделения Н. И. Толмачевская (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 4. Л. 3об.) и заведующая фотоархивом (с 1932 по 1956 г.) Т. М. Девель (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 303. Л. 5); также стоит упомянуть их коллег, уволенных из РАИМК в период сокращений: М. А. Вейхардт (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 115. Л. 1–2), О. Г. Кропину (Там же. Д. 325. Л. 1) и Э. Х. Лерх (Там же. Д. 369). В архиве обязанности регистраторов непродолжительное время исполняли сотрудники канцелярии:

Рис. 3. Регистраторы РАИМК/ГАИМК: 1 — Н. И. Нарбут, начало 1920-х гг.; 2 — А.-Е. М. Бонштедт, 1920 г.; 3 — А. А. Беллен, 1919–1920 гг.; 4 — М. Э. Форш, 1920 г.; 5 — А. А. Труханов, 1918 г.; 6 — О. Б. Храповицкая, 1924 г. Публикуются впервые

Fig. 3. Registrators of the Academy for the History of Material Culture: 1 — N. I. Narbut, early 1920s; 2 — A.-E. M. Bonstedt, 1920; 3 — A. A. Bellen, 1919–1920; 4 — M. E. Forsh, 1920; 5 — A. A. Trukhanov, 1918; 6 — O. B. Khrapovitskaya, 1924. First publication

[ЦГА СПб.: 1 — Оп. 5. Д. 2933. Л. 13аоб.; 2 — Оп. 4. Д. 161. Обложка об.; 4 — Ф. Р-7240. Оп. 2. Д. 3573. Л. 1; 5 — Ф. Р-2856. Оп. 1. Д. 702. Л. 3; 6 — Ф. Р-1397. Оп. 14-4. Д. 14343. Л. 1. 3 — ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-298. Оп. 2. Д. 210. Л. 4]

бухгалтер С. Ф. Данская и делопроизводитель В. В. Нордгейм (Там же. Оп. 6. Д. 4. Л. 3об.).

Для исследований, требующих участия специалистов из разных отделений, в Академии создавались постоянные и временные комиссии (Устав ГАИМК, 1926. С. 7). Иногда они дублировали функции разрядов, поэтому после сокращения

числа комиссий с 12 в 1921 г. до пяти в 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 71об.) часть их работников распределили между подразделениями со сходной тематикой¹¹. При этом деятельность

¹¹ Регистраторов З. П. Малиновскую, Р. П. Митусову и А. К. Штамм из Комиссии по антропологии

отдельных структур имела выраженную специфику. Например, регистраторы Комиссии по составлению археологических карт и изучению древних путей А. А. Беллен (рис. 3, 3), М. Э. Форш (рис. 3, 4), Н. Н. Поппе (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 3. Д. 240. Л. 22об., 24), З. Я. Завадская-Краснопольская, А. А. Труханов (рис. 3, 5) и Р. В. Шмидт (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 8. Л. 43, 43об.) готовили списки топонимов. Обработку библиографических сведений проводил вспомогательный персонал Комиссии по изучению Юга России в составе Т. Н. Книпович, М. Ф. Миллер и И. В. Тревер (Там же. Оп. 3. Д. 290. Л. 3; Д. 666. Л. 4). Описание, копирование и каталогизацию миниатюр в собраниях ГПБ и Государственного исторического музея осуществляли сотрудники Комиссии по изучению миниатюры К. М. Асафов, Е. П. Реутт-Полетаева (СПбФ АРАН. Ф. 155. Оп. 3. Д. 1. Л. 390об.) и О. Б. Храповицкая (рис. 3, 6; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 713. Л. 3). Систематизацией материалов трипольской археологической культуры из музеев Ленинграда и Москвы занималась регистратор Эгейской комиссии А. И. Запольская-Суслова (Там же. Оп. 1. 1929 г. Д. 1. Л. 11, 417об.).

Московская секция РАИМК также получила регистраторские должности. Первым работником данной категории стала В. А. Максимова, которая с ноября 1919 г. участвовала в подготовке «...списка слов для Русского этнологического словаря» (Там же. Оп. 3. Д. 394. Л. 1–2). В 1920–1921 гг. учетом и описанием памятников древнерусского и византийского искусства занимались вспомогательные сотрудники М. В. Алпатов, К. М. Асафов, М. М. Денисова, Е. С. Кропоткина, Н. Д. Рудницкая и Л. И. Свиотковская-Воронина (Там же. Оп. 6. Д. 8. Л. 34об., 35). С июля 1922 г. Московская секция приостановила свою деятельность (Белозерова и др., 2019. С. 103), однако работа состоявших при ней регистраторов прекратилась еще осенью 1921 г.

Во второй половине 1920-х гг. термин «регистратор» постепенно вытесняется из делопроизводства Академии. Данный процесс был запущен в ИАТ, где для обозначения аналогичной категории персонала использовалось слово «лаборант» (Устав ГАИМК, 1926. С. 22, 24). Со временем тенденция распространилась на другие подразделения,

и в списках личного состава с мая 1928 г. старое наименование применялось исключительно к сотрудникам склада древностей (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 20. Л. 27об., 28). При этом многие документы ГАИМК за 1928–1929 гг. содержали комбинированные названия «регистратор-лаборант» или «лаборант-регистратор». Конец неопределенности положило состоявшееся 4 июня 1929 г. заседание президиума РАНИОН, на котором приняли решение об унификации номенклатуры штатов в научных учреждениях (Там же. Оп. 1. 1929 г. Д. 1. Л. 465). Вскоре правление Академии постановило «лаборантов, регистраторов и научно-технических сотрудников числить научно-техническими сотрудниками» (Там же. Д. 6. Л. 47об.), и с 1 июля 1929 г. на новую должность перевели 15 человек: П. С. Терехова, Г. П. Гроздилова, А. И. Запольскую-Суслову, Т. Ф. Копылову, Т. И. Милову, М. П. Румянцеву (Румянцеву-Хлусевич), А. Н. Серову, Л. М. Славина, П. Н. Третьякова, В. С. Шамонину, Н. Н. Чернягина, Л. М. Васильеву-Меньшикову, А. Н. Савинова, А. Н. Карасева и А. А. Некрасова (Там же. Д. 7. Л. 19)¹².

Научно-технические сотрудники наравне с регистраторами существовали в штате Академии и трудились там с начала 1920-х гг. Они выполняли чертежи архитектурных памятников (ЦГА СПб. Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 466. Л. 130об.), вели фотосъемку (Королькова, 2015. С. 204, 205) и осуществляли работы по раскладке и упаковке археологических предметов (Конончук, Филимонова, 2023. С. 162). Поэтому на первый взгляд унификация просто объединила функции трех вспомогательных должностей. Однако данный процесс сопровождался реорганизацией структуры учреждения и массовыми сокращениями персонала. К концу 1929 г. в составе разрядов I и II отделений находилось 18 научно-технических сотрудников и четыре лаборанта (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 7. Л. 54–57). Спустя год, в декабре 1930 г., после ликвидации отделений и разрядов¹³, в Академии осталось всего шесть научно-технических сотрудников (Там же. 1930 г. Д. 11. Л. 112–114), к 1936 г. их число возросло до 10, но руководство ГАИМК просило Комиссариат просвещения увеличить штат этих работников

перевели в разряды I отделения (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 398. Л. 3, 3об.; Д. 437. Л. 2; Д. 755. Л. 4), а Р. Л. Эрлих сменила Туркестанскую комиссию на разряд археологии и искусства Средней Азии (Там же. Д. 774. Л. 2).

¹² П. С. Терехов, А. Н. Карасев и А. А. Некрасов числятся лаборантами-регистраторами только в указанном списке, по материалам других документов они занимали должности научно-технических сотрудников.

¹³ Подробнее о структуре РАИМК/ГАИМК и ее изменениях в 1919–1930 гг.: Алёшкин, 2013. С. 101, 111, 113.

до 25–30 человек (Там же. 1936 г. Д. 120. Л. 9). Подобный запрос обозначал проблему нехватки квалифицированных специалистов, необходимых для обработки археологических материалов, полученных в результате новостроечных экспедиций 1930-х гг.

Многогранную деятельность регистраторов невозможно описать в рамках одной статьи, поэтому авторы осознанно исключили аспекты, связанные с организацией выставок, участием в полевых исследованиях, выступлениями и т. д. Предложенный подход был основан на анализе большого массива документов, характеризующих состав, динамику развития и основные функции профессиональной группы. В результате удалось установить, что в 1919–1921 гг. происходил непрерывный рост штата вспомогательных со-

трудников, задействованных в учете и систематизации источников, собранных учреждениями Российской империи. После кадровых сокращений конца 1921 — середины 1923 г. значительная часть оставшегося персонала переключилась на обработку новых материалов, поступающих из возобновившихся экспедиций Академии. Отказ от «вещеведения», случившийся в отечественной археологии на рубеже 1929–1930 гг., сделал неактуальной регистраторскую должность, и к декабрю 1930 г. в ГАИМК осталось всего семь человек, когда-либо ее занимавших. Таким образом, вклад регистраторов в сохранение и изучение исторического наследия только предстоит оценить. Важными этапами на этом пути могут стать публикации, посвященные работе разрядов РАИМК/ГАИМК и биографиям их сотру-

Таблица. Список сотрудников, занимавших регистраторские должности в РАИМК/ГАИМК
Table. List of the staff members held the office of registrar in Russian / State Academy for the History of Material Culture

Полное имя и годы жизни	Подразделение и время работы на регистраторской должности
Алиханян Арутюн Абрамович (1896–1941)	Разряд археологии восточно-христианской (1919–1920)
Алпатов Михаил Владимирович (1903–1986)	Разряд искусства раннехристианского и византийского (1921), Московская секция РАИМК
Антоновский А. Ф. (полное имя и годы жизни не установлены)	Институт археологической технологии (1920–1921)
Артамонов Михаил Илларионович (1898–1978)	Разряд русской живописи (1925–1926)
Асафов Кирилл Михайлович (1896–1930)	Комиссия по изучению миниатюры (1920–1921), Московская секция РАИМК
Беккер Екатерина Николаевна (1901–1964)	Разряд археологии и искусства Индии и Дальнего Востока (1919–1920), разряд искусства Древнего Востока и классического мира (1920–1922)
Белавин Алексей Михайлович (1866–?)	Разряд древнейшего русского искусства и искусства славянских народов (1919–1923)
Беллен Анна Александровна (1890–?)	Комиссия по составлению археологических карт и изучению древних путей (1919–1921)
Болтунова Анна Ивановна (1900–1991)	Институт археологической технологии (1921–1923)
Бонштедт Альма Максимилиановна (1893–?)	Институт археологической технологии (1921)
Бражников Виктор Викторович (1900–?)	Разряд искусства Древнего Востока и классического мира (1920)
Будде Елена Владимировна (1895–?)	Подразделение не установлено (1921)
Булгакова Елизавета Калистратовна (1869–?)	Разряд искусства Древнего Востока и классического мира / разряд греко-римского искусства (1919–1926)
Быков Алексей Андреевич (1896–1977)	Секция нумизматики и глиптики (1923–1929)
Васильева-Меньшикова Лидия Михайловна (1908–1994)	Институт археологической технологии (1927–1929)
Вейгельт Ольга Владимировна (1897–?)	Разряд археологии русской (1919–1920)
Вейхардт Мария Антоновна (1863–?)	Фотографический отдел (1920–1921)
Гирс Михаил Михайлович (1877–1932)	Разряд археологии и искусства Армении и Грузии (1924–1929)
Голубцова Мария Федоровна (1883–?)	Институт археологической технологии (1921–1922)
Григоль (Солнцева) Анастасия Иосифовна (1900–?)	Склад древностей (1924–1929)

Таблица, продолжение

Полное имя и годы жизни	Подразделение и время работы на регистраторской должности
Гриневич Константин Эдуардович (1891–1970)	Подразделение не установлено (1921)
Гроздилов Григорий Павлович (1905–1962)	Разряд этнографии (1927–1929)
Громова Вера Исааковна (1891–1973)	Институт археологической технологии (1921–1923)
Грязнов Михаил Петрович (1902–1984)	Институт археологической технологии (1922–1926)
Данская София Федоровна (1858–?)	Архив (1919–1921)
Девель Татьяна Модестовна (1888–1981)	Фотографический отдел (1921–1924)
Денисова Мария Михайловна (1887–1961)	Разряд древнерусской живописи (1920–1921), Московская секция РАИМК
Дмитревская Вера Ивановна (1899–?)	Разряд археологии русской (1919–1921)
Доватур Аристид Иванович (1897–1982)	Разряд археологии Эллады и Рима (1925–1929)
Дурново Лидия Александровна (1885–1963)	Разряд древнейшего русского искусства и искусства славянских народов (1919–1921)
Екимова Вера Васильевна (1880–1942)	Разряд древнего русского зодчества (1920–1921)
Завадская-Краснопольская Зоя Яковлевна (1896–?)	Комиссия по составлению археологических карт и изучению древних путей (1921)
Запольская-Суслова Анна Иосифовна (1889–?)	Разряд греко-римского искусства (1924), Эгейская комиссия (1925–1929)
Иванова Серафима Николаевна (1896–?)	Разряд археологии русской (1921)
Клингенберг Елизавета Николаевна (1881–?)	Институт археологической технологии (1921–1922)
Книпович Татьяна Николаевна (1895–1975)	Комиссия по изучению Юга России (1920–1921)
Колаковская Антонина Мечиславовна (1892–?)	Разряд палеоэтнологии (1921–1923)
Копылова Татьяна Федоровна (1877–?)	Разряд археологии русской (1921–1929)
Костецкая Елена Осиповна (1890–?)	Разряд русской живописи (1926–1929)
Кропина Ольга Григорьевна (1901–?)	Фотографический отдел (1921–1922)
Кропоткина Елизавета Сергеевна (1870–1944)	Разряд древнерусской живописи (1920–1921), Московская секция РАИМК
Курнаков Николай Николаевич (1889–?)	Институт археологической технологии (1924–1928)
Кюрдян Николай Иванович (1881–1937)	Разряд археологии и искусства Армении и Грузии (1921, 1924–1927)
Левина Ирина Михайловна (1899–1983)	Разряд искусства Древнего Востока и классического мира (1920)
Лерх Эльфрида Христофоровна (1902–?)	Фотографический отдел (1919–1920)
Лобазина Вера Германовна (1904–?)	Разряд искусства Древнего Востока и классического мира (1921)
Лямина (Тарасова) Евдокия Александровна (1895–?)	Разряд археологии восточно-христианской (1919–1920), разряд археологии и искусства Армении и Грузии (1920–1924)
Максимова Вера Александровна (1901–?)	Разряд этнологии (1919–1921), Московская секция РАИМК
Малиновская Екатерина Ивановна (1872–1943)	Разряд археологии Древнего Востока (1919–1921), разряд археологии раннехристианской и византийской (1921)
Малиновская Зинаида Палладиевна (1891–1972)	Разряд этнологии / Комиссия по антропологии (1920–1921)
Малкина Екатерина Романовна (1898–1945)	Разряд археологии Скифии и Сарматии / Комиссия по изучению Юга России (1919–1924)
Манцевич Анастасия Петровна (1899–1982)	Склад древностей (1920–1924), разряд греко-римского иску- ства (1924), разряд археологии Скифии и Сарматии (1924–1928)
Матье Милица Эдвиновна (1899–1966)	Разряд искусства Древнего Востока и классического мира (1919–1921), разряд археологии Древнего Востока (1921–1926)
Миллер Мария Федоровна (1882–?)	Комиссия по изучению Юга России (1920)
Милова Татьяна Ильинична (1902–?)	Разряд греко-римского искусства (1926–1929)
Митусова Раиса Павловна (1894–1937)	Комиссия по антропологии (1921), разряд этнологии (1922–1924), разряд этнической антропологии (1924–1925)

Таблица, продолжение

Полное имя и годы жизни	Подразделение и время работы на регистраторской должности
Мончадский Александр Самуилович (1897–1974)	Институт археологической технологии (1920)
Мотовилова Мария Николаевна (1894–1960)	Склад древностей (1920–1921)
Нагорный Петр Савельевич (1872–1942)	Разряд древнейшего русского искусства и искусства славянских народов (1919–1921)
Нарбут Надежда Ивановна (1892–1930)	Институт археологической технологии (1921–1929)
Никитина Нина Александровна (1903–?)	Разряд этнической антропологии (1925–1927)
Николаева Вера Александровна (1899–?)	Разряд археологии Древнего Востока (1921)
Ниселовская Валентина Александровна (1893–?)	Разряд археологии русской (1921)
Нордгейм Варвара Васильевна (1901–?)	Архив (1919–1921)
Олифиренко Ольга Ивановна (1892–1942)	Разряд этнологии (1920–1921)
Оранжиреева Антонина Михайловна (1897–1960)	Разряд археологии Древнего Востока (1920–1921), разряд палеоэтнологии (1923–1929)
Орбели Мария Кероповна (1884–1972)	Разряд археологии и искусства Армении и Грузии (1920–1925)
Песселеп Леонтина Ивановна (1887–?)	Разряд этнологии (1920–1921)
Пини Ольга Александровна (1901–?)	Склад древностей (1919–1921), разряд греко-римского искусства (1921–1923)
Поппе Николай Николаевич (1897–1991)	Комиссия по составлению археологических карт и изучению древних путей (1920–1921)
Пресняков Александр Александрович (1902–1954)	Разряд искусства Древнего Востока и классического мира (1919–1921)
Прокофьев Георгий Николаевич (1897–1942)	Институт археологической технологии (1920–1921)
Реутт-Полетаева Евгения Петровна (1890–?)	Комиссия по изучению миниатюры (1920–1921), разряд древнейшего русского искусства и искусства славянских народов (1921–1923)
Рудницкая Наталья Даниловна (1891–1967)	Разряд древнерусской живописи (1921), Московская секция РАИМК
Румянцева (Румянцева-Хлусевич) Мария Петровна (1900–?)	Склад древностей (1921–1928), разряд археологии средневекового Запада и эпохи Возрождения (1928–1929)
Савинов Алексей Николаевич (1906–1976)	Институт археологической технологии (1928–1929)
Салье Михаил Александрович (1899–1961)	Разряд искусства армянского и грузинского (1919–1920)
Самойлов Василий Гаврилович (1886–1950)	Разряд древнейшего русского искусства и искусства славянских народов (1919–1920)
Самойлова Татьяна Васильевна (1899–?)	Разряд этнической антропологии (1928–1929)
Свиотковская-Воронина Лидия Ивановна (1887–1972)	Разряд искусства раннехристианского и византийского (1920–1921), Московская секция РАИМК
Серова (Любимова) Анна Николаевна (1893–?)	Разряд палеоэтнологии (1920–1929)
Синицын Сергей Дмитриевич (1901–?)	Разряд этнической антропологии (1927–1928)
Синицына (Синицына-Уманец) Наталья Константиновна (1893–1979)	Разряд археологии Кавказа и Яфетического мира (1919–1923)
Славин Лазарь Моисеевич (1906–1971)	Разряд греко-римского искусства (1929)
Столица Елизавета Петровна (1874–?)	Разряд искусства Древнего Востока и классического мира / разряд греко-римского искусства (1920–1924), склад древностей (1924–1929)
Сычева Елена Осиповна (1882–?)	Разряд древнейшего русского искусства и искусства славянских народов (1920–1922)
Тиханова-Клименко Мария Александровна (1898–1981)	Разряд археологии раннехристианской и византийской (1920–1921)
Тихая (Церетели) Мария Георгиевна (1890–1943)	Разряд археологии восточно-христианской (1920)

Таблица, окончание

Полное имя и годы жизни	Подразделение и время работы на регистраторской должности
Толмачевская Наталия Ивановна (1889–1975)	Фотографический отдел (1919–1920), разряд древнейшего русского искусства и искусства славянских народов / разряд древнерусского искусства (1920–1923)
Тревер (Мончадская) Ильза Васильевна (1891–1955)	Разряд искусства Древнего Востока и классического мира / Комиссия по изучению Юга России (1919–1921)
Тревер Нина Васильевна (1898–?)	Разряд археологии Скифии и Сарматии (1920–1924)
Третьяков Петр Николаевич (1909–1976)	Разряд этнографии (1927–1929)
Труханов Александр Александрович (1880–1942)	Комиссия по составлению археологических карт и изучению древних путей (1921)
Успенская Надежда Эрастовна (1862–1942)	Фотографический отдел (1920)
Ухтомский Эспер Эсперович (1861–1921)	Разряд археологии Кавказа и Яфетического мира (1920)
Фан-дер-Флитт Наталия Константиновна (1901–1998)	Разряд искусства Древнего Востока и классического мира (1919–1921)
Форш Мальвина Эдуардовна (1871–1934)	Комиссия по составлению археологических карт и изучению древних путей (1920–1921)
Храповицкая Ольга Борисовна (1890–1943)	Комиссия по изучению миниатюры (1921)
Хрущова Валерия Александровна (1897–?)	Разряд археологии восточно-христианской (1920)
Чернягин Николай Николаевич (1906–1942)	Разряд этнографии (1927–1929)
Шамонина Вера Сергеевна (1888–1944)	Разряд археологии русской (1924–1929)
Шмидегельм Марта Ивановна (1896–?)	Институт археологической технологии (1920)
Шмидт Раиса Викторовна (1899–1941)	Комиссия по составлению археологических карт и изучению древних путей (1921)
Штамм Анна Кирилловна (1873–?)	Комиссия по антропологии (1921), разряд этнической антропологии (1921–1924)
Штейн Вера Федоровна (1887–1971)	Разряд греко-римского искусства (1924–1929)
Щеглова Нина Васильевна (1875–?)	Склад древностей (1919–1920)
Эберман Василий Александрович (1899–1937)	Разряд персидского искусства (1920–1921), разряд археологии и искусства мусульманского (1921–1928)
Эвенбах Евгения Константиновна (1899–1981)	Разряд древнейшего русского искусства и искусства славянских народов (1920–1922)
Эрлих Рогнеда Леонидовна (1901–1930)	Туркестанская комиссия (1921), разряд археологии и искусства Средней Азии (1922–1925)
Яковлева Зоя/Зинаида Николаевна (1893–?)	Разряд археологии русской (1921–1924)
Якубовский Александр Юрьевич (1886–1953)	Разряд археологии и искусства Средней Азии (1925–1927)

Алёшкин, 2013 — Алёшкин В. А. Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.

Белозерова и др., 2019 — Белозерова И. В., Гайдуков П. Г., Кузьминых С. В. К юбилею Института археологии РАН: Московская секция РАИМК–ГАИМК, Московское отделение ГАИМК–ИИМК // РА. 2019. № 4. С. 102–117.

Биографика СПбГУ — Биографика СПбГУ [Электронный ресурс] // URL: <https://bioslovhist.spbu.ru> (дата обращения: 14.07.2025).

Бобровская, Алёшкин, 2013 — Бобровская Е. В., Алёшкин В. А. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 327–400.

Добровольский, Потин, 2022 — Добровольский И. Г., Потин В. М. А. А. Быков — выдающийся нумизмат-востоковед // Нумизматический сборник. 2003. Памяти Алексея Андреевича Быкова (1896–1977). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 5–17.

Золотарев, 1930 — Золотарев Д. А. Карелы СССР: по антропологическим данным автора, статистически

- обработанным А. К. Штамм. Л.: Изд-во Акад. наук, 1930. 124 с.
- Институту археологии 60 лет, 1980 — Институту археологии 60 лет: Сб. ст. М.: Наука, 1980 (КСИА; Вып. 163). 100 с.
- Кашиев, 2009 — Кашиев С. В. Сотрудники отдела истории античной культуры ИИМК РАН и его предшественников в РАИМК — ГАИМК — ИИМК — ЛО-ИИМК — ЛОИА (1919–2009 гг.) // Записки ИИМК РАН. 2009. № 4. С. 37–49.
- Конончук, Филимонова, 2023 — Конончук К. В., Филимонова Д. С. Склад древностей в составе РАИМК/ГАИМК. История научно-вспомогательного учреждения (1919–1930 гг.) // Записки ИИМК. 2023. № 28. С. 160–169.
- Королькова, 2015 — Королькова Л. В. Вепсы: фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея. СПб.: Изд. дом «Инкери», 2015. 240 с.
- Кукина, 2021 — Кукина Д. А. Давид Алексеевич Золотарев (1885–1935) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / Науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 537–550.
- Медведева, 2022 — Медведева М. В. Николай Петрович Сычев (1883–1964) // Там же. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 217–241.
- Мусин, 2019 — Мусин А. Е. Летопись Императорской археологической комиссии // Императорская археологическая комиссия (1859–1917). Т. 1 / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 41–55.
- Наука в России..., 1923 — Наука в России. Справочник. Данные к началу 1922 г. Научные работники Петрограда. М.; Пг.: ГИЗ, 1923. 168 с.
- Отцы-основатели РАИМК..., 2022 — Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку: Коллективная монография / Науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. 872 с.
- Отчет о деятельности..., 1926 — Отчет о деятельности Государственной Академии Истории Материальной Культуры с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. Составлен ученым секретарем Академии Б. В. Фармаковским // Сообщения ГАИМК. 1926. Т. 1. С. 3–36.
- Отчет о деятельности..., 1929 — Отчет о деятельности Государственной Академии Истории Материальной Культуры с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 г. Составлен ученым секретарем Б. В. Фармаковским; Отчет о деятельности Государственной Академии Истории Материальной Культуры с 1 октября 1926 по 1 октября 1927 г. (извлечение) // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. 2. С. 1–26, 339–371.
- Семанов, 1973 — Семанов С. Н. Ликвидация антисоветского Кронштадтского мятежа 1921 года. М.: Наука, 1973. 232 с.
- Устав ГАИМК, 1926 — Устав Государственной Академии Истории Материальной Культуры. Л.: Российская гос. академ. тип., 1926. 26 с.
- Устав РАИМК, 1919 — Устав Российской Академии Истории Материальной Культуры. Пг.: Российская гос. академ. тип., 1919. 30 с.
- Устав РГАК, 1918 — Устав Российской государственной археологической комиссии. Пг.: Девятая гос. тип., 1918. 12 с.
- Фасмер, 1987 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод О. Н. Трубачева. Т. III. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
- Энциклопедический словарь, 1899 — Энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXVI. СПб.: Тип. АО «Издат. дело, бывшее Брокгауз — Ефрон», 1899. 480 с.

НА ИИМК РАН

Ф. 1

Оп. 1. 1919 г. Д. 3а: Журналы заседаний Правления РГАК с 3 января по 13 июля 1919 года. 98 л.

Ф. 2

Оп. 1. 1928 г. Д. 40: Журналы заседаний Совета ИАТ за 1928 г. 63 л.; 1929 г. Д. 1: О деятельности Академии. Переписка, планы и отчеты. Ч. I. 528 л.; Д. 6: Журнал заседаний Правления ГАИМК. 89 л.; Д. 7: Распоряжения по ГАИМК. 217 л.; Д. 22: Дело разряда археологии и искусства Средневековья и Возрождения. Отчеты. 1929 г. 10 л.; Д. 45: Дело ИАТ. Планы и отчеты. 111 л.; Д. 47: Дело разряда металла. Переписка и отчеты. 14 л.; 1930 г. Д. 11: Распоряжения ГАИМК. 123 л.; 1936 г. Д. 120: Устав, структура и штаты Академии. 22 л.

Оп. 3 (личные дела). Д. 14: Алиханян Арутюн Абрамович. 3 л.; Д. 44: Беккер Екатерина Николаевна. 7 л.; Д. 75: Болтунова Анна Ивановна. 10 л.; Д. 86: Бражников Виктор Викторович. 4 л.; Д. 94: Булгакова Елизавета Калистратовна. 5 л.; Д. 113: Вейгельт Ольга Владимировна. 3 л.; Д. 115: Вейхардт Мария Антоновна. 5 л.; Д. 151: Голубцова Мария Федоровна. 20 л.; Д. 166: Громова Вера Исааковна. 16 л.; Д. 167: Грязнов Михаил Петрович. 14 л.; Д. 185: Дмитриевская Вера Ивановна. 9 л.; Д. 216: Завадская-Краснопольская Зоя Яковлевна. 3 л.; Д. 242: Иванова Серафима Николаевна. 3 л.; Д. 287: Клингенберг Елизавета Николаевна. 7 л.; Д. 290: Книпович Татьяна Николаевна. 4 л.; Д. 307: Копылова Татьяна Федоровна. 4 л.; Д. 325: Кропина Ольга Григорьевна. 1 л.; Д. 343: Курнаков Николай Николаевич. 3 л.; Д. 369: Лерх Эльфрида Христофоровна. 3 л.; Д. 376: Лобазина Вера Германовна. 1 л.; Д. 387: Лямина Евдокия Александровна. 4 л.; Д. 394: Максимова Вера Александровна. 3 л.; Д. 398: Малиновская Зинаида Палладиевна. 5 л.; Д. 402: Малкина Екатерина Романовна. 3 л.; Д. 421: Матые Милица Эдвиновна. 10 л.; Д. 437: Митусова

Раиса Павловна. 2 л.; Д. 448: Мончадский Александр Самуилович. 3 л.; Д. 452: Мотовилова Мария Николаевна. 5 л.; Д. 459: Нарбут Надежда Ивановна. 8 л.; Д. 471: Николаева Вера Алексеевна. 2 л.; Д. 474: Ниселовская Валентина Александровна. 6 л.; Д. 489: Оранжиреева Антонина Михайловна. 11 л.; Д. 491: Орбели Мария Керовна. 7 л.; Д. 512: Пини Ольга Александровна. 14 л.; Д. 533: Пресняков Александр Александрович. 4 л.; Д. 584: Самойлова Татьяна Васильевна. 2 л.; Д. 628: Стебницкий Георгий Викторович. 16 л.; Д. 639: Сычева Елена Осиповна. 1 л.; Д. 651: Тиханова-Клименко Мария Александровна. 12 л.; Д. 652: Тихая Мария Георгиевна. 4 л.; Д. 666: Тревер Ильза Васильевна. 5 л.; Д. 668: Тревер Нина Васильевна. 4 л.; Д. 683: Ухтомский Эспер Эсперович. 3 л.; Д. 687: Фан-дер-Флитт Наталья Константиновна. 4 л.; Д. 713: Храповицкая Ольга Борисовна. 4 л.; Д. 714: Хрущова Валерия Александровна. 3 л.; Д. 750: Шмидегельм Марта Ивановна. 5 л.; Д. 755: Штамм Анна Кирилловна. 9 л.; Д. 769: Эберман Василий Александрович. 8 л.; Д. 774: Эрлих Рогнеда Леонидовна. 3 л.; Д. 781: Яковлева Зоя Николаевна. 3 л.; Д. 782: Якубовский Александр Юрьевич. 78 л.

Оп. 6. Д. 3: Требовательные ведомости на выплату зарплаты служащим Государственной археологической комиссии. 122 л.; Д. 4: Список личного состава РАИМК (1920 г.). 4 л.; Д. 5: Требовательные ведомости на выплату зарплаты служащим РАИМК (1920 г.). 322 л.; Д. 6: Требовательные ведомости на выплату зарплаты служащим РАИМК с августа по декабрь 1920 г. 307 л.; Д. 8: Списки сотрудников РАИМК и переписка по личному составу (1921–1922). 96 л.; Д. 9: Переписка по личному составу (1921–1922 гг.). 33 л.; Д. 11: Списки личного состава РАИМК (1923 г.). 64 л.; Д. 12: Списки личного состава РАИМК (1924 г.). 52 л.; Д. 13: Списки личного состава РАИМК (1925 г.). 81 л.; Д. 14: Списки личного состава РАИМК (1926 г.). 14 л.; Д. 15: Списки личного состава РАИМК (1927 г.). 22 л.; Д. 20: Списки личного состава ГАИМК на 1928–1929. 66 л.; Д. 27: Списки личного состава ГАИМК (1929 г.). 12 л.

СПбФ АРАН

Ф. 4. Оп. 4. Д. 912: Гирс Михаил Михайлович, научный сотрудник Азиатского музея АН. Личное дело. 18 л.

Ф. 142. Оп. 5. Д. 273: Екимова Вера Васильевна, пом. зав. отдела. Личное дело. 143 л.

Ф. 155. Оп. 3. Д. 1: Комитет учета научных работников Академии Ленинграда 1918–1931 гг. 490 л.

Ф. 800. Оп. 1. Д. 1746: Отзыв о Н. К. Ахтямовой. 2 л.

Ф. 825. Оп. 2. Д. 218: Письма Н. Успенской В. П. Бузескулу. 27 л.

ЦГА СПб.

Ф. Р-1397. Оп. 14-4. Д. 14343: Храповицкая Ольга Борисовна. Личное дело. 29 л.

Ф. Р-2555. Оп. 1. Д. 68: Археологическая комиссия. 13 л.; Д. 243: Академия истории материальной культуры. 110 л.; Д. 303: Академия Истории материальной культуры (списки служащих на 01.12.1921 года). 25 л.; Д. 466: Академия истории материальной культуры (списки служащих на 06.11.1923 года с поступлением). 279 л.; Д. 596: Академия истории материальной культуры (протоколы Совета и правления). 289 л.

Ф. Р-2856. Оп. 1. Д. 702: Форш Мальвина Эдуардовна. Личное дело студента Педагогического института при Петроградском университете. 4 л.

Ф. Р-3239. Оп. 2. Д. 109: Курнаков Николай Николаевич. Личное дело студента Второго политехнического института. 5 л.

Ф. Р-6307. Оп. 9. Д. 482: Устав, акт обследований, алфавитный список служащих Академии истории материальной культуры и переписка ЦК. 98 л.

Ф. Р-7222. Оп. 30. Д. 1599: Малиновская Екатерина Ивановна. Личное дело студента Ленинградского Восточного Института. 22 л.

Ф. Р-7240 (личные дела студентов Петроградского/Ленинградского государственного университета).

Оп. 1. Д. 1955: Эрлих Рогнеда Леонидовна. 35 л.;

Оп. 2. Д. 406: Бражников Виктор Викторович. 6 л.; Д. 2444: Мончадский Александр Самуилович. 48 л.; Д. 2566: Ниселовская Валентина Александровна. 26 л.; Д. 2245: Малиновская (Марку-Лютцнер) Екатерина Ивановна. 43 л.; Д. 3502: Тихая-Церетели Мария Георгиевна. 42 л.; Д. 3573: Труханов Александр Александрович. 63 л.

Оп. 3. Д. 943: Пресняков Александр Александрович. 21 л.; Д. 1042: Самойлова Татьяна Васильевна. 40 л.

Оп. 4. Д. 158: Болтунова Анна Ивановна. 23 л.; Д. 161: Бонштедт Альма-Екатерина Максимилиановна. 5 л.; Д. 1441: Синицына Наталья Константиновна. 16 л.

Оп. 5. Д. 1369: Дурново Лидия Александровна. 23 л.; Д. 4151: Сычева Елена Осиповна. 17 л.; Д. 2013: Колаковская Антонина Мечиславовна. 21 л.; Д. 2933: Нарбут Надежда Ивановна. 29 л.

Оп. 6. Д. 1612: Оранжиреева Антонина Михайловна. 29 л.

Оп. 9. Д. 827: Никитина Нина Александровна. 25 л.

ЦГАЛИ СПб.

Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 10: Копии приказов по Комиссариату имуществ республики и основания к приказам. 596 л.

Ф. Р-59. Оп. 2. Д. 98: Екимова Вера Васильевна. Личное дело студента Высших курсов искусствознания. 9 л.

Ф. Р-283

Оп. 2. Д. 504: Списки членов союза по учреждениям и предприятиям. Ч. 1 (А–М). 143 л.; Д. 787: Списки служащих на получение новых членских билетов по предприятиям, в алфавите от буквы А до И (включ.). 73 л.; Д. 827: Протоколы отчетно-выборных

собраний на предприятиях. Ч. 1 (А–В). 136 л.; Д. 1011: Протоколы заседаний месткомов. Ч. 2. 316 л.; Д. 1460: Списки работников театров, кинотеатров и других учреждений, подведомственных союзу. 254 л.

Оп. 3. Д. 240: Требовательные ведомости на выдачу вознаграждения служащим Академии истории ма-

териальной культуры и характеристики на служащих. 28 л.

Ф. Р-298. Оп. 2. Д. 210: Беллен Анна Александровна. Личное дело студента Петроградской консерватории. 6 л.

Ф. Р-371. Оп. 2. Д. 129: Малкина Екатерина Романовна. Личное дело члена союза писателей. 12 л.

Registrators of the Academy for the History of Material Culture: staff, duties and contribution to the work

K. V. Kononchuk, D. S. Filimonova¹⁴

Keywords: Academy, RAHMC, SAHMC, registrators, history of science

Registrators worked at the Academy for the History of Material Culture from 1919 to 1929, participating in the description and systematization of a variety of historical sources. After analyzing payroll records, staff members' lists, and personnel documents from the St. Petersburg archives, the authors collected information on 111 staff members held this office. The significant proportion of women (72 %) and students (48 %) among this category of personnel testifies to the widespread inclusion of new social groups in academic work. However, only 26 registrators made the career transition to research associates. Rare promotions were due to low salaries, poor working conditions, and widespread layoffs.

The information obtained allowed us to determine the contribution of registrators of each department to the Academy's work. In the ranks of the First Section, most of the support staff was engaged in the collection and cameral processing of expedition materials. In the Second Section, registrators played a significant role in studying the collections of the Imperial Archaeological Commission and in systematizing written sources from the State Public Library. In the Third Section, this category of personnel prepared antiquities from Olbia for publication and documented ancient Russian paintings.

At the Institute of Archaeological Technology, which developed methods of natural science for the study and restoration of monuments of archaeology and art, registrators performed analysis and primary conservation work on various materials (metal, ceramics, bone, stone, etc.). By the mid-1920s, this position was renamed "laborant" within this structure. By the summer of 1928, this title had virtually replaced the term "registrator" in SAHMC documents. Registrators also worked in permanent and temporary commissions and in auxiliary institutions of the Academy (the antiquities warehouse, the photographic department, and the archives), but after 1924, the number of such employees declined sharply.

In July 1929, the SAHMC Board, implementing a decree of the Russian Association of Research and Development Institutes for Social Sciences, consolidated all support positions under the title of "scientific and technical associate". This process was accompanied by a reorganization of the Academy's structure and massive staff layoffs, and by December 1930, the scientific and technical staff had dropped to six persons. Subsequently, SAHMC experienced an acute shortage of qualified specialists necessary for processing archaeological materials obtained during the large-scale expeditions of the 1930s.

¹⁴ Konstantin V. Kononchuk, Daria S. Filimonova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: konstantinkonon@mail.ru, dashafilimonovansk@gmail.com.

Неопубликованная рукопись второго издания монографии Н. Я. Марра «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища»¹

М. В. Медведева²

Аннотация. Итоги многолетних исследований Анийской экспедиции под руководством Н. Я. Марра впервые были подведены в обобщающей монографии 1934 г. К 1940 г. в ИИМК АН СССР была подготовлена рукопись ее второго издания со многими дополнениями, но она не была опубликована. В настоящее время в научном архиве ИИМК РАН и СПбФ АРАН выявлены две связанные между собой части корректуры переиздания книги 1934 г. и иллюстративные материалы. В статье рассматриваются структура рукописи, история ее подготовки и бытования.

Ключевые слова: Анийская экспедиция, исследования Н. Я. Марра, В. А. Миханкова, история науки, архивные документы, научный архив ИИМК РАН, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-203-210

В результате плодотворной научной и экспедиционной деятельности археолога, востоковеда, филолога академика Николая Яковлевича Марра сложилось обширное документальное наследие огромной научной значимости, преимущественно хранящееся теперь в петербургских архивных собраниях (Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) и научном архиве ИИМК РАН (НА ИИМК)).

Средневековый город Ани в Карсской области Российской империи стал основным местом археологических и архитектурно-реставрационных исследований под руководством Н. Я. Марра в доре-

волюционный период (Марр, 1934). Всего с 1892 по 1917 г. состоялось 16 анийских кампаний. Начавшись по поручению Императорской археологической комиссии, работы со временем получили мощную поддержку армянских общественных организаций и частных лиц, а на финальном этапе превратились в экспедицию Академии наук с постоянным внушительным финансированием (Казарян, 2016; Медведева, 2024а; Платонова, 1998). В 1904 г. на территории памятника был создан Анийский музей древностей, который являлся базой ежегодных полевых исследований Анийской экспедиции и одновременно хранилищем всех добытых коллекций. Музей активно развивался и к 1910-м гг. вырос в серьезный научный центр (Бартольд, Смирнов, 1916). Работа по изучению памятников Анийского городища велась круглогодично (Чубинов, 1918), но, к сожалению, полученный в процессе анийских исследований богатейший материал ждала печальная судьба.

Трагические события Первой мировой войны и последующие политические изменения привели к сворачиванию деятельности экспедиции и полному уничтожению музея в Ани вместе с большинством хранившихся там ценных коллекций. Документальное наследие Анийской экспедиции, находившееся в Петрограде, тоже пропало по пути

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00354-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00354-П> «Архитектура и монументальное искусство Ани как феномен мировой художественной культуры. Становление столичной школы армянского зодчества X–XIV вв.») в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете.

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет, Москва; e-mail: marriyam@mail.ru.

© Медведева М. В., 2025

в Тифлис при перевозке во вновь созданный Кавказский историко-археологический институт (Орбели, 1934. С. 197; Платонова, 1998. С. 377; Медведева, 2024б. С. 18, 19; Чубинов, 1918. С. II).

Все же часть материалов, образовавшихся в процессе полевых работ в Ани, сохранилась до наших дней в архивах научных учреждений. Чрезвычайно важно ввести их в широкий оборот, так как они уже сами по себе приобрели значение основного первоисточника о дореволюционных изысканиях в Ани для современных исследователей. Отчетная документация экспедиции хорошо представлена в личном фонде академика Н. Я. Марра в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН. Ф. 800). Она включает дневники и черновые отчеты за разные годы (с 1892 по 1917 г.); планы и маршруты поездок; описания памятников, особенностей архитектурных конструкций и методологии раскопок; записные книжки, заметки, выписки; ведомости и расчетные тетради оплаты труда рабочих; реестры находок и описи фотографий; тексты лекций Н. Я. Марра в Санкт-Петербургском университете и его публичных докладов по истории Ани. За некоторые годы раскопок имеется от трех до 10 тетрадок полевых записей. В научном архиве ИИМК РАН тоже сохранился довольно значительный комплекс документов Анийской экспедиции: открытые листы, выданные Н. Я. Марру на археологические изыскания в Карсской области и Эриванской губернии; организационная переписка; краткие сведения о раскопках; описи находок и визуальные документы — фотографии, рисунки и чертежи. Материалы содержатся в фондах Императорской археологической комиссии (ИАК), Русского археологического общества (РАО), Академии истории материальной культуры (ГАИМК), Института истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР и в личных собраниях Н. Я. Марра, Я. И. Смирнова, К. К. Романова, Н. П. Сычева, В. А. Миханковой. Многие из них составляют единый комплекс с документами из СПбФ АРАН, но из-за разрозненности хранения их совокупное изучение затруднено.

Большой вклад в сохранение и публикацию документального наследия Н. Я. Марра и результатов работ Анийской экспедиции внесла В. А. Миханкова. В 1920 г. по рекомендации И. А. Орбели она поступила на работу в Академию истории материальной культуры и всю свою дальнейшую жизнь посвятила работе в этом учреждении (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 442; Ф. 35. Оп. 5.

Д. 206). В течение многих лет В. А. Миханкова была личным помощником Н. Я. Марра, а со временем стала одним из самых близких для его семьи людей. После смерти академика по желанию ученого его личный архив целиком поступил в ГАИМК, где был организован специализированный научно-исследовательский мемориальный кабинет Н. Я. Марра под руководством В. А. Миханковой (Миханкова, 1947). Подразделение успешно справлялось со своими основными задачами: сбор, систематизация, хранение и разработка наследия Н. Я. Марра. В. А. Миханкова написала работу, посвященную научной биографии академика (Миханкова, 1949), которую в 1944 г. защитила в качестве диссертации на соискание степени кандидата исторических наук (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 206. Л. 70). Исследовательница приложила немало усилий, чтобы обработать неизданные труды Н. Я. Марра для их публикации. Ею были подготовлены к печати письма Н. Я. Марра его учителю востоковеду барону В. Р. Розену (Медведева, 2024в; Рябошлык, 2009); переписка с Ф. А. Брауном; дневники работ в Ани 1892–1893 гг. (Казарян и др., 2022); сборник статей о Руставели и его эпохе; отчет о работах на Топрах-Кале по материалам Ванской экспедиции; второе издание книги Н. Я. Марра «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища» и др. (Миханкова, 1947. С. 79–81). Большинство этих материалов так и остаются неизданными или изданными частично.

Объявленная в 1950 г. борьба с марризмом привела к ликвидации мемориального кабинета академика Н. Я. Марра в ИИМК АН СССР, а его колоссальный по размеру рукописный фонд был спешно передан в Архив Академии наук (Бондарь, 2024. С. 517–519; Медведева, 2022. С. 37). Изначально Ленинградское отделение Института вообще не планировало расставаться с материалами кабинета Н. Я. Марра. После выхода неизвестной статьи И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развернувшейся критики «нового учения о языке» заведующий ЛО ИИМК АН СССР А. П. Окладников предложил просто расформировать кабинет Н. Я. Марра и передать его документацию в состав общего хранения рукописного архива Института, а ценнейшее книжное собрание — в библиотеку. В июне 1950 г. ходатайство соответствующего содержания было направлено в Москву, но в ноябре того же года по настоянию московской администрации ИИМК АН СССР (директор А. Д. Удальцов, зам. директора

С. В. Киселев) при поддержке руководителя Архива АН Г. А. Князева материалы кабинета было приказано в двухнедельный срок подготовить к передаче и сдать в Архив АН (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 104. Л. 20, 30).

Фотографическая часть кабинета (несколько десятков альбомов)³ осталась в ЛО ИИМК АН СССР и вошла в личный фотофонд Н. Я. Марра. Такое решение было вызвано несколькими причинами — в Институте уже несколько десятилетий успешно работал фотоархив, где осуществлялось специализированное хранение фотодокументов по археологической тематике; в фотоархиве уже хранилось большое количество фотоматериалов Н. Я. Марра помимо фотоальбомов из кабинета; по распоряжению директора Архива АН Г. А. Князева фотоальбомы не подлежали передаче как относящиеся к основным научным занятиям сотрудников Института (*Бондарь*, 2024. С. 521). В настоящее время фотографический фонд Н. Я. Марра насчитывает около четырех с половиной тысяч негативов и фотографий (НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 23). На оборотах некоторых отпечатков присутствует шифр кабинета Н. Я. Марра.

В Архив АН также не были переданы 15 рукописей трудов Н. Я. Марра, подготовленных к печати (*Бондарь*, 2024. С. 521, 522; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 104. Л. 37). Они стали достоянием рукописного архива ИИМК АН СССР и вошли в состав описи неизданных рукописей в фонде Института (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2). Среди них находились, например, три тома неопубликованных «Избранных работ» Н. Я. Марра. В 1935 г. Академией истории материальной культуры были выпущены первые пять томов ранее опубликованных работ Н. Я. Марра (Избранные работы. В 5 т. Л.: ГАИМК, 1933–1937 гг.) и разработан план следующих выпусков, куда предполагалось включить неизданные статьи академика. В итоге к печати были подготовлены VI и VII тома, посвященные языкам народов Кавказа, и VIII том с материалами по истории культуры народов Кавказа (*Миханкова*, 1947. С. 82).

³ По данным В. А. Миханковой в кабинете хранились 35 тематических фотоальбомов, где размещались 1516 снимков (*Миханкова*, 1947. С. 82). После передачи материалов Н. Я. Марра в ИИМК АН СССР остались 26 фотоальбомов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 104. Л. 36).

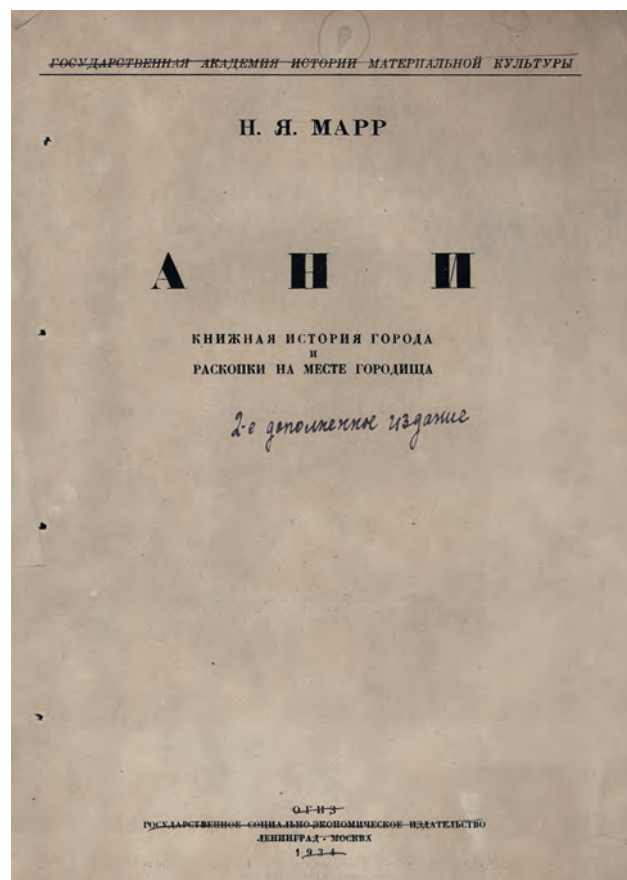

Рис. 1. Титул рукописи второго издания книги Н. Я. Марра «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища»

Fig. 1. Title of the manuscript of the 2nd edition of N. Ya. Marr's book "Ani. Literary history of the city and excavations on its place"

[НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 785. Л. 1]

Особого внимания в этом комплексе неизданных научных трудов заслуживает рукопись второго издания монографии Н. Я. Марра «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 785) (рис. 1). Первый раз книга была напечатана в 1934 г. при активном участии В. А. Миханковой. Уже после кончины академика она взялась подготовить второе дополненное издание и к 1940 г. вполне справилась с этой задачей, но рукопись так и не увидела свет. Между тем в 1939 г. в Ереване появилось второе издание книги Н. Я. Марра 1934 г. (*Марр*, 1939) — точная копия первого в сокращенном варианте без иллюстраций. В какой-то момент по непонятной причине рукопись, отредактированную В. А. Миханковой, стали ошибочно ассоциировать именно с этим ереванским

изданием и считать полностью напечатанной, что отражено в описи и на титуле архивного дела. Сверка этих двух источников показывает, что это абсолютно разные версии, и в случае архивной рукописи мы имеем дело с еще неизвестным широкому кругу современных ученых источником. Из-за некорректного примечания в описи, а может быть, вследствие борьбы с «марризмом» рукопись на долгое время оказалась невостребованной специалистами. Более того, в 1980-е гг. в рукописном архиве ЛОИА АН СССР проводилась работа по выделению дублетных документов для их сдачи в макулатуру, и рукопись второго издания «Ани...» Н. Я. Марра среди прочих планировалась к уничтожению как уже опубликованный труд, чего, к счастью, удалось избежать.

Работу над своим капитальным трудом по истории Ани, а также о проведенных в конце XIX — начале XX в. исследованиях Н. Я. Марр начал еще в 1914 г., но в силу разных причин она затянулась и была завершена только к началу 1930-х гг. По причине невозможности использовать вещественные коллекции и документальные материалы Анийской экспедиции основу книги составили разрозненные тексты университетских лекций и докладов Н. Я. Марра о древних памятниках Анийского городища. Будучи постоянно перегруженным выполнением административных обязанностей, автор «физически» не мог сам «следить за делом сведения и воспроизведения рукописного текста без изменения, с проверкой всех ссылок и цитат», а также за оформлением иллюстраций (Марр, 1934. С. XI). Глубокую признательность за ведение этой «каторжной работы» Н. Я. Марр выразил в предисловии кавказоведу В. А. Дондуа, секретарю В. А. Миханковой и своему ученику востоковеду И. А. Орбели (Там же). Ввиду того что объем книги был ограничен, из нее были исключены почти все работы Н. Я. Марра об Ани, напечатанные им ранее: статьи по специальным вопросам или об отдельных памятниках, а в ряде случаев отчеты за целые годы раскопок (например, за 1904 и 1915 гг.) (Миханкова, 1947. С. 82). Начальному этапу исследований Н. Я. Марра в Ани уделялась всего пара страниц, хотя отчетные материалы за 1892–1893 гг., в отличие от последующих лет, прекрасно сохранились в архиве ИАК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 33; 1893. Д. 61) и в документальном наследии академика (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. А-784, А-1993, А-1940; НА ИИМК РАН. ФО. Ф. 23. Инв. № 54473–54853).

Во второй половине 1930-х гг. ИИМК АН СССР поручил сотрудникам кабинета Н. Я. Марра подготовить к печати второе издание книги «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища» и «поставил перед кабинетом задачу дополнить текст первого издания всеми рукописными и печатными работами Н. Я. Марра о работах в Ани и, по возможности, дать полное освещение вопросов истории и истории культуры средневековой Армении, разрешенных, поставленных и намеченных анийскими работами». Работа осложнялась тем, что «ни рукописи докладов Н. Я. Марра о работах в Ани, ни рукопись, с которой набиралось первое издание, ни дневники раскопок не сохранились полностью и определить в контексте место оставшихся разрозненных заметок временами было невозможно» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 785. Л. 4).

Все упущения первого издания монографии Н. Я. Марра были учтены В. А. Миханковой и восполнены по возможности в рукописи второго. В этом нелегком деле главным подспорьем для нее стали архивные документы анийских исследований из кабинета Н. Я. Марра, рукописного и фотоархива ГАИМК. В тот момент все источники концентрировались в одном учреждении, что позволило ей максимально эффективно выполнить эту работу. В. А. Миханкова выявила все документы и библиографию по исследованиям Н. Я. Марра в Ани с 1892 по 1917 г., затем сравнила их с первым изданием и вставила недостающие описания. Таким образом в рукопись вошли тексты публикаций о Дворцовой церкви и печатных отчетов за 1904, 1906 и 1912 гг. (Марр, 1906; 1907; 1913; 1916). Из архивных материалов В. А. Миханкова включила описание раскопок 1892–1893 гг., дополнила характеристику раскопок дворцовых помещений в Вышгороде 1907–1908 гг. и гостиниц около церкви Апостолов, уточнила данные о раскопках Карсских ворот, Главной улицы и водопровода в 1910 г., сделала вставки о раскопках в 1911 г. церкви VIII в., поместила размышления Н. Я. Марра о Смбатовых стенах, а также об архитектурных формах и фресках церкви Тиграна Оненца. В разделе 1913 г. расширена информация о раскопках у храма Спасителя, поисках дворца князя Абулгариба первой половины XI в. и о других исследованных объектах. В первом издании книги совсем не отражены работы Анийской экспедиции 1914–1917 гг. В. А. Миханкова добавила подробное описание исследований 1915 г. по печатному отчету Анийского музея древностей

(Марр, 1917), кратко дала сведения о работах 1916 и 1917 гг.

Отдельные статьи и материалы Н. Я. Марра по работам в Ани и в Армении в целом, посвященные изучению специальных вопросов (например, отчеты о поездках и обследовании памятников в окрестностях Ани, статья о культурных связях Армении и Византии в VII–X вв. и т. д.), В. А. Миханкова вынесла в приложения, чтобы не нарушать структуру основного текста книги (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 785. Л. 4–5) (рис. 2). В итоге вся рукопись сформировалась из полного текста первого издания, существенно дополненного печатными работами Н. Я. Марра о раскопках в Ани и извлечениями из его документального наследия. Не опубликованные до этого времени материалы были включены в основной текст, в приложения и примечания. Общий объем дополнений оказался практически равен объему книги 1934 г. Всего В. А. Миханкова добавила около 15 печатных листов, и второе издание увеличилось в два раза по сравнению с первым (Миханкова, 1947. С. 83).

В настоящее время хранящаяся в научном архиве ИИМК РАН рукопись представляет собой корректуру первого издания книги «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища» с многостраничными машинописными вставками и чернильной правкой. Дело насчитывает 346 листов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 785), хотя в изначальном варианте значилось 579 листов и 324 иллюстрации (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 104. Л. 37). При сравнении текста и оглавления готовившейся книги стало понятно, что в ИИМК РАН представлена только основная часть книги, а примечания и приложения отсутствуют. Оставшуюся текстовую часть и комплект иллюстраций к изданию удалось выявить в СПбФ АРАН в личном фонде академика Н. Я. Марра (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 1. Д. А-2953а). На титуле сохранился старый номер архивного дела по описи ГАИМК и предыдущая нумерация листов, продолжающая порядок листов из дела в собрании ИИМК РАН. Надо отметить, что в фотоотделе научного архива ИИМК РАН также хранятся несколько фотоальбомов (НА ИИМК РАН. ФО. Альбомы Q 687–689), где собраны иллюстрации к первому изданию (в нескольких вариантах, с ретушью и без) вместе с дополнительными фотоматериалами, отобранными для второго издания (рис. 3). Передача части рукописи второго издания обобщающего труда анийских исследований Н. Я. Марра в СПбФ АРАН по учетным документам научного архива

Оглавление	
От редакции	
Предисловие к I-му изданию	
Ани	
I. История города	
II. Раскопки городища	
Приложения:	
I. Храм Гагика в Ани и храм св. Григория бл. Эчмиадзина	
II. Памятники скульптуры Грузии и Армении	
III. О двуглавом орле в Ани	
IV. Надпись Епифания	
V. Экскурсия в Агагак	
VI. Экскурсия в Водыхан	
VII. Камень с армянской надписью из Ани	
VIII. О перестройке Анийского собора	
Указатели	
I. Именной	
II. Географический	
III. Предметный	
Список сокращений	
Список иллюстраций	

Рис. 2. Оглавление рукописи второго издания книги Н. Я. Марра «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища»

Fig. 2. Contents of the manuscript of the 2nd edition of the book "Ani. Literary history of the city and excavations on its place"

[НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 785. Л. 2]

ИИМК РАН не прослеживается. Можно только предположить, что в какой-то момент она попала туда вместе с другими документами как дополнение к личному фонду академика Н. Я. Марра.

Рукопись до сих пор не утратила своей актуальности, а превосходное качество фотографий к изданию совершенно не нашло отражения в книге 1934 г. из-за особенностей полиграфии 1930-х гг. Ко многим отпечаткам есть оригинальные негативы, что дает возможность более подробного изучения изображенных на них объектов при помощи новейших цифровых технологий. Третье современное издание монографии Н. Я. Марра «Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища» в полном варианте при условии адаптации текста, включения подробных комментариев и качественных иллюстраций может стать настольной книгой специалистов по древней истории Армении, но для ее подготовки требуется длительная и непростая работа.

Рис. 3. Ани: 1 — холм, скрывающий развалины храма Гагика, 1905 г.; 2 — Вышгород, нижние помещения дворца после расчистки; 3 — притвор церкви Апостолов. 4 — Анийская экспедиция 1912 г., церковь VIII в. перед началом раскопок

Fig. 3. Ani: 1 — hill concealing the ruins of the temple of Gagik, 1905; 2 — Vyshgorod, lower rooms of the palace after clearing; 3 — porch of the Apostles' church. 4 — Ani expedition of 1912, the 8th cent. church before excavations

[НА ИИМК РАН. ФО. 1 — Нер. I 26065; 2 — Нер. III 1155; 3 — Отп. Q 688/60; 4 — Отп. Q 688/111]

НА ИИМК РАН

Рукописный отдел (РО)

Ф. 1. Оп. 1. 1892. Д. 33: Дело ИАК о командировании г. Марра в Русскую Армению для производства там археологических розысканий. 240 л.; 1893. Д. 61: Дело ИАК о продолжении Н. Я. Марром производства археологических розысканий в Русской Армении. 189 л.

Ф. 2. Оп. 3. Д. 442: Личное дело. Миханкова Вера Андреевна. 117 л.

Ф. 13. Оп. 1. Д. 104: Дело фонда Н. Я. Марра. 43 л.

Ф. 35. Оп. 2. Фонд ИИМК АН СССР. Научные труды; Д. 785: Марр Н. Я. Ани. Изд. 2. 346 л.; Оп. 5. Д. 206: Личное дело. Миханкова Вера Андреевна. Старший научный сотрудник. 6 л.

Фотографический отдел (ФО)

Ф. 23. Фотографический фонд Н. Я. Марра.

Ф. 23. Инв. № 54473–54853. Коллекция Н. Я. Марра. Раскопки в Ани в 1892–1893 гг. и поездка по Армении (негативы).

Альбомы Q 687–689. Материалы к первому изданию работы Н. Я. Марра «Ани» 1934 г.

СПб. АРАН

Ф. 800. Оп. 1. Д. А-784: Дневник. II. Ани (с 1 июня по [24] июня). 1892 г. 16 л.; Д. А-1993: [Археологические работы в Армении]. 1892 г. Раскопки, надписи, обмеры, заметки. 48 л.; Д. А-1940: Древности Ширака. Отчет о поездках на Кавказ и раскопках в Ани, 1892 г. 49 л.; Д. А-2953а: Марр Н. Я. Ани. Изд. 2. 558 л.

Бартольд, Смирнов, 1916 — Бартольд В. В., Смирнов Я. И. Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани // Записки Восточного отделения РАО. 1916. Вып. 23. С. 373–411.

Бондарь, 2024 — Бондарь Л. Д. Личный фонд академика Н. Я. Марра в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: история формирования и особенности научно-справочного аппарата фонда // Архивный поиск. М.: Архив РАН, 2024. Вып. 7. С. 511–539.

Казарян, 2016 — Казарян А. Ю. Анийский археологический институт. Диапазон деятельности и основы достижения успеха // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2016. Вып. 7. С. 9–27.

Казарян и др., 2022 — Казарян А. Ю., Кукина Д. А., Медведева М. В. Дело «О командировании Н. Я. Марра в Русскую Армению для производства там археологических розысканий». Первый опыт раскопок в Ани // АВ. 2022. № 37. С. 214–227.

Марр, 1906 — Марр Н. Я. Раскопки в Ани в 1904 г. // Известия ИАК. СПб.: Тип. Имп. АН, 1906. Вып. 18. С. 73–94.

Марр, 1907 — Марр Н. Я. О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (предварительный отчет). СПб.: Тип. Имп. АН, 1907 (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии; Кн. X). IV, 64 с., 18 ил., 17 л. ил.

Марр, 1913 — Марр Н. Я. XI анийская археологическая кампания. СПб.: Тип. Имп. АН, 1913 (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии; Кн. 13, № 5). [2], 61, [3] с., 60 ил.

Марр, 1916 — Марр Н. Я. Описание дворцовой церкви в Ани. Пг.: Анийский музей древностей, 1916 (Анийские древности; № 1). [2], 38 с.

Марр, 1917 — Марр Н. Я. Отчет Анийского музея древностей за 1915 год. Пг.: Анийский музей древностей, 1917 (Анийские древности; № 2). 41 с., XII ил.

Марр, 1934 — Марр Н. Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. XII, [2], 133 с. + 58 с. ил.

Марр, 1939 — Марр Н. Я. Ани [Книжная история города и раскопки на месте городища]. Ереван: Армгиз, 1939. 250 с.

Медведева, 2022 — Медведева М. В. Армения в работах предшественников К. Х. Кушнарёвой: судьба архива академика Н. Я. Марра // Записки ИИМК РАН. 2022. № 27. С. 27–39.

Медведева, 2024а — Медведева М. В. Исследования Императорской археологической комиссии в Армении. Анийский проект // Сохраняя российское и мировое культурное наследие: 165 лет Императорской археологической комиссии / Отв. ред. С. А. Васильев. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 69–83.

Медведева, 2024б — Медведева М. В. «Анийская школа» Н. Я. Марра: особенности восприятия в академической науке // Труды Музея истории Армении. Ереван, 2024. № 2 (14). С. 17–29.

Медведева, 2024в — Медведева М. В. Анийские письма Н. Я. Марра из документального наследия В. А. Миханковой // АВ. 2024. № 45. С. 127–140.

Миханкова, 1947 — Миханкова В. А. Работа кабинета Н. Я. Марра за 1936–1944 гг. Доклад на объединенном заседании ИИМК АН СССР и ЛГУ в Ленинграде, посв. памяти Н. Я. Марра // КСИИМК. 1947. Вып. XV. С. 77–87.

Миханкова, 1949 — Миханкова В. А. Николай Яковлевич Марр. Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 555 с.

Орбели, 1934 — Орбели И. А. Блестящая страница в истории археологии // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9/10. С. 195–197.

Платонова, 1998 — Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // АВ. 1998. № 5. С. 371–382.

Рябошлык, 2009 — Рябошлык Е. И. Переписка Н. Я. Марра и барона В. Р. Розена (из архивного наследия В. А. Миханковой) // Христианский Восток. Новая серия. Т. 5 (XI) (2003–2008). М.: Индрик, 2009. С. 454–502.

Чубинов, 1918 — Чубинов Г. Б. Отчет о деятельности Анийского музея древностей за 1916 г. // Анийские древности. Вып. III. Пг.: Тип. А. Ф. Дресслера, 1918. 28 с., XII табл.

The unpublished manuscript of the second edition of Nikolay Ya. Marr's monograph "Ani. Literary history of the city and excavations on its place"

M. V. Medvedeva⁴

Keywords: Ani expedition, N. Ya. Marr's research, V. A. Mikhankova, history of science, archival documents, Scientific Archive of IHMC RAS, St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS

Archaeological and architectural restoration research at the monuments of the ancient city of Ani, led by N. Ya. Marr, continued from 1892 to 1917. The results of the work were published in pre-revolutionary scholarly journals in summary form, and in a few cases in more detail (1904, 1906, 1912). The results of the Ani expedition (up to 1913) were summarized in N. Ya. Marr's 1934 monograph, but the book contains significant gaps. After the scholar's death, his personal secretary V. A. Mikhankova prepared a second edition of the monograph by 1940, on assignment from the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences, supplementing the missing descriptions of the work with information from N. Ya. Marr's printed works and his personal collection. For many years, this manuscript was mistakenly considered published and attracted little interest from researchers. Two interconnected parts of page-proofs for the 1934 reprint of the book, along with illustrative materials, have been discovered in the scientific archives of the Institute for the History of Material Culture of the RAS and the St. Petersburg Branch of the RAS. The manuscript consisted of the main body, detailed notes, and appendices. Thanks to the efforts of V. A. Mikhankova, the length of N. Ya. Marr's book has almost doubled, largely due to unknown data from handwritten archival materials. Due to the fight against "Marrism", a second edition of the book never occurred. Considering the tragic fate of most of the material and documentary collections from the Ani expedition, a modern publication of the manuscript is a pressing issue for academic scholarship.

---

⁴ Maria V. Medvedeva — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow; e-mail: marriyam@mail.ru.

Податный инспектор А. С. Попов и его роль в судьбе нескольких случайных находок в Анапе в 1890-х гг.: штрихи к истории изучения античной эпиграфики¹

П. С. Дрёмова²

Аннотация. В статье рассмотрена история обнаружения и публикации нескольких памятников античной эпиграфики (КБН 1078, 1129, 1142, 1146, 1180, 1230), находки которых связаны с именем податного инспектора Кубанской области А. С. Попова. На основе изучения комплекса делопроизводственной документации и иллюстративных материалов сделано несколько историографических наблюдений, которые позволяют скорректировать время (КБН 1078), обстоятельства обнаружения и публикации (КБН 1142, 1180, 1230) памятников древнегреческой эпиграфики. Кроме того, была выявлена серия ранее неизвестных графических документов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: древнегреческая эпиграфика, Горгиппия, КБН, история науки, А. С. Попов, В. В. Латышев, Н. И. Веселовский, 1890-е гг.

DOI 10.31600/1817-6976-2025-49-211-221

В истории античной археологии в период XVIII — начала XX в. большую роль играли частные лица, подвижники, заинтересованные в сохранении отечественного наследия и изучении многообразных памятников региона. Привлечение этих энтузиастов к делу на пользу науки способствовало накоплению и концентрации археологического и связанного с ним (нумизматического, эпиграфического и т. д.) материала в профильных учреждениях — музеях, научных обществах, ученых архивных комиссиях, губернских статистических комитетах и пр. (см.: Тункина, 2002. С. 18–62 и след.).

Изучение архивной и учетной документации, относящейся к конкретным находкам, с одной стороны, позволяет реконструировать историю

их обнаружения, введения в научный оборот, музейных перемещений, с другой — расширяет представления о механизмах взаимодействия государственных структур с частными лицами в исторической ретроспективе. Микроисследования, основанные на погружении в контекст делопроизводственных и личных связей, высвечивают подробности и детали, по большей части ускользающие в официальной переписке и опубликованных материалах. Перспективность такого подхода доказана многочисленными публикациями (например: Застрожнова, 2020; Павличенко, Прохорова, 2024; Ткачев, 2024; и др.).

В ходе работы с эпистолярным наследием Н. И. Веселовского было выявлено несколько эпиграфических сюжетов³, связанных с именем Александра Сергеевича Попова⁴ — доброго приятеля петербургского археолога, его соседа

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 24-18-00202, <https://rscf.ru/project/24-18-00202/> «Эпиграфические памятники Греции и Малой Азии в коллекции эстампажей Научного архива ИИМК РАН (атрибуция, комплексное изучение и создание электронной базы данных)») в ИИМК РАН.

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург; e-mail: pdremova8@gmail.com.

© Дрёмова П. С., 2025

³ Автор выражает глубокую признательность ст. науч. сотруднику отдела истории античной культуры ИИМК РАН Н. А. Павличенко за помощь в работе над публикацией.

⁴ О личности А. С. Попова и его роли в судьбе отдельных памятников декоративно-прикладного искусства из собрания Гос. Эрмитажа см.: Дрёмова, 2024.

1

2

Рис. 1. Обломок мраморного надгробия, найденного в Таманской станице крестьянином Я. Трениным (КБН 1078): 1 — рисунок к описи эстампажей, отправленных в ИАК; 2 — эстампаж (исполнитель 1 и 2 — заведующий Керченским музеем К. Е. Думберг)

Fig. 1. A fragment of the marble tombstone, found in the stanitsa Tamanskaya by the peasant Ya. Trenin (КБН 1078): 1 — drawing to the list of estampages sent to the Imperial Archaeological Commission; 2 — estampage (1 and 2 made by the head of the Kerch Museum K. E. Dumberg)

[НА ИИМК РАН. РО. 1 — Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 47. Л. 154об.; 2 — Р-П. Оп. 1. Д. 67. Л. 1]

по даче в Анапе. Будучи податным инспектором и исполняя при этом особые поручения начальства, А. С. Попов часто совершал поездки по введенным ему отделам Кубанской (1892–1897) и Терской (1897–1899) областей, а также Бакинской губернии (1899–1907). Из этих маленьких путешествий помимо деловых бумаг и личных впечатлений он привозил ценные сведения об археологических находках, а порой и сами артефакты. В письме Н. И. Веселовскому от 5 октября 1893 г. А. С. Попов сообщал о поездке по Таманскому отделу Кубанской области, благодаря которой его коллекция пополнилась парой глиняных статуэток, амфорой и «окаменелым зубом». В Тамани он обратил внимание на «полкамня песчаника» с двумя вырезанными конными фигурами и надписью на карнизе⁵.

⁵ «...там же (в Тамани. — П. Д.) видал я полкамня песчаника, разбит и одна лишь половина, на нем вырезаны две конные фигуры одна за другой, но отбит конец и надпись Дорылау, но скверный камень» (РГАЛИ).

Приведенные А. С. Поповым в письме характеристики плиты позволили соотнести ее с конкретным эпиграфическим памятником, который ныне хранится в Керченском лапидарии (IOSPE IV 424; КБН 1078; КБН-Альбом 1078; ВКИКМЗ. Инв. № КЛ-788⁶). В 1894 г.⁷ обломок известняковой плиты был приобретен для коллекции Керченского музея его директором К. Е. Думбергом.

Информируя Императорскую археологическую комиссию (ИАК)⁸ о купленном «у крестьянина Якова Тренина за 2 рубля» обломке плиты, К. Е. Думберг приводил его подробное описание (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 47. Л. 155), к которому были приложены схематический рисунок (рис. 1, 1) и оттиск надписи (рис. 1, 2). Эстампаж, изготовленный К. Е. Думбергом⁹ с помощью

Ф. 118. Оп. 1. Д. 972. Л. 5, 5об.). При передаче надписи А. С. Попов допустил ошибку; в тексте письма указано «Дорылау» вместо «Дорылае». Фрагментарность плиты и ее плохая сохранность дали основание А. С. Попову для сурового «вердикта» — «скверный камень».

⁶ Здесь и далее музейные шифры приведены по изданию: КБН-Альбом 2004.

⁷ Этим годом датировано обнаружение плиты во всех публикациях. Письмо А. С. Попова, написанное 5 октября 1893 г., является *terminus ante quem* по отношению ко времени находки надгробия.

⁸ Следует отметить, что К. Е. Думберг регулярно сообщал ИАК и лично В. В. Латышеву о новых эпиграфических поступлениях в Керченский музей (см.: *Застрожнова*, 2020. С. 167–170).

⁹ Назначенный в 1891 г. на пост директора Керченского музея К. Е. Думберг развернул активную деятельность по сбору и регистрации античных памятников, многие из которых были приобретены им в коллекцию музея. Широкою огласку получило дело, связанное с раскопками Львиного кургана (*Горнчаровский*, 2017). В том же письме А. С. Попова любопытно упоминание автора эстампажа К. Е. Думберга, имя которого было широко известно всем, кто интересовался памятниками старины Причерноморского региона. Наслышан про К. Е. Думберга был и А. С. Попов, который, узнав о предстоящих весной 1894 г. его раскопках на Тамани, шутиливо заключал: «город ждет самоуправление» (РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 972. Л. 7об.). Ироничное отношение податного инспектора Попова к директору Керченского музея можно усмотреть и при описании эпиграфического памятника, известного А. С. Попову по слухам: «...сказали <...> был в Тамани один камень с греческой, но христианской надписью и Думберг по легкомыслию что-то за дорогого его купил, говорят» (Там же. Л. 5об.–6).

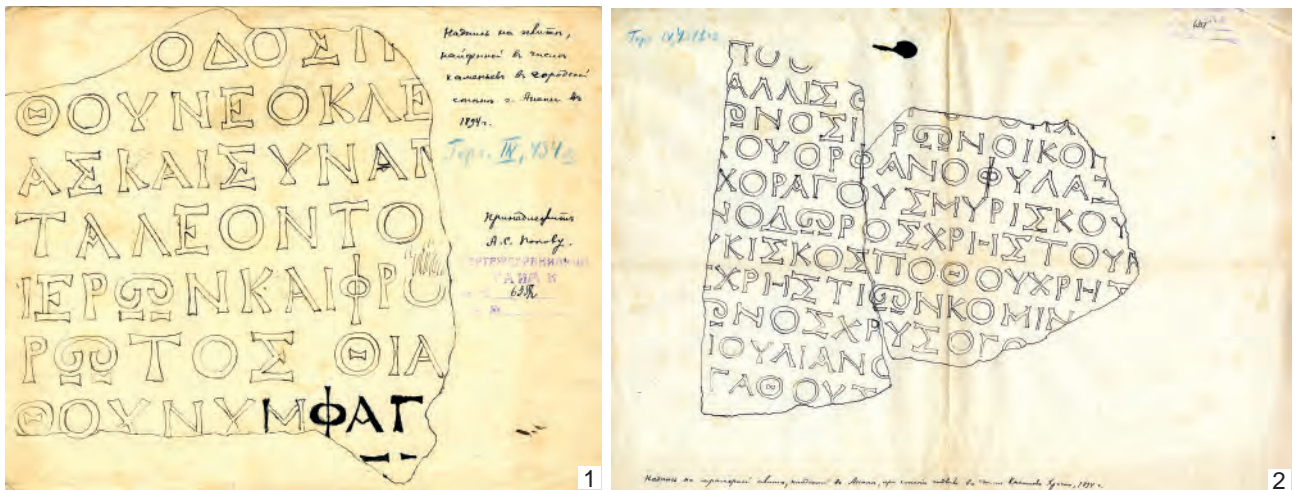

Рис. 2. Обломки мраморных плит из личной коллекции А. С. Попова: 1 — КБН 1129 А: «Надпись на плите, найденной в числе камней в городской стене г. Анапы в 1894 г.»; 2 — КБН 1129 Б, В: «Надпись на мраморной плите, найденной в Анапе, при копании подвала в доме Касимова Христо, 1894 г.». Прорисовка Н. И. Веселовского

Fig. 2. Fragments of marble slabs from the personal collection of A. S. Popov: 1 — КБН 1129 А: “Inscription on the slab found between the stones in the city wall of Anapa in 1894”; 2 — КБН 1129 Б, В: “Inscription on the marble slab found in Anapa while digging a cellar in the house of Kasimov Hristo, 1894”. Drawing by N. I. Veselovsky

[НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1. Д. 819. 1 — Л. 2; 2 — Л. 1]

пропитанной воском бумаги, был укреплен на картонной подложке, упакован в ящик и в таком виде доставлен в ИАК¹⁰. На этот оттиск опирался В. В. Латышев при публикации эпиграфического памятника (*Латышев*, 1895. С. 47, № 41; см.: IOSPE IV 424; КБН 1078; фото надписи см.: КБН-Альбом 1078).

Если надгробная стела с эпитафией «Δορύλας Θ[--]» была обнаружена в станице Таманской и, скорее всего, происходит из Гермонассы, то обломки мраморных плит из личной коллекции А. С. Попова, опубликованные В. В. Латышевым в том же выпуске «Материалов по археологии России» (далее — МАР), принадлежат к числу горгиппийских. В. В. Латышев писал, что эти эпиграфические памятники «найжены в Анапе в 1894 г. и принадлежат местному податному инспектору А. С. Попову; издаются они по точным снимкам в натуральную величину, любезно доставленным нам (В. В. Латышеву. — П. Д.) Н. И. Веселовским» (*Латышев*, 1895. С. 64).

В собрании графической документации научного архива ИИМК РАН удалось выявить три листа с упомянутыми «точными снимками» (НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1. Д. 819. Л. 1–3). Следует обратить внимание на историографическую пу-

таницу, связанную, как представляется, с неправильным пониманием латышевского текста. Публикуя в 1895 г. горгиппийские надписи, В. В. Латышев подчеркивал, что текст воспроизводится им по «точным снимкам в натуральную величину» (*Латышев*, 1895. С. 64). Под этим словосочетанием подразумевались прорисовки мраморных плит с содержащимися на них греческими надписями (рис. 2). Составители Корпуса боспорских надписей (КБН), которым оригинальные рисунки не были известны, восприняли авторское определение по-своему, заменив «точные снимки» на «эстампажи» (ср.: КБН, 1129, 1146, коммент. на с. 662, 682). На основе выявленных материалов можно утверждать, что эстампажей, то есть бумажных негативов, для этих надписей не существовало, были только прорисовки, копии¹¹.

На одной из них представлен фрагмент камня с надписью, найденный в городской стене Анапы¹² (рис. 2, 1) (*Латышев*, 1895. С. 66, 67;

¹¹ Например, в контексте переписки В. В. Латышева и А. В. Орешникова под «копией» подразумевается не факсимильное воспроизведение надписи, а «ее списанный текст» (Переписка..., 2023. С. XIX). О соотношении терминов «копия» и «эстампаж», а также о техниках и методах эстампажирования см.: Там же. С. 5, 6, коммент. 13 с библиографией.

¹² В настоящее время хранится в отделе археологии КГИАМЗ (КГИАМЗ. Инв. № А-11).

¹⁰ Документ входит в состав коллекции эстампажей научного архива ИИМК РАН (НА ИИМК РАН. РО. Р-ІІ. Оп. 1. Д. 67. Л. 1).

Рис. 3. 1 — фотоснимок (КБН 1129 Г): «Случайная находка 1894 г. Эстампаж греческой (горгиппийской) надписи на обломке мраморной плиты (с именем Фарнака). Собр[ание] А. С. Попова»; 2 — обломок мраморной плиты (КБН 1129 Д), прорисовка неизвестного автора

Fig. 3. 1 — photo (КБН 1129 Г): “An accidental find 1894. Estampage of the Greek (Gorgyppian) inscription on the fragment of a marble slab (with the name of Pharnacus). Coll[ection] of A. S. Popov”; 2 — fragment of the marble slab (КБН 1129 Д), drawing by unknown author

[НА ИИМК РАН. 1 — ФО. Нег. IV 938; 2 — РО. Р-І. Оп. 1. Д. 819. Л. 4]

№ 2 а; IOSPE IV 434 а; КБН 1129 А; КБН-Альбом 1129 А). На другом листе помещены два стыкующиеся между собой обломка камня, обнаруженные «при копании подвала в доме Касимова Христо» (рис. 2, 2) (Латышев, 1895. С. 66, 67, № 2 б, с; IOSPE IV 434 б, с; КБН 1129 Б, В; КБН-Альбом 1129 Б, В). Впоследствии В. В. Латышеву удалось дополнить надпись еще одним фрагментом (рис. 3, 1)¹³ (Латышев, 1898. С. 76, 77, № 2 д; IOSPE IV 434 д; КБН 1129 Г; КБН-Альбом 1129 Г), а ко времени публикации в IOSPE ему стал известен другой обломок той же плиты (IOSPE IV 434 е; КБН 1129 Д; КБН-Альбом 1129 Д), который был доставлен из Анапы Н. И. Веселовским и передан в ИАК¹⁴ (рис. 3, 2). Помимо трех крупных обломков плиты с надписью фиаса в личной коллекции А. С. Попова¹⁵ находился небольшой фрагмент другого списка имен, «найденный в городском валу г. Анапы

¹³ Архивные материалы, относящиеся к этому фрагменту, представлены эстампажем (НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1. Д. 63. Л. 9) и сделанным с него фотоснимком, от которого сохранился как стеклянный негатив (рис. 3, 1), так и альбуминовый отпечаток, наклеенный на паспарту (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 759/20). Примечательно, что в учетной документации содержится упоминание о происхождении обломка из личной коллекции А. С. Попова; подтверждение этому в других источниках обнаружить не удалось. Надпись хранится в отделе археологии КГИАМЗ (КГИАМЗ. Инв. № А-11).

¹⁴ В. В. Латышев указывал на поступление эпиграфического памятника в «музей» ИАК: «fragmentum e ab omnibus partibus mutilum a. 1900 Petropolin in museum consilii archaeologici asporavit Vesselovskius» (IOSPE IV 434 е, коммент. на с. 245). Следует подчеркнуть, что отдельного музейного хранения в Комиссии не было (см. «Положение об ИАК» (Мусин и др., 2019. С. 93, 94)). Однако археологические находки могли содержаться в ИАК несколько месяцев и даже лет, пока решалась их судьба и определялось место постоянного хранения. Вероятно, в таком «промежуточном» положении оказался и фрагмент КБН 1129 Д.

Рисунок обломка камня хранится в том же архивном деле, что и изображения первых трех фрагментов плиты. При этом четвертый лист отличается от предыдущих: карандашный рисунок исполнен неопытной рукой на блокнотном листе в линейку; в подписи к рисунку, сделанной другим (неуверенным) почерком, допущены орфографические ошибки (НА ИИМК РАН. РО. Р-І. Оп. 1. Д. 819. Л. 4). Автора кроки установить не удалось, однако с большой долей вероятности можно утверждать, что это не А. С. Попов.

¹⁵ Местонахождение не установлено (ср.: КБН 1146, коммент. на с. 682).

в 1894 г.» (рис. 4) (Латышев, 1895. С. 70, № 5; IOSPE IV 439; КБН 1146; КБН-Альбом 1146).

В коллекции А. С. Попова находилась керамида с круглым клеймом Гор/γίπ/пов в листьях плюща¹⁶ (Латышев, 1895. С. 64, 71, № 7). В личном фонде Е. М. Придика¹⁷ такое клеймо упоминается дважды. Один раз ссылкой на публикацию В. В. Латышева, другой — в связи с поступившими от директора музея Г. Ф. Чайковского сведениями о том, что клейменная таким образом керамида содержится в коллекции Новороссийского музея (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 40. Л. 40). В. Ф. Гайдукевич, изучая в 1930-е гг. керамическое производство на Боспоре, высказал предположение о горгиппийском происхождении клейм с именем Горгиппа. Ему было известно всего три подобных керамических штампа, один из которых был утрачен: «находился в Мелек-Чесменском кургане в Керчи, но был впоследствии отсюда похищен» (Гайдукевич, 1935. С. 302, рис. 14).

Таким образом, в 1920–1930-е гг. двум авторитетным эпиграфистам было известно два клейма с легендой Гор/γίπ/пов, одно из которых — по сведениям В. В. Латышева и только в прорисовке, представленной Н. И. Веселовским. О существовании других изображений до настоящего времени не было известно. В то же время в фондах научного архива ИИМК РАН удалось выявить негатив¹⁸ (рис. 5) с изображением фрагментов двух черепиц: в первом случае клеймо целое, во втором — представлено во фрагментированном виде. Поскольку ни в тексте В. В. Латышева, ни в самой прорисовке ничто не указывает на утраты, можно выдвинуть гипотезу о тождественности обоих клейм — из собрания А. С. Попова и того, которое изображено на фотоснимке¹⁹.

¹⁶ Сведений об этой находке (кроме указанных В. В. Латышевым: найден «в Анапе в винограднике Емцова в 1892 году»), как и «снимка в натуральную величину», о котором В. В. Латышеву сообщил Н. И. Веселовский (Латышев, 1895. С. 71), обнаружить не удалось. О керамидах с таким клеймом подробно см.: Кац, 2011. С. 181 и след.; Сапрыкин, 2020.

¹⁷ Подробно о сложной и до сих пор не завершённой истории издания свода керамических клейм см.: Павличенко, 2020. С. 301–308.

¹⁸ Тогда же с негатива был сделан фотоотпечаток (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 759/38). В учетной документации указано, что фрагменты черепицы происходят из Анапы и что снимок сделан фотографом ИАК И. Ф. Чистяковым в 1909 г.

¹⁹ Существует также соблазн отождествить клейменую керамику из коллекции А. С. Попова с той, что

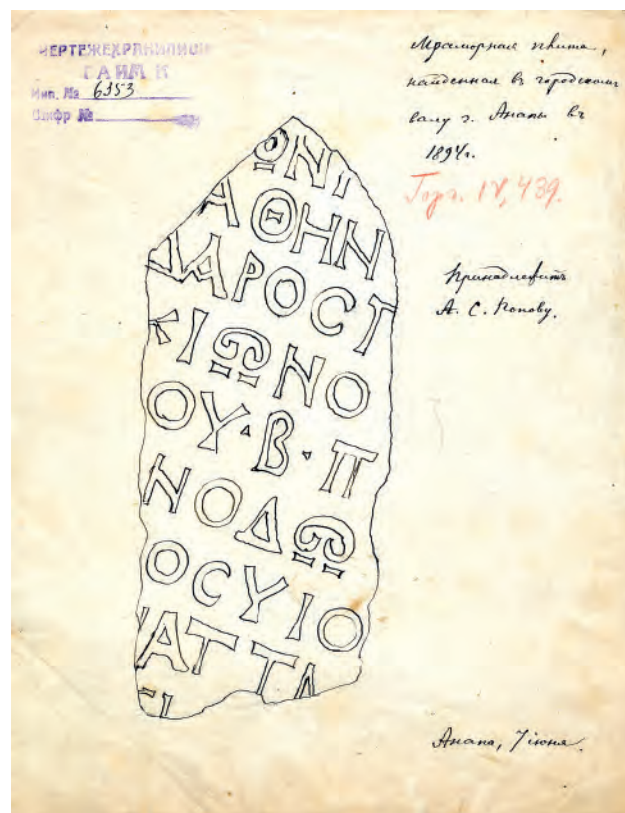

Рис. 4. Из личной коллекции А. С. Попова (КБН 1146): «Мраморная плита, найденная в городском валу г. Анапы в 1894 г.». Прорисовка Н. И. Веселовского

Fig. 4. From the personal collection of A. S. Popov (КБН 1146): "Marble slab found in the city bulwark of Anapa in 1894". Drawing by N. I. Veselovsky [НА ИИМК РАН. РО. Р-1. Оп. 1. Д. 819. Л. 3]

Хотя В. В. Латышев напрямую соотносит имя А. С. Попова только с тремя эпиграфическими памятниками — из его частной коллекции, внимательное прочтение предисловия к публикации и проработка архивного материала дали основание усмотреть участие податного инспектора в судьбе еще трех находок. Они были обнаружены в Анапе

находилась в Новороссийском музее, так как сведения о ней представлены косвенные, из сообщения Г. Ф. Чайковского; воочию Е. М. Придик ее не видел. Что касается В. Ф. Гайдукевича, то, вероятно, и ему было известно только о факте существования черепиц с такими клеймами, по крайней мере его рисунок воспроизводит клеймо из публикации В. В. Латышева. Чтобы прийти к окончательному заключению о количестве клейм с легендой Гор/γίπ/пов, обнаруженных исследователями в дореволюционное время, как представляется, необходимо обратиться к музейному экземпляру, уточнить его провенанс и соотнести его изображение с представленным на фотоснимке (см.: рис. 5).

Рис. 5. Пять обломков черепиц с горгиппийскими клеймами. Фото И. Ф. Чистякова 1909 г.

Fig. 5. Five tile fragments with Gorgypian stamps. Photo by I. F. Chistyakov, 1909

[НА ИИМК РАН. ФО. Нер. III 11359]

при неизвестных обстоятельствах, затем поступили в Екатеринодарский музей²⁰, где хранились до 1894 г., когда «при посредстве профессора С.-Петербургского университета Н. И. Веселовского присланы в Императорскую Археологическую Комиссию» (Латышев, 1895. С. 64). О дальнейшей судьбе памятников, а именно об их отправке в 1896 г. в Исторический музей, известно из указания В. В. Латышева в IV томе IOSPE (IOSPE IV. 433, 435, 438, комментарий на с. 243, 247, 252). Обстоятельства смены места хранения находок детально не рассматривались²¹. Между тем в документах ИАК содержится прямое указание на то, что изъятые из Екатеринодарского музея «мраморные плиты (в обломках) <...> доставлены А. С. Поповым» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 120. Л. 1). В течение года они находились в археологическом собрании Комиссии, а осенью 1896 г., дополненные еще несколькими обломками (всего 12 фрагментов), поступили на хранение в Исторический музей²² (Там же. Л. 2, 3).

Одна надпись²³ с прекрасно сохранившимся текстом принадлежит к надписям фиасов и датируется временем совместного правления Котиса III и Савромата III (Латышев, 1895. С. 64–66,

²⁰ Его коллекции легли в основу современного КГИАМЗ; Краснодар до 1920 г. именовался Екатеринодаром.

²¹ В лемме КБН 1180 дано некорректное описание: «обломок перевезен из Анапы Н. И. Веселовским в Екатеринодар, а оттуда в 1894 г. в Москву...» (КБН 1180, коммент. на с. 698).

²² Поступление эпиграфических памятников в Императорский Российский исторический музей (ИРИМ), а не в Эрмитаж, вероятнее всего связано со стремлением Исторического музея в лице А. В. Орешникова согласовать «принципы распределения археологических находок между двумя главными имперскими музеями». Тогда по итогам переговоров 1890–1891 гг. прийти к единому мнению представителям Эрмитажа, Исторического музея и ИАК не удалось (Мусин и др., 2019. С. 202; ср.: Переписка..., 2023. С. 45, коммент. 153). Известно, однако, что в 1890–1900-е гг. — во многом благодаря А. В. Орешникову — в собрании московского музея оказалось значительное количество эпиграфических находок (см. указатель надписей: Переписка..., 2023. С. 286–292).

²³ Хранится: ГИМ, 34153, Оп. Б 1781/34153. Примечательно, что, несмотря на указание места находки плиты, составители КБН, вероятно, усомнились в подлинности данных В. В. Латышева — в «Корпусе...» анапское происхождение плиты не указано (КБН 1230; КБН-Альбом 1230; ср.: Переписка..., 2023. С. 109, коммент. 326).

№ 1; IOSPE IV 433; КБН 1230; КБН-Альбом 1230). Другая надпись, состоявшая на момент публикации 1895 г. из шести обломков (Латышев, 1895. С. 67–69, № 3; IOSPE IV 435 а–f; КБН 1142 А–Е; КБН-Альбом 1142 А–Е), была дополнена впоследствии еще тремя фрагментами²⁴ (IOSPE IV 435 g, h, i; КБН 1142 Ж–И; КБН-Альбом 1142 Ж–И). Обстоятельства и время обнаружения нескольких обломков (КБН 1142 Г–Е) уточнены в письме В. В. Шкорпила В. В. Латышеву от 11 октября 1915 г.:²⁵ «Относительно IOSPE IV, № 435 сообщил мне весной этого года мой (В. В. Шкорпила. — П. Д.) знакомый, керченский врач грек К. Н. Кондопуло²⁶, бывший в 1890 году врачом в Анапе, следующее: против Анапской пристани, приблизительно на расстоянии 30 сажен от берега, находился прежде земляной вал, известный под названием „Башмак“. Когда в 1890 году срывали его для того, чтобы засыпать часть моря и расширить набережную, то нашли на глубине приблизительно 8 сажен мраморную статую, множество серебряных и медных монет, а также два обломка мраморной плиты с греческими буквами. Кондопуло передал мне (В. В. Шкорпила. — П. Д.) одну из копий, снятых тогда на месте раскопок [рис. 6], и обещал отыскать в бумагах и другую копию. Другой копии Кондопуло не удалось найти» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1915. Д. 241. Л. 4).

Третья надпись, состоящая из трех соединяющихся между собой обломков беломраморной плиты, является фрагментом списка имен

²⁴ Шесть фрагментов (КБН 1142 А, Б, Г–Е, И) хранятся под одним шифром (ГИМ, 34155, Оп. Б 1781/34155); КБН 1142 В, видимо, утрачен, хотя на момент публикации 1965 г. он был известен (КБН 1142, коммент. на с. 679 и КБН-Альбом 1142); фрагменты Ж и З «прежде находились в краснодарском музее, теперь утрачены» (КБН 1142, коммент. на с. 679).

²⁵ Составители КБН, приводя сведения о месте находки («в Анапе, в 1890 г., при разрытии земляного вала»), сделали ссылку на письмо В. В. Шкорпила В. В. Латышеву от 11 октября 1915 г., но без указания места его хранения (КБН 1142, коммент. на с. 679). Шифр был частично уточнен (без года — «РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4») комментаторами переписки В. В. Латышева и А. В. Орешникова (Переписка..., 2023. С. 109, коммент. 326). При подготовке публикации удалось установить корректный шифр хранения письма (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1915. Д. 241. Л. 3–4об.).

²⁶ В этом месте текста имелось примечание: «к моему (В. В. Шкорпила. — П. Д.) прискорбию покончивший месяц тому назад самоубийством».

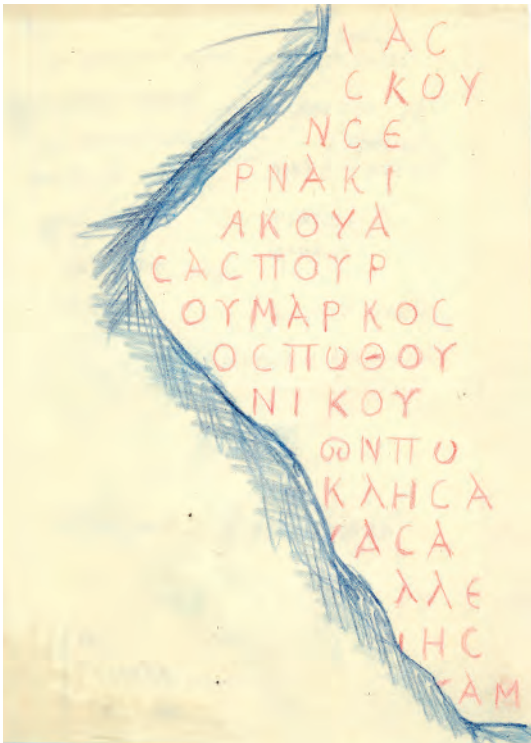

Рис. 6. Фрагмент мраморной плиты с греческой надписью, найденной в Анапе при нивелировке земляного вала в 1890 г. (КБН 1142 Г–Е). Рисунок врача К. Н. Кондопуло

Fig. 6. Fragment of a marble slab with the Greek inscription found in Anapa while plumbing the earthworks in 1890. (КБН 1142 Г–Е). Drawing by the doctor K. N. Kondopulo

[НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1915. Д. 241. Л. 5об.]

(Латышев, 1895. С. 69, № 4; IOSPE IV 438; КБН 1180; КБН-Альбом 1180).

В собрании научного архива ИИМК РАН сохранилась серия эстампажей (НА ИИМК РАН. РО. Р-П. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–8, 10–11), которые, по указанию составителей КБН, были сделаны В. В. Латышевым (КБН 1142, коммент. на с. 679). Оснований для этого утверждения, как представляется, нет — ни в одной из публикаций он не упоминает о собственноручном снятии эстампажей с этих надписей. Предположение о том, что указанные оттиски изготовлены не В. В. Латышевым, подкрепляется письмом последнего А. В. Орешникову от 15 декабря 1900 г. В нем В. В. Латышев сетует на то, что «к сожалению, не снял эстампажей (курсив мой. — П. Д.), не предполагая, что камни будут увезены из Петербурга». Желая проверить текст надписей, В. В. Латышев «с усерднейшим челобитием» просил московского коллегу изготовить эстампажи этих обломков (Переписка..., 2023. С. 109). Дан-

ное письмо, во-первых, подтверждает то, что сам В. В. Латышев эстампажи не снимал, во-вторых, указывает на возможного их автора — А. В. Орешникова²⁷, в-третьих, дает возможность уточнить датировку эстампажей: конец 1900 — первая половина 1901 г. (до публикации IOSPE IV).

Пояснений требует вопрос о количестве обломков. Из собрания ИАК в Исторический музей поступило 12 фрагментов горгиппийских плит, опубликованных В. В. Латышевым в 1895 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 120. Л. 2, 3). Если суммировать надписи, попавшие вначале в Екатеринодар, а затем в Петербург (а именно на них указано в письме А. В. Орешникову (Переписка..., 2023. С. 109)): КБН 1230 (1 фр.), КБН (3 фр.), КБН 1142 (6 фр.), то окажется, что «не хватает» двух обломков. При решении «математического» уравнения следует, по-видимому, опираться на эстампажи, изготовленные по просьбе В. В. Латышева. Они отложились в двух архивных делах, которые представляют в действительности единый комплекс документов²⁸, механически разделенный в ходе формирования и научно-технической обработки фонда²⁹. К этому мнению склоняют единообразное исполнение оттисков на идентичной бумаге, заголовки дел, нанесенные на эстампажи пометы. Помимо указанных надписей (КБН 1142 А–Е, 1180, 1230) имеются эстампажи с КБН 1142 И (НА ИИМК РАН. РО. Р-П. Оп. 1. Д. 217. Л. 1) и КБН 1129 Г (НА ИИМК РАН. РО. Р-П. Оп. 1. Д. 63. Л. 9). Число обломков, изображенных на оттисках, с учетом двух последних равно 12. Как представляется, именно в таком составе обломки горгиппийских плит поступили в собрание Исторического музея в Москве³⁰.

²⁷ А. В. Орешников «был вполне сведущ в практической эпиграфике», о чем свидетельствуют качественные эстампажи, по которым В. В. Латышев неоднократно публиковал эпиграфические памятники (Переписка..., 2023. С. XIX, XX, ил. 27, 34). Сличение эстампажей, достоверно принадлежащих руке А. В. Орешникова (ср., например: Переписка..., 2023. Ил. 27, 34), с эстампажами к КБН 1129, 1142, 1230 обнаруживает их стилистическое сходство.

²⁸ Всего листов 11, при этом на одном оттиске может содержаться изображение нескольких совмещенных между собой обломков; иногда с одного камня (обломков) снято по два оттиска (см. табл.).

²⁹ Об истории формирования собрания эстампажей и трудностях, связанных с его научно-технической обработкой, см.: Медведева, 2025.

³⁰ Дополнительный аргумент в пользу этой гипотезы можно усмотреть в едином шифре хранения для КБН 1142 А–Е и КБН 1142 И. Что касается КБН 1129 Г,

Таблица. Эпиграфические памятники, которые связаны с именем податного инспектора А. С. Попова

Table. Epigraphic monuments connected with the name of the assessor of taxes A. S. Popov

Номер по изданию				НА ИИМК РАН	Место хранения и шифр (при наличии)
Латышев, 1895	Латышев, 1898	IOSPE IV	КБН, КБН- Альбом		
II, № 41	–	№ 424	№ 1078	РО. Р-II. Оп. 1. Д. 67. Л. 1; РО. Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 47. Л. 154об.	ВКИКМЗ*. Инв. № КЛ-788
III, № 5	–	№ 439	№ 1146	РО. Р-I. Оп. 1. Д. 819. Л. 3	Из коллекции А. С. Попова. Утрачен
III, № 2 а	–	№ 434 а	№ 1129 А	РО. Р-I. Оп. 1. Д. 819. Л. 2	КГИАМЗ. Инв. № А-11
III, № 2 б	–	№ 434 б	№ 1129 Б	РО. Р-I. Оп. 1. Д. 819. Л. 1	Из коллекции А. С. Попова. Утрачены
III, № 2 с	–	№ 434 с	№ 1129 В		
–	№ 2 d	№ 434 d	№ 1129 Г	РО. Р-II. Оп. 1. Д. 63. Л. 9; ФО. Отп. Q 759/20; Нег. IV 938	КГИАМЗ. Инв. № А-11
–	–	№ 434 е	№ 1129 Д	РО. Р-I. Оп. 1. Д. 819. Л. 4	Утрачен
III, № 1	–	№ 433	№ 1230	РО. Р-II. Оп. 1. Д. 63. Л. 10, 11	ГИМ, 34153, Оп. Б 1781/34153
III, № 3 а	–	№ 435 а	№ 1142 А	РО. Р-II. Оп. 1. Д. 63. Л. 7, 8	ГИМ, 34155, Оп. Б 1781/34155
III, № 3 б	–	№ 435 б	№ 1142 Б	РО. Р-II. Оп. 1. Д. 63. Л. 3, 6	ГИМ, 34155, Оп. Б 1781/34155
III, № 3 с	–	№ 435 с	№ 1142 В		Утрачен
III, № 3 d	–	№ 435 d	№ 1142 Г	РО. Р-II. Оп. 1. Д. 63. Л. 4, 5	ГИМ, 34155, Оп. Б 1781/34155
III, № 3 e	–	№ 435 e	№ 1142 Д		ГИМ, 34155, Оп. Б 1781/34155
III, № 3 f	–	№ 435 f	№ 1142 Е		ГИМ, 34155, Оп. Б 1781/34155
–	–	№ 435 g	№ 1142 Ж		Утрачен
–	–	№ 435 h	№ 1142 З	–	Утрачен
–	–	№ 435 i	№ 1142 И	РО. Р-II. Оп. 1. Д. 217. Л. 1	ГИМ, 34155, Оп. Б 1781/34155
III, № 4	–	№ 438	№ 1180	РО. Р-II. Оп. 1. Д. 63. Л. 1; 2	ГИМ, 34156, Оп. Б 1781/34156

* ВКИКМЗ — Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник; ГИМ — Государственный исторический музей; КГИАМЗ — Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына.

Благодаря равнодушию отношению податного инспектора Кубанской области А. С. Попова к древностям региона научному сообществу стало известно об эпиграфических памятниках, находки которых в связи с усилением хозяйственной деятельности в Причерноморье во второй половине XIX в. приобрели массовый характер. По роду деятельности А. С. Попов часто совершал поездки по разным населенным пунктам Прикубанья, что позволяло получать сведения об археологических находках из первых рук. Проявлял он интерес и к древностям, обнаруженным на территории города (см.: Дрёмова, 2024. С. 41, 42), в результате чего сумел приобрести в личную коллекцию несколько обломков мраморных плит с древнегреческими надписями. Как просвещенный человек (который, однако, не был готов

передать артефакты своего собрания в музей), он желал обеспечить им место в науке. Прорисовки обломков плит, выполненные Н. И. Веселовским, послужили материалом для публикации В. В. Латышева. Близкое общение с таким деятельным и преданным археологии человеком, как Н. И. Веселовский, подталкивало А. С. Попова к оказанию посильной и безвозмездной помощи на благо науки, как это было в 1895 г., когда он доставил обломки плит из Екатеринодарского музея.

Помимо непосредственного участия в судьбе конкретных эпиграфических находок (см. табл.), обеспечившего ввод их в научный оборот, А. С. Попов принял активное участие в спасении и сохранении такого важного памятника лапидарного письма, как горгиппийский агонистический каталог (КБН 1137). Этот сюжет, требующий отдельного рассмотрения и публикации обширного изобразительного материала из фондов научного архива ИИМК РАН, станет логическим продолжением данной публикации.

то с учетом данных о его происхождении из коллекции А. С. Попова (см. коммент. 12) следует вообще поставить вопрос об обстоятельствах музейного перемещения камня и времени его попадания в фонды КГИАМЗ.

НА ИИМК РАН

Фотографический отдел (ФО)

Отп. Q 759/20: Случайная находка 1894 г. Эстампаж греческой (горгиппийской) надписи на обломке мраморной плиты (с именем Фарнака); Нег. IV 938: Случайная находка 1894 г. Эстампаж греческой (горгиппийской) надписи на обломке мраморной плиты (с именем Фарнака). Собр[ание] А. С. Попова; Отп. Q 759/38: Пять обломков черепиц с горгиппийскими клеймами.

Рукописный отдел (РО)

Ф. 1. Оп. 1. 1894. Д. 47: О древностях, открытых в Керчи, на склоне Митридата (на частной земле). 171 л.; 1895. Д. 120: О мраморных плитах с надписями, изъятых из Екатеринодарского Музея в 1894 г. 3 л.; 1915. Д. 241: Письма В. [В.] Шкорпила В. В. Латышеву (сообщения о местах, где находятся боспорские эпиграфические памятники). 31 л.

Ф. 33. Оп. 1. Д. 40: Testae Bosporanae [Боспорская черепица]. Клейма № 1–694. 150 л.

Р-I. Оп. 1. Д. 819: Надписи на мраморной плите, найденные в Анапе. 5 л.; Д. 63: Надписи с памятников, найденные в Анапе в 1894 г. 11 л.

Р-II. Оп. 1. Д. 67: Надпись с надгробия, найденного в 1894 г. в ст[анице] Таманской. 1 л.; Д. 217: Горгиппийская надпись с обломка мраморной плиты из Екатеринодара. 1 л.

РГАЛИ

Ф. 118. Оп. 1. Д. 972: Письма Попова А. С. Веселовскому Н. И. 21 л.

Гайдукевич, 1935 — Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора // Известия ГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 211–315.

Горончаровский, 2017 — Горончаровский В. А. Глава 6: Дело о Львином кургане // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 111–129.

Дрёмова, 2024 — Дрёмова П. С. Письма А. С. Попова к Н. И. Веселовскому: о роли одного любителя в истории археологии // Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. М. Т. Кашуба, М. В. Медведева, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 40–43.

Застрожная, 2020 — Застрожная Е. Г. Письма А. А. Бобринского, К. Е. Думберга и В. В. Шкорпила к В. В. Латышеву (в Санкт-Петербургском филиале архива РАН) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2020. № 1 (67). С. 164–174.

Кац, 2011 — Кац В. И. Производство черепицы в Горгиппии: история локализации и изучения // Античный мир и археология. Саратов: Научная книга, 2011. Вып. 15. С. 181–193.

КБН — Корпус боспорских надписей / Отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: Наука, 1965. 951 с.

КБН-Альбом — Корпус боспорских надписей. Альбом иллюстраций. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2004. XVI+432 с.: ил.+геогр. карты (вкладыш).

Латышев, 1895 — Латышев В. В. Древности Южной России: греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 годах. СПб.: Тип. Имп. академии наук, 1895 (МАР; Вып. 17). 86 с.

Латышев, 1898 — Латышев В. В. Заметки по древней географии северного побережья Черного моря. IV: О местоположении города Горгиппии // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. 320, ноябрь. С. 73–77.

Медведева, 2025 — Медведева М. В. Судьба разряда эстампажей из собрания ИИМК РАН от поступления в архив до составления первой описи // АВ. 2025. Вып. 48. С. 343–350.

Мусин и др., 2019 — Мусин А. Е., Медведева М. В., Платонова Н. И., Всевиов Л. М., Тихонов И. Л. Глава I: Очерк истории деятельности Императорской археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. В 2 т. Т. 1 / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 62–353.

Павличенко, 2020 — Павличенко Н. А. Российская эпиграфика после В. В. Латышева (1921–1941). I. Керамические клейма // АВ. 2020. Вып. 30. С. 301–311.

Павличенко, Прохорова, 2024 — Павличенко Н. А., Прохорова Т. А. Переписка В. В. Латышева и К. К. Косцюшко-Валюжинича в архивах Санкт-Петербурга и Севастополя // Проблемы истории, филологии, культуры. 2024. Вып. 4 (86). С. 308–316.

Переписка..., 2023 — Переписка А. В. Орешникова и В. В. Латышева. 1886–1920 / Вступительные статьи, составление, ред. П. Г. Гайдукова и Н. А. Павличенко; автор комментариев Н. А. Павличенко, при участии Е. В. Захарова. М.: ИА РАН, 2023. 298 с.

Сапрыкин, 2020 — Сапрыкин С. Ю. Боспорское черепичное клеймение // Труды исторического факультета МГУ. Серия 2 «Исторические исследования (112)». М.; СПб.: Изд-во РХГА, 2020. Вып. 175. 320 с.

Ткачев, 2024 — Ткачев А. Н. «Примите уверения в моем уважении и преданности...»: из переписки Н. И. Веселовского с заведующим Кубанским войсковым музеем И. Е. Гладким // Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н. И. Веселовского к современной науке... СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 44–46.

Тункина, 2002 — Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. 676 с.

IOSPE IV — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini. Vol. IV. Petropoli, 1901. X, 358 p.

The assessor of taxes A. S. Popov and his role in the fate of several accidental finds from Anapa in 1890s: traits to the history of studying the classical epigraphy

P. S. Dremova³¹

Keywords: ancient Greek epigraphy, Gorgyppia, Corpus of Bosporan Inscriptions, history of science, A. S. Popov, V. V. Latyshev, N. I. Veselovsky, 1890s

This article is devoted to the history of the existence and publication of several classical epigraphic monuments (KBH 1078, 1129, 1142, 1146, 1180, 1230). Their discovery and introduction into scholarly turnover were, in one way or another, connected with the name of A. S. Popov, an assessor of taxes of the Kuban region.

Through his good friend and *dacha* neighbor, N. I. Veselovsky, a member of the Imperial Archaeological Commission, he reported news of accidental finds in the region (for example, the discovery of KBH 1078; fig. 1). Living in Anapa, A. S. Popov oversaw the progress of construction and maintenance work and was one of the first to know about accidental finds, a large category of which constituted epigraphic monuments. Several fragments of marble slabs were acquired by A. S. Popov for his personal collection. These lapidary writing monuments were copied by N. I. Veselovsky and later introduced into scholarly turnover by V. V. Latyshev. These drawings are published for the first time (KBH 1129; fig. 2, 3; KBH 1146; fig. 4).

A. S. Popov also contributed to the fate of three more epigraphic monuments, which were found in Anapa and later came to the Yekaterinodar (Krasnodar) Museum. Thanks to A. S. Popov, it became possible to transport them from Yekaterinodar to St. Petersburg. Most of the fragments are currently housed in the State Historical Museum in Moscow. Estampages taken from fragments of these slabs are held in the collection of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the RAS. Epistolary sources let to elucidate the history of this complex of documents, which was compiled between the end of 1900 and the first half of 1901.

Thus, the study of this complex of office documentation, epistolary, and pictorial sources dedicated to random epigraphic finds of Gorgyppian origin allowed us to make a number of important source-study observations and clarify the details of research and publication practices in the late 19th and early 20th cent. (table).

---

³¹ Polina S. Dremova — Institute for the History of Material Culture of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg; e-mail: pdremova8@gmail.com.

Список сокращений

- АВ — Археологические вести. СПб.
АН СССР — Академия наук СССР.
БСВ — Балтийская система высот.
ВНК — Всероссийская нумизматическая конференция.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный исторический музей.
ИА — Институт археологии.
ИАК — Императорская археологическая комиссия.
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.
МАР — Материалы по археологии России.
МАЗ — Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИЦАИ — Международный институт центральноазиатских исследований.
НА ИИМК РАН — Научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук.
НАН — Национальная академия наук.
НГОМЗ — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник.
НМЗ — Новгородский музей-заповедник.
ННЗИА — Новгород и Новгородская земля. История и археология.
НОА — Научно-отраслевой архив.
ПАЖМИ — Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология.
РАИМК — Российская академия истории материальной культуры.
РАН — Российская академия наук.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
РО — рукописный отдел.
СА — Советская археология.
САИ — Свод археологических источников.
Сб. ст. — сборник статей.
СО — Сибирское отделение.
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
ТДС — Тезисы докладов и сообщений.
ТТЗ — Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья.
ФО — фотографический отдел.
ЦСА ИИМК — Центр спасательной археологии Института истории материальной культуры.
ЦГА СПб. — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.
ЦГАЛИ СПб. — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.
CIRB — Corpus Inscriptionum Regni Bosporani.

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 49

Главный редактор: Н. В. Хвощинская
Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191181, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, лит. А, каб. 307
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-83461 от 24.06.2022,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ299 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 30.11.2025. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 27,75. Тираж 60 экз. Заказ № 933.
Дата выхода: 10.12.2025

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «А-ЭЛИТ»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67, пом. БМ10737

Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

Archaeological news

— 49 —

